1930/w21
Ж 283
41

Т 28 3/41

Т 28 3/41

НАРОДОВОЛЬЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

ДМИТРИЙ КУЗЬМИН

ПОСЛЕСЛОВИЕ
В. ФИГНЕР

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТКАТОРЖАН
1930

ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
—И—
ССЫЛЬНО-
ПОСЕЛЕНЦЕВ

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

ВОСПОМИНАНИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ
ДОКУМЕНТЫ И ДР. МАТЕРИАЛЫ
ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО
ПРОШЛОГО РОССИИ

1 9 3 0
№ 2 (LI)

МОСКВА

ДМИТРИЙ КУЗЬМИН

Т 28 3/41

НАРОДОВОЛЬЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

С ПОСЛЕСЛОВИЕМ
В. ФИГНЕР

1090

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

420547

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
420547

Главлит № А 70696 Заказ 1042 Тираж 5000

Книжная ф-ка Центриздата Народов СССР. Москва,
Шлюзовая набережная, 10.

ОТ АВТОРА

Так как предлагаемая работа о народовольческой журналистике имеет главным образом библиографический характер, то здесь необходимо указать, при каких условиях она выполнялась и какие издания «Народной Воли» в ней приняты во внимание.

Газета «Народная Воля» была переиздана в 1905 году в Париже почти полностью, составляя главное содержание сборника «Литература партии Народной Воли». Сборник составлялся покойным В. Я. Богучарским, а издан был на средства одной из тогдашних партийных организаций.

В 1907 году тот же самый сборник появился в России, в Москве и Ростове-на-Дону. Главный недостаток всех этих трех изданий — парижского, московского и ростовского — это их неполнота. Так, во всех трех изданиях отсутствует целиком «Листок Народной Воли» № 3, выпущенный З. Б. Коганом и В. Г. Богоразом в тульской типографии в начале 1886 года, Есть в них и еще некоторые пробелы. Ростовское издание, правда, несколько полнее, чем парижское и московское (ср., напр., стр. 113—114 ростовского издания и стр. 315—316 московского), но зато в него введен ряд пропусков цензурного характера, которых нет в двух других и которые его значительно обесценивают. Обстоятельства сложились так, что из трех указанных изданий в моем распоряжении совсем не было парижского, затем имелся только второй выпуск ростовского и целиком одно московское. Привожу поэтому его полный заголовок по титульному листу: «Литература партии Народной Воли». Москва, 1907 г. Цена 2 рубля. Издатель не указан. Типография А. П. Поплавского, Лялин пер., соб. дом. Стр. 491, по два столбца на странице.

Все сделанные в моей работе исчисления цифрового характера относятся к этому изданию. Каждый столбец в нем принят равным 2100 буквам (печ. знакам). Исчисления эти, раз-

умеется, приблизительны и имеют только ориентировочное назначение.

Кроме московского издания «Литературы партии Народной Воли», в моем распоряжении находился в типографском подлиннике № 4 «Народной Воли», напечатанный на Подольской ул. в декабре 1880 года у Грачевского и Ивановской. Затем я имел также музейные фотографии первых страниц нескольких «Листков» и № 10 «Народной Воли». Главное же, я располагал самым подробным и тщательно исполненным библиографическим описанием всех номеров «Народной Воли» и ее «Листков»—кроме опять-таки № 3 за 1886 год, статьи в котором мною таким образом совсем не учтены, — с указанием размера номеров, формата, расположения материала, с пометками, каким шрифтом была напечатана какая именно статья или заметка, и с учетом вообще технических средств каждого номера. Эти описания были составлены по тем номерам «Народной Воли», которые оказались в наличности в Ленинградском Музее Революции и в библиотеке Академии Наук. Разумеется, они, вместе с типографским подлинником № 4-го, сыграли большую подсобную роль в моей работе.

Необходимо еще указать, что под народовольческой журналистикой я разумею в данном случае исключительно газету «Народная Воля», выходившую внутри России, и совершенно не касаюсь «Вестника Народной Воли», как издания заграничного и преследовавшего совсем другие цели.

Не принята мною во внимание также «Рабочая Газета», как орган чисто популярный и в то же время имевший специальное назначение. В самом тексте своей работы я упоминаю только о передовой статье в № 1 «Рабочей Газеты», как принадлежащей А. И. Желябову.

Прибавлю еще, что доказывать здесь необходимость чисто библиографического изучения народовольческой журналистики я не считаю нужным. Революционная библиография дает ключ к пониманию всей публицистики «Народной Воли». Доказательством этого является все содержание предлагаемой работы.

Февраль 1930 года.

ГЛАВА I

НАРОДОВОЛЬЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА И ЕЕ ИЗУЧЕНИЕ

1. Газета «Народная Воля» в цифрах.

В литературе о «Народной Воле» существовал до самого последнего времени большой пробел: не было ни одной работы, специально посвященной народовольческой журналистике. Почти все отрасли народовольческой деятельности получили за эти 50 лет то или другое освещение, а зачастую являлись даже предметом кропотливых документальных исследований. Террористическая борьба, военная организация, пропаганда среди рабочих, провокатура в лице дегаевщины, переговоры с правительством и роль в них Священной Дружины, тюрьмы—Кара, централы, Шлиссельбург, наконец, личный состав Исполнительного Комитета — все это служило предметом внимания либо исследователей и архивных работников, либо мемуаристов. Но совсем в другом положении оказалась народовольческая журналистика: о ней нет ни одной работы, ни мемуарной, ни исследовательской, за исключением небольшой статьи А. Н. Александровского — «Периодические издания партии Народной Воли» [1], ни в каком, однако, отношении не исчерпывающей этой темы.

[1] См. „Голос Минувшего“, № 7-8, авг. 1917 г., стр. 212—225. К сказанному в тексте необходимо сделать следующую оговорку. После того как предлагаемая читателю работа была уже закончена, появилась в №№ 8—9 „Каторги и Ссылки“ за 1929 г. большая статья И. А. Теодоровича, почти целиком посвященная народовольческой журналистике. С другой стороны, почти одновременно со статьей И. А. Теодоровича кружком народовольцев были разосланы особые „Тезисы к юбилею Народной Воли“, в которых, напротив, о журналистике „Народной Воли“ нет ни слова, хотя все другие стороны народовольческой деятельности перечисляются подробно (см. § 11 исторической схемы для докладов).

Такое отсутствие специальных работ о народовольческой журналистике тем более странно, что ни одна другая партия за все 100 лет существования русского революционного движения не создала столь богатой журналистики, выходившей внутри России, и не собирала вокруг нее таких крупных литературных сил, как «Народная Воля».

В общей сложности народовольческая журналистика охватывает период напряженной подпольной работы в целые шесть лет, с сентября 1879 года по октябрь 1885-го. За все это время народовольческая газета выходила в свет большими тетрадями, размером в среднем 22 на 28 см, приблизительно такого формата, как современные еженедельники «Нива» или «Огонек» или какого раньше была гайдебуровская «Неделя». Таких номеров вышло всего 12, из них два двойных — № 8-9 и № 11-12. Текст в них печатался в два столбца, с соблюдением всех типографских правил. Корректура была безукоризненная.

Первые номера «Нар. Воли», вплоть до 5-го, имели одну общую нумерацию, в среднем по 20 двухстолбцовых страниц на каждый номер, или по 40 колонок. Так как колонка петита давала в «Нар. Воле» до 5000 букв (точнее 4900), а колонка корпуса от 3000 до 3200, то, следовательно, страница, напечатанная этими двумя шрифтами, содержала до 8000 букв, то-есть равнялась по крайней мере трем страницам с лишним современного журнального образца [1].

При таком наборе весь номер, в переводе на журнальный формат, принял бы вид компактной брошюры в 60 или 65 страниц сплошного текста.

Для подпольного периодического органа, издающегося внутри России, эта величина небывалая, даже и в позднейшее время. «Народная Воля» с этой точки зрения должна быть названа собственно не газетой в точном смысле такого слова, а настоящим журналом, выходившим в свет с поразительной правильностью, несмотря на самые жестокие правительственные гонения и репрессии.

Но этими цифрами еще не выражается общий тираж «Народной Воли». Кроме основных десяти номеров, при газете выходили особые «Листки» — в 1880, 1881, 1883 и 1886 годах, — которые так и назывались: «Листки Народной Воли». Всего их вышло 7. Даты их выхода определялись моментами разгрома основных типографий или необходимостью спешно их

[1] Для большей точности отметим здесь, что печатный лист содержит 40000 букв, или 16 страниц обычного формата по 2500 букв (печатных знаков) на странице.

ликвидировать по конспиративным соображениям. Так, после разгрома типографии в Саперном переулке, чтобы не оставлять партию без литературного руководства, было выпущено три «Листка» — в июле, августе и сентябре, — пока, наконец, не была восстановлена полностью сама «Народная Воля». Так же произошло в 1881 году, при перенесении партийного центра в Москву, и в 1883 году, в эпоху дегаевских предательств. Если принять во внимание эти три (или даже четыре) серии «Листков», то получится, что вместе с ними народовольческая журналистика заключала в себе 17 номеров журнала (10 основных и 7 «Листков»). При этом средний размер каждого из основных номеров достигал, как это было упомянуто выше, до 65 страниц, а средний размер каждого из «Листков» — до 20 страниц при переводе на обычный журнальный формат.

Если мы подсчитаем теперь количество печатных знаков и страниц (из того же расчета — по 2500 букв на 1 страницу) во всех номерах «Народной Воли» и в «Листках», то в общей сложности основные номера составят том в 659 страниц, а «Листки» — в 136 страниц. Всего же газета «Народная Воля» и «Листки» дадут 800 страниц текста, полного самого разнообразного материала.

В качестве партийного органа «Народная Воля» обращала на себя внимание прежде всего своею внешностью. Теперь трудно даже поверить, что это был нелегальный орган, напечатанный в подпольной типографии в самых тяжелых условиях. Особенно поражало обилие шрифтов, которыми газета набиралась. Напр., № 4 «Нар. Воли», работа над которым шла еще в более неблагоприятных условиях, чем над первыми тремя, имел тем не менее 12 разных шрифтов, считая и заголовки, но не считая так называемых концевых линеек, которыми отделялась одна статья от другой. По словам Льва Тихомирова, в типографии в Саперном пер., где печатались первые три номера газеты, было шрифта 12 пудов, а по словам обвинительного акта по делу 16-ти, шрифта там оказалось даже вдвое больше. «Шрифт в кассах, пачках, наборе и в сыпи — более 23 пудов»[1], — так говорится в этом документе. «Мы своего шрифта не взвешивали, — пишет по поводу таких справок Н. К. Бух, бывший хозяин типографии в Саперном пер., а жандармы, надо палгать, взвесили, и думаю, что их сведения

[1] Ср. также в „Хронике" ген. Шебеко: „Нашли около 370 килогр. шрифта, превосходный типографский станок (американской системы), который мог отпечатывать 100 листов в час, типографскую кассу и инструменты".

самые точные»[1]. При умелом распределении этого огромного для нелегальной типографии запаса шрифта по отдельным статьям, «Народная Воля» получала даже вид «изящно изданного журнала»[2], что, разумеется, оказывало большое психологическое впечатление на читателя и говорило о большой силе партии.

Еще более замечательны следующие цифры, характеризующие масштаб подпольной работы народовольческой журналистики.

В своих показаниях на допросах по делу 16-ти террористов А. А. Квятковский дал такую справку о газете «Народная Воля».

«Народная Воля» выходила в свет в количестве 2500 экземпляров, которые распространялись настолько успешно, что существовавший на них запрос не мог быть удовлетворен. Деньги, выручаемые от продажи газеты, вполне покрывали издержки издания»[3].

Квятковский говорит здесь о первом номере газеты, который вышел до его ареста. «Сообщенные им сведения приблизительно, насколько помню, верны, — комментирует эту цитату Н. К. Бух, — но они относятся только к первому номеру. Затем, после его ареста, количество экземпляров вследствие большого спроса было несколько увеличено, и газета, надо полагать, печаталась в 3 тыс. экз. Сверх того 2 экземпляра пе-

---

[1] Из неопубликованного письма от 18 янв. 1929 г. Шрифт, которым печаталась „Нар. Воля", имеет, кроме того, свою любопытную историю. Это был тот самый шрифт, которым печаталась газета „Начало" и „Земля и Воля". „Это я твердо помню, — говорит Н. К. Бух в том же письме, — так как работал при организации этой типографии и при печатании всех трех газет и, выражаясь гиперболически, помню каждую шрифтинку в них. При организации же типографии для газеты „Начало" был куплен шрифт № 11 у наборщика типографии Вольфа в количестве 10 пудов. Затем Зунделевич привез из-за границы все остальные типографские принадлежности, а в том числе шрифта: № 10 около пуда, № 8 фунтов 30 и около 20 фунтов разных крупных шрифтов для заглавий. Было еще около 1 фунта иностранного шрифта". Ср. с этим стр. 345 и сл. книги С. Ф. Либровича „На книжном посту" (изд. М. О. Вольфа, Петерб., 1916 г.), главу „К истории Земли и Воли", об обыске в типографии Вольфа, который был вызван как-раз тем фактом, что шрифт у Вольфа и в типографии „Земли и Воли" оказался идентичным. Об этом же обыске см. в хронике арестов в самой „Земле и Воле".

[2] См. указанн. ст. Александровского, стр. 212. Ср. также в „Хронике революционного движения" ген. Шебеко (изд. 1907 г.).

[3] Показание А. А. Квятковского. См. в „Деле Особого присутствия Сената", № 39. Дознание о взрыве 5 февраля в Зимнем дворце, лист 197. Цит. по ст. С. Н. Валка „Автобиографическое заявление А. А. Квятковского". См. „Кр. Арх.", т. XIV.

чатались на особо прочной бумаге: 1 экземпляр опускался в ящик Императорской Публичной Библиотеки, а другой отсылался через посыльного и французского посла в Национальную Парижскую Библиотеку, по ее просьбе. Точное название библиотеки, впрочем, не помню».

После ареста типографии в Саперном пер., о котором говорят и Бух, и Квятковский, «Народная Воля» стала печататься в типографии на Подольской ул., д. 42, где хозяевами были М. Ф. Грачевский, П. С. Ивановская и Л. Терентьева. О тираже газеты за это время сообщает П. С. Ивановская в своих воспоминаниях «Первые типографии Народной Воли», не так давно напечатанных в «Каторге и Ссылке»[1]. «Накануне выхода четвертого номера «Народной Воли» от 4 декабря, — пишет П. С. Ивановская, — М. Ф. Грачевский оставался дома, и все работники копошились у печатного станка. Мих. Фед. (Грачевский) сам пожелал оттиснуть последние страницы номера. Благодаря сильному нжиму жилистых рук вал быстро с шумом пробежал в последний раз. Сняли осторожно лист. Грачевский с заметным волнением в голосе громко проговорил:

— Страна пробуждается... Да здравствует Народная Воля!

И руки всех с радостным смехом потянулись к еще влажным экземплярам номера 4-го — это был первый номер органа «Народной Воли», после вышедших трех номеров в типографии в Саперном пер. 5 дек. 1880 года рано утром большая часть (2000 экз.) отпечатанного номера была унесена «Семеном», остальную часть утром же взяли Исаев и М. Грачевский»[2].

Из этого отрывка видно, что общий тираж 4-го номера был, очевидно, значительно более 2000 экз., надо думать — не менее 2500 или даже 3000 экз., что вернее.

Такие же показания есть и о дальнейших номерах «Народной Воли». Ниже 2000 экземпляров она никогда не спускалась[3], даже в самые тяжелые моменты своего существования, и нередко поднималась до 3000, в среднем же выходила при-

---

[1] См. № 3 за 1926 г., или по общей нумерации кн. XXIV. Статья П. Ивановской, на стр. 32—58.

[2] См. указанную статью П. С. Ивановской. „Семен“ — это А. И. Баранников.

[3] Некоторые разногласия у мемуаристов вызывает только тираж № 11-12 „Нар. Воли“. А. Н. Шехтер пишет: „Несмотря на частый недостаток средств и огромные трудности в доставке материалов для типографской работы, главным образом бумаги, небывалый до тех пор по об'ему номер 11-12 был сброширован в количестве 2 000 экз.“ (сб. „Народовольцы после 1 марта“, стр. 136). Напротив, З. В. Коган в своей заметке „О работе та-

близительно в 2500 экз. Это даст до 25000 экз. во всех 10 номерах (в десяти, так как два номера, как это мы указывали уже, были двойные), или в общей сложности, не считая даже «Листков», до 100 тыс. печатных листов, из расчета, что на номер приходилось от 3,5 до 4 печатных листов.

2. Цифровой учет литературного материала.

Для того, чтобы охарактеризовать этот материал с точки зрения его внутренней ценности, далеко не безразличной, конечно, для историков «Нар. Воли», возьмем еще следующие цифры, но тоже суммарного характера.

За все время существования «Народной Воли» и «Листков» в них было напечатано под отдельными заглавиями 161 статей, заметок и обзоров, причем из этих обзоров некоторые составляли в свою очередь целые коллекции отдельных набросков и разного рода других произведений информационного характера. Следовательно, количество всех статей и заметок на много превосходило бы [1] цифру 161, если бы взять их каждую в отдельности.

Затем, из общего числа 161 статей и обзоров не меньше 55 имели программно-политический характер и являются доси пор незаменимым материалом для суждения о народовольческой идеологии.

По своему характеру это не были мимолетные заметки газетного типа, а скорее они подходили к типу небольших журнальных статей [2]. Об этом мы опять-таки можем судить по их цифровой характеристике. Так, если мы выделим из всех программно-политических статей одни только передовые статьи, наиболее, конечно, в данном случае важные, то получим следую-

---

ганрогской и новочеркасской типографий партии „Нар. В.“ (не напеч.) дает цифру тиража № 11-12 в 1000 экз. Нужно сказать, впрочем, что мемуаристы (Коган, Оржих, Кулаков) разногласят между собой не только в цифре тиража, но и в том, в какой типографии печатался этот номер, — таганрогской или новочеркасской.

[1] Именно на 56 статей и заметок.

[2] Такой же журнальный характер носили и многие отдельные статьи в „Нар. Воле“. Так, в № 8-9 статья „Тюрьма и ссылка“ заключает в себе 49 000 букв, т.-е. равняется почти 20 стр. обычного формата. В том же номере две передовые статьи имеют — одна 12 тыс. букв, другая — 31 тыс. В № 7 речь Федоровского занимает 33 тыс. б. Такого же размера биографические заметки о Вал. Осинском в № 2 и обзор событий в № 1 (в обоих по 32 тыс. б.) Словом, народовольческие журналисты могли не стеснять себя, особенно там, где это требовалось, размерами своих работ, что давало им возможность с наибольшей полнотой развивать свои мысли.

щие цифры. Всего в «Народной Воле», в десяти номерах, было напечатано 13 передовых статей (в некоторых из десяти номеров помещалось по две передовые статьи), которые в общей сложности занимали 210 тыс. печ. знаков [1]. Иначе говоря, на каждую передовую статью падает в среднем 16 000 печ. знаков или, при переводе на книжный формат, 6—7 страниц обычного текста. Особенно больших отклонений от этой нормы не было — так, в первых трех номерах все передовые статьи строго однотипны, хотя и принадлежат разным авторам. Размер их колебался в пределах 17—19 тыс. печатных знаков. В остальных 6—7 номерах они то падали до 10—11 тыс. букв, то поднимались до 15—17 тыс., и только в двух случаях дошли до 31 тыс. букв и до 20 тыс., но это было уже в самых последних номерах «Народной Воли». В общем же тип передовой статьи в «Народной Воле» был строго выработан и держался однажды определенных рамок.

Замечательно, что совершенно такие же цифры дают передовые статьи и в «Листках Народной Воли». В пяти передовых статьях этих «Листков» содержится 81 000 печ. знаков [2], что дает на каждую статью опять-таки 16 000 печ. знаков, или те же 6—7 страниц обычного формата.

Вариации в размерах отдельных статей здесь точно также не бóльшие, чем в основных номерах «Народной Воли». Там наибольшие отклонения определялись цифрами в 11 тыс. и 31 тыс., и здесь мы встречаем буквально то же самое: наибольшая статья — в № 1 «Листка» за июнь 1880 г. — в 31 тыс. букв, а неименьшая — в следующем втором «Листке» — в 11 тыс. букв. Общий же характер статей как там, так и тут одинаковый, хотя опять-таки принадлежат они разным авторам.

Исходя из этой однотипности программно-политических статей в «Народной Воле» и в «Листках», мы можем сказать, что имеем здесь дело не с диллетантами революционной публицистики и не со случайными сотрудниками, а с профессиональными революционными литературными работниками, руководимыми притом опытным в литературной практике редакционным коллективом. Если этот вывод верен, — а мы еще будем иметь многократные случаи подтвердить его, — то, следовательно, тем больший интерес представляет народовольческая журналистика как материал для изучения народовольческой идеологии.

---

[1] Приблизительно 85 стр. обычного формата.
[2] Приблизительно 32 страницы.

Что касается остальных произведений в «Народной Воле» и в «Листках» [1] — не программного характера, то они представляют собою разного рода информационные сообщения, из которых многие, несмотря даже на свою краткость, имеют большую ценность для общей истории революционного движения 70—80-х гг. и ждут еще своих исследователей. Народовольческая журналистика таким образом представляет огромные залежи настоящего сырого материала, оставлять который без самого тщательного изучения было бы преступлением, с общенаучной точки зрения. Тем более, следовательно, странно, что она не только не изучалась до сих пор, но даже ей не было посвящено ни одной специальной работы.

3. Анонимность народовольческой журналистики.

Современный исследователь народовольческой журналистики не может обратить внимания еще на одну ее отличительную черту: вся та масса статей, которая печаталась в «Народной Воле», начиная от самых ответственных и кончая какими-либо хроникерскими заметками, помещалась там без всякой подписи, анонимно, или в редких случаях под псевдонимами, настолько, впрочем, законспирированными, что они ничем не отличались от анонимов [2].

Эта склонность к анониму, столь типичная для публицистов «Народной Воли», объяснялась отнюдь не тем только, что народовольческая журналистика была сплошь подпольной. Не только этим, так как склонность к анониму составляла вообще отличительную черту всей народнической литературы 70-х годов. Даже в таком совершенно легальном журнале, как «Отечественные Записки», где авторам почти не было никакой особой нужды маскировать, а тем более совсем скрывать себя, огромная часть статей — притом, как и в «Народной Воле», самых ответственных сотрудников — печаталась не только под псевдонимами, но нередко без всякой подписи.

Столь широко распространенная склонность к анониму, порою возводившаяся в 70-х гг. даже в настоящий догмат (например, Г. З. Елисеевым), объяснялась общими условиями и

---

[1] Всего их будет около 160, если брать их каждое в отдельности.

[2] Под псевдонимами были напечатаны: „Политические письма социалиста“ Гроньяра, в №№ 2 и 3 „Народной Воли“; статья „Из деревни“ Кудряшева, в №№ 1 и 5; статья „Политическая революция и экономический вопрос“ А. Дорошенко, тоже в № 5 „Нар. Воли“. Сами по себе эти псевдонимы были абсолютно непроницаемы для читателей.

общим настроением того времени, а не какими-либо частными причинами. Народнические писатели эпохи 60-х и 70-х гг., начиная еще с Добролюбова и Чернышевского, охотно топили свою личность в великом безымянном коллективе, к которому они, по их сознанию, принадлежали; поэтому не я, а безличное мы стояло у них на первом плане. На почве такого стремления к верховной власти коллектива стояли несомненно и сотрудники «Народной Воли». Отсюда и проистекала их анонимность, лишь усугубляемая специфическими условиями подпольной журналистики. Но отсюда же сама собой вытекает и основная предварительная задача всякого серьезно поставленного изучения народовольческой журналистики: сделать попытку раскрыть всех ее анонимных авторов.

Такая попытка диктуется, конечно, не праздным любопытством не знающих куда приложить свои силы исследователей, а гораздо более серьезными соображениями, строго научного характера [1]. Современный исследователь газеты «Народная Воля» как исторического документа находится в этом отношении далеко не в таком положении, как ее читатели 50 лет тому назад. Если в глазах тогдашних читателей «Народной Воли» был важен прежде всего именно тот коллектив, который газетой представлялся, и сообразно этому ими обращалось внимание не столько на то, кто пишет, сколько на то, что пишется, то мы теперь находимся в другом положении. Авторы статей в «Народной Воле» для нас так же и столь же важны, как и идеи, которые ими защищались. Определяя, кто был сотрудником основного народовольческого печатного органа, мы тем самым определим глубину и серьезность охвата народовольческими идеями наличных интеллектуальных сил страны, а также глубину проникновения их в научно-теоретическую работу тогдашней литературы. Вот почему эта чисто библиографическая, а по своему характеру подсобная и предварительная,

---

[1] К каким крупным недоразумениям может повести неправильное определение авторов анонимных статей, показывает пример работы В. И. Ленина „Экономическое содержание народничества“ (см. т. I соч., изд. 1926 г., стр. 231—382). Первая часть этой статьи посвящена подстрочному комментарию к очерку „Новые всходы на народной ниве“, напечатанному в 1879 г. в „Отеч. Зап.“ без подписи автора. Ленин предполагал, что автором был в этом случае Г. З. Елисеев и, исходя из этого, писал свою статью. „Ульянов брал для образца Г. З. Елисеева“, говорит Мартов в „Записках соц.-дем.“ (стр. 30) и в предисловии к своей книге „Общественное движение в России“. (Л. 1924). О том же см. в примечании к I т. соч. Ленина, стр. 533—34. Но автором „Новых всходов“ был не Елисеев, а С. Н. Кривенко. Если бы Ленин знал это, то вся его статья была бы несомненно построена совсем иначе, чем теперь.

работа получает при таких условиях серьезное программное и политическое значение. Наука и политика, литература и революция оказываются и в этом случае неразрывно связанными целой сетью взаимно переплетающихся нитей.

К каким результатам мы пришли при этом библиографическом изучении народовольческой журналистики, читатель может увидеть из двух серий материалов, напечатанных у нас ниже. Одной из них является «Алфавит сотрудников газеты «Народная Воля», в состав которого входит около 70 имен (даже несколько больше). Это имена людей, так или иначе, в той или другой степени причастных к составлению и к изданию народовольческой журналистики. Здесь имеется подробный перечень как редакторов этой газеты, так и сотрудников, в частности почти всех авторов программно-политических статей, наиболее, конечно, важных при оценке народовольческой идеологии. Затем в тот же «Алфавит» входят и все те, кто работал в подпольных народовольческих типографиях над набором и печатанием партийного органа. Таким образом этот «Алфавит» дает учет интеллектуальных сил народовольческой журналистики, поскольку, разумеется, его можно было сделать при современном состоянии революционной библиографии.

Вторым нашим приложением является особый «Справочник» к подробному содержанию всех номеров «Народной Воли». За основу к нему взято оглавление как к самой газете, так и к «Листкам». В этом «Справочнике» приведены указания, кому именно принадлежит каждая данная статья или заметка, причем эти указания даны во всех случаях, где только оказывалось возможным это сделать с недопускающей сомнений точностью. В общей сложности ими охватывается не менее 80% всего материала.

Если мы теперь станем ближе рассматривать как «Алфавит», так и «Справочник», то увидим, что общее количество авторов наиболее ответственных статей в этом журнале определяется цифрой в 20—25 человек [1]. В среднем это дает по 2—3 ответственных сотрудника на каждый номер, что представляет в условиях подпольной журналистики, да еще 50 лет тому назад, большой уровень литературной обеспеченности журнала наличными силами. Чтобы характеризовать это конкретнее, посмотрим ближе, какие сотрудники и в каком количестве принимали участие хотя бы в первых трех или четырех номерах «Народной Воли», наиболее для нее типичных. Так, в пер-

[1] Собственно несколько большей, но мы берем ее заведомо в преуменьшенном размере.

вом номере «Народной Воли» мы имем не меньше четырех программных статей: передовую статью — Льва Тихомирова; «Письмо из деревни», о котором мы только что упоминали, — А. И. Иванчина-Писарева; статью о циркуляре Макова — С. Н Кривенко и заявление «От редакции», которым номер открывается, — Н. А. Морозова [1]. Таким образом — четыре программных статьи четырех авторов.

Приблизительно ту же картину дает и № 2 «Народной Воли». Передовая статья там принадлежит Н. А. Морозову; «Политические письма социалиста»—Н. К. Михайловскому; статья «На чьей стороне нравственность»—Льву Тихомирову. Три программных статьи трех авторов.

В третьем номере напечатана полностью программа Исполнительного Комитета — замечательный документ той эпохи, составлявшаяся коллективно. Затем снова идут «Политические письма социалиста» Михайловского и передовая статья Льва Тихомирова, а также его же статья «Кошачий концерт». К числу программных статей в этом номере может быть также отнесено «Письмо одного из французских социалистов», автор которого остается неустановленным. В целом, таким образом, это дает три или четыре программных статьи трех авторов.

В позднейших номерах к этому основному кадру присоединяются на роли ответственных сотрудников еще новые лица: А. П. Корба, Н. И. Кибальчич, В. А. Жебунев, М. Ф. Ланганс — это в первых 5 номерах, а еще позже, с 6-го номера— В. С. Лебедев и Г. Г. Романенко, и, наконец, Г. А. Лопатин (в № 10), а в № 11-12—Л. Я. Штернберг и В. Г. Богораз-Тан.

Из этой же справки, как она ни кратка, мы можем сделать еще одно обобщение. Мы знаем уже, что из общей массы 161 статьи и заметок насчитывается в «Народной Воле» не менее 55 программно-политических статей. Теперь из перечня ответственных сотрудников, который нами только что сделан, мы видим, что авторы этих программно-политических статей устанавливаются почти целиком, или если не целиком, то за самыми малыми исключениями. Этот результат представляет несомненно крупное достижение революционной библиографии, чреватое притом большими возможностями при оценке народовольческой идеологии.

Затем, из тех же фактов, которые приведены выше, можно сделать и еще один вывод: из нашего перечисления ответствен-

---

[1] Все эти произведения напечатаны анонимно, кроме „Письма из деревни“, которое подписано псевдонимом „Кудряшов“

ных авторов видно, что в «Народной Воле» с самого первого номера, на самых ответственных темах встречаются одинаково как легальные, так и нелегальные писатели, причем из числа первых особенно крупное место сразу занимает «Гроньяр» — Н. К. Михайловский.

4. Роль сотрудников «Народной Воли» в легальной журналистике.

В дальнейшем изложении нам еще придется подробно ознакомиться с той ролью, которую Михайловский играл в «Народной Воле» (имея в этом случае в виду больше газету, чем партию), и мы тогда увидим, какие серьезные политические выводы позволяет порою сделать чисто библиографическая работа. Но касаться вплотную в данный момент этой темы мы не станем, а ограничимся лишь самыми необходимыми, в порядке общего изложения, замечаниями.

Прежде всего нам необходимо указать здесь на роль Михайловского в том отношении, которое только что нами отмечено, — на установлении тесной связи между легальными и нелегальными писателями. Такому объединению Михайловский придавал очень крупное значение, и он даже выработал тогда целый «план», как это говорит А. И. Иванчин-Писарев [1], систематического использования с революционными целями легальных журналов. Это должно было достигаться путем введения во все тогдашние крупные радикальные органы печати своих людей. В главной литературной цитадели народничества 70-х гг. — в «Отечественных Записках» — эту роль Михайловский брал на себя и действительно он выполнял ее там самым энергичным образом. Легальные, вплоть до чисто теоретических, статьи самого Михайловского, публицистические, литературно-критические и чисто социологические, написанные в период от 1879 по 1884 гг., то-есть в эпоху «Народной Воли», стоят в самой тесной связи с его же «нелегальными» работами и в этом отношении представляют одно неразрывное целое, так что брать их независимо одни от других было бы прежде всего методологически неправильным.

На своем собственном примере Михайловский показывал, как можно разорвать рамки этого искусственного разделения рус-

---

[1] См. „Заветы“, 1914, № 1, или в отд. изд. „Мол. Гвардии“: „Хождение в народ“.

ской литературы на «дозволенную» и «недозволенную», и как можно там и тут одинаково вырабатывать единую революционную идеологию, или, употребляя его же термины, «Систему Правды», столь высокую по своим этическим идеалам и столь убедительную по своей научной основе, что было бы невозможно поступать в практической жизни иначе, чем это диктуется ею.

Ту же роль объединения легальной и нелегальной литературы играли по этому плану и другие сотрудники «Народной Воли». Так, в журнал «Дело» вошел Лев Тихомиров, который писал там под именем «И. Кольцова», или за подписью «И. К.», что принималось в широкой публике за псевдоним Исполнительного Комитета.

Тихомиров развил тогда в «Деле» тоже чрезвычайно интенсивную литературную работу, почти такую же, как Михайловский в «Отечественных Записках». За 1880—1881 гг. в редкой книжке «Дела» не помещалось его статей, так что, пересматривая теперь этот журнал, невольно удивляешься, с какой свободой там выражал свои идеи этот активнейший в то время член Исполнительного Комитета [1]. Что касается Михайловского, то сам он в «Деле» не писал, но, как это мы увидим еще из воспоминаний Н. С. Русанова, не только внимательно следил за деятельностью Тихомирова в этом журнале, но даже фактически руководил ею.

Третьим журналом, который народовольцы решили тогда в силу общего принятого ими плана подчинить своему влиянию, было «Слово». В «Слове» эту роль выполняли два крупных деятеля «Народной Воли», из которых один состоял в то же время в непосредственном контакте с тем же Михайловским, — это А. И. Иванчин-Писарев, и Н. К. Кибальчич, известный в кругу сотрудников «Слова» под именем «Самойлова». В биографии Кибальчича его деятельность как легального журналиста, несомненно представляющая большой интерес, до сих пор является совершенно неисследованной, и только в самое последнее время несколько чрезвычайно ярких деталей сообщил об этом И. И. Ясинский в своей книге «Роман моей жизни».

---

[1] См., напр., в „Деле“ за один только 1881 г. следующие статьи Тихомирова (подписаны: „И. Кольцов“, „И. К.“): „Неразрешенные вопросы“, № 1 за 1881 г., стр. 1—31; „Жизнь и печать“—литерат. хроника, № 2, стр. 120—141; „Жизнь и печать“—литерат. хроника, № 4, стр. 57—82; „К вопросу об экономике и политике“, № 5, стр. 1—38; „Жизнь и печать“ —литерат. хроника, № 8, стр. 66—84; „Жизнь и печать“—литерат. хроника, № 9, стр. 104—119. Но списком этих статей далеко не исчерпывается сотрудничество Тихомирова в „Деле“, он там писал и до 1881 г. и после.

Н. К. Бух в своих «Воспоминаниях» [1]. Но ни Ясинский, ни Бух не вскрывают более точно, что именно принадлежит Кибальчичу в тех органах, в которых он тогда сотрудничал. Сделать попытку разрешить эту задачу должна современная революционная библиография, пока же мы лишь отмечаем это настойчивое тяготение Кибальчича к литературной деятельности, как одну из характернейших черт его нравственного облика. Кибальчич был слишком крупной фигурой, чтобы не представлять для нас интереса даже только как литератор, сколь бы ни было скромным фактически его литературное наследство.

Роль Михайловского в использовании легальных журналов для революционных целей не ограничивалась, однако, только что сказанным, хотя и в этом отношении одно уже привлечение к литературной работе таких лиц, как Кибальчич, представляло такой факт, который нельзя не отметить не с одной лишь библиографической точки зрения. Другие попытки Михайловского использовать легальные возможности в интересах революционной журналистики шли несколько по иным направлениям, что не делает их, впрочем, менее любопытными и характерными. О них нам сообщает тот же Иванчин-Писарев, на воспоминания которого мы только что ссылались.

«Н. К. Михайловский не только принимал непосредственное участие в газете «Народная Воля», — говорит он, — но содействовал обогащению ее содержания доставлением официальных документов, не подлежащих оглашению в легальной печати, и других сведений из правящих сфер. Для этой цели он пользовался своими «пятницами», приглашая на них «сведущих» лиц. В числе таких гостей особым рвением отличались муж и жена Самарские-Быховец, располагавшие большими связями. От них поступило, между прочим, «Наставление сенаторам» и много ценных сообщений, напечатанных в отделе «Мелочи» [2].

«Наставление сенаторам» напечатано в № 4 «Нар. Воли», а отдел «Мелочи» особенным богатством отличался в №№ 2 и 3. Отдел этот и теперь заслуживает внимания историков рус-

---

[1] „Книга воспоминаний“ Ясинского вышла в 1926 г. в Гизе. О Кибальчиче см. там по именному указателю. „Воспоминания“ Буха доведены только до 1879 г., о Кибальчиче там см. на стр. 189 слова: „В квартире застал только молодого рабочего и Кибальчича, сидевшего в отдельной комнатке, заваленного целой кипой французских, немецких и английских газет, служивших ему сырым материалом при составлении иностранного отдела для той же газеты, в которой служил сторожем рабочий“. Никаких дальнейших подробностей к этому Бух не дает.

[2] Ср. замечание в одном из писем (неизд.) Н. К. Буха: „Мелочи“ составлял какой-то литератор; возможно, что частично помогал ему и Михайловский“.

ского общества. Это ряд мелких заметок чисто газетного типа, кратких и, как принято говорить, «ударных», посвященных каждая какому-нибудь выразительному факту из правительственной практики и жизни. Заметки эти обращают на себя внимание, по крайней мере некоторые, своею литературностью. Даже при беглом взгляде видно, что они писаны опытной рукой, и что тот, кто пишет или составляет, или собирает и коллекционирует их, входит во все детали редакционной жизни, заботится о газете, как о своем кровном детище, и старается, чтобы она не только в основном, но и во всех таких мелочах была на высоте своего положения. На все это нам еще придется обратить самое серьезное внимание, когда мы станем говорить о редакционном составе «Народной Воли».

5. Авторы информационных сообщений.

Характеризуя до сих пор насыщенность народовольческой журналистики литературными силами (по два-три и даже четыре ответственных сотрудника на каждый номер), поскольку это определяется раскрытием возможно большего числа анонимных авторов, мы имели в виду преимущественно программно-политические статьи. Что же касается статей информационных (сообщения с мест, корреспонденции, хроника преследований, биографии отдельных деятелей, разного рода мелкие заметки на текущие темы и т. д.), то их авторы, конечно, труднее уловимы, даже при самых тщательных библиографических изысканиях. Что мы не сможем вообще установить с желательной полнотой весь круг сотрудников «Народной Воли» по информационному отделу, — это, к сожалению, совершенно верно. Но во всяком случае и здесь может быть выделена далеко не незначительная часть, анонимность которой мы будем в силах раскрыть почти целиком, как это опять-таки не трудно иллюстрировать рядом конкретных примеров.

Так, в первых же номерах «Народной Воли» может быть установлен целый ряд авторов напечатанных там информационных сообщений. Напр., автором корреспонденции из Петропавловской крепости в № 1 «Нар. Воли» является Л. П. Буланов [1]. Далее, «Хроника преследований» во всех трех первых номерах составлялась — по всевозможным частным сообщениям — Н. А. Морозовым в сотрудничестве с О. С. Любатович. Позже она перешла в руки А. П. Корба и А. Д. Михайлова. Все сообщения об агентах Третьего отделения шли, конечно, от

[1] По другим сведениям—Оболешев-Сабуров. См. об этом дальше.

Н. В. Клеточникова, а обрабатывались для печати сначала Н. А. Морозовым, а затем, когда он выехал за границу (февраль 1880 года), А. Д. Михайловым. Биографические заметки о Валериане Осинском поступили от сестры его Анастасии Андр. Осинской, впоследствии покончившей самоубийством в Доме предварительного заключения. Ряд отдельных заметок для отдела «Мелочи» шел, как только что сказано, через Н. К. Михайловского, а многие из них, как, напр., «Приз за благонамеренность», «Бедный князь» и др., несомненно им и писались. Извещение об издании «Черного Передела» (в № 1 «Нар. Воли») принадлежит Плеханову, и т. д.

Все это в первых номерах «Народной Воли». То же самое в дальнейших. Так, статья «Признаки голода» в № 4 принадлежит А. П. Корба. Заметка «Последние события в университете» в № 5 могла поступить только от П. П. Подбельского и Л. М. Коган-Бернштейна, что ясно из самого текста этой информации. В «Листке» № 1 от 22 июля 1881 года корреспонденция «Из деревни» писана В. А. Жебуневым. Корреспонденция «Из Саратова» в № 6 принадлежит М. П. Троицкому, а из Ярославля и Ялты — В. С. Лебедеву, «Международный конгресс в Хуре», статья-корреспонденция в № 7 «Нар. Воли»,— П. Б. Аксельрода. Речь председателя саратовского губернского земского собрания Федоровского доставлена И. И. Майновым. В № 8-9 большая статья «Тюрьма и ссылка» написана совместно А. Лапицким и В. С. Лебедевым, а напечатанный в приложении отчет о процессе 20-ти составлен по записям адвокатов и родственников подсудимых, присутствовавших на суде. В № 10 «Нар. Воли» арестная хроника — Якубовича, в № 11-12 в качестве корреспондентов выступают Штернберг, Богораз, Кроль, Степанов, Тиличев [1], и то, что принадлежит каждому из них, устанавливается почти с документальной точностью и без ошибок.

Правда, и неустановленных информационных статей набирается при всем этом довольно значительное количество [2]. Но и в этих случаях, даже не зная, кто был непосредственным их автором, мы можем все-таки зачастую довольно точно судить,

[1] Статьи, им принадлежащие, см. в „Алфавите сотрудников".

[2] Список неустановленных статей см. в приложении. Нужно заметить, что в число неустановленных статей входят сплошь статьи информационные, а из программных только две: „По поводу процесса 16-ти", в № 4 „Нар. В"., и „По поводу еврейских беспорядков", в приложении к „Листку" № 1 за 1883 г. Но первая из этих статей принадлежит, повидимому, Тихомирову; что касается второй, то „Листок" выходил тогда под редакцией С. Н. Кривенко, автор же указанной статьи неизвестен. Сведения о нем могут, однако, быть в архиве Кривенко.

из каких кругов, известных по своему персональному составу, или из какой организации они могли быть направлены в «Народную Волю». Конечно, особенно больших результатов этот способ не может дать, так как сведения в «Народную Волю» стекались буквально отовсюду, со всех концов России: но и в таком случае даже этот факт нашей библиографической беспомощности будет иметь политическое значение, так как он покажет, что революционное движение уже становилось м а с с о в ы м, благодаря чему отдельные сотрудники действительно тонули в каком-то огромном безымянном коллективе, а их личное индивидуальное авторство поглощалось некиим «великим Анонимом».

Делая перечень сотрудников «Нар. Воли» или указывая, какие из них могут быть установлены, а какие нет, мы не забываем, конечно, что у каждого читателя неизбежно должен вставать еще один вопрос: как вообще, какими средствами можно раскрыть анонимные статьи «Народной Воли», да еще спустя 50 лет после появления их в свет?

Если народовольческая журналистика заключает в себе материал огромный, на 800 стр. обычного книжного формата; если ни одна из 200 напечатанных в ней статей или заметок не публиковалась за подписью автора; если даже псевдонимы, под которыми иногда выступали ее сотрудники («Гроньяр», «Дорошенко», «Кудряшев»), ровно ничего не давали для разъяснения, кто скрывается за ними, — то можно ли без риска впасть в большие ошибки пытаться совершить эту сложную и запутанную, — так как она не может не быть сложной и запутанной, — библиографическую работу? К тому же вообще революционная библиография представляет собою наиболее трудную часть библиографии общего характера.

Что эти вопросы совершенно законны, — это само собою разумеется. Что нам придется встретиться при библиографическом изучении «Народной Воли» с чрезвычайными трудностями, — это тоже безусловно. Но так или иначе работа эта должна быть сделана — она и без того запаздывает с своим появлением, и чем дальше, тем будет труднее довести ее до конца. Что же касается средств для раскрытия анонимных авторов «Народной Воли», то здесь мы сказали бы, — в чем бы они ни состояли, какое бы напряжение сил, сколько бы времени, какой бы кропотливый труд для этого ни потребовался, ни жалеть об этом, ни останавливаться перед этим нет оснований. Те результаты, которые при этом получатся, при всем, казалось бы, узкоспециальном характере самой темы, сторицей окупят все сделанные на нее затраты.

ГЛАВА II

СОТРУДНИКИ

1. Основные методы работы.

Переходя теперь к деловой части вопроса — как могут быть установлены авторы анонимных статей в «Народной Воле», безразлично — программных или чисто информационных, — мы должны будем выделить из них прежде всего группу с объективно-бесспорными данными. Состав ее может характеризоваться следующими примерами.

Так, в №№ 1 и 5 «Народной Воли» напечатана большая статья за подписью «Кудряшев», в виде двух «Писем из деревни», размером в общей сложности почти в 45 тыс. букв, т.-е. более печатного листа [1]. Эта статья одинаково, как информационного, так и программно-политического характера. По форме она—беллетристическое произведение, по существу—ярко написанная руководящая статья, убедительная именно благодаря своей конкретности. Насколько она значительна, видно уже из того, что на нее есть ссылка в первой же передовой статье «Народной Воли», принадлежащей Льву Тихомирову [2]. С другой сторсны,

---

[1] В № 1 „Нар. Воли“ у Кудряшева 32 000 букв и в № 5—13 000 букв. Это дает свыше 16 стр. обычного формата, т.-е. размер настоящей журнальной статьи.

[2] Знаменитая передовая статья в № 1 „Нар. Воли“ от 20 сент. 1879 г., с эпиграфом „Delenda est Carthago“. „Мы не говорим, что бы в народе была абсолютно невозможна пропаганда, агитация, даже чисто бунтовская деятельность,—пишет Тихомиров,—она при настоящих условиях слишком затруднена. Отсылаем читателя к статье „Из деревни“, помещенной в настоящем № „Нар. Воли“... Необходимо создать такой государственный строй, при котором деятельность в народе не была бы наполнением бездонных бочек Данаид... тратя все силы на то, чтобы биться около народа, как рыба об лед“. Последние фразы можно встретить во всех критических статьях о „Народн. Воле“, они сделались классической формулировкой взглядов народовольцев на деятельность в народе при полицейском режиме.

когда Тихомиров писал в 1880 году свою книгу «Les conspirateusr et les policiers», то он там полностью перепечатал эти статьи для характеристики тех условий, в которые попадал, благодаря полицейским преследованиям, пропагандист в деревне и из-за которых ему приходилось «биться около народа, как рыба об лед [1]». Вообще письма Кудряшева «Из деревни» имели в свое время большую литературу, и, конечно, было бы далеко не безразличным установить, кто был их автором.

К счастью для нас, сделать это совсем не трудно, так как автор их — А. И. Иванчин-Писарев — давно уже объявил сам себя, в одной из своих статей. напечатанных в 1914 году в журнале «Заветы» [2].

Иванчин-Писарев принадлежал к числу наиболее деятельных сотрудников «Народной Воли» до самого своего ареста. Участвовал он также и в редактировании этой газеты, по крайней мере ее первых номеров, которые он еще захватил будучи на воле. Одновременно с ним, но в гораздо большей еще степени ту же роль играл Н. А. Морозов, на котором собственно вначале и лежала основная литературная, в том числе редакционная работа, по «Народной Воле», до его отъезда за границу [3].

Морозов был даже пионером народовольческой публицистики, так как выступал с защитой террора и политической борьбы еще в «Листках Земли и Воли», до официального образования партии «Народная Воля». Одна из его программных статей в «Листках Земли и Воли», которые он же тогда редактировал, — в защиту террористической тактики — послужила, как известно, яблоком раздора на Воронежском съезде между «деревенщиками», во главе с Г. В. Плехановым, и «дезорганизаторами». Установить

---

[1] См. русский пер. в изд. „Молодой Гвардии“: Лев Тихомиров. „Заговорщики и полиция“, стр. 55—63. Ср. рецензии в XII кн. „Каторги и Ссылки“ за 1928 г.

[2] См. в январской книжке статью А. И. Иванчина-Писарева „Из воспоминаний о Н. К. Михайловском“. Ср. также в тех же „Заветах“ за 1913 г. воспоминания того же А. И. Иванчина-Писарева „О хождении в народ“ (есть отдельное изд. 1914 г.). Одних этих воспоминаний достаточно, чтобы определить, кто был „Кудряшевым“ в „Народной Воле“, если б даже не было специального заявления об этом самого автора. См. также эти воспоминания в отдельном изд. 1929 г. „Мол. Гвардии“.

[3] Н. А. Морозов границу переходил 5 февраля 1880 года, в самый день взрыва в Зимнем дворце. При его ближайшем участии вышли первые три номера „Народной Воли“.

поэтому в точности характер и размеры сотрудничества Н. А. Морозова в тогдашних революционных изданиях представляется делом далеко не безразличным. Первый серьезный шаг в этом направлении сделан уже Л. Круковской в брошюре «Н. А. Морозов» (Госиздат, 1920), где Круковская дает, с помощью самого Н. А., список его статей и заметок в «Земле и Воле» и в «Народной Воле». Список этот, однако, оказался далеко не исчерпывающим, поскольку в нем идет речь о «Нар. Воле», и в настоящее время довольно значительно пополнен нами, опять-таки с помощью и по указаниям самого Н. А. Морозова, специально просмотревшим для этой цели все вышедшие до его ареста номера «Народной Воли». Статьи Н. А. Морозова таким образом, как и статьи Иванчина-Писарева, фактически устанавливаются им самим, и в этом смысле их расшифрование основано на бесспорно объективных данных.

Несмотря, однако, на это, список статей Н. А. Морозова в «Народной Воле» все-таки не может считаться вполне законченным: 50-летняя давность сказывается даже и в этом случае. Есть одна-две заметки, относительно которых даже сам автор, Н. А. Морозов, колеблется, кем они написаны, — «не им ли?», хотя с твердостью сказать этого не решается. Такова, напр., заметка «Памяти А. А. Квятковского» в № 4 «Народной Воли» [1].

Как в «Земле и Воле», так и в «Народной Воле» Н. А. Морозов вел главным образом редакционную работу. Ближе всего было бы назвать его секретарем редакции обоих этих органов. Это надо понимать в том смысле, что Н. А. Морозову приходилось литературно оформлять весь тот текущий материал на злобу дня, который поступал в сыром виде в редакцию. Отсюда целый ряд его информационных статей как в «Земле и Воле», так и в «Народной Воле». К Н. А. Морозову же поступали — разумеется, до его отъезда за границу — через А. Д. Михайлова все сведения Н. А. Клеточникова об агентах III Отделения (так было и в «Земле и Воле»). Так, между прочим, сообщение Исполнительного Комитета о столь знаменитом впоследствии Рач-

---

[1] Для революционной библиографии этот пример, конечно, очень показателен, он подчеркивает лишний раз ее трудности. Конец статьи о Квятковском кажется Н. А. Морозову очень знакомым, особенно цитирование стихотворения Добролюбова („Милый друг, я умираю“ etc), которое „он очень любил“. Точно так же, повидимому, ему, по его словам, принадлежит отчет о „Деле Мирского“. И т. д.

ковском, напечатанное в № 1 «Народной Воли», принадлежит Н. А. Морозову [1].

Это извещение датировано 20 августа 1879 года. Вот, следовательно, с какого времени начинается карьера Рачковского, закончившаяся лишь в 1906 году!

Пересматривая наши списки, читатель может также увидеть, что очень ответственная программная статья в № 2 «Народной Воли», многократно цитировавшаяся в русской литературе как типично народовольческая, принадлежит тоже Ник. Ал. Морозову, а не Тихомирову, как это обычно предполагалось [2].

Это та самая статья, из которой еще в дореволюционное время постоянно приводилась критиками «Народной Воли» в доказательство ее преувеличенного представления о своих силах (или силах «критически мыслящих личностей») следующая цитата:

«Предположим в самом деле, что наше правительство, от каких бы то ни было причин (вследствие повсеместной революции, вследствие собственного истощения, в связи с нравственным давлением всех слоев населения и проч.) принуждено ликвидировать свои дела. Составляется самостоятельно или по приглашению правительства учредительное собрание, снабженное приговорами своих избирателей (в роде cahiers в Assamblée Con-

---

[1] „Исполнительный Комитет извещает,—говорится в этом предупреждении,—что Петр Иванозич Рачковский (бывший судебный следователь в Пинеге и в настоящее время прикомандированный к министерствам юстиции и финансов, сотрудник газет „Новости“ и „Русский Еврей“) состоит на жалованьи в III Отделении. Его приметы: рост высокий, телосложение довольно плотное, волосы и глаза черные, кожа на лице белая с румянцем, черты крупные, нос довольно толстый и длинный, на вид 28-29 лет, усы густые, черные. Бороду и баки в настоящее время бреет. Исполнительный Комитет просит остерегаться шпиона“. О Рачковском см. также у Буха—„Воспомин.“, изд. политкаторжан, М., 1928 , стр. 191 и сл.

[2] Ср. в новейшее время в книге В. Левицкого-Цедербаума „Партия Народной Воли“ (Гиз, 1928) слова: „В передовой № 2 „Нар. Воли“ „философия истории“ Тихомирова получает дальнейшее развитие. „История,—пишет он,—создала у нас на Руси“, etc. (стр. 82—83). Но это пишет не Тихомиров, а Н. А. Морозов, который в то время во многом отличался от Тихомирова. Из этой библиографической ошибки у Левицкого проистекают и ошибки программно-идеологические. То же самое произошло с И. А. Теодоровичем, который, возражая Н. А. Морозову, цитирует ту же передовую в № 2, не подозревая, кто был ее автором. См. ук. ст. в № 8-9 „Кат. и С.“, стр. 13 и др.

stituante). В этом собрании 90% депутатов от крестьян и, если предположить, что наша партия действует с достаточной ловкостью, — от партии».

Подчеркнутые нами слова казались всегда ярким свидетельством народовольческого «утопизма». Но замечательно, что выборы в Учредительное собрание 1917 года показали, насколько правым по существу оказался в этом случае Н. А. Морозов: буржуазные партии имели там действительно не более 10% голосов.

В тех же номерах «Народной Воли», где помещены «Письма из деревни» А. И. Иванчина-Писарева и только что цитированная статья Н. А. Морозова, есть еще одна программная работа, посвященная тоже крестьянскому вопросу. Это именно статья о циркуляре, знаменитом в свое время, министра вн. дел Макова, от 16 июля 1879 года, «О ложных слухах и толках о предстоящем будто бы общем переделе земель». Маков опровергал эти слухи, как распускаемые злонамеренными людьми, и заявлял от лица правительства, что никакого передела и «никаких дополнительных нарезок к крестьянским участкам не будет и быть не может».

«При действии наших законов о праве собственности никогда не может случиться такой неправды, — говорится в этом ярко контрреволюционном циркуляре, — такой обиды, чтобы земля, законным порядком за кем-нибудь укрепленная, была у законного владельца отнята и передана другому».

Циркуляр Макова привлек в 1879—1880 гг. огромное внимание со стороны революционеров и послужил для них материалом для «антиправительственной» агитации. В частности специальную статью посвятила ему и «Народная Воля» в первом же номере. «Верховное право на землю народа есть несомненно самое священное из всех народных прав, — говорится в этой статье. — Право это освящено веками. И вот теперь по особому высочайшему повелению приказано одним почерком министерского пера похерить ни много ни мало, как всю русскую историю, все наше обычное право, всю, не только нашу, но и европейскую науку, признающую теперь верховные права народа на землю».

Статья в «Нар. Воле» о циркуляре Макова была напечатана в том виде, как и все остальные, т.-е. без всякой подписи. Од-

нако давно уже известно, опять-таки со слов самого ее автора, что она принадлежит С. Н. Кривенко [1].

2. Статьи и пометки В. С. Лебедева.

До сих пор мы говорили о таких статьях, которые установлены самими авторами, как им принадлежащие. Теперь приведем пример посмертного расшифрования статей одного из деятельных сотрудников «Нар. Воли» московского периода (1881—1882 гг.). — Вас. Степ. Лебедева, сделанного по его записям и пометкам, но уже другими людьми, после его смерти.

В № 4 «Санитарной Хроники Московского Земства» (журнал, в котором, казалось бы, менее всего можно было искать библиографические сведения об анонимах «Народной Воли») за 1917 год была напечатана статья «В. С. Лебедев. По поводу оставления им земской службы». В этой статье есть драгоценные библиографические сведения о сотрудничестве Лебедева в «Нар. Воле», которыми мы ныне усиленно пользуемся, впрочем, критически их проверяя.

На стр. 3-й той же статьи есть такое примечание:

«Составитель этой заметки имеет возможность с точностью установить, что принадлежит перу В. С. в этих выпусках, так как обладает экземпляром издания «Литература партии Народной Воли» (изд. 1907 г., Москва), в котором несколько лет

---

[1] См. об этом во вступительной статье к „Собранию сочинений“ С. Н. Кривенко, СПБ. 1910 г. Первоначально в этой статье был приведен полный список работ Кривенко в „Нар. Воле“, но он был удален оттуда литературной душеприказчицей С. Н. Кривенко — Софьей Ермолаевной Усовой (вторая жена Кривенко). Сама Усова, вместе с С. Н. Кривенко. входила в состав Исп. Ком. „Народной Воли“ во времена Дегаева, в 1883—1884 гг. (так называемый „Соломенный“ Комитет, по кличке, данной Лопатиным). Впоследствии С. Е. Усова совсем отошла от революционного движения, и, так как она считала, что и для Кривенко его участие в „Нар. Воле“—не характерно, то ею и был выброшен из вступительной статьи список его народовольческих работ, и вообще вся эта статья была ею так изменена, что появилась без подписи автора. Что касается списка работ Кривенко в „Нар. Воле“, то он был составлен по документам семейного архива и по воспоминаниям самой С. Е. Усовой, которые для печати ею не предназначались. Дальнейшая их судьба—неизвестна. Сама С. Е Усова умерла через несколько лет после издания ею сочинений С. Н. Кривенко. Это та самая С. Е. Усова, о которой говорится в „Арестной хронике“ в № 10 „Нар. Воли“, составленной П. Ф. Якубовичем: „После нового года (1884) прежде всего арестована учительница одной городской школы Софья Усова и сотрудник „От. Зап.“ Сергей Кривенко“, и пр. Кривенко тогда мог понести очень суровое наказание, но так как все данные о нем были зашифрованы Судейкиным особым способом, никому неизвестным, кроме него самого,—то Кривенко отделался административной ссылкой.

гому назад В. С. собственноручно отметил все, что было им за 1881—1882 гг. написано в журнале и «Листке Народной Воли».

Автором статьи в № 4 «Санитарной Хроники», подписанной там инициалами «П. К.», является на самом деле д-р Петр Иванович Куркин, один из ближайших друзей покойного В. С. Лебедева. О том, как составлялся им список лебедевских статей и заметок, он дает еще следующие пояснения в одном из своих писем (не опубликованных):

«То, что напечатано в моей заметке, написано мною не столько по разметкам В. С. Лебедева в книге, сколько с его слов. В его руках была и корректура заметки, и напечатанный экземпляр. Таким образом неточности могли войти в мою заметку лишь постольку, поскольку могла изменить ему память. Но это предположение прямо невероятно. Он обладал до конца своих дней удивительною памятью, в особенности на события прежних, далеких дней. Кроме того, был идеально точен (не даром занялся статистикой, после того как отработал революции), щепетилен — я не допускаю также с его стороны неточностей или смешения строк, написанных им и не им» [1] (письмо 24 февр. 1929 г.).

Отметим здесь также, что тот же список статей, как у П. И. Куркина, был приведен совсем еще недавно С. Я. Елпатьевским в № 2 «Красной Нови» за 1928 год, правда, с некоторыми вариациями, не существенного, впрочем, характера. Статья Елпатьевского важна еще и тем, что он знал лично Лебедева за период его революционной деятельности и ссылки. Он дает интересную характеристику Лебедева и пишет о нем вообще не только по документам, но и по личным воспоминаниям.

Однако, как ни убедительны все эти библиографические указания, они все-таки требуют некоторых оговорок и комментариев. Говоря теоретически, некоторые, если не ошибки, то пропуски, и здесь возможны, так как все-таки литературное наследство Лебедева доходит к нам через вторые руки, а не непосредственно от него. И действительно, тот список статей, который дают, как П. И. Куркин, так и С. Я. Елпатьевский, далеко еще не является полным списком статей Лебедева в «Народной Воле». Мы можем говорить об этом вполне уверенно, так как в наших руках находился тот же экземпляр «Литературы Народной

---

[1] Ср. с этим слова супруги В. С. Лебедева в одном из ее писем, адресованных П. М. Куркину: „У меня, как и у Вас, есть экземпляр „Литер. Н. В.“, размеченный Вас. Ст. Надо было видеть, с какой любовью, с каким вниманием, почти благоговением работал над этой книгой! Делал он это гораздо раньше своей болезни, еще владея всей своею памятью“, и пр. Биографические сведения о В. С. Лебедеве (до студенческого периода), приведенные в „Алфавите сотрудников“, сообщены тоже автором этого письма.

Воли», принадлежавший Лебедеву и снабженный его пометками, которым пользовался и П. И. Куркин. При более тщательном рассмотрении его оказалось прежде всего следующее: на этом экземпляре Лебедевым были сделаны пометки не только на его статьях, но также и на некоторых других, что представляет само по себе большой интерес. Затем, статей и заметок собственно самого Лебедева нашлось, судя по его указаниям, несколько больше, чем это приведено в списке и Куркина и Елпатьевского. Так, Лебедевым отмечены, как ему принадлежащие, еще следующие произведения:

1. Большая статья в 49 тыс. букв «Тюрьма и ссылка», в № 8-9 «Народной Воли». На ней стоит надпись: «А. Лапицкий и В. С. Лебедев», сделанная рукой самого Лебедева. Стало-быть, соавторство его в этом случае во всяком случае несомненно.

2. В том же номере в отделе «Мелкие известия» Лебедевым отмечены, как ему принадлежащие, заметки: «Лига добровольных шпионов», «Реформа Владимира», «Ее Величество — враг женского образования», «Институт сведущих людей» и «Турникеты».

3. Кроме статей и заметок в № 8-9, Лбедевым отмечены две корреспонденции в № 6 «Народной Воли», как принадлежащие тоже ему. Это именно корреспонденции: «Ярославль, 15 августа» и «Ялта, 12 сентября». Очевидно, они были написаны им либо с чьих-нибудь слов, либо по каким-нибудь другим материалам, имевшимся в редакции, либо, наконец, ему пришлось в эти месяцы (что вполне возможно) посетить и Ялту и Ярославль и вывезти оттуда материал для этих корреспонденций. Во всяком случае обе эти корреспонденции отмечены им такими же значками, какими он отмечал и все другие произведения, как безусловно ему принадлежащие.

Но помимо этих дополнений, те же статьи Лебедева дают еще повод напомнить здесь об одном существенном обстоятельстве, которое нужно постоянно иметь в виду при изучении, особенно библиографическом, народовольческой журналистики. Главным образом это относится, впрочем, не к информационным, а к программно-политическим статьям. Программно-политические и вообще ответственные статьи, к числу которых прежде всего относятся, конечно, передовые статьи (а две таких статьи—из общего числа 13—принадлежат Лебедеву, как это видно из списка Куркина и из пометок самого Лебедева), представляют зачастую не только продукт индивидуального авторского творчества, а и творчества коллективно-редакционного. Возможна в подобных случаях даже такая комбинация, что писать, то-есть формулировать об-

щие мысли, поручается кому-нибудь одному, а политически ответственными за написанное явятся другие. Следовательно, для определения доли личного авторского творчества и соотношения его с творчеством коллективным потребуется в таких случаях какая-то сложная критическая работа. И мы еще увидим (в главе «Якобинские тенденции в народовольческой журналистике»), что как-раз передовые статьи самого Лебедева, притом бесспорно ему принадлежащие, если их разобрать с этой точки зрения, дадут нам возможность сделать целый ряд чрезвычайно интересных обобщений, и не только о «Народной Воле» как газете, а и о «Народной Воле» как партии. Эти обобщения будут иметь вместе с тем не один лишь исторический, а также и злободневно-политический характер.

Что касается до указаний Лебедева на авторов других статей, а не только принадлежащих ему самому, то в этом отношении две пометки Лебедева особенно интересны. Так, в № 6 «Народной Воли» на первой передовой статье поставлена им буква «Р», а на второй передовой — буква «Т».

«Т» — это, конечно, Тихомиров.

Чрезвычайно просто расшифровывается и вторая пометка, буквой «Р», на первый взгляд столь загадочная.

В № 6 «Нар. Воли» было помещено три больших статьи: две передовых и «Внутреннее обозрение», в целых два печатных листа (41 тыс. букв!), которое у Лебедева тоже отмечено и притом той же буквой «Р». Но автор этого обозрения-Левиафана известен—это Г. Г. Романенко [1]. Из этого совершенно очевидно, что тому же Романенко — «Р» — принадлежит и первая передовая статья.

Такого рода примеры с раскрытием анонимов можно бы приводить и дальше. Так, кроме вышеуказанных, в нашем распоряжении находится список статей А. П. Корба-Прибылевой в «Нар. Воле», сделанный ею самой. Аналогичные указания были получены мной еще в 1910—1912 годах от Г. А. Лопатина о его сотрудничестве в № 10 «Народной Воли». Позже, в 1926—1927 гг. с такой же целью были опрошены А. Н. Бах, Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз. Статья И. Б. Аксельрода в № 7 «Нар. Воли» тоже указана им самим в его воспоминаниях «Пережитое и передуманное» (Берлин, 1923 г.). И т. д.

---

[1] Ср. Валк. „Г. Г. Романенко“, в № 11 „Кат. и Ссылки“ за 1928 г. О Г. Г. Романенко см. также в статье Г. Береснева „К истории туркестанской ссылки“, в № 2 сборника „Революция в Средней Азии“, изд. Истпарта Средн.-Аз. Бюро ЦК ВКП(б), Ташкент, 1929 г. Статья Береснева написана по архивным документам, но напечатана, к сожалению, с большими сокращениями.

В общей сложности, такого рода данных, чисто объективных по своему характеру, набирается настолько значительное количество, что даже они одни, не говоря о других источниках, могут послужить опорой для дальнейшей библиографической работы над «Народной Волей». И если бы народовольческая журналистика состояла только из статей такого рода, тогда бы она не представляла никаких серьезных трудностей с библиографической точки зрения. Но этого, конечно, нет. Кроме целого ряда статей и заметок, авторы которых могут быть установлены на основании объективно-бесспорных данных, в «Народной Воле» мы встречаем столь же много, если только не больше, таких произведений, раскрытие анонимности которых требует совершенно особых приемов и больших усилий. На этой группе нам и нужно теперь сосредоточить свое внимание более, чем на какой другой, так как иначе библиографическое изучение народовольческой журналистики будет отличаться слишком серьезными пробелами.

3. Показания современников как библиографический материал.

Кроме указаний самих авторов на их статьи в «Народной Воле», возможен еще один путь для достижения той же цели — это опрос современников о сотрудниках «Народной Воли». Этот путь достаточно широко использован в предлагаемой работе, благодаря чему она является в известном смысле работой в значительной степени коллективной. Так, целый ряд самых серьезных указаний и вообще ничем не заменимую помощь я получил от А. П. Корба-Прибылевой, а также от А. В. Прибылева. Можно сказать без преувеличения, что вся основная часть предлагаемой работы сделана благодаря только их помощи и их всестороннему содействию, о чем нельзя здесь не упомянуть с чувством живейшей благодарности.

Затем, за всевозможными справками я обращался к следующим лицам: Н. А. Морозову, А. В. Якимовой-Диковской, А. Ф. Михайлову, О. К. Булановой-Трубниковой, М. П. Шебалину, П. С. Ивановской, Г. Ф. Чернявской, С. Я. Елпатьевскому, Н. М. Саловой, Н. К. Буху, В. Н. Фигнер, Р. М. Плехановой, Е. Н. Сажиной-Фигнер, П. И. Куркину, П. П. Викторову и др. Ни одно из моих обращений к названным лицам не осталось без ответа, и порой таким путем получались сведения исключительно ценного наводящего характера.

Однако, при всем том, как показал опыт, и в этом случае еще больше, чем в тех, о которых речь шла в предыдущей главе, — ни одно из показаний современников, как бы оно равным образом

ни было авторитетным, нельзя было принимать без дополнительной проверки. Необходимость ее диктовалась прежде всего тем обстоятельством, что зачастую показания, казалось бы, одинаково компетентных лиц об одном и том же, спорном в смысле авторства произведении, бывали резко противоречивы и абсолютно несовместимы, так что приходилось каким-то путем выбирать какое-нибудь одно из них. Типичными в этом отношении, хотя далеко не единственными, являются разногласия целого ряда современников относительно двух произведений, напечатанных в первом же номере «Народной Воли»: одно из них — стихотворный отрывок из драмы «Последняя исповедь», и другое — корреспонденция-письмо «Бунт в Петропавловской крепости». Примеры эти так показательны, что следует остановиться на них подробнее.

Самым интересным указанием на автора «Последней исповеди» является свидетельство Н. А. Морозова (не бывшее в печати), которое состоит в следующем.

— Автором «Последней исповеди» является Максим Белинский. Передал ее в редакцию «Народной Воли» Н. А. Саблин. В это время сам Н. А. Морозов уезжал в Москву по делу о подкопе на Московско-Курской жел. дороге, но материал для номера был уже им подготовлен. Окончательную его редакционную обработку Н. А. передал А. А. Квятковскому, который таким образом принял на себя роль «выпускающего» почти уже готового номера. К нему же поступила и рукопись «Последней исповеди». Перечитывая ее, Квятковский в монологах одного из действующих там лиц [1] — «Осужденного» — заменил выражение болтливый поп словом «старик». Квятковский сделал эту замену, не желая оскорблять религиозных чувств возможных читателей «Народной Воли» из нереволюционных сфер. Таким образом, например, слова «Осужденного»: «Пусть будет так! Услышь же ты, болтливый поп, предсмертное раскаянье мое», оказались перефразированными: «Услышь же ты, старик, предсмертное раскаянье мое». Эта замена, помимо всего остального, нарушала размер стиха, и по возвращении Н. А. Морозов заметил это Квятковскому, имея в виду также и интересы автора.

---

[1] „Исповедь“ состоит из диалога между революционером, осужденным на казнь, и священником, пришедшим к нему „напутствовать“ его перед казнью. О том же инциденте, о котором рассказывает Н. А. Морозов, см. также несколько другой вариант в воспоминаниях Н. К. Буха.

В „Народной Воле“ И. И. Ясинский вообще не сотрудничал. Его помощь этой газете выражалась только в том, что он периодически делал небольшие взносы в кассу ее, причем передавал их через П. Ф. Якубовича, и в отчетах о пожертвованных суммах его поступления отмечались буквой „Я“. См., напр., №№ 3, 4, 5, 6 „Нар. Воли“.

Все эти детали были восстановлены Н. А. Морозовым в устном рассказе без справки с текстом, а затем сделанная тут же справка с текстом всецело подтвердила его ссылки. Такая точность памяти создавала глубокую психологическую уверенность и в точности основного из утверждений Н. А. Морозова, что автором «Последней исповеди» был «Максим Белинский», под каковым псевдонимом печатался тогда в «Отеч. Записках», как известно, И. И. Ясинский.

Несмотря, однако, на все это, есть другие показания относительно автора «Последней исповеди», исходящие тоже от лиц, весьма компетентных, но эти показания несовместимы с утверждениями Н. А. Морозова. Одно из них принадлежит А. И. Иванчину-Писареву, имя которого выше уже не раз упоминалось, а другое — А. П. Корба-Прибылевой. При этом как Иванчин-Писарев, так и А. П. Корба-Прибылева входили тогда в состав редакции «Народной Воли», что указывает на их достаточную осведомленность в этом случае.

Оба эти лица дают показания о «Последней исповеди», не только противоречащие Н. А. Морозову, но в свою очередь несовместимые друг с другом. Иванчин-Писарев в статье в № 1 «Заветов» за 1914 год утверждает именно, что «Последняя исповедь» принадлежит Николаю Степановичу Курочкину (брат В. С. Курочкина, поэта и переводчика Беранже, и сам поэт), по словам же А. П. Корба «Последняя исповедь» написана Н. А. Саблиным, автором большой поэмы «Поток» и отрывка «Новь», когда-то напечатанного в сборниках «С родины на родину» [1].

Таким образом мы имеем три показания одинаково компетентных лиц о трех авторах одной и той же вещи, и вдобавок все эти три лица — Иванчин-Писарев, Н. А. Морозов и А. П. Корба — находились в одинаково близких дружеских отношениях к одному из упомянутых выше трех возможных авторов, именно к Саблину. Какое же из этих показаний правильно?

Замечательно, однако, что ставить такой вопрос собственно даже не приходится, так как все эти показания одинаково неверны. Автором «Последней исповеди» на самом деле не был ни Саблин, ни Ясинский, ни Курочкин, принадлежит же она поэту Н. М. Минскому, гражданские стихотворения которого были чрезвычайно популярны в революционной среде 70-х гг. Самая любопытная черта всех приведенных выше справок и

[1] Позже „Новь“ Саблина была перепечатана в № 9-10 заграничного „Былого“, апрель-май 1909 года. Ср. воспоминания М. Эльциной - Зак, в кн. XII „Кат. и Ссылки“, стр. 128.

противопоказаний состоит еще и в том, что все они относятся к такому времени, когда, строго говоря, не могло уж быть никаких разногласий, кто именно являлся автором «Последней исповеди». В 1907 году вышло полное собрание стихотворений Минского в издании Пирожкова, и в нем, на 7 лет раньше, напр., статьи Иванчина-Писарева, в томе I, озаглавленном «Белые ночи», в отделе «Гражданские стихотворения», на стр. 46—55 напечатана без всяких изменений та самая «Последняя исповедь», которая за эти годы столько раз приписывалась самым разнообразным лицам, но только не тому, кому она принадлежит. Так что показания современников в данном случае оказываются самым недостоверным библиографическим материалом при всей своей авторитетности [1].

Другой аналогичный пример представляет история с расшифрованием автора корреспонденции-письма из Петропавловской крепости. Относительно этого вопроса чрезвычайно интересные сведения дает прежде всего Адриан Федорович Михайлов, сам в то время находившийся в Петропавловской крепости. На поставленный ему вопрос, не был ли он автором этой корреспонденции, А. Ф. Михайлов ответил буквально так:

«На последний вопрос могу определенно сказать: «Нет, не я!» Кто же автор? Один из двух: Леонид Петрович Буланов, который тогда сам вызвался написать корреспонденцию, или покойный Сабуров (Оболешев), который заведывал сношениями с «волей». К сожалению, — продолжает А. Ф. Михайлов, — я до сих пор не видал этой корреспонденции в печати. Может быть, по стилю, способу выражаться и проч. я смог бы догадаться, кто из этих двух товарищей автор корреспонденции. Но несомненно один из них, больше никто: один сам вызвался, другой был намечен коллективом по положению заведывавшего внешними сношениями». (Письмо от 11 ноября 1928 г.)

Спустя некоторое время, как были написаны эти строки, А. Ф. Михайлов получил возможность ознакомиться с этой корреспонденцией и тогда он пришел к твердому заключению, что автором ее являлся не Л. П. Буланов, а Оболешев.

---

[1] О Минском как авторе „Последней исповеди“ упоминает также Н. К. Бух в своих воспоминаниях, в №№ 8-9 „Кат. и Ссылки“ за 1929 г. См. там ст. „Первая типография „Нар. Воли“, стр. 69. Приводит также Н. К. Бух инцидент с поправкой в стихах Минского выражения „болтливый поп“ на „старика“, хотя автором ее он называет не Квятковского, а „Абрама“—Лубкина (он же „Птица“), наборщика, державшего корректуру „Нар. Воли“. Несмотря на это разногласие, рассказ Н. А. Морозова не теряет своей ценности (если даже Н. К. Бух и прав). Так как Н. А. Морозов не имел непосредственных сношений с типографией, то он вполне мог ответственным за эту поправку сделать А. А. Квятковского, как своего заместителя.

«В авторстве корреспонденции о «бунте» в Петропавловской крепости Сабурова-Оболешева я теперь не сомневаюсь», писал он тогда (письмо от 23 дек. 1928 г.).

Необходимо отметить еще, что то же самое мнение высказал в данном случае и второй крупный деятель той эпохи, более чем близко стоявший к делам газеты «Народная Воля»,—Ник. Конст. Бух, хозяин народовольческой типографии в Саперном переулке, где печатался № 1 этой газеты с корреспонденцией из крепости.

— «Из Петропавловской крепости» писал Сабуров, — так заявляет он в письме, тоже от 23 декабря 1928 года, написанном по странной случайности в один день с письмом А. Ф. Михайлова.

Напротив, другая свидетельница той эпохи, Ольга Константиновна Буланова-Трубникова [1], решительно оспаривает это предположение и выдвигает целый ряд очень веских соображений за кандидатуру на авторство со стороны Л. П. Буланова. И нам кажется, что она более права, чем А. Ф. Михайлов и Н. К. Бух.

Соображения О. К. Булановой состоят в следующем:

«Бунт» в Петропавловской крепости, в феврале 1879 года, разыгрался главным образом из-за истории с Оболешевым. Арестованный под фамилией Сабурова и принятый властями за Кравчинского (или «Кравченского», как они тогда писали), Оболешев категорически отказался назвать свое настоящее имя, отказывался от всяких показаний; не позволял себя фотографировать и не ставил никаких подписей ни под какими бумагами и документами, чтобы не дать властям своего почерка. Он не делал даже выписки продуктов из лавочки, чтобы только не писать ничего своей рукой. Весьма сомнительно, чтобы при таких условиях Сабуров-Оболешев согласился рискнуть на подробное описание февральских событий. Скрыть свой почерк при составлении такой корреспонденции он бы не мог физически, провалы же с запиской всегда были возможны. Между тем, Л. П. Буланов оказывался свободным от всех этих опасений.

Сношения с волей велись тогда в Петропавловской крепости через Н. Н. Богородского, отец которого состоял смотрителем тюрьмы в Петропавловской крепости [2].

Уже эти соображения О. К. Булановой-Трубниковой заслу-

---

[1] Автор книги „Три поколения“, в которой подробно выясняются ее отношения к революционному движению 70-х гг.

[2] Это о нем, о Богородском-отце, и говорится в корреспонденции.

живают самого серьезного внимания. Но еще более решающим являются те из ее аргументов, которые исходят непосредственно из анализа особенностей самого исследуемого печатного документа.

Две характерные черты отличают корреспонденцию из Петропавловской крепости: 1) тот, кто писал ее, — большой «законник»-полемист. Он постоянно ссылается на разные статьи Устава уголовного судопроизводства и, не скрывая своей иронии, глумится над властями, нарушающими ими же установленные законы. Это — одна черта; 2) другая состоит в том, что в корреспонденции подробно описывается во всех деталях избиение Сабурова, произведенное Богородским-отцом, а также эпизодически упоминается о других заключенных, но нет почти ни слова о таком же избиении Л. П. Буланова. Двумя этими особенностями ярче всего характеризуется содержание всей корреспонденции, и обе они получают полное объяснение, если предположить, что автором является именно Л. П. Буланов, а не Сабуров-Оболешев.

У О. К. Булановой, к счастью для нас, имеется ряд копий с заявлений Леонида Петровича, писанных им как-раз за время заключения в Петропаловской крепости. Сопоставление этих заявлений с корреспонденцией вполне убеждает, что как они, так и она писаны одной и той же рукой.

Прежде всего здесь та же манера писать длинными закругленными периодами, иронически, как и в корреспонденции. А главное, автор этих заявлений совершенно такой же «законник»-полемист, как и автор корреспонденции. Эта манера постоянно ссылаться в пику начальству на разные статьи Устава угол. судопр. — чисто булановская, — а таких ссылок в корреспонденции не одна и не две, а три или даже четыре. Строго говоря, достаточно одной этой черты — настолько она характерна и значительна, — чтобы заподозрить в Л. П. Буланове автора корреспонденции. Целые абзацы из его заявлений как бы снова повторяются, или слегка перефразируются, в корреспонденции о Петропавловской крепости, опять-таки указывая тем самым сразу, где нужно искать ее автора. Повторяются также в корреспонденции в разных комбинациях отдельные характерные выражения из булановских заявлений: «Петропавловская крепость — это русская Бастилия», «смотритель, удовлетворив свои зверские инстинкты», «все эти варварские сцены», и пр. Случайными такие совпадения, конечно, не бывают.

Затем, в одном из своих заявлений в III Отделение Л. П. Буланов подробно описывает всю историю с Сабуровым, которая вызвала тогда общий протест заключенных, а равно и свое собственное избиение. Вся эта часть опять-таки повторена почти пол-

ностью в корреспонденции. Разница только в том, что в корреспонденции, в отличие от заявления, Буланов ничего не пишет о самом себе, но это как-раз и дает лишнее основание считать его автором корреспонденции.

Кроме всего этого, характерна такая деталь.

В корреспонденции есть одно любопытное место о жандармском поручике Соколове, присутствовавшем при свиданиях заключенных. «Самый грубый из всех известных заключенным жандармских офицеров», говорится о нем в корреспонденции.

Это место должно быть особо отмечено, так как «поручик Соколов», о котором идет тут речь, сделался впоследствии знаменитым Соколовым-«Иродом», смотрителем Алексеевского равелина и Шлиссельбургской крепости. В корреспонденции о «бунте» в Петропавловской крепости мы находим таким образом первое печатное упоминание об «Ироде»-Соколове в русской революционной литературе. Уже по одному этому она должна быть сохранена для потомства, так же как и имя ее возможного автора [1].

Что приведенные выше слова о «поручике Соколове» принадлежат именно Л. П. Буланову, видно опять-таки из того, что в одном из своих заявлений в III Отделение он жалуется как-раз на грубость поручика Соколова, дежурного при свиданиях заключенных с их родными.

Отметим также, что Сабуров-Оболешев свиданий ни с кем не имел, а Л. П. Буланов, напротив, имел свидания с отцом и братом. И при этих свиданиях присутствовал как-раз будущий Цербер Шлиссельбурга.

Все эти соображения и факты, приводимые О. К. Булановой-Трубниковой, делают почти бесспорным, что автором корреспонденции мог быть только Леонид Буланов [2].

[1] Ср. с ним также второе упоминание о том же Соколове в прилож. к № 1 „Листка“ за 1883 г. См. стр. 113 ростовского изд. „Лит. Нар. Воли“. В московском издании этого места нет.

[2] Ко всему сказанному в тексте необходимо, однако, сделать следующую оговорку. В статье об Оболешеве-Сабурове, напечатанной в журнале „Суд идет“, та же О. К. Буланова-Трубникова дает иную версию о происхождении рассмотренной нами только что корреспонденции. Именно, она считает ее произведением коллективным, переданным на словах заключенным Мозговым своему судебному адвокату Коршу. Через Корша эта корреспонденция успела дойти по назначению и появилась в одном из номеров „Нар. Воли“. Не надо, однако, думать, что эти сообщения О. К. Булановой ошибочны. Все, что она рассказывает в „Суд идет“, действительно имело место, корреспонденция, переданная на словах Коршем, действительно была напечатана, но только не в „Нар. Воле“, а в „Земле и Воле“. Ср. сб. Базилевского „Революционная журналистика 70-х гг.“, стр. 452—453.

4. Выводы.

Однако только этими выводами мы не можем ограничиться в данном случае, так как ими далеко еще не охватывается приведенный выше материал. Основываясь на нем, если взять его во всем целом, мы имеем право прибавить к только что сделанным еще несколько заключений, но уже гораздо более общего характера. Самое существенное из них будет состоять в следующем: очевидно, если самые достоверные свидетели могут так противоречить друг другу, как это мы видели на примерах с № 1 «Нар. Воли», то, стало-быть, ни один библиограф не может принимать без проверки никаких свидетельских показаний, с чьей бы стороны они ни исходили. Здесь, напротив, все должно быть критически разобрано и переоценено, и только после такой переоценки может быть принято за основу для тех или других выводов окончательного характера. Это—основное правило, которым мы должны руководиться в работе над исследованием анонимов «Нар. Воли».

Параллельно с этим стоит и второе наше заключение общего характера. Его мы можем сформулировать так:

— Непосредственное изучение самого печатного материала, подлежащего расшифрованию, во всех его характерных особенностях, и сопоставление результатов такого изучения с данными свидетельских показаний и с разного рода документами, сюда относящимися, — таковым будет второе методологическое правило, при строгом выполнении которого мы гарантируем себя от всех сколько-нибудь серьезных ошибок в изучении народовольческой журналистики как с библиографической, так и политической точек зрения.

Эти приемы и методы изучения и применялись нами во всех отделах предлагаемой работы.

ГЛАВА III

ПО КАКИМ ПРИНЦИПАМ СОСТАВЛЯЛСЯ «АЛФАВИТ СОТРУДНИКОВ»

1. Статья Н. И. Кибальчича и «Хроника» Н. А. Морозова.

От характеристики приемов работы по определению авторов статей в «Народной Воле» мы должны были бы теперь перейти к характеристике ее редакционного состава, так как оба эти вопроса тесно друг с другом связаны. Но прежде чем сделать это, нам нужно указать еще на одну особенность того «Алфавита сотрудников «Народной Воли», комментарием к которому является все содержание настоящих библиографических заметок.

Просматривая более или менее внимательно этот «Алфавит», легко заметить, что в состав его внесены не только литераторы «Народной Воли», но также народовольческие «работники печатного дела», говоря современными терминами. Следовательно, в нашем «Алфавите» взяты за одни скобки и те, кто писал в «Народной Воле», и те, кто печатал этот орган в подпольных типографиях. Литераторы и типографщики здесь объединены в общем списке, без каких-либо подразделений, и одинаково трактуются как сотрудники газеты «Народная Воля».

Правильна ли такая постановка вопроса о составе «Алфавита» и что можно сказать в ее защиту?

Едва ли, впрочем, нужно особенно доказывать, почему эти две, по существу, разумеется, разные категории взяты в нашем списке как разнозначные. Их приходится брать слитными уж потому, что в самой жизни литераторы «Народной Воли» и народовольческие типографские работники постоянно менялись своею ролью или даже совмещали в самих себе и тех и других, что еще более характерно.

Классический пример такого рода дает, напр., Н. И. Кибальчич, как это видно из нашего же «Алфавита». Кибальчича-террориста и конструктора первомартовских снарядов мы знаем все, таким он и вошел уже в историю. Но кроме этого Кибальчича был еще Кибальчич-«Агаческулов», хозяин народовольческой типографии на Подольской ул., д № 11, и Кибальчич-«Дорошенко», автор статьи в № 5 «Народной Воли» «Политическая революция и экономический вопрос».

Наконец, мы знаем еще Кибальчича-«Самойлова» как сотрудника журнала «Слово».

Кибальчич таким образом совмещал в себе целый ряд революционных функций. Он был техником Исполнительного Комитета и конструктором метательных снарядов; легальным литератором «Самойловым»; революционным публицистом «Дорошенко» и хозяином подпольной типографии «Агаческуловым». На следствии по делу 1 марта на вопрос о занятиях и средствах к жизни Кибальчич ответил так же очень характерно:

— Занятия — литературный труд. Средства к жизни — заработок от литературного труда [1].

Между тем из всех тех четырех Кибальчичей, о которых мы тут говорим, — Кибальчича-террориста, Кибальчича-«Агаческулова», Кибальчича-«Дорошенко», Кибальчича-«Самойлова», — нам менее всего известен Кибальчич-литератор, хотя сам он своим литературным занятиям придавал, повидимому, гораздо большее значение, чем позднейшие критики и историки «Народной Воли». Неведомый никому «Дорошенко» не привлек внимания ни Богучарского, ни Плеханова, никого из современных исследователей. В своем историческом высокомерии и в погоне за крупными именами они не заметили за скромным анонимом «Народной Воли» гениальной фигуры одного из крупнейших первомартовцев. Это тем более странно, что статья Кибальчича-«Дорошенко» чрезвычайно интересна и сама по себе, и только при том равнодушии к народовольческой журналистике, которое, как мы видели, отражается даже в официальных «Тезисах» кружка народовольцев, ее и можно было игнорировать.

В своей статье Н. И. Кибальчич дает чрезвычайно интересную попытку противоставить народовольческое решение вопроса о соотношении экономики и политики чернопередельческому, с одной стороны, и якобинскому, с другой.

«Синтезом этих двух односторонних мнений служит, — говорит он, — взгляд, который, признавая тесную связь и взаимо-

---

[1] См. показания Н. И. Кибальчича в №№ 10—11 „Былого“ за 1918 г., стр. 291.

действие политического и экономического факторов, полагает, что экономический переворот не может осуществиться без известных политических изменений, ни, наоборот, свободные политические учреждения не могут установиться без известной исторической подготовки в экономических сферах. Этот взгляд, разделяемый нашей фракцией и нашим органом, мы, — заявляет Кибальчич, — разовьем дальше в частностях».

Кибальчич таким образом развивает ту самую идею о социализме и политической свободе, которая была центральной во всей народовольческой публицистике, и уже по одному этому статья его должна привлечь наше особенное внимание. Затерянная до сих пор в груде анонимных произведений «Народной Воли» как неведомо кому принадлежащая, она должна быть извлечена, наконец, из этого забвения и поставлена в один ряд с такими характернейшими и основными произведениями народовольческой журналистики, как «Политические письма социалиста» Гроньяра-Михайловского [1] или передовая статья Н. А. Морозова в № 2 «Народной Воли», без цитат из которой не обходится ни одна работа об общественном движении того времени.

Что касается Кибальчича — не «Дорошенки», а «Агаческулова», то и его роль, как хозяина типографии на Подольской ул., была далеко не маловажной. Эта типография была открыта взамен арестованной (после вооруженного сопротивления) в Саперном пер., благодаря чему «Народная Воля» могла снова восстановить свой выход. Приблизительно в это же самое время Кибальчич и писал статью «Политическая революция и экономический вопрос», а равно, повидимому, и другие [2], так что даже чисто хронологически роль его как сотрудника газеты

---

[1] Совпадение взглядов Кибальчича и Михайловского особенно ярко подчеркивается заключительными строками в указанной выше статье Теодоровича, в № 8-9 „Кат. и Ссылки“. Теодорович пишет там: „В одной из статей „Нар. Воли“ имеется очень красивое сравнение. У русского гербового орла две головы, два жадных клюва, они связаны единством ненасытного желудка. Один клюв, одна голова — это государственный деспотизм, другая же голова, другой клюв—это капитализм. Бейте же по обеим головам кровожадной птицы“. Заключая этими словами как программными всю свою работу, И. А. Теодорович не считает, однако, нужным прибавить, что автор их—Н. К. Михайловский, и что на той же точке зрения стояли и другие сотрудники „Нар. Воли“, напр., Кибальчич-„Дорошенко“.

[2] См. слова П. С. Ивановской (указанн. статья, стр. 40) о № 2 „Листка Нар. Воли“: „Если память не изменяет, в этом номере печаталась и статья Кибальчича. Он тогда увлекался Дюрингом, что отразилось на хорошо написанной статье для № 2 „Листка“. О какой статье говорит тут П. С. Ивановская, нам установить не удалось. Вообще в № 2 „Листка“ нет статей, на которых сказывалось бы увлечение Дюрингом. У самого Кибальчича Дюринг упоминается только в статье в № 5 „Нар. Воли“.

«Народная Воля» сливалась с его ролью как народовольческого «работника печатного дела», так что разделять их было бы противоестественным.

И не один Кибальчич находился в то время в подобном положении. Другой пример почти такого же совмещения мы, собственно, видели уже выше на А. А. Квятковском. Правда, мы не знаем ни одной статьи Квятковского в «Народной Воле» [1], зато мы знаем больше: мы видели уже, как он взял на себя обязанности редактора № 1 этой газеты по отъезде Н. А. Морозова в Москву [2]. Как редактор «Нар. Воли», Квятковский, конечно, имеет все права быть занесенным в список ее сотрудников. Но мы знаем опять-таки, что Квятковский был не только «выпускающим» редактором «Народной Воли», а также и корректором, и в качестве корректора принадлежал уже не к авторам или литераторам, как в качестве редактора, а к «работникам печатного дела». Наконец, тот же Квятковский заведывал сношениями типографии «Народной Воли» с внешним миром и для этой цели время от времени посещал квартиру в Саперном пер. и входил там в круг интересов чисто типографских. Квятковский, следовательно, в еще большей степени, чем даже Кибальчич, совмещал в себе разные функции сотрудников «Народной Воли».

Третий пример такого же рода дает первый же фактический редактор «Нар. Воли», а не только выпускающий, — Н. А. Морозов.

В своей автобиографии Н. А. Морозов упоминает [3], как при основании газеты «Народная Воля» он был выбран вместе с Тихомировым в состав ее редакции. Но он не дает там никаких подробностей о своей редакторской работе, ни о своем сотрудничестве в «Народной Воле», и только теперь мы обладаем этими сведениями почти полностью. Замечательной чертой этой деятельности Морозова было то, что даже ему, до такой степени погруженному в текущую редакционную работу, приходилось порою прикасаться, благодаря капризному стечению обстоятельств, как и Квятковскому с Кибальчичем, к делам чисто ти-

[1] В кн. В. Я. Богучарского о „Нар. Воле“ говорится, впрочем, о передовой в № 1 „Нар. Воли“: „Автор этой статьи, кажется, А. А. Квятковский“ (прим., стр. 463). Вслед за Богучарским то же повторяет И. А. Теодорович (указ. ст., стр. 18). Но это неверно. Автором этой передовой был Тихомиров, на что указывал еще Плеханов в заметке „Неудачная история Нар. Воли“ (о Богучарском), см. Соч., том XVIII.

[2] В „Хронике“ ген. Шебеко даже прямо сказано: „Редактором „Народн. Воли“, начиная с ее открытия в октябре 1879 г. до своего ареста, был Квятковский“ (стр. 139).

[3] См. Словарь Граната, т. XI, прилож., 5 и 6 вып., стр. 312.

пографским. Об этом любопытном моменте напоминает нам одно место в «Хронике преследований» в № 3 «Народной Воли», составленной самим Н. А. Морозовым, которое мы здесь приведем в большом извлечении, так как оно и само по себе довольно интересно. Речь там идет об арестах в ноябре 1879 года, когда между прочим был захвачен, под именем Чернышева, тот самый Квятковский, о котором говорилось выше.

«В связи с арестом Чернышева, — продолжает автор «Хроники», — был на следующий день арестован инженер Хитрово с женой, которые, впрочем, на другой же день бежали из-под ареста и до сих пор не разысканы полицией».

И дальше: «По поводу этих двух арестов в городе ходили легендарные слухи: утверждали, что они имеют связь с московским взрывом, что из квартиры Чернышева, а по другим источникам — из квартиры Хитрово (обе квартиры—в 5-х этажах), вели подкоп под дворец, или, как говорили другие, под дом княгини Долгорукой, известной любовницы царя. Эти слухи, расходясь все более и более, получили столько вариантов, что в конце-концов ничего нельзя было разобрать: говорили о подкопах чуть не на каждой улице Петербурга. Вероятно, это обстоятельство в связи с каким-нибудь случайным доносом и послужило поводом к обыску в Публичной Библиотеке (в середине декабря), где искали во всех подвалах подкопа под Малую Садовую, на которой будто бы предполагалось взорвать царя при его проезде в манеж на развод».

Инженер Хитрово в этих цитатах — это и есть Н. А. Морозов. Жена его — Ольга Любатович. Арестована была тогда собственно Любатович в квартире Квятковского-«Чернышева», но ей удалось убедить полицию, что она попала туда случайно, по дороге к портнихе, которая жила по той же лестнице. Мистификация была разыграна Любатович так искусно, что ее препроводили домой, на ту квартиру, где она жила вместе с Н. А. Морозовым, и там в свою очередь Н. А. Морозов, сразу поняв, в чем дело, еще более запутал и успокоил полицию полной естественностью своего поведения. Полиция оставила их, до дальнейшего выяснения, под домашним арестом, из-под которого они немедленно и постарались скрыться. Вот этот эпизод и имеет в виду «Хроника преследований». Но в ней не говорится и не могло быть сказано самого главного и интересного: куда именно исчезли «инженер Хитрово с женой» и где они скрывались. Теперь мы знаем все эти детали.

После того как Н. А. Морозову и О. С. Любатович удалось уйти из рук полиции из-под домашнего ареста, их поместили, как

в самое безопасное место, в типографию в Саперном переулке. «Занимались мы только печатанием, — говорит по этому поводу Н. К. Бух, хозяин типографии в Саперном, — теперь поселилась у нас и часть редакции. Морозов и Любатович составляли, сидя у нас, отдел «Хроники преследований», прочитывали и отделывали корреспонденции для № 3 «Нар. Воли». Раньше забегали к нам товарищи только по типографским делам, а теперь заходили, часто подолгу сидели и по редакционным делам» [1]. Типография таким образом сливалась с редакцией, а типографщики объединялись в одно целое с литературными работниками, тем самым лишний раз оправдывая объединение двух наших списков под одним общим заглавием.

Приведенные выше места из хроники № 3 заслуживают внимания и с другой стороны, а не только с этой, как материал для характеристики общественного настроения конца 70-х гг. Борьба Исполнительного Комитета с Александром II захватывала тогда все общественные слои и группы и создавала нервное ожидание каких-то крупных, даже катастрофических событий. На хронике № 3 это отразилось в очень яркой форме. «Московский взрыв», о котором там говорится, — это взрыв царского поезда 19 ноября 1879 года. Излишне повторять здесь, какое впечатление произвело это событие и какую тучу слухов оно вызвало. Но вслед за ним произошел арест «Чернышева»-Квятковского, у которого были найдены план Зимнего дворца, с пометкой крестом на столовой, и динамит, не говоря о номерах «Нар. Воли». А затем этот загадочный визит к «портнихе» и таинственное исчезновение инженера Хитрово с женой...

Все это вместе взятое и порождало те скопления всяческих слухов, которые Морозов записывает в своей «Хронике», превращая ее тем самым в очень интересный исторический документ. Особенно любопытна в ней приведенная выше запись о поисках подкопа на Малой Садовой еще в декабре 1879 года! Правительство как бы само наводило революционеров на мысль, где нужно устраивать подкопы, больше чем на год предупреждая в этом отношении события. А когда подкоп под Малую Садовую был действительно организован, оно не смогло раскрыть его даже при специальном обыске у Кобозевых чуть не накануне 1 марта [2].

[1] См. ук. ст. Буха в № 8-9 „Кат. и С.“ за 1929 г., стр. 81.

[2] Другим примером чрезвычайно интересной информации и большой осведомленности являются две корреспонденции из Москвы (об Алесандре II, после покушения 19 ноября 1879 г.) от 1 и 3 декабря, напечатанные в № 3 „Нар. В.“. Кто автор их—установить, к сожалению, не удалось. См

2. П. Ф. Якубович и В. Г. Богораз в роли типографских работников.

Как уже было упомянуто выше, Н. А. Морозов выехал за границу после третьего номера «Народной Воли» и после ареста типографии в Саперном переулке, при котором этот номер и погиб почти целиком, благодаря чему он является теперь совершенно исключительной редкостью. Ближайшей причиной отъезда Морозова за границу был, однако, не арест типографии, а подготовлявшийся тогда взрыв в Зимнем дворце, после которого ожидали, как всегда бывало в таких случаях, больших обысков и арестов и вообще всяких преследований со стороны перепуганного правительства. Так и вышло: взрыв в Зимнем дворце, организованный Халтуриным, произвел настоящую панику в придворных сферах и заставил правительство принять небывалые репрессии. Благодаря им, подпольная типографская работа не сразу вошла в свою колею, и только с лета 1880 года начали выходить сначала «Листки», а затем и сама «Народная Воля». Как тогда сложились дела с совмещением функций литераторов и типографщиков в одних руках, мы знаем уже на примере Кибальчича, который как-раз в это время и делается одновременно и «Агаческуловым», и «Дорошенко». Но и на Кибальчиче эта нить фактов еще далеко не оборвалась, — даже больше: с каждым дальнейшим этапом народовольческой журналистики она закручивалась все новыми и новыми узлами и захватывала с каждым разом крупнейших деятелей «Народной Воли».

Обозревая теперь события в прошлом за все 50 лет, прошедшие с тех пор, мы не можем не отметить, что в самом близком общении с работой в подпольных типографиях началась литературная деятельность двух крупных писателей и художников позднейшего времени — П. Ф. Якубовича и В. Г. Богораза-Тана, ныне профессора ЛГУ и ученого этнографа, о котором нам еще придется говорить подробнее.

С именем Якубовича широкие читательские круги близко сроднились по его книге «В мире отверженных», появившейся в конце 90-х гг. под псевдонимом «Л. Мельшина», и по его стихотворениям в журналах, которые он обычно подписывал инициалами «П. Я.». Это был тогда один из самых популярных революционных поэтов, а своим описанием каторги он поставил себя сразу в первые ряды русской художественной литературы.

также в „Листке“, № 1 за 1881 г., в „Хронике арестов“, об обысках после 1 марта. Любопытно сравнить эту информацию с заметкой „Москва в марте 1881 г.“ в XIV кн. „Красного Архива“.

Но начал писать Якубович еще в конце 70-х гг., а вскоре после этого ему пришлось выступить и на ответственных постах в революционной журналистике.

В истории народовольческой журналистики с именем Якубовича тесно связано печатание и составление № 10 «Народной Воли», вышедшего осенью 1884 года. № 10 «Нар. Воли» печатался одновременно в двух изданиях — дерптском и ростовском. Как это отмечал еще недавно один из историков эпохи «Народной Воли» [1], ростовское издание имело пометку, что оно — 2-е издание. Ростовское издание сокращеннее дерптского [2] — в нем нет имеющихся в дерптском издании иностранного обозрения, хроники арестов, отчета и некоторых заметок. Из этих двух изданий П. Ф. Якубович имел ближайшее отношение не к ростовскому, а дерптскому, то-есть наиболее полному. Дерптским оно называется потому, что набиралось и печаталось в типографии студента Дерптского университета Переляева, человека вполне легального и превратившего свою комнату, которую он снимал «от хозяев», в подпольную типографию. Для связи с типографией Переляева Якубович и был командирован в Дерпт.

Весь литературный материал проходил здесь через его руки, и он тут играл такую же приблизительно роль секретаря редакции, как роль Н. А. Морозова или Квятковского при печатании первых номеров «Народной Воли». Так же как и Н. А. Морозов, Якубович обрабатывал текущий материал, составлял хронику арестов, правил корреспонденции, писал денежные отчеты с их бесчисленными инициалами и условными обозначениями, и вел редакционную деловую переписку (см. ее теперь в кн. XXXVI «Кр. Арх.»), очень утомительную и сложную, благодаря своей сугубой конспиративности; словом, проделывал и выполнял всю ту черную работу, незаметную для посторонних и уж по одному этому неблагодарную, без которой, однако, не может обойтись ни один крупный печатный орган, а тем более подпольный.

Но роль Якубовича в дерптской типографии далеко не ограничивалась только этим. Кроме работы редакционной или собственно секретарской, ему приходилось вести также работу корректорскую, а когда нужно было, то и переходить прямо к работе типографской, помогая набирать и печатать тот орган, который

---

[1] См. примеч. С. Н. Валка к ст. „П. Л. Антонов в Петропавловской крепости“, „Красн. Арх.“, кн. XXXI, стр. 227. См. также статью того же автора о самом Якубовиче в кн. XXXVI „Кр. Арх.“, особенно прим. 46.

[2] Так как в это время (окт. 1884 г.) начались аресты, то набрать весь номер не успели.

он же составлял [1]. С этой целью Якубович переселялся незаметно для хозяев в комнату Переляева, в самую типографию, где шла вся работа, и проводил там по нескольку дней при самых тяжелых конспиративных условиях.

Это участие революционных журналистов в подпольно-типографской работе подчинялось даже своего рода историческому закону. Оно становилось тем интенсивнее и напряженнее, чем сильнее давили на революционную печать правительственные гонения, и чем более и более сокращался личный состав революционного движения. Естественно поэтому, что в последних номерах «Народной Воли» почти не было уже никакой разницы между теми, кто писал в ней и кто набирал и печатал ее статьи. Классический образчик такого рода дает история № 11-12 «Народной Воли» и «Листка» № 3, этих последних всплесков когда-то бурной народовольческой волны. № 11-12 был самым большим по размерам из всех номеров «Народной Воли». Он вышел в конце 1885 года, более чем через год после номера 10-го, и редакция как бы хотела наверстать пропущенное время размерами своей газеты и обилием в ней печатного материала. Всего в этом номере свыше 100 страниц, если перевести их на обычный журнальный формат, то-есть он превышает слишком в полтора раза все остальные номера «Народной Воли». Главной литературной силой № 11-12 являлся несомненно В. Г. Богораз-Тан, трудами которого написано не меньше трех четвертей всего номера. Но будучи очень энергичным литературным работником, Богораз вместе с тем, как и Якубович, не сторонился и от непосредственного участия в «черной» типографской работе. На его плечи она даже выпала в гораздо большей степени, чем на плечи Якубовича, так как в то время как Якубович имел отношение к одной только типографии, Богораз оказался связанным с целыми тремя: с таганрогской и новочеркасской, в которых печатался № 11-12 «Народной Воли», и с тульской, из которой вышел «Листок» № 3.

«Три тайных типографии, — пишет он сам в своей автобиографии. — Днем, бывало, бегаешь по городу, занимаешься

---

[1] Ср. в „Хронике“ ген. Шебеко: „Печатанием номера и его распределением руководил Петр Якубович. Он же дал подробный отчет о ходе дел Неониле Саловой, которая сообщила его Лопатину“. И еще: „В августе приступили к выпуску № 10 „Нар. В.“, выпуск длился до ноября и достиг цифры 1200 экз. В этой самой типографии (дерптской) работал П. Якубович Он редактировал 10-й номер и держал его корректуру“. См. „Хроника социалистического движения в России в 1878—1888 годах“. Москва, 1907 г. (пер. с франц.), стр. 263, 285.

делами, конспирацией, а ночью — тотчас же за машину. Я, впрочем, так приловчился, что мог дремать стоя, с валиком в руках, над батырною черною работой»[1].

«Ему вообще для этого номера пришлось поработать много, — пишет о Богоразе главный организатор тульской типографии З. В. Коган, — и статьи писать, и редактировать весь остальной материал»[2].

В разные эпохи «Народной Воли» это смешение различных функций носило, правда, как это видно уже из наших примеров, несколько отличный один от другого характер, в зависимости от общего положения дел, но при всех своих различиях оно всегда имело место. Положение того же Кибальчича, с этой точки зрения, было, разумеется, значительно иным, чем положение хотя бы Богораза или даже Якубовича. Разницы этой не нужно затушевывать, так как она определялась общими условиями революционной деятельности, а не теми или другими индивидуальными особенностями самих революционеров. Во времена Кибальчича людей было относительно еще много, приток свежих сил шел настолько интенсивно, партия так быстро двигалась в гору, что не чувствовалось в такой степени, как позже, этой суровой необходимости перегружать одних и тех же работников самыми разнообразными обязанностями. И если тот же Кибальчич, при всей своей погруженности в вопросы техники взрывчатых веществ[3], обращался к литературной работе, то он это делал, несомненно, по большому внутреннему личному влечению, а собственно типографской работе ему даже не приходилось отдавать своих сил, так как «хозяином» типографии, «Агаческуловым», он являлся, строго говоря, номинальным, а не по существу, и ему не приходилось нести в ней черную, «батырную» работу. Но иным было положение во времена Якубовича или Богораза.

---

[1] См. Словарь Граната, том XL, стр. 443.

[2] Сб. „Народовольцы 80-х и 90-х гг.“, стр. 109, ст. З. В. Когана о тульской типографии.

[3] Насколько погружен был Кибальчич в свои работы о взрывчатых веществах и к каким плодотворным идеям он приходил в этом случае, показывает его „Проект воздухоплавательного прибора“, набросанный им вчерне 23 марта 1881 года, за несколько дней перед казнью, в камере Дома предварительного заключения. См. этот проект и комментарии к нему инженера Рындина в № 10-11 „Былого“ за 1918 год. Достаточно сказать, что основная идея Кибальчича при построении воздухоплавательного прибора была та самая, которая ныне занимает, можно сказать, весь ученый мир при решении вопроса о межпланетных путешествиях. Для своего времени эта идея была в полном смысле гениальной.

При Якубовиче, а еще более при Богоразе, условия революционной работы заставляли мобилизовать все наличные силы над выполнением самой насущной по тому времени задачи — над изданием свободной печатной литературы, хотя бы в виде только «Листков». На этом тогда и сосредоточивались всё более и более все помыслы. Людей к тому времени оставалось так мало, а работы наростало так много, что думать о разделении функций, или о белой и черной, батырной, работе, о которой говорит Богораз, просто было некогда, да и не к чему. И когда нужно было, когда не предвиделось иного выхода, литераторы, едва закончив свои статьи, сами становились за печатный станок и наборную кассу, чтобы набирать и печатать свои же произведения. Конечно, с другой стороны, если обстоятельства улучшались и приходила подмога, то их сменяли, и они снова могли возвратиться к работе чисто литературной либо редакционной, вообще близкой к творческой. Но как общее правило, они должны были быть и в таких случаях готовы во всякую минуту спешить на тот участок своего фронта, где сказывалась особенная нужда в людях, не задумываясь, какую работу придется там выполнять.

Это был суровый закон революционной необходимости, и его брали таким, как он есть, все те, в ком теплилось еще чувство ненависти к поработителям и сознание солидарности с порабощенными.

3. За совместной работой.

У литераторов «Нар. Воли», кроме всех перечисленных, была еще одна обязанность, на выполнение которой им приходилось отдавать свои силы. Это не набор и не составление, а переписка для типографии чужих статей, ради, конечно, требований конспирации. Такую роль выполнял, напр., А. И. Иванчин-Писарев по отношению к статьям Михайловского. В одном из писем Н. К. Буха (неизд.) есть по этому поводу следующее сообщение: «Рукописи товарищей в типографию поступали в подлинниках. Рукописи посторонних лиц, может быть, бывали кем-нибудь переписываемы. Письма «Гроньяра» были написаны красивым, мелким, но очень разборчивым почерком, на почтовой бумаге большого формата. Я тогда же подумал, что они кем-либо переписаны. В типографии знали, что «Гроньяр» — псевдоним Михайловского» [1].

---

[1] Ср. с этим следующее место в последней статье того же Н. К. Буха в № 8-9 „Каторги и Ссылки“ за 1929 г.: „В первой половине ноября (1879 г.) Тихомиров принес нам (в типографию в Саперном пер.) „Полити-

О том, как эти письма копировались, сообщает А. И. Иванчин-Писарев, сам этим занимавшийся.

«Мы опасались, — говорит он, — как бы характерный слог Ник. К. не обнаружил его сотрудничества. Чтобы замаскировать его участие, мы предложили задуманные им «Политические письма социалиста» присылать якобы из Женевы, и, кроме того, я принял на себя обязанность переписывать их, дабы по почерку оригинала не могли узнать, кто автор».

Переписка статей Михайловского происходила прямо в его кабинете на той же бумаге (как-раз почтовые листы большого формата), на какой он обычно писал свои статьи. В позднейшее время Михайловский иногда прямо диктовал нелегальные статьи тем, кто являлся посредником между ним и подпольной журналистикой. Тайна этого сотрудничества строго хранилась в подпольном мире. Никто не подозревал в широких читательских кругах о ней. Благодаря таким мерам предосторожности, те же «Политические письма социалиста» приписывались то Драгоманову, то Кравчинскому, но никто не думал, что автор их — один из самых популярных л е г а л ь н ы х публицистов той эпохи. Не предполагал этого несомненно и Департамент полиции, так как ни в одном из его «Обзоров», а также и в других аналогичных изданиях [1], нет никаких указаний на то, что правительству было известно сотрудничество Михайловского в «Народной Воле». Происходило это потому, что около Михайловского не оказывалось так называемых «внутренних сотрудников», хотя бы таких, каким был Всеволод Костомаров при Чернышевском. Даже предательство Дегаева, едва не погубившее, например, С. Н. Кривенко, которого только случайность спасла от карийской каторги, прошло мимо Михайловского, почти не задев его. Непосредственно с Михайловским Дегаев не встречался, так как Михайловский был выслан в это время из Петербурга за речь к студентам в ноябре 1882 года во время «поляковских» беспорядков, и мог сообщить лишь задним числом о свидании его с В. Н. Фигнер в Харькове в октябре того же года. Особых последствий это указание Дегаева не имело. Известны слова Плеве, что он не желает подвергать Михайловского открытым преследованиям, чтобы не

ческие письма социалиста". Письмо первое—Михайловского - Гроньяра. Это письмо произвело на нас большое впечатление. Уже один тот факт, что Михайловский, имевший огромное влияние на учащуюся молодежь и интеллигентных рабочих, принимает участие в нашем органе и выступает с довольно близкой к нам программой, имел для нас большое значение". См. ст. „Первая типография Народной Воли", стр. 76.

[1] Напр., в „Хронике" ген. Шебеко, ср. там стр. 122.

делать из него второго Чернышевского. Так и шла эта совместная работа подпольных журналистов с легальными за все время существования «Народной Воли».

Параллельно этому такие же отношения создавались и между другой частью народовольческой журналистики — между собственно литераторами и «работниками печатного станка», типографщиками. Это было единое революционное братство, в котором каждый член жил интересами всех остальных и входил во все детали работы, к чьей бы специальности они ни относились.

Чтобы иллюстрировать эту черту народовольческой журналистики, мы приведем здесь еще одно письмо (тоже неопубл.), принадлежащее на этот раз П. С. Ивановской, хозяйке двух петербургских типографий на Подольской ул., в котором на почве повседневной типографской жизни ярко проступает духовная близость между собой сотрудников «Нар. Воли» самых разных категорий. Речь идет там о том, насколько типографские работники были осведомлены об авторах статей, которые они набирали и печатали.

«С уверенностью могу сказать,—пишет П. С. Ивановская,—что статьи Тихомирова мы всегда знали и они приносились к нам свеженькими, прямо из-под пера, без изменений. Статьи Кибальчича мы угадывали по содержанию, потому что он был почитателем Дюринга и это отражалось на его писаниях и спорах. Статьи Н. К. Михайловского нами самими как-то определялись, а, может быть, кто-нибудь невзначай проговорился из приносивших — не помню. Набирали их с большим вниманием, а статью о Лорис-Меликове — «Волчий рот и лисий хвост» — хорошо помню. Она очень нравилась и была нами читана вся целиком перед тем, как с ней мы поступили так, как поступали с каждой статьей, принесенной для набора, которые для этого рвались на части и раздавались наборщикам. Статья написана была четко и без помарок на почтовой бумаге большого формата, какую употреблял впоследствии и Вл. Г. Короленко в своих работах. Думается, она была переписана, ибо почерк не походил на его автографы, которые я позже видела. То же могу сказать про письмо к Александру III, принесенное, кажется, Грачевским. Поправок или переделок на нем не было, чистое, без помарок, хорошо написанное. Мы с восторгом читали его и с подъемом набирали. Нам казалось, что это самое значительное, самое яркое из литературных вещей «Нар. Воли». Рукописи всегда приносились теми, кто посещал постоянно нашу квартиру и при том из стариков революции. Сначала ходил А. Д. Михайлов, а за его арестом стал ходить Гр. Исаев, потом

«Сеничка» (Баранников), под конец опять Исаев. Больше никто не знал и не бывал у нас, не зная адреса квартиры. Особенно такая строгость наблюдалась в типографии газеты «Нар. Воля». В «Листок Народной Воли» ходил всякий народ, порядка никакого не существовало, подтянулись после».

Все это очень характерно! Чрезвычайно типичны в особенности эти слова о «Письме к Александру III»: «Мы с восторгом читали его и с подъемом набирали». Так могли относиться к подобным рукописям только те люди, которые жили одной духовной жизнью с их авторами, составляли с ними, как мы уже сказали, единое духовное братство, готовое в лице всех своих членов на любое самопожертвование во имя тех идей, которым они все вместе служили. Вот почему так просто и легко эти скромные типографщики превращались в самоотверженных террористов, как Кибальчич, или гибли на виселице, едва оторвавшись от своих корректур, как Квятковский, или же сразу все единодушно, женщины и мужчины, не думая ни о каких последствиях, брались за оружие и оказывали героическое сопротивление при аресте, как это было в Саперном переулке. Работа всех их одинаково происходила при таких условиях, которые делали ее настоящим моральным подвигом, и было бы мертвым доктринерством расчленять их на разные категории в зависимости от того, где они исполняли свои обязанности — за письменным столом литераторов, или за наборной кассой подпольной типографии.

ГЛАВА IV

РЕДАКТОРЫ

1. Лев Тихомиров.

Редакция для каждого печатного органа имеет такое же значение, как главный штаб для действующей армии. Нам нужно поэтому прежде всего изучить редакционный состав «Народной Воли», если мы захотим составить себе правильное представление о ее литературной стратегии.

Редакция «Народной Воли» создавалась длительным путем. Непосредственным образом она вышла из состава руководящих кадров «Земли и Воли»[1], но вскоре обновилась, частью пополнившись свежими силами, частью потеряв кое-кого из старых. Строго ограниченных рамок редакция «Народной Воли», впрочем, не имела. Бывали моменты, когда в роли редактора выступал весь состав Исполнительного Комитета, несмотря даже на то, что в принципе печатный орган партии пользовался полной автономией. Бывало, напротив — особенно в последние годы народовольческой журналистики, — что тот или другой состав редакции сам превращался в руководящий орган партии, не литературный, а политический. Так, отчасти только, правда, произошло с № 8 «Нар. Воли», а еще более с № 10, вышедшим под редакцией Г. А. Лопатина. Случалось, наконец, что личный состав редакции сводился к двум-трем или даже всего одному-двум постоянным сотрудникам, на долю которых и падала вся тяжесть и литературной, и редакционной, и политической работы, и даже работы типографской. Классическим образцом такого рода является богоразовский «Листок» № 3 (январь, 1886 г.). Словом, здесь намечались разнообразные комбинации, сообразно общему положению революционных дел.

---

[1] Подробнее об этом см. в приложении: „Землевольческая библиография".

Несмотря, однако, на все это, несмотря даже на относительность самого понятия редакционной автономии в тех случаях, когда редакция растворялась во всем руководящем коллективе партии, — можно тем не менее выделить из общего состава сотрудников «Народной Воли» ряд лиц, к которым вполне применимо название р е д а к т о р о в в обычном смысле такого слова и в руках которых сосредоточивалась литературная и руководящая работа по официальному печатному органу партии. Сделать такое выделение, по первому взгляду, даже очень просто и легко: всякий, кто слышал о газете «Народная Воля», знает прекрасно, какую роль в ее главном литературном штабе играл, напр., Лев Тихомиров, будущий редактор «Московских Ведомостей» и ренегат, а в то, народовольческое, время — «наиболее энергичное и продуктивное перо партии», как о нем выразился в своей «Хронике» ген. Шебеко.

Строго говоря, по общему представлению, давно уже получившему права гражданства в русской литературе, Тихомиров является едва ли не единственным несменяемым редактором «Народной Воли», ответственным политически за все ведение этой газеты. С Тихомирова она началась, Тихомировым руководилась и наполнялась, и с Тихомировым кончилась — так, собственно, можно сформулировать обычные наши взгляды на редакционные судьбы «Народной Воли». Без Тихомирова мы ее себе не мыслим, так же как и Тихомирова мы не можем себе представить без «Народной Воли». Поэтому все ответственные, политически или программно, статьи в «Народной Воле» у нас обычно без особых колебаний приписываются почти всегда только одному Тихомирову, безразлично, появлялись ли они в первых или в последних ее номерах. Ближайшее библиографическое изучение «Народной Воли» показывает, однако, как это мы сейчас увидим, и как это компетентными людьми отмечалось и раньше [1], с какими большими оговорками должен быть принят этот традиционный взгляд на роль Тихомирова в «Народной Воле» и вообще на характер ее редакционного состава.

---

[1] См. напр., примеч. Н. А. Морозова к статье М. Ф. Фроленко о Липецком съезде, в кн. XII „Былого“ за 1906 г., стр. 27—28 и 31—32. Морозов протестует там, и вполне справедливо, против „тенденции приписывать Л. А. Тихомирову все те статьи и документы, авторы которых, как это постоянно бывает в деятельности тайных обществ, оставались неизвестными“. Морозов поясняет это ссылкой прежде всего на „Землю и Волю“: „статьи в „Земле и Воле“ все были анонимны, и все выдающееся публика стала приписывать ему“, и пр. Как на самом деле обстояло с сотрудничеством Тихомирова в „Земле и Воле“, видно из нашего приложения „Землевольческая библиография“. Ср. также слова А. П. Корба-Прибылевой на стр. 217—218 книги о „Нар. Воле“. Отметив популярность, которую создало Тихо-

Обратимся сначала к общему обзору программных статей «Народной Воли», для того чтобы выяснить роль отдельных лиц в ее руководящем органе. Картина при этом получается следующая: редакционный состав «Народной Воли» отличался прежде всего значительной текучестью. Если взять «Народную Волю» за все шесть-семь лет ее существования, то окажется, что редакционный состав менялся за это время тоже не меньше шести или даже семи раз. В общей сложности это даст, если брать средние цифры, по два или три номера газеты и «Листков» на каждую редакцию. А так как личный состав редакции обновлялся при этом почти всегда коренным образом, то уже по одному этому Тихомиров не мог играть в «Народной Воле» ту роль, которая ему обычно приписывается.

Необходимо обратить внимание затем на следующий факт, который вполне поддается точному объективному учету: начиная со второй половины 1881 года, Тихомиров вообще отходит от редакционной работы и даже от простого сотрудничества в «Народной Воле», а с конца этого года и вообще от революционных дел. Эти даты мы можем теперь восстановить по его «Дневнику» и по другим не менее веским документам. Летом 1881 года Тихомиров переезжает вместе со всем народовольческим центром в Москву, но из Москвы он часто отлучается по разным делам в другие места, пока, наконец, в первых числах нового 1882 года не переезжает в Ростов-на-Дону и вслед затем, летом того же года, и за границу.

Все это отражается на его сотрудничестве в «Народной Воле». Весьма возможно также, что уже в это время он начинает переживать тот психический надлом, который, спустя несколько лет, привел его к полному разрыву с прошлым. «Перед этим я много жил в России, не занимаясь никакими радикальными «делами», — пишет сам Тихомиров, — нечего было делать, и вкус к ним пропал. Я в то время находился в особом настроении»[1]. Не станем здесь разбирать, вполне ли искренни или нет эти слова, но факт во всяком случае состоит в том, что на его сотрудничестве в «Народной Воле» они в значительной

мирову письмо к Александру III, А. П. Корба-Прибылева продолжает: „Его слава выдающегося писателя покоилась, кроме того, на том, что ему принадлежала большая часть передовых статей „Нар. Воли". Из 55 программно-политических статей, напечатанных в „Нар. Воле", Тихомирову принадлежит, по нашему подсчету (см. Алфавит" и „Справочник"), от 10 до 12 статей, самое же большее 15 статей. Следовательно, никак не бóльшая часть. С этой идеализацией Тихомирова даже крупными деятелями той эпохи исторической критике давно пора покончить.

[1] См. „Воспом.", Гиз, 1928 г., стр. 137.

степени оправдываются, если взять период с лета 1881 года. Здесь Тихомиров действительно не занимается, если не вообще радикальными, то редакционно-литературными делами, и чувствуется, что вкус к ним у него как бы пропадает. Так что эту дату мы можем считать крайней по времени, до которой простирается его сотрудничество в «Народной Воле». Все, что было дальше, происходило уже без всякого влияния с его стороны и почти даже без его непосредственного участия.

Повторяем, так обстояло дело с лета и осени 1881 года. Посмотрим теперь, как было до того времени, в первых пяти номерах «Народной Воли», вышедших в Петербурге.

Первые 5 номеров «Народной Воли», вышедшие в Петербурге, распадаются на два периода, по типографиям, в которых они печатались, и по составу редакции, которыми они руководились. Если теперь мы просмотрим возможно внимательнее состав этих пяти номеров по тому «Справочнику», который напечатан у нас в приложении, то мы тут увидим резкую разницу между номерами, вышедшими из типографии в Саперном переулке (а там были напечатаны №№ 1, 2 и 3), и номерами из типографии на Подольской (т.-е. 4 и 5). В первых номерах огромная часть статей принадлежит Н. А. Морозову, а во вторых — Тихомирову. Это обстоятельство не случайно, и на нем нам нужно остановиться внимательнее, так как тут отражается и разница в редакционном составе, обойти которую никак нельзя.

2. Н. А. Морозов.

Роль Морозова за этот период видна из следующих фактов, кроме тех, которые нам уже известны.

Первая же заметка «От редакции» в первом же номере «Народной Воли», будучи коллективным произведением, литературно оформлена Морозовым. Затем весь информационный отдел подготовлен к печати им же. Сюда входят корреспонденции, хроника преследований, заявление от Исполнительного Комитета, официальные документы и пр. Так как весь этот материал проходит через руки Н. А. Морозова (вспомним также его рассказ о «Последней исповеди» и исправлениях в ней Квятковского), то его ближе всего можно бы назвать секретарем редакции «Народной Воли» и в то же время одним из ее редакторов.

Еще большее впечатление в этом отношении производит № 2 «Народной Воли».

Передовая статья в нем — один из самых характерных документов той эпохи [1], о которой мы упоминали выше,—принадлежит Морозову. Вторая за передовой, редакционная статья о смертных казнях весны и лета 1879 года — тоже морозовская. Извещение Исполнительного Комитета об агенте Семеко-Максимовиче — опять его же. Статья «Биографические заметки о Валериане Осинском», материал для которых доставила сестра Осинского, Анастасия Андреевна, литературно обработана Н. А. Морозовым. Ряд чисто информационных сообщений в «Хронике преследований» подготовлен к печати тоже Н. А. Морозовым, правда, в сотрудничестве с О. С. Любатович. Предисловие к заметке о генерал-губернаторах — опять Н. А. Морозова, и так далее. Что касается Тихомирова, то ему в этом номере принадлежит только «Объяснение с литературными и иными охранителями», представляющее собою обзор печати в роде той «Литературной хроники», которую он вел тогда в журнале «Дело».

Аналогичную картину представляет и № 3 «Народной Воли», хотя здесь роль Тихомирова проступает уже значительно ярче, чем в первых двух.

Таким образом в первых трех номерах «Народной Воли», о которых у нас идет речь, роль Тихомирова отступает на второй план по сравнению с ролью Морозова. Если не фактическим редактором, то, во всяком случае, тем, что мы назвали секретарем редакции, являлся в это время не Тихомиров, как следовало бы по всем нашим представлениям о нем, а Морозов, или, по меньшей мере, не столько первый из них, сколько второй. Между тем это был самый ответственный период в истории народовольческой журналистики. Его можно назвать п е р в ы м петербургским периодом, хронологически совпадающим с печатанием «Народной Воли» в Саперном переулке, с сентября 1879 года по январь 1880.

Что касается общего состава редакции, то и о нем мы можем судить по содержанию тех же номеров «Народной Воли».

Три основных произведения должны быть отмечены за этот период: 1) Передовая статья в № 1 с эпиграфом: «Карфаген должен быть разрушен», принадлежащая Льву Тихомирову, 2) «Политические письма социалиста» — Михайловского-«Гроньяра», в №№ 2 и 3, и 3) Заявление от редакции в № 1 и передовая статья в № 2, написанные Н. А. Морозовым. Авторы этих трех политически ответственных статей и соста-

---

[1] Ср. цитаты из нее у Теодоровича, в № 8-9 „Каторги и Ссылки“ за 1929 г., стр. 13.

вляли основной редакционный коллектив «Народной Воли» за первый петербургский период ее существования. При этом деловая часть редакционной работы велась попреимуществу Н. А. Морозовым.

Мы говорим здесь об основном редакционном коллективе, так как к редакционной работе привлекались и другие лица — А. П. Корба, А. Д. Михайлов и А. И. Иванчин-Писарев, о «Письмах из деревни» которого тоже можно говорить как об одной из самых ответственных статей за тот же период. Наконец, следует еще заметить, что во всякий данный момент редакция могла вообще растворяться в общем составе всего Исполнительного Комитета, хотя она и была автономной, в зависимости и от некоторых случайных практических соображений, и от чисто принципиальных. К числу последних относится, напр., помещение в № 3 программы Исполнительного Комитета, текст которой был проредактирован, конечно, не газетой «Народная Воля», а всем составом Комитета.

После ареста типографии в Саперном переулке печатание «Народной Воли» было перенесено на Подольскую ул., сначала в дом № 11, где хозяином был Кибальчич, затем в дом № 41, где Кибальчича сменил Грачевский, впоследствии трагически погибший в Шлиссельбурге. Здесь были напечатаны три «Листка» и два основных номера «Народной Воли» — 4-й и 5-й, а также «Письмо Исполнительного Комитета Народной Воли к Александру III». Это был второй петербургский период народовольческой журналистики, продолжавшийся с весны 1880 года по май 1881. С ответственными статьями за это время выступают в «Народной Воле», во-первых, сам Тихомиров, затем А. П. Корба-Прибылева, М. Р. Ланганс, Н. И. Кибальчич, А. И. Иванчин-Писарев, Н. К. Михайловский. С точки зрения политической этот период можно было бы назвать первомартовским периодом народовольческой журналистики. Основным литературным документом этой эпохи являются — поскольку, конечно, речь идет о журналистике — статьи: Кибальчича «Политическая революция и экономический вопрос», о которой мы упоминали уже выше; М. Р. Ланганса в № 3 «Листка», от 20 сент. 1880 г., о крестьянских волнениях и А. И. Иванчина-Писарева «Из деревни»; затем передовые статьи в №№ 4 и 5, принадлежащие Тихомирову,—«О желательной роли народных масс в революции», и, наконец, статьи Михайловского о гр. Лорис-Меликове.

Редакционный состав «Народной Воли» за этот — второй петербургский период значительно изменился по сравнению с первым. Перед взрывом в Зимнем дворце за границу выехал

Н. А. Морозов и там отделился от Исполнительного Комитета и даже встал к нему в оппозицию [1].

Место Морозова в редакции занял Тихомиров. К этому периоду в истории народовольческой журналистики и должно быть отнесено целиком то представление о роли в ней Тихомирова, которое у нас считается издавна общепринятым. Однако и в этом, внешне бесспорном, случае оно подлежит еще дальнейшей и более углубленной проверке и изучению. Дело в том, что рядом с Тихомировым все время, начиная с осени 1879 г., стоит еще один фактический редактор «Народной Воли», имя которого нам уже известно, — это Михайловский-«Гроньяр». И только изучивши внимательнее его отношения с Тихомировым за оба петербургских периода народовольческой журналистики, мы сможем составить себе полное представление о руководящих силах литературного штаба газеты «Народная Воля».

3. В. С. Лебедев.

Двумя первыми периодами, за время с сентября 1879 года по лето 1881, кончается связь «Народной Воли» — связь территориальная—с Петербургом. Со второй половины 1881 года начинается уже новый период народовольческой журналистики, с Петербургом непосредственно не связанный. На место Петербурга теперь становится Москва. Когда общие политические условия, а также разные случайности конспиративной обстановки заставили Исполнительный Комитет перенести центр тяжести своей работы в Москву и когда там же в Москве стала выходить «Народная Воля», тогда начался московский период народовольческой журналистики, продолжавшийся с лета 1881 по февраль 1882 года. Как он отразился на деятельности того же Тихомирова, с именем которого мы привыкли связывать судьбы всей народовольческой журналистики, мы это отчасти уже знаем. К петербургскому периоду относится кульминационный пункт политического и литературного творчества Тихомирова, блеском своим ослеплявшего своих современников. Этим кульминационным пунктом является написанное Тихомировым и проредактированное Н. К. Михайловским «Письмо Исполнительного Комитета к Александру III», про которое Маркс и Энгельс говорили: «Оно доказывает, что в рядах революционеров находятся люди с государственной

---

[1] См. об этом в новейшей работе С. Н. Валка, написанной по неизданным материалам, — „Г. Г. Романенко“, в № 11 „Каторги и Ссылки“ за 1928 г.

складкой ума». До такой высоты литературного творчества Тихомиров больше уже не поднимался. Даже напротив — после издания «Письма» мы видим постепенное падение его публицистической работы, а также и работы редакционной. Чрезвычайно показательным является в этом отношении первый же номер «Народной Воли», вышедший в Москве, и № 1 московского же «Листка».

До сих пор этот московский период «Народной Воли» совершенно не изучался с редакционной точки зрения. Неизвестным точно также оставался личный состав тогдашней народовольческой журналистики. По традиции предполагалось, что все делал и тогда тот же Тихомиров, тем более, что он находился в это время в зените своей славы и популярности, затмевавшей истинные черты его политической и литературной физиономии, а для многих затмившей ее навсегда. Насколько это представление о тогдашней роли Тихомирова на самом деле преувеличено, ясно опять-таки из нашего «Справочника». Пересматривая его, хотя бы только бегло, мы видим, что в московском «Листке» (это был № 1 за 1881 год) нет ни одной статьи Тихомирова, а в № 6 «Народной Воли» — в первом номере, вышедшем в Москве, — всего одна. И в редакции и в составе сотрудников здесь появляются уже иные, новые лица, в ряду которых наибольшую роль играет избранный в апреле 1881 года в состав Исполнительного Комитета член московской группы народовольцев Вас. Степ. Лебедев.

«В. С. Лебедев был членом Московской центральной группы партии «Народная Воля», а с переселением после 1 марта 1881 года Исполнительного Комитета в Москву вошел в Исполнительный Комитет в качестве члена редакции «Народной Воли» и «Листка Народной Воли». При его ближайшем участии вышли №№ 6, 7 и 8-9 «Народной Воли» и № 1 «Листка Нар. Воли», в которых ему принадлежали многие статьи» [1].

Все это совершенно верно. Лебедев играл тогда в народовольческой журналистике несомненно крупную роль, роль заместителя, зам-Тихомирова, говоря современными терминами. Список его статей мы видели еще в первых главах нашей работы, он приведен также в нашем «Справочнике» и «Алфавите». Из этого списка видно, насколько разнообразным и ответственным политически являлось сотрудничество Лебедева в «Народной Воле» за московский период. Лебедеву принадле-

---

[1] См. примечание „От редакции“ в сборнике „Народовольцы после 1 марта“ к программе воспоминаний В. С. Лебедева, стр. 160.

жит, между прочим, ставшая, благодаря критикам «Народной Воли», знаменитой, передовая статья в № 8-9, которая привела когда-то в ужас покойного В. Я. Богучарского, а в наши дни с восторгом цитируется в исторических очерках С. И. Мицкевича и в самое последнее время — И. А. Теодоровича. Вообще из всех передовых статей «Народной Воли» статья в № 8-9 имеет за собой едва ли не наибольшую литературу и давно, не меньше, чем лет 30—35, считается квинт-эссенцией народовольческого якобинизма. На нее обратил внимание с этой точки зрения еще покойный Л. Мартов в своей брошюре «Современная Россия», изданной в 1897 году нелегально, первоначально напечатанной в „Neue Zeit“ у Каутского. Теперь оказывается, что эта статья, столь усиленно привлекавшая внимание критиков «Нар. Воли» за все последние 50 лет, написана В. С. Лебедевым, чего никто и никогда не подозревал [1].

Но Лебедев, как это уже отмечено выше (в цитате из сборника «Народовольцы после 1 марта»), был не только чрезвычайно деятельным сотрудником, а также и редактором «Народной Воли» за тот же московский период. В самой Москве он жил тогда одно время на одной квартире с Тихомировым, о чем Лебедев сам сообщал впоследствии в минусинской ссылке С. Я. Елпатьевскому, после того как Тихомиров сделался ренегатом. Эта совместная жизнь облегчала, разумеется, их совместную работу по редактированию «Народной Воли». В своей программе воспоминаний Лебедев отвечает также, что Тихомиров в то время жил в Москве — «с выездами, довольно продолжительными, в Казань и другие места» (ук. сб., стр. 163), что естественным образом увеличивало редакционное значение со стороны самого Лебедева. Все это мы должны принять во внимание при оценке редакционных судеб народовольческой журналистики.

Кроме Лебедева, на некоторое время в числе сотрудников «Народной Воли», если только не участников и в редакционной работе, что весьма вероятно, появляются в Москве и другие вновь избранные члены Исполнительного Комитета, напр., Г. Г. Романенко и В. А. Жебунев. Жебунев представлял собою социал-демократическую струю в народовольчестве, а Романенко, напротив, был сторонником того исключительного терроризма, от которого Желябов счел нужным отмежеваться на про-

---

[1] Обычно ее приписывали, как и следовало ожидать, Льву Тихомирову. См., напр., у С. Н. Валка в примеч. „К истории процесса 21-го“: „Передовая „Нар. Воли“ № 8-9, принадлежащая несомненно перу Л. Тихомирова“ („Кр. Арх.“, XXXVI, 179). Кстати: по манере письма эта статья совсем не Тихомировская.

цессе 1 марта. Эти новые члены Исполнительного Комитета — Лебедев, Романенко и Жебунев — образовали группу молодых сотрудников «Нар. Воли», как бы загородившую собою фигуру Тихомирова. Им троим и принадлежит большинство статей как в «Листке» за 1881 г., так и в № 6 «Народной Воли», которым открывается московский период народовольческой журналистики.

Так, в «Листке» передовая статья написана Лебедевым, а передовая (первая) в № 6—Г. Г. Романенко, что нами уже было отмечено. Корме передовой, в «Листке» есть еще большое письмо «Из деревни» — оно принадлежит В. А. Жебуневу. А в № 6, кроме первой передовой, есть еще вторая передовая и внутреннее обозрение, по размерам настоящий Левиафан. Авторы этих произведений нам тоже известны — это Тихомиров и тот же Романенко, сыгравший тогда, кстати сказать, весьма печальную роль в народовольческой журналистике, а впоследствии и прямо сделавшийся ренегатом, притом много более злостным, чем Тихомиров.

Следовательно, из всех только что перечисленных 5 статей Тихомирову принадлежит всего одна.

С прежним талантом за это время Тихомиров выступает собственно всего один раз, в передовой статье № 7, где он дает ответ «Русскому Гостю» на конгрессе в Хуре — П. Б. Аксельроду. Но статьей об Аксельроде и кончается сотрудничество Тихомирова в «Народной Воле». В следующем № 8-9 нет уже ни одной статьи и ни одной строки вообще, принадлежащей Тихомирову, нет следов также и его редакторской работы. Вообще, что касается направляющей редакторской руки в только что упомянутом 8-9 номере «Народной Воли», то в этом отношении нужно отметить один характерный момент, но и он связан не с именем Тихомирова, а с именем М. Н. Ошаниной, которая с большой силой, пользуясь благоприятно сложившимися для нея условиями, проявила здесь в одном случае некоторые яркие особенности своей политической индивидуальности [1].

Итак, если не считать Ошаниной, которая занимает совершенно исключительное положение, мы видим трех несомненных фактических редакторов «Народной Воли» за период 1879—1882 гг., сменявших один другого. Эти редакторы — Морозов, Тихомиров и Лебедев. Но мы знаем точно так же, что кроме них мы встречали еще одного крупного участника в редакционной работе по «Народной Воле», положение которого было го-

---

[1] См. гл. VII „Якобинские тенденции“ etc.

раздо более сложным, чем положение остальных редакторов, а действенная роль, в силу ряда условий, гораздо менее заметной даже для лиц, близких этой газете. Мы говорим, конечно, о Н. К. Михайловском. Попробуем теперь и этот вопрос осветить чисто фактически и документально.

4. Н. К. Михайловский.

Роль Михайловского в революционной журналистике в настоящее время нужно считать вполне выясненной. В оценке ее сходятся писатели самых разнообразных политических оттенков.

«Как бы ни относиться к теориям и взглядам Михайловского, — говорит, напр., В. И. Невский, — как они ни представляются нам устаревшими и ненаучными, несомненно одно: Михайловский в период 70-х и 80-х гг. — это не только мирный литератор легальной прессы, а и нелегальный публицист лучшего в то время политического журнала «Народная Воля», автор «Политических писем» Гроньяра, близко принимавший к сердцу интересы борцов за народ, помогавший им словом и делом и, главное, сумевший лучше, чем кто-либо иной, выразить задачи момента»[1].

К этим словам, если не касаться в них общей теоретической оценки, можно сделать только одно замечание: Михайловский был не только публицистом, но и точно также и одним из редакторов, стало быть, и руководителей «Народной Воли», которую В. И. Невский с полным правом называет лучшим политическим журналом того времени. О роли Михайловского как редактора «Нар. Воли» вполне авторитетные сведения появились в русской исторической литературе еще в эпоху первой революции, когда об этом стало возможным говорить открыто.

«Ник. Конст. (Михайловский) принимал участие в редакции газеты «Народная Воля», — читаем мы в одной статье журнала «Былое» за 1906 г., — на правах полноправного члена (подчеркнуто нами), хотя ни в каких обязательных (подчеркнуто в подлиннике) отношениях к организации вообще не состоял»[2].

---

[1] См. предисловие к книге А. И. Иванчина-Писарева „Хождение в народ“, изд. „Молодой Гвардии“, М., 1929. стр. 7. Подчеркнуто нами.

[2] См. статью „Событие 1 марта и Н. К. Михайловский“ в № 3 „Былого“ за 1906 г., стр. 39. Статья принадлежит В. Я. Богучарскому, хотя подписана только инициалами „В. Я. Б.“, впрочем, достаточно прозрачными. Приведенная нами цитата является „выпиской из письма одного из членов Исп. Комитета, принимавшего участие в редактировании „Нар. В.“ Повидимому, письмо это принадлежит А. П. Корба-Прибылевой.

Связи Михайловского с будущей «Народной Волей» начались еще задолго до самого выхода в свет этой газеты. Первый номер «Народной Воли» вышел в свет в октябре 1879 года, то-есть осенью, но с Михайловским будущие народовольцы установили тесный литературный контакт еще с весны того же года, вскоре после покушения Соловьева на Александра II. Об этом нам рассказывают в своих воспоминаниях Н. А. Морозов и Анна Павловна Корба [1].

После Липецкого съезда и последовавшего затем разделения прежней «Земли и Воли» на две группы Михайловский очередным делом считал прежде всего необходимость основать новый печатный орган и сосредоточить в нем все литературные силы партии на пропаганде и защите идеи политической борьбы. «Ну, что же, скоро будет газета?»—спрашивает он в это время неоднократно А. И. Иванчина-Писарева, развивая перед ним свои взгляды на задачи текущего момента. По некоторым случайным причинам статья самого Михайловского не успела попасть в первый номер «Народной Воли», но, не выступив в нем в качестве автора и сотрудника, Михайловский при самом составлении этого номера играл уже роль фактического редактора.

Это выразилось прежде всего в том, что под его непосредственным влиянием писалась одна из самых боевых статей № 1 «Народной Воли» — упоминавшиеся выше «Письма из деревни» самого Иванчина-Писарева («Кудряшева», по «Народной Воле».). Свой опыт деревенской пропаганды Иванчин-Писарев прорабатывал, как это он рассказывал впоследствии в своих воспоминаниях, совместно с Михайловским. Под его непосредственным руководством и по его упорным настояниям он писал свои статьи для «Народной Воли». Михайловский не только просматривал их в рукописи, после того как они были составлены, но даже руководил работой Иванчина-Писарева еще в самом процессе ее, настолько большое значение он придавал его деревенским наблюдениям и вообще всему уроку его пропагандистской

---

[1] См. „Автобиографии революционных деятелей русского социалистического движения 70—80 годов“, напечатанные в приложении к XI тому „Энциклопедического словаря Русского Библиографического Института“ Граната. В дальнейшем эту книгу мы будем обозначать просто, как автобиографии Словаря Граната. Воспоминания Н. А. Морозова на стр. 305—317, место о Михайловском на стр. 311. У А. П. Корба-Прибылевой см. книгу „Народная Воля“ (Москва, 1926), о знакомстве с Михайловским—стр. 35—36, а также в „Автобиографии“ в Словаре Граната, стр. 385—386. В рассказах Н. А. Морозова и А. П. Корба-Прибылевой о первых встречах с Михайловским есть противоречия, но они легко устраняются. Рассказ А. П. Корба в ее книге о „Нар. Воле“ о встречах в 1879 г. с Михайловским точнее рассказа Н. А. Морозова—это надо иметь в виду.

практики. Не забудем также, что ко времени создания «Народной Воли» Михайловский имел уже огромный опыт редакционной работы. В это время ему было 35—40 лет, писать он начал с 60-х гг., с середины того же десятилетия начал выступать как редактор. В 70-х гг., еще при Некрасове, фактически участвовал в «Отечественных Записках» в редакционной работе, а после смерти Некрасова (дек. 1877 г.) формально вошел в состав редакции этого журнала. Весь этот редакционный опыт он мог использовать в «Народной Воле» и при своей поразительной работоспособности, при умении руководить другими, не насилуя их индивидуальности и не давая им чувствовать влияния извне, он достигал своих целей легко и свободно и незаметно для других.

Так же ярко редакторская работа Михайловского проявилась при составлении передовой статьи для № 1 «Народной Воли». Статью эту должен был писать Тихомиров. Так как дальше мы будем еще специально говорить об отношениях Михайловского и Тихомирова как редакторов «Народной Воли», то в данном случае мы отметим лишь тот факт, что при составлении Тихомировым передовой статьи для № 1 «Народной Воли» повторилась та же картина, как при проработке «Писем из деревни» Иванчина-Писарева.

«Передовая статья Л. А. Тихомирова являлась особенно важной для определения направления, в каком будет развиваться деятельность партии «Народная Воля» и вестись газета, — говорит по этому поводу сам Иванчин, — Николай Константинович уделил ей особенное внимание при обсуждении ее вместе с автором».

Наконец, третий пример такого же рода дала статья С. Н. Кривенко о циркуляре Макова, так же, как и первые две, прошедшая через руки Михайловского. Таким образом вся программная часть первого же номера «Народной Воли» была фактически проредактирована Михайловским, так что он является едва ли не более, чем кто другой, ответственным за нее не только литературно, но и политически.

Мы не будем пока говорить, как обстояло в этом отношении с дальнейшими номерами «Народной Воли» — этот вопрос выяснится для нас сам собой по мере знакомства с внутриинтимной жизнью ее редакционного состава, — но отметим лишь, что замечательная особенность Михайловского как сотрудника, если не как редактора «Народной Воли», состояла еще в том, что в отличие от всех других ее руководителей, в том числе и от Тихомирова, он оставался почти до самого конца в тесном общении с нею.

В 1881 году из рядов действующей революционной армии выбыл на целых 25 лет первый редактор «Народной Воли» Н. А. Морозов, замурованный сначала в Равелине, а потом в Шлиссельбурге, вплоть до 1905 года. Во второй половине того же года от руководства газетой, а затем и от сотрудничества, стал устраняться второй ее редактор, Лев Тихомиров, чтобы затем уйти сначала в эмиграцию, а потом в ряды реакции. В феврале следующего года—1882-го—арестовали третьего редактора, В. С. Лебедева, который к революционному движению больше не возвращался. С тех пор как ушел со сцены Лебедев, смена редакторов «Народной Воли» начала происходить почти с каждым номером. «Листки» за 1883 год редактировал фактически Кривенко, № 10 «Народной Воли» вышел под редакционной ответственностью Г. А. Лопатина, №№ 11—12 составляли и редактировали Богораз и Штернберг. Из старых же сотрудников, принимавших участие в «Народной Воле» с самого ее основания, оставался только Михайловский.

Его статьи мы видим не только в первых номерах этой газеты, но и в последних. В № 10 он дает статью о закрытии «Отечественных Записок» и в то же время к нему не раз приезжает (в Любань, где тогда он находился в ссылке) Г. А. Лопатин для совещания по разным делам и для совместного обсуждения, кого привлечь к участию в подготовлявшемся номере и кому какую статью поручить для составления. Приблизительно то же мы видим и при первом издании № 11. И тут новая редакция, как рассказывает в своих воспоминаниях И. И. Попов, получает от Михайловского согласие на сотрудничество [1]. И с тех пор, почти до самого конца, установилась как бы традиция у русских революционеров народовольческого толка: все они, как только основывали свободный печатный орган, или даже только приступали к его основанию, обязательно обращались к Михайловскому за содействием, сотрудничеством или по меньшей мере за советом. После «Народной Воли» так было с «Самоуправлением». После «Самоуправления» — с группой народовольцев начала 90-х гг. После них — с «Народным Правом». После «Народного Права», в 1896 году, с народовольцами из Лахтинской типографии и т. д. Словом, пока существовала «Народная Воля» и пока со сцены не сходили народовольческие группы — о позднейших временах мы здесь пока не говорим, — этот контакт Михайловского с ними не нарушался. И в этом, конечно, не было ничего странного. Человек такого масштаба и

---

[1] См. И И. Попов. „Минувшее и пережитое“, стр. 130, и сб. „Народовольцы после 1 марта“, стр. 77.

таких дарований, и такого авторитета, как Михайловский, не мог не привлекать к себе молодых литературных работников из революционной среды, хотел даже он этого или не хотел, а привлекая их к себе и соглашаясь сотрудничать вместе с ними, не мог не оказывать на них того или другого влияния, перелагая тем самым с них на самого себя бремя политической и литературной ответственности за их совместную работу. Повторяем, так было почти за все время литературной деятельности Михайловского, но наиболее ярко эти особенности его положения сказались на его редакционной работе в самой «Народной Воле», притом за первомартовский период ее существования.

ГЛАВА V

КТО БЫЛ ОТВЕТСТВЕННЫМ РЕДАКТОРОМ?

1. А. Д. Михайлов.—Лев Тихомиров.—Н. К. Михайловский.

Ознакомление с редакционным составом выдвигает естественно и второй вопрос: кого нужно считать наиболее ответственным руководителем народовольческой журналистики за только что рассмотренный нами период?

Все факты, которые приведены выше, показывают, что два имени с этой точки зрения должны привлечь наше особенное внимание: Льва Тихомирова и Н. К. Михайловского. Правами первого мы должны заняться уж потому, что, как говорилось выше, историческая молва, если не историческая критика, давно усваивали ему именно такое положение в «Народной Воле». Второй, напротив, интересен тем, что, будучи чрезвычайно крупной фигурой общей литературы, стоял в этом отношении вне поля зрения даже общепризнанных знатоков прошлого. Но мы переживаем теперь такое время, когда вообще приходится делать ряд переоценок, и на многие факты старого времени у нас устанавливается иной взгляд, чем тот, который был у современников. Ближайшее изучение редакционного состава «Народной Воли» уже показало нам, какую неожиданно крупную роль играл там Михайловский, особенно в 1879—1881 гг., выступая в частности редактором статей самого Тихомирова.

С другой стороны, и на Тихомирова мы не можем смотреть теми глазами, какими на него смотрели у нас раньше [1], в то вре-

---

[1] Попытки идеализировать Тихомирова встречаются, впрочем, и в наши дни. См., напр., упомянутые выше тезисы кружка народовольцев к юбилею „Нар. Воли“. В § 12 исторической схемы этих тезисов есть такое место: „Состав Исполнительного Комитета: Желябов, Перовская, Кибальчич, А. Михайлов, Тихомиров, Морозов и др. Все прошли большую революцион-

мя, когда он состоял редактором «Народной Воли». О нем мы знаем много такого, чего не знали современники, не говоря уже о том, что роль его в «Народной Воле» как редактора несомненно преувеличивалась.

Иной должна быть в наши дни также оценка Тихомирова как личности, свойств его таланта, — вообще говоря, несомненного, — особенностей его индивидуальной организации. В своем «Дневнике» Тихомиров дал самому себе однажды такую характеристику: «Дурацкие у меня способности. При ловких людях я мог бы многое сделать, но сам по себе — нуль. А где же умные и ловкие люди?» [1].

Если признать, что эта самооценка — правильна, хотя и была сделана Тихомировым в одну из минут большого упадка духа, то мы и должны исходить из нее при дальнейшем изучении его роли в «Народной Воле». Тихомиров утверждает, как мы видим из этих его слов, что его сила находилась в н е его, в той среде («ловкие люди»), в которой он вращался. Из каких бы побуждений и под влиянием каких бы переживаний ни делал Тихомиров такие признания, мы должны сказать, что они вполне подтверждаются в своем существе рядом других фактов, ниже нами приводимых. Но если эта самооценка правильна, то, очевидно, тот же принцип мы должны приложить не только к изучению всей вообще литературной деятельности Тихомирова, а в частности и к выяснению его отношений с тем же, напр., Михайловским. Раз Тихомиров зависел во многом, бладаря характеру своих «способностей», от «ловких людей», то-есть от людей с инициативой и обладавших самостоятельностью политической мысли, то нет оснований исключать из числа их, на ряду со всеми остальными, также и Н. К. Михайловского.

Не будем, впрочем, предупреждать наших заключений и вообще, прежде чем их делать, посмотрим возможно ближе, что именно представляли собой как литературные индивидуальности Тихомиров и Михайловский в эпоху «Народной Воли», незави-

---

ную школу. Они—тот булат, который выковало правительство Александра II своими жестокими преследованиями на погибель самого монарха. Они—отбор наиболее сильных, стойких, опытных и талантливых из всего движения 70-х гг.“ Строки эти вызывают двойное недоумение. Во первых, Кибальчич не был членом Исп. Комитета, а был его агентом. Кружку народовольцев это следовадо бы знать. И, во-вторых, относить Тихомирова к наиболее сильным и стойким, на ряду с Желябовым и Перовской, можно только, забывая о его ренегатстве. Сам Тихомиров был гораздо более скромного мнения о себе. Сравнивая себя с Желябовым и Ал. Михайловым, он пишет в „Дневнике“ „Я—не они“ (см. „Воспомин.“, стр. 141).

[1] См. „Воспоминания“, изд. Центрархива, стр. 320.

симо даже от их взглядов на самих есебя, и какие темы их тогда наиболее занимали, и как они их обосновывали. Только таким путем мы и сможем определить как их взаимные отношения, так и долю ответственности каждого из них за то дело, которое они тогда двигали сообща и вместе.

В эпоху «Народной Воли» Михайловский находился в полном расцвете своих сил, своей популярности и своего творческого напряжения. Это был апогей его литературной, научной и общественно-политической деятельности. Как публицист, он дает в эти годы одну из лучших своих статей: «Житейские и художественные драмы», в которой резко сказывается столь присущая ему способность к инициативе политической мысли. Как эта статья, так и помещавшиеся в то же время «Литературные заметки» за 1880 год, из которых многие являются настоящими шедеврами, выдвигали на первый план политический элемент, развивая основные положения «Летучего Листка» [1], который показался в свое время таким парадоксом и русским революционерам.

Как литературный критик, Михайловский в эпоху «Народной Воли» выступает со статьей «Жестокий талант», о Достоевском, написанной с большим подъемом и некоторыми критиками причисленной к крупнейшим, даже гениальным (по словам Венгерова) его произведениям. Характеристику Достоевского Михайловский делал весь обвеянный впечатлениями от переживаемой эпохи, о которой он прямо и говорит в заключительных строках этой статьи: «Там в живой жизни происходили события огромной важности, небывалых размеров и почти сказочного характера» [2]. Это и были события, связанные с борьбой «Народной Воли».

Даже как беллетрист, как автор задуманных им тогда художественных произведений, романа «Карьера Оладушкина» и «Сказки Таволгина», Михайловский обращается к той же эпохе «Народной Воли» и делает ее предметом своего исключительного внимания.

Словом, в эти годы он переживает огромное напряжение творческих сил, проявляет чрезвычайно разнообразную деятельность, в том числе и подпольно-революционную, и фиксирует на себе внимание почти всей русской политической лите-

---

[1] Написан Михайловским по поводу дела Засулич в апреле 1878 года и напечатан в типографии газеты „Начало". См. о нем в X томе соч. Михайловского и в книге Буха „Воспоминания". „Листок" носил ярко политический характер.

[2] См. том V соч. Михайловского, стр. 78. Отзыв С. А. Венгерова см в Словаре Брокгауза и Эфрона, слово „Михайловский".

ратуры, как легальной, так — в качестве автора «Политических писем» — в значительной степени и нелегальной [1].

Но Михайловский не только в этих произведениях занял видное место в качестве выразителя идей «Народной Воли». В то же русло вливались фактически его чисто научные работы по теоретической социологии. Как социолог он выступает тогда с самым крупным из своих трактатов, с серией статей о коллективном подражании («Герои и толпа»), в которых он дает первую в России попытку социологического анализа законов массового движения. Здесь замечательны прежде всего хронологические даты. Первая из этих статей—«Сила подражания»—появилась в печати в феврале 1879 года, незадолго до выхода в свет газеты «Народная Воля» и почти одновременно с первыми попытками Михайловского договориться политически с будущими народовольцами. Без риска совершить какую-либо ошибку можно сказать, что социологическая теория Михайловского о законах массового движения и об условиях для его нормального развития и практика «Народной Воли» родились у нас одновременно. Так же параллельно шло и их дальнейшее развитие.

Поставив таким образом этот вопрос, мы не можем не отметить еще раз той огромной инициативы мысли и ее оригинальности, которые проявил тогда Михайловский, выдвигая проблему о массовом движении и о роли, — «при известных условиях», как это он всегда подчеркивал, [2] — подражания в общественной жизни и политической практике. Именно как-раз об этой стороне его учения сказал еще в 1904 году польский марксист Кржывицкий, что он был великим инициатором

---

[1] Его „Политические письма социалиста" в „Народной Воле" составляли подлинную эпоху в революционной прессе того времени,—пишет О. В. Аптекман.—„Политические письма" высокоталантливого автора имели колоссальный успех, смелый клич автора: „Бейте же по обеим головам хищной птицы", прозвучал боевым аккордом в кругах молодой интеллигенции, рабочих и общества". См. предисловие О. В. Аптекмана к сборн. „Черный Передел", изд. 1922 г., стр. 25—26. Ср. также отзыв Л. Мартова в статье о П. Л. Лаврове, в № 3 журнала „За рубежом" (Париж, 1909).

[2] См. том II соч. Михайловского, стр. 439, курс. подл. Подражание Михайловский рассматривает как историческую категорию, в каждом данном случае оно обусловливается особенностями общественной обстановки. Наиболее чистые формы подражания дают средние века, напротив, к нашему времени прогресс в формах кооперации коренным образом изменил и формы подражания. Вот почему, говоря о подражании, особенно бессознательном, Михайловский обращается к массовым движениям средних веков и совершенно обходит, напр., современное рабочее движение. Подробнее об этом см. в статьях „М. А. Бакунин и Н. К. Михайловский в старом народничестве", в №№ 5 и 6 „Голоса Минувшего" за 1913 год.

мысли и некоторыми своими идеями опередил теоретическую работу Запада.

К вопросам, поднятым тогда Михайловским, западная наука пришла значительно позже и в решении их проявила гораздо меньше политической чуткости и глубины научного анализа, чем у него. Эти попытки Михайловского приложить принцип подражаня к объяснению явлений общественной жизни оставались в тогдашней европейской науке «вполне одинокими», как на это указывал он сам (см. соч. том II, стр. 191), и, чтобы рискнуть на их публичное обсуждение, нужно было, очевидно, обладать большой научной смелостью и еще большей самостоятельностью и оригинальностью. Вот эти черты нравственного облика Михайловского для нас и имеют в данном случае, как и вообще в вопросе об отношениях его с Тихомировым, который мы тут имеем все время в виду, наиболее важное и решающее значение.

Оригинальность и своеобразие мышления, способность к теоретическому новаторству, смелость в постановке новых проблем — это свойства, без которых история научного развития не знала бы великих открытий и без которых не было бы вообще, вульгарно выражаясь, «героев», способных вести за собой «толпу». Такими свойствами Михайловский вполне обладал и широко проявил их в своей далеко не вульгарной теории «героев и толпы». Выработка ее составила целую эпоху в его жизни, потребовала от него огромного творческого подъема и в этом нервном напряжении, невольно подчинявшем его влиянию и тех, кто с ним соприкасался, держала его в течение всей происходившей тогда героической борьбы «Народной Воли» с самодержавием. И если про народовольцев того времени говорили, что они являлись конденсаторами революционной энергии, мощно себе всех подчинявшей, то и про Михайловского, как их идеолога, можно сказать, что в нем концентрировалась идейная энергия эпохи и силой своего напряжения заражала других и заставляла даже против их воли служить тому делу, на служение которому собственных их сил, может быть, без этого не хватило бы.

На этом выводе — пока, разумеется, чисто априорном — мы можем пока здесь остановиться, чтобы связать его с тем основным вопросом, который нас теперь непосредственно и более всего занимает. Как читатель хорошо знает, этот вопрос состоит в том, чтобы определить характер и сущность взаимных отношений людей типа, как Михайловский, — если мы его, конечно, верно определили, — с людьми типа Тихомирова. Каким был Михайловский в эпоху «Народной Воли» или, что

то же самое, в эпоху своих личных встреч с Тихомировым, — к тому, что сказано, прибавлять нечего. Нам остается, следовательно, определить, каким был Тихомиров уже в то время, чтобы сразу из этих двух слагаемых получить их сумму или разность, смотря по тому, что будет предопределено самими фактами. Однако останавливаться здесь на подробной характеристике Тихомирова мы не можем, как не могли останавливаться и на подробном разборе социологических взглядов Михайловского за эпоху «Народной Воли». Впрочем, и нет особой нужды делать такую характеристику, так как в русской литературе существует и уже имеется то, что нам в данном случае нужно: характеристика Тихомирова, сделанная теми, кто знал его раньше, как-раз в те же годы, в течение которых с ним встречался и Михайловский. Эта характеристика принадлежит М. Ф. Фроленко [1], и нам остается только воспользоваться ею для своих целей.

«Его роль и значение, — пишет Фроленко о Тихомирове, — главным образом вытекали из того, что это был человек начитанный, умный, с литературным талантом, умеющий хорошо, логически мыслить и доказывать свои мысли, умеющий склонять и других на свою сторону. Его легко можно было бы назвать головой организации, но только не в смысле руководительства, а в смысле способности к теоретическим обоснованиям как практических начинаний, так и принципиальных положений. К этому необходимо только добавить, что в таких случаях Тихомирова всегда надо рисовать рядом с Александром Михайловым. В первое время они составляли настолько одно целое, что для незнающего их хорошо человека трудно было даже определить, где начинается один и кончался другой, — так дружно и согласно они проводили свои положения, свои начинания, так хорошо спевались заранее. Обыкновенно Александр Михайлов, как знающий хорошо положение вещей и обладающий недюжинным практическим умом, являлся с тем или другим предложением. Тихомиров, заранее обсудив это дело с Ал. Михайловым, выступал тогда на собраниях при обсуждениях теоретическим истолкователем этих предложений и своей логикой способствовал почти всегда тому, что предложение проходило».

«Кроме того, Тихомиров, бывая чаще на людях, чаще обмениваясь с ними мыслями, лучше зная их, лучше, полнее усваивал их мысли. Поэтому, когда являлась необходимость выразить общее мнение в виде программы, манифеста, он оказывался более точным, более полным и ярким выразителем настроения

---

[1] См. „Записки семидесятника", гл. IX—„Возникновение Нар. Воли".

говарищей, и потому ему и отдавали предпочтение». «В этом-то уменьи литературно выразить общую мысль и заключалось главное значение и роль Тихомирова. За это я назвал его головой организации» [1].

Строго говоря, М. Ф. Фроленко выражается в этом случае не точно. Человек того склада, каким он рисует Тихомирова, не мог быть головой организации, а мог быть только ее литературным рупором, что, конечно, далеко не одно и то же. Головой организации мог быть только тот, кто был способен к инициативе и самостоятельности политического мышления, но как-раз эти качества, судя по той же характеристике Фроленко, и отсутствовали у Тихомирова. Не Тихомиров был инициатором и творцом тех или других политических проблем, выдвигавшихся «Народной Волей», а А. Д. Михайлов, который недаром считался крупнейшим революционером той эпохи, оспаривающим, в глазах историка, пальму первенства даже у самого Желябова.

Нужно сказать для пояснения этого, что фигура Михайлова (А. Д.) оставалась до самого последнего времени далеко не вполне оцененной русскими историками, и только теперь, когда вышла книга Анны Павловны Корба-Прибылевой и В. Н. Фигнер «Народоволец А. Д. Михайлов», мы представляем себе этого замечательного и гениального революционера во весь его рост. Что Михайлов являлся человеком исключительного калибра, это засвидетельствовал, между прочим, тот же Тихомиров в своих воспоминаниях, несмотря даже на то, что они были написаны уже рукой ренегата. Теперь, после книги «Народоволец А. Д. Михайлов», для нас все это понятно. Читая в ней показания Михайлова и его письма к товарищам, мы видим ясно, насколько правым является в своей характеристике Фроленко, и нас нисколько не удивляют признания его заслуг даже позднейшим Тихомировым. Желал этого или не желал Тихомиров, но даже из его воспоминаний следует, что головой организации являлся не кто другой, как

---

[1] Ср. с этим отзыв А. П. Корба-Прибылевой, которая, напротив, настаивает на самостоятельности политического мышления Тихомирова. „Тихомиров же работал сознательно, получая данные для своих статей из постоянных опросов ближайших товарищей, всегда с ними беседуя и наводя на мысли, его интересующие, чтобы скомбинировать точный взгляд на каждый вопрос всего Исп. Комитета“ (неизд. письмо, май 1929 г.). По существу эти слова совпадают целиком со словами Фроленко. Тихомиров рисуется в них как человек, работавший, конечно, сознательно, но неспособный к самостоятельному мышлению. Никакая идеализация Тихомирова не сможет опровергнуть этого факта и всех вытекающих из него последствий.

А. Д. Михайлов, а литературным рупором ее — сам он, Тихомиров.

Итак, вот один из источников революционной публицистики Тихомирова. Сам по себе Тихомиров был «вялым в практических делах», как говорил о нем Морозову тот же А. Д. Михайлов, он «не имел определенного облика как теоретик» [1], но кругом него были люди, полные энергии и с резко обозначенными и определенными общественно-политическими взглядами. Естественно, что они, эти люди, и их направляющее руководство и являлись источником тихомировской публицистики. Эта зависимость Тихомирова от той среды, в которой он вращался, эта неспособность его к самостоятельной выработке своих политических взглядов, или отсутствие в нем определенного облика как теоретика, до такой степени согласно устанавливаются всеми мемуаристами той эпохи [2] и так неожиданно рельефно подтверждаются самим Тихомировым в вышеприведенном признании из его «Дневника», что не могут представлять ничего спорного, — напротив, все это уже прочно установлено в литературе о «Народной Воле».

Но ближайшее изучение фактов прошлого заставляет нас признать не только в этом источник политической публицистики Тихомирова, а наметить параллельно еще и другие, связанные уже не с именем А. Д. Михайлова, воплощавшего в себе Исполнительный Комитет, а с именем Н. К. Михайловского как одного из редакторов «Народной Воли».

Правда, поскольку у нас идет речь об отношениях Тихомирова не с А. Д. Михайловым, а с Н. К. Михайловским, у нас нет такого количества подтверждающих это обстоятельство свидетельств, как в первом случае, нет также признаний самого Тихомирова, аналогичных его отзыву о Михайлове. Однако, если мы не имеем в этом случае, по вопросу о взаимоотношениях Тихомирова с Михайловским, таких мемуарных материа-

[1] Тоже слова А. Д. Михайлова.

[2] См., напр., характеристику Тихомирова в „Воспоминаниях народовольца“ А. Н. Баха, изд. „Молодой Гвардии“, М. 1929 г., стр. 198—207, а также обширный анализ его личности в книге Н. С. Русанова „В эмиграции“, изд. Политкаторжан, М. 1929 г., стр. 155 и сл., где, между прочим, говорится: „Он никогда не был пионером, инициатором нового направления... Но он обладал большою способностью плыть на буксире у людей сильной мысли и крепкой воли, производя впечатление человека самостоятельного и чуть ли не оригинального. Его близкие друзья знали лучше настоящую цену этой мнимой самостоятельности“, и пр. (стр. 158). Последнее вполне подтверждается теми отзывами А. Д. Михайлова, которые нами приведены в тексте со слов Н. А. Морозова. См. их в примеч. к статье Фроленко, в XII кн. „Былое“ за 1906 г., стр. 32.

лов, как с А. Д. Михайловым, — хотя кое-что, и очень существенное, как мы увидим в дальнейшем, все-таки имеется, — зато у нас есть другие документальные данные, относящиеся к тому же вопросу и едва ли еще не более ценные. Эти данные— печатные произведения Тихомирова, как легальные, так и нелегальные, помещавшиеся им анонимно в «Народной Воле» и под псевдонимами в подцензурной журналистике того времени. Основываясь на них, мы можем сказать даже, что вопрос об отношениях Тихомирова и Михайловского должен решаться и будет решен не мемуаристами, какое бы высокое положение они ни занимали в партийной иерархии и в революционном движении своего времени, а библиографами.

Мемуарный материал всегда субъективен. Объективное значение его, как общее правило, ограничено и относительно. Мемуарный материал показывает, как воспринимались события тем или другим из мемуаристов, но из этого еще не следует, что события так и складывались, как это ими рисуется. Насколько глубоко, а вместе с тем вполне искренне, могут порой ошибаться даже самые осведомленные свидетели прошлого, это мы тоже видели на очень ярких примерах в предшествующем изложении и увидим еще не раз в дальнейшем. Совсем другое дело — результаты аналитической работы библиографов, — эти результаты по самому существу своему строго объективны. Библиографический анализ, раз он методологически произведен правильно, базируется исключительно на фактах, а не на восприятиях таких фактов третьими лицами. «Объективно — это то, что может быть проверено каждым познающим субъектом», как говорил когда-то сам Михайловский. Это правило вполне применимо и к данному случаю.

Если мы приводим две параллельные цитаты из разных произведений, близких по времени и по среде, из которой они вышли, и если эти цитаты буквально или в огромной степени совпадают, то самый факт такого совпадения может быть проверен каждым читателем (познающим субъектом) и, стало-быть, составляет бесспорное значение. С другой стороны, сколь бы ни были авторитетны те или другие мемуаристы, но если они будут ссылаться на то, что, по их мнению (субъектиное восприятие), такового совпадения в свое время не было и оно не могло иметь место, — мы им не поверим, так как наличность документального свидетельства противоположного характера у нас налицо.

Вот почему мемуарный материал при оценке тех же отношений Тихомирова и Михайловского, с нашей точки зрения,

имеет относительное и ограниченное значение — он сам еще требует критической проверки, — а материал печатный строго обязателен. Применительно к данному случаю это означает, что нам нужно прежде всего установить и изучить печатные произведения Тихомирова всех родов за данный период времени, а изучивши, сопоставить их с такими же произведениями, легальными и нелегальными, Михайловского. И если мы это сделаем и найдем те совпадения, о которых сейчас была речь, то убедимся — и не предположительно, а на фактах, вопреки даже всем свидетельствам мемуаристов, если таковые оказались бы, а также вопреки самому Тихомирову, в случае его солидарности с ними, — что его отношения с Михайловским были аналогичны его же отношениям с А. Д. Михайловым, с той лишь разницей, что в первом случае центр тяжести лежал в делах литературных, а во втором — в партийно-политических.

2. Источники Тихомировской публицистики.

Три группы статей выделяются в 1879—1881 гг. в программной публицистике Тихомирова в «Народной Воле»: 1) статьи, в которых он проводит политическую идею как основную задачу современного момента; 2) статьи о роли народных масс в революции; 3) статьи, представляющие общее социологическое обоснование его политической программы. К числу первых относятся, напр., передовые в №№ 1 и 7 «Народной Воли», как наиболее яркие. К числу вторых — две передовые в №№ 4 и 5, представляющие собою центральные звенья народовольческой публицистики «первомартовского» периода и вообще чрезвычайно важные для оценки программных положений «Народной Воли». К числу третьих нужно отнести передовую статью в № 6, принадлежность которой Тихомирову устанавливается В. С. Лебедевым. По этим трем группам статей располагается, собственно, вся программная часть народовольческой публицистики Тихомирова, и все эти статьи как первой, так второй и третьей групп, если их рассматривать со стороны содержания, окажутся написанными под несомненным и большим влиянием Михайловского. Порою они представляют почти дословную, как мы сейчас убедимся, передачу или перифразу его взглядов, хорошо всем известных по его сочинениям [1].

---

[1] Конечно, Михайловского в этом случае нужно брать в свете строго научной, объективной критики, а не довольствоваться архаическими представлениями о нем „времен Очаковских и покоренья Крыма“, господствующими до сих пор даже среди тех, кто считает себя его комментаторами и учениками.

Наиболее яркий пример последнего рода дает самая теоретическая, если возможно такое сравнение, из статей Тихомирова в «Народной Воле», именно та передовая, вторая по счету, в № 6, которая нами отнесена в третью группу. Тихомиров пишет там, что организация государственной власти в настоящее время представляется для каждого народа делом все более и более серьезным. «Это зависит от того, — говорит он, — что в силу неотразимых социологических законов значение государства для народа постоянно увеличивается». И затем Тихомиров объясняет, в чем состоят эти неотразимые социологические законы, самая ссылка на которые является уже весьма характерной.

«Жизнь современных народов характеризуется именно социализацией, обобществлением всех потребностей, всех общественных функций. Область общественной изолированности постоянно сокращается. Жизнь отдельной личности или отдельного села все теснее связывается с жизнью целого народа и даже человечества». «Социализация всех общественных функций развивается с поразительной быстротой и ставит перед новейшими народами трудную задачу коренной переделки в организации труда, обмена и т. д., сообразно усилившейся социализации интересов. Это и выдвигает на сцену современный социализм, так же как реорганизацию государства».

И дальше:

«Социализация жизни имеет своей целью возвышение, а не подавление личности, ее свободы и благосостояния. Социализация интересов потому, между прочим, и сделалась социологическим законом, что, по всеобщему сознанию, увеличивает независимость человека, его средств и способностей». «Таким образом уже в силу общих законов развития Россия не может оставаться равнодушной к вопросу о характере нашего государства» [1].

Эти мысли положены Тихомировым в основу всей его статьи и развиваются в ней во всевозможных вариациях. При этом

[1] Ср. с этим статью Тихомирова „Запросы времени“ в № 4 „Вестника Народной Воли“, за январь 1885 года. Статья эта представляет развитие тех же идей о социализации общественных функций и сокращении области общественной изолированности, как и передовая № 6 „Нар. В.“, но применительно не к вопросу о государстве, а к вопросу о роли национального элемента в общественной жизни. Достаточно хотя бы бегло сопоставить обе эти работы с точки зрения их основных идеологических предпосылок, чтобы убедиться в их принадлежности одному и тому же автору. Этим всецело подтверждается, между прочим, указание Лебедева на Тихомирова как автора передовой статьи в № 6 „Нар. В.“. Отметим еще, что „Запросы времени“, напечатанные в „Вестн. Нар. В.“ за полной подписью Тихомирова, представляют там одну из основных его п р о г р а м м н ы х работ.

не трудно определить основной источник, из которого тут черпает свою социологическую аргументацию Тихомиров. Впрочем, его и определять нет особой нужды, так как в русской социологической литературе уже указывалось, задолго еще до того, как был выяснен автор приведенных слов, что они представляют простую перифразу известных теорем по теоретической социологии Михайловского и написаны под несомненным влиянием его знаменитой в свое время «формулы прогресса» [1]. Настаивать на верности такого утверждения едва ли нужно — до такой степени очевидно, из какого источника черпал тут Тихомиров свою аргументацию. Между тем, подчеркнем еще раз, эта аргументация от лица неотразимых социологических законов играет у него роль тяжелой артиллерии при доказательствах необходимости политического переворота — настолько большое значение придает ей сам автор.

Не менее, если не более, ярок другой пример подобной же зависимости, который можно извлечь из той же статьи Тихомирова. Ставши однажды на точку зрения неотразимых законов социологии, Тихомиров применяет их в своей передовой не только к вопросу о политике, но и к вопросу об экономике, так как политика и экономика являются у него неразрывно связанными. Переход от политики к экономике выражается у Тихомирова в данном случае в чрезвычайно характерной формулировке его взгляда на роль капитализма в общем развитии русского народного хозяйства.

«Мы не касаемся спорного вопроса о том, — говорит он, — возможно ли в России капиталистическое производство. Несомненно во всяком случае, что худшая, вредная сторона капитализма, т.-е. закрепощение труда и разобщение его от владения орудиями труда, у нас не только возможна, но составляет главную тенденцию того строя, который считается официально законным».

И в другом месте той же статьи:

«Русский буржуа остается до сих пор хищником, капитализм как система производства не имеет у нас даже будущности и выражается не в социализации труда, а в простом разобщении народа от орудий труда».

---

[1] Подробный анализ „формулы прогресса“ и сопоставление ее, с указанной точки зрения, со статьей в № 6 „Нар. Воли“ сделаны в книге „Очерки мировоззрения Н. К. Михайловского“ (изд. „Общ. Пользы“, СПБ, 1912), в гл. 1 второго очерка об органической теории общества. В то время не было известно, кто являлся автором статьи в № 6 „Нар. В.“, но тем значительнее сделанные в „Очерках“ сопоставления. См. их на стр. 89, 90, 91.

Иначе говоря, «если капитализм имеет какую-нибудь общественно-историческую задачу или миссию, то только отрицательную».

Что все три приведенные цитаты абсолютно, до последних деталей совпадают одна с другой, не только по содержанию, но и по формулировкам, в этом тоже не может быть никаких сомнений. Однако Тихомирову принадлежат только две первые из них, а последняя, третья по счету, отмеченная у нас разрядкой, принадлежит не Тихомирову, а Н. К. Михайловскому, и взята нами из его «Писем Постороннего» в редакцию «Отеч. Записок». Эти мысли Михайловского об исторической миссии капитализма представляют совершенно специфическую особенность его взглядов, сразу указывающую, кто их автор. Так во всяком случае всегда смотрела на приведенные слова из «Писем Постороннего» русская литература, а в 90-х гг., во время полемики марксистов с народниками, они цитировались в качестве народнической profession de foi во всех боевых выступлениях, начиная от мелких полемических заметок и кончая хотя бы такими капитальными трудами, как «Развитие капитализма в России» Ленина. Марксистская критика видела в них основную народническую «формулу прогресса» и как таковую ставила ее под свой главный обстрел. Не касаясь здесь этой полемики по существу, мы тем не менее можем спросить: кто же у кого заимствовал свою «формулу прогресса» и основанную на ней оценку исторической миссси капитализма в России, — Тихомиров у Михайловского или Михайловский у Тихомирова?!

Этих двух примеров, собственно, вполне достаточно, чтобы иллюстрировать наш тезис об источниках идейного вдохновения Тихомирова [1], так как они касаются его наиболее ответственных

---

[1] Примеры эти, разумеется, не единственные, поскольку даже речь идет только о передовой статье в № 6 „Нар. Воли“. Вот еще две-три цитаты для сравнения. Тихомиров пишет: „Государство неизбежно становится орудием борьбы. Если государственная власть останется в руках Разуваевых, то мужицкий общественный строй будет с течением времени окончательно искоренен. Если государственная власть перейдет в руки народа, то ей придется вступить в упорную борьбу с Разуваевыми“, и пр. То же самое у Михайловского, но только в другой форме по причинам чисто цензурным: „Предоставьте русской интеллигенции свободу мысли и слова—и, может быть, русская буржуазия не съест русского народа, наложите на уста интеллигенции печать молчания—и народ наверное будет съеден“(Соч., том V, стр. 566. „Зап. Совр.“, январь 1882 г.) Еще пример из той же статьи Тихомирова: „Мы упомянули выше о громадных задачах нового государства. Эти задачи ставят на первый план массы народа, их потребности, желанья, идеалы. Эти же задачи требуют для своего выполнения интеллигенции, т.-е. луч-

и теоретизирующих статей. Но мы можем прибавить к ним еще целую серию аналогичных иллюстраций, больших и малых, взятых из тех двух первых циклов его работ, о которых мы говорили выше. Картина в этих случаях получится буквально та же самая, как и в только что приведенных примерах. Особенно характерными с этой точки зрения явятся статьи Тихомирова в №№ 4 и 5 «Народной Воли» — «О желательной роли народных масс в революции». Самая яркая особенность этих статей заключается именно в том, что они писаны как-раз Тихомировым, а не кем-либо иным. Если бы их писал кто-нибудь другой, они нас не так бы удивили, но в руках Тихомирова эти статьи приобретают совсем особый смысл и значение.

В литературе о «Народной Воле» Тихомиров всегда считался и считается представителем якобинских воззрений на методы политической борьбы и социального переворота. Еще недавно такую характеристику Тихомирову дал, на основании личных воспоминаний о нем, Н. С. Русанов в своих записках о прошлом, и в том, что говорит Русанов о Тихомирове, есть много верного. Но вместе с тем нужно отметить, что точка зрения Михайловского, с которым мы тут сопоставляем Тихомирова, на те же проблемы была совсем иная. Разницу между ними лучше всего можно выразить одним местом в «Политических письмах социалиста», где Михайловский говорит: «И еще спрошу: зачем оставили вы свой прекрасный девиз: «Земля и Воля»? Куда бы ни направил в частном случае вашу борьбу практический ход жизни, этот девиз должен быть вашим».

Это место представляет для нас интерес не как критика «Народной Воли» (справедливая или нет — для нас в данном случае это не существенно), а как выражение собственных взглядов Михайловского в их не критической, а положительной части. Очевидно, в представлении Михайловского новые задачи политической борьбы должны были как-то сочетаться со ста-

---

ших, наиболее развитых и сознательных сил. Масса народа и интеллигенция—вот основа нового государства". Все это у Тихомирова. „Мы—интеллигенция, потому что мы много знаем, обо многом размышляли, по профессии занимаемся наукой, искусством, публицистикой" и пр.—это все у Михайловского из тех же „Зап. Соврем". По поводу всех этих сопоставлений можно сделать одно только возражение: иногда, судя по датам, Тихомиров как бы опережает Михайловского в формулировке приведенных мыслей. Но надо принять во внимание, что то же самое Михайловский писал в более ранних статьях, а, во-вторых, кроме воздействия путем печати, здесь могло иметь место еще большее воздействие путем личного общения. Этот вопрос в дальнейшем мы рассматриваем специально.

рым девизом, или, иначе, со старым землевольческим тяготением к народным массам, как главной опорой революционного движения. Иначе никак нельзя понять это замечание в «Полит. письмах». Точка зрения Михайловского, стало-быть, принципиально отрицала — как это мы знаем и из других источников — якобинское недоверие к народной инициативе и самодеятельности и вообще к контакту с массами и в этом смысле резко расходилась с точкой зрения Тихомирова, поскольку Тихомиров был действительно якобинцем. Но здесь мы как-раз и встречаем тот поразительно характерный факт, который нельзя не отметить, говоря о Тихомирове как авторе передовых статей в №№ 4 и 5 «Народной Воли». Обе эти статьи, хотя они и были написаны «якобинцем», на самом деле развивают ту самую землевольческую традицию в революционном движении, на которую указывает в своих «Письмах» Михайловский, и даже доходят в этом отношении до самых крайних выводов, в то же время протестуя против якобинского декретирования социализма и социального переворота. Были, значит, какие-то обстоятельства, которые удерживали Тихомирова почему-то от уклона, казалось бы, для него наиболее естественного, и не только удерживали, но и направляли его по совсем иному руслу, чем якобинское. Что это действительно так, это мы сейчас увидим на непосредственных цитатах из обеих его статей в №№ 4 и 5 «Народной Воли».

«Допустим, — говорится там, — что партия сорганизовала достаточные силы, дождавшись всенародного движения, начала действовать самостоятельно и овладела центральной властью. Какова ее дальнейшая роль? Создавать новый государственный строй, декретировать необходимые реформы? Мы полагаем, что нет. Только в самом несчастном случае, только тогда, если бы народный организм не проявлял уже ни одной искры жизни,—можно бы признать такую деятельность. В обыкновенное же время для партии было обязательным употребить приобретенную власть и средства на то, чтобы революционизировать всю Россию — призывать всюду народ к захвату власти и осуществлению его заветных желаний, помогать ему в этом всеми силами и свою центральную власть держать в руках исключительно для того, чтобы помочь организоваться народу. Принцип указывает нам вообще, что главная созидательная сила революции—в народе, и что дело созидания тем прочнее, чем более участвуют в нем массы».

«Будем ли мы однако в состоянии подготовить удачное восстание раньше стихийного взрыва народного движения, или оно

предупредит наши расчеты, — в обоих случаях, нам кажется, наболее производительно затратить силы, сорганизованные партией, мы можем только, направляя их для разрешения, так сказать, народных сил, для превращения народных масс в сознательную политическую силу. Вот почему мы постоянно говорим и говорили о передаче власти народу, о народной воле, о народном самодержавии. Для народа важно достигнуть лучших общественных форм, но еще важнее — достигнуть этого самому; для него всего важнее пережить такой исторический момент, в течение которого он, народ, был бы действительным распорядителем своих судеб. Такие моменты никогда не забываются и создают из обывателей — граждан» [1].

Трудно было бы поверить, что все это писал «якобинец» Тихомиров, если бы только мы не имели никаких оснований сомневаться в том, что эти строки принадлежат действительно ему. Мы не станем здесь гадать, что именно в этом случае удерживало Тихомирова от столь естественного, казалось бы, желания изложить именно свою, «якобинскую» точку зрения на задачи партии после переворота, и что заставляло его так ярко и полно формулировать общенародовольческую позицию и в этом случае. Для того, чтобы поступить так, а не иначе, у него могло быть много причин и поводов, которые, однако, все смогут уложиться в ту его характеристику, которую дает Фроленко в известной нам цитате.

Если Тихомиров не обладал самостоятельностью политического мышления; если он был ближе всего литературным рупором своей среды, а не ее идейным руководителем; если он отличался не столько способностью к инициативе и идейному твор-

---

[1] Тот же самый факт отмечает и Н. С. Русанов в своих воспоминаниях, но только на другом материале, что еще более значительно. Обрисовав Тихомирова как якобинца и отметив некоторые свои с ним разногласия, Русанов продолжает: „А главным образом меня поражало, что Тихомиров писал в „Деле“ под псевдонимом И. Кольцова интересные обозрения жизни и печати — „Литературные заметки“, „Нерешенные вопросы“, — где выдвигалась не узко-якобинская, а широко-общественная точка зрения. И я не мог путем свести воедино взгляды сотрудника „Дела“ Ивана Григорьевича Каратаева (под таким именем вращался тогда в питерских литераторских кругах Тихомиров) и взгляды одного из руководителей „Нар. Воли“ (стр. 333). Но мы видим, что и в „Нар. Воле“ Тихомиров проводил—вопреки, казалось бы, своим взглядам—ту же широко-общественную точку зрения, а не узко-якобинскую. Затем та статья „Нерешенные вопросы“, о которой тут упоминает Русанов как о широко-общественной, была напечатана в № 1 „Дела“ за 1881 г., на стр. 1 — 31, почти одновременно со статьями в №№ 4 и 5 „Нар. Воли“. Кроме того, Русанов обходит еще один факт — статья „Нерешенные вопросы“ написана под самым сильным влиянием Михайловского. Содержащаяся в ней параллель между Писаревым и Добролюбовым сплошь взята как-раз из его работ.

честву, сколько уменьем прислушиваться к мнениям окружающих и литературно их оформлять и выражать; если, наконец, коллективное он ставил выше индивидуального, что было всецело в духе той эпохи, и если в этом коллективе, к которому он принадлежал, его индивидуальные мнения («якобинизм») не пользовались сочувствием и не разделялись огромным большинством, — то в результате получалось, что статьи его о роли народных масс в революции отражали в большей мере точку зрения всей партии, чем его собственную. Это соответствует положительно всему, что мы знаем о Тихомирове, в том числе и тем невольно вырвавшимся признаниям в его «Дневнике», в которых он дал такой беспощадный итог — пусть даже под влиянием минутного настроения — долголетних наблюдений над самим собой и глубокой внутренней самооценки.

Параллельно с этим мы можем наметить и второй вывод, неизбежно вытекающий из всех наших предпосылок. Прислушиваясь к мнениям окружающей среды, умело комбинируя то, что он схватывал, как бы на лету, блестяще это оформляя [1], Тихомиров проявлял несомненный такт еще в одном отношении: он умел выбирать тех лиц, общение с которыми приносило ему наибольшую пользу, хотя, впрочем, делать это было и не так трудно при тех условиях, в которых он находился. Непосредственно вблизи, около него, стояли два крупнейшие человека той эпохи — А. Д. Михайлов, воплощавший и персонифицировавший в себе Исполнительный Комитет и все народовольческое движение, и Н. К. Михайловский, за плечами которого находилась вся легальная часть русской революционной литературы. И действительно, в произведениях Тихомирова обе эти струи влияний сказывались весьма заметно, с полным параллелизмом.

Что такое заключение вполне обосновано, это прямо доказывает не только первая, но и вторая передовая статья Тихомирова, в № 5 «Народной Воли», вышедшем вслед за предыдущим через три-четыре месяца, уже накануне 1 марта. В ней снова говорится о роли народных масс в революции, делается с этой целью настоящий экскурс в область народной психологии, и выясняется затем роль в частности террористической борьбы в деле «расширения политического кругозора народа». Относительно этой статьи мы можем уже с большей долей уверенности говорить, что источники ее идейного содержания восходят непо-

---

[1] Ср. замечание Н. А. Морозова, что программа Исп. Комитета, написанная Тихомировым, и письмо к Александру III „были простыми компиляциями, собранными им у различных теоретиков мнений“ („Былое“, 1906, прим. на стр. 28).

средственно к работам не кого другого, как именно Михайловского, о народных массовых движениях, об их психологии, о законах их развития, о связи свойственных им форм подражания с формами общественной жизни, кооперации, об условиях, которые необходимо создать «для превращения этих народных масс в сознательную политическую силу». Не только взгляды, но даже терминология и примеры, иллюстрирующие основную мысль, тут одни и те же с теми, которые мы встречаем хотя бы в «Вольнице и подвижниках» Михайловского. Одним и тем же является у автора этой статьи и у Михайловского и исходное положение при суждении о народной психологии при наличности отсталых форм кооперации, при которых жизнь народов еще не характеризуется социализацией, обобществлением всех общественных функций.

«Человек, беспомощный в борьбе с явлениями окружающей природы и враждебными условиями жизни, чувствуя настоятельную для себя необходимость во внешней доброжелательной силе, создает себе эту силу, обращается к божеству, в твердой уверенности, что оно его не покинет», — таково исходное положение автора статьи при суждении о народной психологии. Но эти слова почти текстуально взяты из статей того же Михайловского «К теории вольницы и подвижников», напечатанных как-раз в 1879 году в «Отеч. Записках». И не только это исходное положение, но и целый ряд других — об Ормузде и Аримане как двух началах народной психологии, о вольном казачестве и самозванстве, об упадке народного духа при поражениях и крепнущей вере в царя в такие моменты, о новых союзниках народной борьбы в виде социально-революционной партии — навеяны несомненно статьями Михайловского о коллективных народных движениях и теми выводами отсюда, которые сам он делает в «Политических письмах социалиста» применительно к русской действительности.

И если эти статьи в №№ 4 и 5 «Народной Воли» действительно принадлежат Тихомирову, в чем, повторяем, у нас нет оснований сомневаться, то общее влияние Михайловского на него сказывается в них с такой же силой и столь же очевидно, как и на знакомом уже нам примере с рассуждениями того же автора о «социализации всех общественных функций», как основе для доказательства необходимости политического переворота. Мы можем сказать таким образом, что в этих двух основных пунктах, в этих двух центральных звеньях народо-

вольческой журналистики, за два разные притом периода (один—петербургский, другой—московский) одинаково проявляется на ряду с другими влияние идей из одного и того же источника. Это, быть может, самый яркий пример тесной связи народовольческой практики с той теоретической работой русской социологической мысли, которая как-раз в это время дошла до высших точек своего развития, предвосхищая даже научную работу Запада.

Таким образом источники Тихомировской публицистики в двух основных группах его статей для нас постепенно выясняются. Остается, кроме них, еще одна группа, поставленная в нашем перечне на первое место, в состав которой входят, как наиболее яркие, статьи в №№ 1 и 7. Но о ней нам много говорить не приходится, так как передовая в № 1 «Народной Воли» прорабатывалась Тихомировым с Михайловским в самом процессе ее составления, а статья в № 7 лишь повторяет — правда, на новом материале, благодаря чему она и не теряет своей оригинальности, — основные мысли передовой из № 1. Но та из этих статей, которой Тихомиров дебютировал в народовольческой журналистике, характерна еще в одном специальном отношении. Мало того, что Тихомиров первую же свою программную статью в «Народной Воле», сразу создавшую политическую физиономию нового органа, писал при несомненном близком редакционном сотрудничестве Михайловского, он и начал не совсем обычными словами. Эти первые строки первой же его статьи действительно любопытны, так как в них он сам как бы приоткрывает завесу над внутренней лабораторией своего литературного творчества.

«Нам приходится переживать, — пишет тут Тихомиров, — исторический момент, крайне тяжелый, но вместе с тем крайне интересный по своим вероятным последствиям. По меткому выражению одного из наших публицистов — это момент ликвидации русских общественных направлений и симпатий», и пр.

На кого он тут ссылается, Тихомиров не дает прямых указаний, но наличность едва ли случайного совпадения мы имеем и в этом случае, так как еще в статье «Несколько слов о славянофильстве и западничестве» (апрель 1879 года) как-раз именно Михайловский писал, что одна из наиболее заметных особенностей нашего времени состоит в ликвидации старых общественных направлений и симпатий. И если Тихомиров в своей ссылке действительно имел в виду Михайловского, то этим он как бы с самого начала давал понять, где надо искать источники его публицистики.

3. Тихомиров и Михайловский в их взаимных отношениях.

Наша оценка отношений между Тихомировым и Михайловским не может быть полной, пока мы не разъясним еще одного вопроса — какими именно путями Михайловский мог воздействовать на Тихомирова? Выше мы сравнивали положение Михайловского с положением А. Д. Михайлова, но положение А. Д. Михайлова по отношению к Тихомирову представляется вполне ясным, чего нельзя сказать о Михайловском. Михайлов находился в постоянном, изо дня в день, общении с Тихомировым, они, можно сказать, жили почти что вместе. Для Михайлова представлялась полная возможность влиять на Тихомирова путем этого личного непрерывного и очень тесного общения, так что положение его и отношения между ними не представляют ничего неразъясненного. Но Михайловский?! Что было общего между ним и А. Д. Михайловым? В каких вообще отношениях состоял он с Тихомировым, не говоря уже о Михайлове?

Нужно сказать, что этот вопрос остается до сих пор почти не изученным, он даже ни разу не ставился в русской литературе для такого изучения. Мы не знаем также в точности, когда именно впервые встретились Михайловский с Тихомировым и при каких обстоятельствах развивалось их знакомство, насколько оно было тесным, и когда прекратилось их личное общение друг с другом. Мы можем лишь предполагать, на основании данных, которые имеются уже в литературе, что первоначальная встреча Тихомирова с Михайловским не могла произойти позже, чем осенью 1879 года, а прекратиться их личное общение не могло раньше лета 1881 года. Значит, знакомство их падает главным образом на тот период, который мы называем «первомартовским» в развитии народовольческой журналистики.

Рассказать конкретнее обо всем этом мог бы, конечно, больше всего сам Тихомиров, тем более, что он проявил в наши дни такую склонность писать мемуары. Но Тихомиров не обмолвился в них ни одним почти словом о Михайловском, хотя и предполагал посвятить ему специальную главу [1], а если он и написал ее, то она пока что не дошла до нас. Характерно также, что когда с ним заговаривали другие об его отношениях с этим властителем дум семидесятых годов и народовольческой эпохи, то результаты получались тоже мало благоприятные.

Так произошло, напр., с В. Л. Бурцевым, который в 1906 году посетил Тихомирова для того, между прочим, чтобы выяснить

---

[1] См. в „Кр. Арх.“, кн. XXIX, прим. к „Неизд. запискам“ Тихомирова, стр. 141.

долю участия Михайловского в составлении «Письма Исполнит. Комитета Александру III».

Никаких сколько-нибудь интересных подробностей об этом Бурцеву не удалось получить от Тихомирова, но из этого разговора, как он передан теперь в воспоминаниях Бурцева, выяснилась одна любопытная подробность, вернее, черта: плохо скрываемая ревнивая боязнь Тихомирова за свою авторскую самостоятельность. Как будто бы он заподозривал почему-то, что право на авторство этого письма у него хотят оспаривать, подвергая тем самым сомнению вопрос о его литературной самостоятельности. Тихомиров был слишком самолюбив (судя по его «Дневникам»), чтобы сознаваться в этом даже перед самим собою, не говоря о других.

Но если полной картины отношений между ним и Михайловским нам так и не удастся, по всей вероятности, нарисовать, по крайней мере в настоящее время, то все же кое-какие данные в этом отношении в русской литературе имеются, и мы сейчас ими попробуем воспользоваться, чтобы выяснить здесь вопрос, который нас интересует, хотя бы в самых общих чертах.

Обратим прежде всего внимание на одно место в воспоминаниях самого Михайловского о 70-х гг., которое может послужить для нас отправным пунктом при суждении о его отношениях с Тихомировым.

«Удивительное это время было — эти 70-е годы, — вспоминал впоследствии Михайловский. — Несмотря на всю бдительность явной и тайной полиции, несмотря на аресты, ссылки и казни, самые опасные террористы разгуливали с фальшивыми паспортами совершенно открыто по Петербургу, показывались в обществе, в театрах, на разных торжествах» [1].

Та статья, из которой взяты эти слова, представляет воспоминания (точнее отрывки из воспоминаний) о Вере Николаевне Фигнер, с которой Михайловский встречался довольно часто и совершенно запросто у себя на квартире. «Она бывала у меня довольно часто, — говорит он сам, — иногда одна, иногда с Юрием Богдановичем, который числился ее мужем, т.-е. по фальшивому паспорту, для полиции и непосвященных», и пр.

Действительно, эта сравнительная простота тогдашнего общения сугубо нелегальных людей (Фигнер и Богданович!) с чисто легальными, к которым принадлежал и Михайловский по своему официальному положению, кажется теперь не только странной, при наших взглядах на порядки тех лет, но даже почти что невероятной. Но так было, и то, что это так было, никому не казалось

---

[1] См. X том, стр. 56.

странным. Все эти бытовые особенности той эпохи мы не должны забывать, говоря о личных отношениях не только между В. Н. Фигнер или Юрием Богдановичем и Михайловским, но и между ним и Тихомировым. Разницы тут не было никакой.

В такой же совершенно обстановке происходили, однако, не только личные и мимолетные встречи «легальных» лиц с нелегальными, а также и деловые заседания и собрания. Напр., официальные заседания редакции «Народной Воли» неоднократно имели место в квартире того же Михайловского, в его рабочем кабинете! И это нам теперь представляется до последней степени странным, но и это не только бывало, а и являлось чем-то ординарным. «Незадолго до 1 марта 1881 г. я вошла в число редакторов «Народной Воли», — рассказывает Анна Павловна Корба.— Первое собрание редакции после 1 марта происходило на квартире Н. К. Михайловского. Нас присутствовало тогда трое редакторов: Н. К. Михайловский, Тихомиров и я. Мое знакомство с Н. К. не прекращалось за все время моего участия в «Народной Воле» [1].

На квартиру того же Михайловского приносил и сам Тихомиров «Письмо к Александру III» для окончательной редакции, что было сделано по постановлению Исполнительного Комитета. Там же Михайловский встречался с А. И. Иванчиным-Писаревым, поддерживавшим с ним самые тесные отношения, как с редактором «Народной Воли». В это же время («незадолго до первого марта», как пишет А. П. Корба) вышли в свет №№ 4 и 5 «Народной Воли», в которых были напечатаны вышеупоминавшиеся передовые статьи с такими явными перифразами из «Вольницы и подвижников» и других статей Михайловского. Тут же редактировались статьи для №1 «Народной Воли» и т. д. Все это были не случайные встречи и не мимолетные свидания, а систематическое деловое общение легальной и нелегальной части редакции «Народной Воли», происходившее почти открыто на глазах полиции, тайной и явной. Михайловский, очевидно, действительно не даром писал: «Удивительное это было время — 70-е годы».

До какой близости и личной итимности доходили порой эти отношения, показывает еще один пример из тех же его заметок о В. Н. Фигнер.

---

[1] См. „Автобиогр." в Словаре Граната. Вслед за этими словами А. П. Корба говорит: „Но не могу сказать, чтобы он (Михайловский) очень активно содействовал партии. Он был скорее любитель, чем действительный работник в „Нар. Воле" (стр. 386). Все факты, приводимые нами, хорошо свидетельствуют, каким „любителем" был Михайловский по отношению к „Нар. Воле".

«В одном из воспоминаний о Шлиссельбургской тюрьме, — пишет там, между прочим, Михайловский, — я читал трогательное описание именин Веры. Благодаря разным случайностям всем удалось собраться в одной комнате, Вере поднесены были самодельные подарки, и затем чуть ли не под гребенку начались танцы. Это напомнило мне свадьбу Льва Тихомирова, конечно, под чужим именем, ибо это было задолго до его превращения. Для пущей представительности я, будучи приглашен в шафера— не помню уж, жениха или невесты, — в первый и в последний раз был облачен во фрак — он был взят на прокат. После свадьбы вся компания отправилась в трактир к Палкину, и там в большом отдельном кабинете был приглашен, после веселого ужина, тапер, и пошли танцы, причем Вера была, кажется, веселее всех» [1].

Это было писано еще в 1902 году, но теперь мы знаем и некоторые подробности об этой свадьбе, которые в бытовом отношении делают ее еще более любопытной. Происходила она в 1881 году, тоже незадолго до 1 марта. Тихомиров жил тогда нелегально со своей женой Е. Д. Сергеевой, бывшей, как и он, членом Исполнительного Комитета. Почему-то ему казалось необходимым (он и тогда отличался некоторыми странностями, как это отмечает В. Н. Фигнер в «Запечатленном труде») оформить этот брак юридически, путем венчания в церкви, хотя бы даже под чужим именем. Вот об этой свадьбе и говорит Михайловский. Из личного расположения к Тихомирову он сам выразил желание быть шафером на этой свадьбе. Происходила она в полковой церкви на Царицыном Лугу. Замечательной подробностью является еще то, что, кроме Михайловского, шаферами на ней выступали А. И. Желябов, М. Р. Ланганс и А. И. Иванчин-Писарев, который и оставил свои воспоминания о ней.

4. Роль Михайловского в литературной деятельности Тихомирова.

Прежде чем подводить итоги всем этим фактам, слишком ярким, чтобы их нужно было даже особенно комментировать, мы обратим внимание читателя еще на следующее.

Михайловский никогда не входил формально в состав партии «Народная Воля», да такое вхождение едва ли было возможно

---

[1] См. том X, стр. 56. Относительно празднования в Шлиссельбурге именин В. Н. Фигнер ср. у М. Ф. Фроленко „Зап. семидесятника“, стр. 242. Праздновались не именины В. Н. Фигнер, а „шести Михаилов“ (Попова, Ашенбреннера, Тригони, Фроленко, Шебалина, Новорусского). Происходило это в „Михайлов день“, 8 ноября, повидимому, 1896 г.

для человека в его положении. У него было слишком много обязанностей по литературной деятельности в интересах того же направления, к какому принадлежала «Народная Воля», чтобы он мог совмещать их с формальной принадлежностью к нелегальной организации. Но не входя формально в состав «Народной Воли», Михайловский и не был вместе с тем простым «попутчиком» по отношению к ней, говоря современным языком. Отношения его с «Народной Волей» складывались по особенному типу и вообще представляются довольно сложными. Несомненно, однако, что на всю партию «Народной Воли», а тем более на ее газету, он смотрел как на близкое ему и кровное дело. Характерной чертой в этом отношении является то, что, говоря в своих статьях в «Нар. Воле» об ее редакции или вообще о всей организации, он всегда употребляет местоимение «мы», т.-е. не выделяет себя из их рядов, напротив, даже подчеркивает свою с ними солидарность.

Другой столь же характерной чертой его образа действий в этом случае является известное уже нам стремление с его стороны входить во все «м е л о ч и» редакционного обихода, не говоря уже о крупных редакционных вопросах. Так мог держать себя только тот, кто смотрел на данное литературное начинание как на с в о е личное, интимно ему близкое дело. Но вот мы видим теперь на всех тех примерах, которые только что приведены, вплоть до его участия в «свадьбе» Тихомирова, что такую же способность входить во все «мелочи» интимного обихода русских революционеров Михайловский сохранял и во всех остальных своих отношениях с ними. Не так важно, делал ли он это сознательно, преследуя какие-нибудь специальные цели, или это у него складывалось бессознательно, само собой, — тут могло быть и то и другое вместе, — но важно то, что это было и что этим окрашиваются все его отношения к «Народной Воле». Эта близость личных отношений, эти частые встречи, не только в деловой, но и в интимной обстановке, вся эта атмосфера тесного дружеского общения, которая поневоле должна была его сближать с революционной средой и делать его там своим, близким человеком, — чрезвычайно благоприятствовали в частности и тому идейному влиянию его на того же Тихомирова, наличностью и возможностью которого мы в данном случае интересуемся и пути которого стараемся наметить.

Как литературный работник, Тихомиров обладал несомненными дарованиями, которые он, однако, сразу же потерял, как только перешел в реакционный лагерь. Наличность у него литературных способностей доказывают такие его произведения, как «Письмо к Александру III» или статья «В среде мерзости

и запустения», напечатанная в № 2 «Вестника Нар. Воли», не говоря уже о его передовых в самой «Нар. Воле». Иванчин-Писарев в своих воспоминаниях свидетельствует, что Михайловский считал Тихомирова прирожденным революционным публицистом и высоко ценил с этой стороны его способности. «Ни один из легальных литераторов, — говорил Михайловский, — не сумеет писать на эти темы так ясно и убедительно, как Лев Алекс-вич (Тихомиров): он революционный публицист большого таланта». «Вообще, — прибавляет Иванчин-Писарев, — литературные способности Тихомирова располагали Ник. Конст. искать с ним частых встреч, и нередко они подолгу беседовали, обсуждая вопросы газеты и практической деятельности партии».

Как достаточно опытный редактор, Михайловский понимал вместе с тем, что при наличности такого сотрудника, как Тихомиров, взятого притом непосредственно из рядов самой действующей армии, лично ему нет никакой надобности выступать непременно каждый раз в той же «Народной Воле» со своими статьями, заслоняя тем самым молодые литературные силы. Вся редакционная практика Михайловского, как до того, так и после того, всегда сводилась как-раз к тому, чтобы давать выход молодым литературным силам, самому же выступать лишь там, где это было действительно нужным. Так же он поступал и в «Народной Воле», благодаря чему в ней относительно так немного его статей: себя он заменял в этом случае Тихомировым.

Но не забудем также, что Тихомиров тогда, как литературный работник, был в сущности очень молод (он родился в 1852 году, стало-быть, в это время ему исполнилось 27—28 лет) и не мог еще получить настоящей подготовки для той большой и ответственной литературной работы, которая, с основанием «Нар. Воли», сразу оказалась на его плечах. Этот недостаток общей подготовки и некоторых специальных знаний, необходимых для спешного и незамедлительного освещения очередных проблем, чувствовал и сам он. Благодаря этому он неоднократно возбуждал в Исполнительном Комитете вопрос о необходимости освободить его от текущей практической работы, чтобы дать ему возможность быть во всеоружии на литературной арене. Но бывало и так, что работа не ждала и ему приходилось тотчас же давать в спешном порядке ответы на запросы революционной практики, независимо от степени своей личной подготовленности к этому. В таких случаях Тихомиров находил незаменимую для него поддержку и помощь у Михайловского, который снабжал его фактами и идеями в тех случаях, когда у Тихомирова чувствовался в них слишком явный недостаток.

Тихомиров тут проходил хорошую литературную школу, которая к тому же не могла быть особенно чувствительной даже для его весьма развитого самолюбия, так как он имел дело, в качестве руководителя, с слишком крупным литератором, а Михайловский, с своей стороны, умел оказывать свое влияние в такой форме, которая была незаметна для других. Таким путем и складывалось их взаимное сотрудничество, в результате которого мы видим такие поразительные доказательства проникновения идей, специфически принадлежащих Михайловскому, в публицистику Тихомирова. Личное, живое общение и те частые встречи, о которых говорит, как мы только что видели, также Иванчин-Писарев, непосредственно наблюдавший отношения Тихомирова и Михайловского, могли иметь тут даже большее значение, чем влияние через посредство печатных работ, что мы должны тоже учитывать в этом случае. Пути воздействия Михайловского на Тихомирова становятся таким образом вполне ясными — иначе и не могло быть при общем близком и интимном характере их отношений. Читатель не должен думать вместе с тем, что все это опять-таки наши априорные предположения, и только. Нет! Что это происходило именно так, у нас есть, можно сказать, документальные данные, помимо тех, которые уже приведены выше.

5. Н. С. Русанов о Тихомирове.

Семидесятые годы были удивительным временем не только потому, что тогда официльные заседания нелегальных редакций происходили в квартирах чисто легальных лиц, но и потому, что в самих легальных редакциях так же открыто фигурировали сугубо нелегальные сотрудники. Как это тогда происходило и как при этом выполнялся целый «план» вхождения революционных литераторов в общецензурные органы печати, — это мы уже знаем. Знаем мы также, кто именно из «нелегальных» вошел, и в какие именно журналы, для проведения своих идей: это делали Кибальчич и Иванчин-Писарев в «Слове» и Тихомиров в «Деле». Но вот во время этой работы Тихомирова в «Деле» и произошел один инцидент, который в высшей степени ярко обрисовывает перед нами тот характер его отношений с Михайловским, о котором у нас идет все время речь. Этот инцидент состоял именно в столкновении его в том же журнале с одним из тогдашних критиков «Народной Воли» — Н. С. Русановым. В «Деле», в котором сотрудничал Тихомиров, Русанов поместил одновременно с ним статью «Экономика и политика», в защиту э к о н о м и к и, умалявшейся, по его мнению, народовольческой склонностью слишком подчеркивать роль п о л и т и к и.

«Позже я узнал, — рассказывает об этом в своих воспоминаниях Н. С. Русанов, — что эти мои статьи и рецензии, написанные в духе марксизма, или, точнее говоря, моего тогдашнего представления об идеях марксизма, резко осуждались Михайловским, который решительно встал на сторону «Народной Воли», содействовал насколько мог популярности партии в обществе и от времени до времени помещал под псевдонимом «Гроньяра» в ее органе много читавшиеся тогда «Политические письма социалиста». Он счел даже нужным помогать фактами и идеями Тихомирову при составлении последним возражения на мою статью об «Экономике и политике», возражения, которое появилось в майском номере «Дела» уже после того как удавшееся на сей раз покушение на Александра II завершило первый акт великой исторической борьбы между «Народной Волей» и самодержавием» [1].

Эти слова Н. С. Русанова, в объективности которых не может быть никаких сомнений, дают настоящее свидетельское показание, оправдывающее полностью все ту характеристику отношений между Тихомировым и Михайловским, которую мы сделали совершенно самостоятельным путем, исследуя печатные статьи Тихомирова в «Народной Воле» и сопоставляя их с общеизвестными статьями Михайловского. Сводя теперь воедино весь этот материал, мы могли бы сказать, что Русанов не только прав в данном конкретном случае, но он был бы еще более прав, если бы расширил свои замечания и стал бы утверждать, что таковы были и вообще отношения Тихомирова к Михайловскому во все то время, к которому относится его статья об «Экономике и политике». Михайловский несомненно не только в «Деле» и не только во время этой полемики помогал Тихомирову фактами и даже идеями, как говорит Русанов, но совершенно так же держал себя и в остальных случаях за время

---

[1] См. воспоминания Н. С. Русанова, ч. I, стр. 332. Ср. с этим также следующие слова: „Меня поразил в Тихомирове не его якобинизм, ибо якобинизм продолжал оставаться мне симпатичным,—но форма его якобинизма, уверенность в том, что даже при неразвитых экономических отношениях можно произвести самую коренную социальную революцию, лишь бы существовала крепко организованная политическая партия. „Организация—это все, это краеугольный камень общежития,—все более и более жестко повторял Тихомиров.—Без организации даже наша солнечная система не сложилась бы". „Эту мысль, но, очевидно, смягченную Михайловским, Тихомиров будет,—прибавляет Русанов,—развивать в своем возражении мне, уже вдвигая организацию в ряд других общественных факторов (стр. 333). Таким образом и Русанов сам допускает, что якобинизм Тихомирова являлся иногда „смягченным Михайловским", а в этом и состоит вся суть дела при оценке их взаимных отношений.

своего знакомства с ним. Эту зависимость от Михайловского Тихомиров не мог не чувствовать и не сознавать [1], вот почему он и бывал так ревнив к своей авторской самостоятельности впоследствии, когда речь заходила о том, кто больше — он или Михайловский — писал его произведения.

Мы не станем рассматривать здесь вопроса о том, до каких границ эта авторская самостоятельность Тихомирова должна и может быть признанной безусловной, — быть может, и вообще во всех его деталях этот вопрос разрешить нам не придется, — но самый факт литературной и политической несамостоятельности Тихомирова не подлежит сомнению, и он многое объясняет нам также в его позднейшей эволюции из революционеров в реакционеры. Не рассматривая, однако, здесь вопроса о границах авторской самостоятельности Тихомирова, мы можем на основании всего, нами сказанного, сделать тем не менее неизбежно следующий из всего этого вывод, который мы сформулируем в словах: тот, кто не был вполне самостоятелен, литературно или политически, не может и быть ответственным за свои произведения и за свои поступки. Ответственность же политическую или литературную должны, очевидно, в этих случаях нести другие. Это применимо даже к таким случаям, где авторство Тихомирова казалось бы полным и неоспоримым, как напр., к тому «Письму Исполнит. Комитета к Александру III», о котором не раз упоминалось нами выше.

В разговоре с Бурцевым (в 1906 году) Тихомиров сказал, что все это письмо писал он, а что Михайловский только прослушал его и внес в него несколько отдельных изменений, но в общем был вполне доволен письмом. Но даже это сообщение самого Тихомирова означало, что редакционную ответственность в данном случае нес за письмо не столько сам Тихомиров, сколько тот, кто его прослушивал и вносил, пусть даже незначительные, изменения. Роль же Тихомирова была гораздо более скромной — хорошего литературного рупора своей эпохи и своей организации, очень полно и в очень удачной форме выражавшего ее идеи и стремления. Литературный талант сам по себе в том и заключается, чтобы уметь печатно или письменно говорить за других. И в этом смысле Тихомиров

---

[1] См. слова самого Тихомирова о Михайловском: „Михайловский неоднократно доказывал свою способность к оригинальному самостоятельному мышлению“ („Дело“, кн. IX за 1881 г., стр. 112). Этими качествами Михайловский и подчинял Тихомирова.

был несомненно крупным литературным представителем «Народной Воли». Но не он является в глазах библиографа и историка ответственным за свою политическую и литературную деятельность, так как рядом с ним и закрывая его собою стояли две крупнейшие фигуры той эпохи — А. Д. Михайлов и Н. К. Михайловский, руководившие всей его деятельностью и снабжавшие его идеями и фактами. На них и ложится главная тяжесть политической и редакционной ответственности за «Народную Волю» как газету и как партию.

ГЛАВА VI

ЯКОБИНСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В НАРОДОВОЛЬЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

1. Народовольческая журналистика в московский период.

После 1 марта партия «Народная Воля» понесла большие потери, и силы ее оказались серьезно подорванными. Но она была еще далека от крушения и, напротив, таила в себе большие возможности для нового подъема революционной борьбы. В резервах партии находилась еще совсем нетронутой вся ее военная организация, на которую А. Д. Михайлов в своих письмах из тюрьмы предлагал товарищам перенести центр тяжести своей работы. Далеко не исчерпанными были также и литературные силы, по внешнему проявлению которых в партийной печати, и даже по самой ее наличности, широкая публика, да и само правительство, судили о партийных возможностях. Можно сказать даже, что московский период, по сравнению, например, хотя бы со вторым петербургским, мог в этом отношении производить даже большее впечатление. Так, во второй петербургский период вышло три «Листка» и два номера «Народной Воли», 4-й и 5-й. В московский же, за тот же приблизительно промежуток времени, если только не меньший, был издан, правда, всего 1 «Листок», но зато 3 больших номера. Соотношение, явно бывшее в пользу Москвы. Очевидно, в Москве сил было больше, или во всяком случае было еще много пороха в партийных пороховницах.

К тому же результату мы придем, рассматривая еще ближе состав и размеры тех же номеров «Народной Воли», как московских, так и петербургских второго периода. Размер «Листков», вышедших тогда в Петербурге, колебался от 14 до 18 страниц и в среднем давал от 16 до 17 страниц. Но московский «Листок» содержал 19 страниц, даже несколько больше.

То же самое с основными номерами. Номера 4-й и 5-й «Народной Воли» были оба по 36—37 страниц, почти вдвое меньше первых трех номеров, средний размер которых достигал, как мы знаем, до 64 страниц. Что же касается номеров, вышедших в Москве, то из них один, именно № 7, действительно упал еще ниже петербургских второго периода, спустившись до 26 страниц, но это было исключением. Вышедший перед тем № 6 заключал 47 страниц, а в № 8-9 число страниц дошло до 67, притом без приложений, а с приложениями даже до 87. Таким образом это был один из самых крупных номеров «Народной Воли» за весь период с 1879 по 1882 гг.

По количеству печатного материала, по энергии в работе типографии, да и по общему содержанию номеров видно было, какими еще крупными ресурсами обладала в тот момент партия, и в частности ее литературная фаланга. Это мы можем сказать даже теперь, когда мы знаем, что как-раз тогда над партией «Народная Воля» заносил свою руку предатель, поразивший ее в самое сердце, но тем большее впечатление должна была производить газета на современников в те времена как своим внешним видом, так и подбором статей, за анонимностью которых еще нельзя было уловить перемен в редакции и личном составе общепартийных руководящих кадров.

Впечатление значительной силы «Народная Воля» должна была производить и в другом отношении. Как-раз именно за московский период появилась в народовольческой журналистике статья, выдвигавшая на степень очередной проблемы. з а х в а т в л а с т и, чего не было ни в одном из предыдущих номеров, не говоря уже о последующих. Очевидно, партия еще чувствует за собой большую силу, если выдвигает в качестве очередных такие ответственные лозунги, — так приблизительно можно было бы сформулировать мысль широких читательских кругов при этом программном выступлении тогдашней народовольческой журналистики. Это общее впечатление находило себе опору и в том, кем и когда был выброшен такой лозунг. «Захват власти» фигурировал не в какой-либо случайной заметке, а в передовой статье, в редакционной profession de foi, в № 8-9 «Народной Воли». Автор указанной статьи до самого последнего времени, а тем более раньше, оставался неизвестным, а по старой традиции она приписывалась, даже весьма компетентными людьми, конечно, Тихомирову, что придавало ей сугубо программное значение. На ней давно уже сосредоточивали свое внимание историки и критики «Народной Воли», от Плеханова до Богучарского в прежнее время, и от Мицкевича до Левицкого в наши дни. На этой же

статье необходимо остановиться и нам, так как даже с чисто библиографической стороны она представляет крупное значение и совершенно исключительный интерес.

2. Передовая статья в № 8-9 «Народной Воли».

Передовая статья, о которой идет речь, была напечатана в феврале 1882 года. В оглавлении, которое помещалось в «Народной Воле» в конце номера, она имеет заглавие: «Положение партии в данный момент», а в тексте ей предшествует пометка: «Петербург, 4 февраля». Писалась она на самом деле в Москве и помечена Петербургом только для конспирации [1].

Предыдущие московские номера выходили в такой последовательности: № 6—23 октября 1881 года и № 7—23 декабря того же года. По размеру №№ 6 и 8-9 были, как мы только что видели, очень обширны, № 7—несколько меньше, но все-таки все три номера вместе с приложениями и «Листком» составили бы книгу в 180 стр. обычного формата. Подготовить к печати с лета по декабрь книгу почти в двести страниц стоило, конечно, не малого труда. Типография работала, следовательно, очень интенсивно, и раз в два месяца газета выходила в свет. При таком темпе работы материал сдавался в набор, очевидно, почти без перерыва, и, пока набирался один номер, следующий нужно было уже составлять. Стало-быть, судя по этим датам, подготовка материала для № 8-9 падала на самый конец 1881 года и охватывала приблизительно декабрь этого года и, быть может, январь следующего. Мы устанавливаем эти даты возможно тверже, так как они будут нам нужны в дальнейшем.

Рядом со всем этим необходимо подчеркнуть еще одно обстоятельство, имеющее для нас едва ли не большее значение. Обстоятельство это состоит в том, что в народовольческой журналистике мы наблюдаем полное отсутствие всякого проявления якобинских тенденций за все время ее существования вплоть до февраля 1882 года и после него, так что статья о «Положении партии» с ее чисто якобинской идеей захвата власти является в этом отношении исключением.

Как ставился вопрос о якобинском типе революции в «Народной Воле», мы знаем по передовым статьям в №№ 4 и 5 о желательной роли народных масс в революции. «Только в самом несчастном случае, только тогда, если бы народный организм

---

[1] На экземпляре „Лит. Нар. В.“, принадлежавшем В. С. Лебедеву, его рукой на всех передовых статьях в №№ 6, 7 и 8-9 пометка „Петербург“ переправлена на „Москву“. С какой целью это сделано—вполне понятно. Ср. о том же у П. И. Куркина в статье в № 4 „Санитарной Хроники“.

не проявлял уже ни искры жизни, можно было бы признать такую деятельность», говорится там о русском якобинизме. После 4-го и 5-го номеров «Народной Воли» те же вопросы трактовались в ней еще раз в №№ 6 и 7, в передовых статьях Тихомирова. О статье Тихомирова в № 6 мы говорили в своем месте, и характер ее для нас ясен — это общенароднические статья, написанная под большим влиянием Михайловского, и к якобинизму она не имеет никакого отношения. Что же касается передовой статьи Тихомирова в № 7 «Народной Воли», посвященной полемике с «Русским Гостем» на конгрессе в Хуре (Аксельродом), то в ней дана яркая формулировка соотношения политического и экономического моментов в социально-революционном движении, целиком совпадающая с общей линией «Нар. Воли» в этом вопросе, как она была выражена в статьях Кибальчича и «Политических письмах социалиста». В частности о захвате власти в ткачевском смысле этого слова, как о методе решения политико-экономических вопросов, там даже не упоминается.

Вот, следовательно, в каком положении находился вопрос о якобинских тенденциях в «Народной Воле» к концу 1881 года, когда писалась статья «Положение партии в данный момент». И тем не менее как-раз именно в этой статье мы находим достаточно ясно сформулированную якобинскую точку зрения на задачи и постановку вопроса о социальном перевороте.

«Одновременно с тем, — говорится здесь, — как социально-революционная партия наносит удары правительственной власти, в народе все более и более пробуждается ненависть к привилегированным, правящим сословиям и настойчивее стремление к радикальному изменению экономических отношений. Такое выгодное соотношение политических и экономических факторов на русской почве позволяет нам с большею вероятностью надеяться, что, когда революционная организация будет в силах произвести политический переворот, народ сумеет совершить революцию в экономической сфере, и захватившему власть временному революционному правительству придется лишь санкционировать экономическое равенство, отвоеванное народом у его вековых угнетателей и эксплоататоров... Но если обстоятельства сложатся менее благоприятно, в таком случае временное революционное правительство, рядом с политическим освобождением народа, рядом с установлением новых политических учреждений, производит экономический переворот: уничтожает право частной собственности на землю и орудия производства. Тогда на созванный Земский Собор явятся истинные представители народа, освобожденного политически и экономически, и народная жизнь станет регулироваться неподтасованною н а р о д н о ю в о л е ю».

Следуя общему характеру наших заметок, мы не будем истолковывать приведенного отрывка с чисто политической сторсны. Однако изолировать от всякой политики даже чисто библиографическое изучение не всегда представляется возможным. Библиографическое изучение передовой статьи в 8-9 «Народной Воли» ставит нас прежде всего лицом к лицу с вопросом о том, к т о б ы л е е а в т о р о м, — это во-первых, и при каких обстоятельствах она была написана, — во-вторых. Но будучи чисто библиографическими, — так как, говоря об этих обстоятельствах, мы имеем в виду главным образом р е д а к ц и о н н у ю обстановку, — оба эти вопроса подводят нас вплотную к вопросам чисто политическим. Если бы оказалось, что передовая статья в № 8-9 «Народной Воли», как это и следует из сделанной нами только что справки, представляет собою строго индивидуальное явление в народовольческой журналистике, ничем не связанное ни с ее предыдущим, ни, как мы еще это увидим, с ее последующим развитием, в таком случае ее политическое значение и удельный вес оказались бы одними. И наоборот, если бы можно было установить, что та же статья о «Положении партии» вовсе не индивидуальна и не изолирована, а представляет естественное заключительное звено в длинной цепи последовательного развития народовольческих идей в сторону якобинизма, — то ее удельный вес и политическое значение были бы иными. Вот в каком смысле библиографическое изучение приведенного отрывка вплотную соприкасается с его политической оценкой, благодаря чему оно становится делом сложным и далеко не легким.

Эти сложности и затруднения встречают нас при самом подходе к такому, казалось бы, даже простому и ясному вопросу, как вопрос — кем и при каких обстоятельствах эта статья писалась. Официально автор ее нам уже известен — это В. С. Лебедев, в списке работ которого она и значится. Но как-раз этот факт и вызывает целый ряд новых вопросов. так как Лебедев вовсе не был якобинцем. «Якобинцем Лебедев не был, — говорит, напр., о нем Елпатьевский. — Его мировоззрение — переход от «Земли и Воли» к «Народной Воле» (письмо от 31 янв. 1929 г.). Как же в таком случае он мог написать такой ярко якобинский анализ «положения партии в данный момент»?

Предполагать ошибочность в этом случае мнения Елпатьевского у нас тоже нет никаких оснований, так как оно целиком подтверждается всеми остальными печатными произведениями того же Лебедева, принадлежность которых ему вполне бесспорна. Так, вторая передовая статья Лебедева в том же № 8-9 «Народной Воли» не носит уже никаких следов этой якобинской ставки на захват власти, которая придает такой определенный оттенок

заключительным строкам первой передовой статьи. Во второй статье Лебедев, правда, тоже высказывается за строго централистический тип организации, — в чем еще, впрочем, нет никакого якобинизма, — но лишь до первой прочной победы революции, как он сам же подчеркивает курсивом, что сразу отделяет его от ткачевски-якобинской концепции политического переворота. Затем, Лебедев пишет там же об «учредительной деятельности общерусского Земского Собора, который займет место временного революционного правительства» и заменит разрушительную и дезорганизационную деятельность творческой и созидательной. Во всем этом Лебедевым проводится та общенародовольческая точка зрения, которую еще Кибальчич противоставлял якобинской, с одной стороны, и чернопередельческой — с другой.

Характеристика Лебедева, данная Елпатьевским, подтверждается и другими современниками, знавшими его по московской народовольческой работе. В общем все они рисуют его скорее даже как человека, лишенного ярких черт политической физиономии, чем обладающего ими, а тем более такими специфически бросающимися в глаза, каковыми не могут не считаться якобинские. Особенно любопытны в этом отношении все места о Лебедеве в «Запечатленном Труде» В. Н. Фигнер. О нем В. Н. Фигнер упоминает несколько раз в своих воспоминаниях, в связи с избранием его, в апреле 1881 года, после 1 марта, в состав Исполнительного Комитета.

«Мартынов и Лебедев, — говорит, напр., она, — были по профессии врачами и входили в местную московскую группу, созданную Теллаловым и Ошаниной. Если о Лебедеве я не слыхала ни хорошего, ни дурного, то о Мартынове Ошанина много рассказывала мне при свидании в Петербурге и говорила о нем как об умном, оригинальном, интересном человеке и искусном рассказчике-импровизаторе. По ее отзывам, из москвичей он был самым даровитым и выдающимся. Определенного впечатления при деловых встречах с ним и с Лебедевым в Москве на общественной квартире Богдановича и Ошаниной я, однако, не вынесла. Их значение в Комитете было не велико, уже по самой кратковременности их деятельности».

Эти слова дают материал для разнообразных замечаний, но мы ограничимся только самыми существенными.

В. Н. Фигнер говорит, что Мартынов и Лебедев были по профессии врачами и что значение их в Комитете было не велико, но ведь Лебедев являлся еще и литератором и редактором официального органа партии! Велико или нет должно быть признано его значение в Исполнительном Комитете — это особый

вопрос, однако в редакции «Народной Воли», которая как-раз в этот момент оказывалась чрезвычайно тесно связанной, через ту же Ошанину, с Исполнительным Комитетом, роль его рисуется далеко не незначительной и не кратковременной: при его ближайшем участии — и редакционном и литературном — вышло целых три номера официального органа партии. Можно даже сказать, что в редакции «Народной Воли»» Лебедев играл тогда не меньшую, и едва ли не большую роль, чем, напр., хотя бы Тихомиров, как это нами установлено выше. Конечно, Лебедев не может итти в сравнение с Тихомировым, ни по литературному таланту, ни по яркости политических взглядов. Избрали Лебедева в состав Исполнительного Комитета, а, может быть, и в состав редакции «Народной Воли», вообще не потому, что он обладал большой литературной силой или яркой политической физиономией. Из слов В. Н. Фигнер это следует вполне ясно. Избрали Лебедева как определенного полезного практического работника, руководясь, повидимому, больше всего доверием к тем, кто его рекомендовал, и прежде всего к М. Н. Ошаниной. Тот же факт, что Лебедев, будучи литератором, не обладал качествами крупного политического работника, представлял, быть может даже, с точки зрения той же Ошаниной, свои выгодные стороны.

«У Лебедева своей собственной склонности не заметно было ни к чему, но Мария Николаевна (Ошанина), как человек властный, подбирала такие элементы».

Так говорит П. С. Ивановская, одна из наиболее крупных деятельниц той эпохи, жившая в 1881—1882 гг. в Москве и лично знавшая как Ошанину, так и Лебедева.

Все эти отзывы о Лебедеве как о человеке, не имевшем яркой политической физиономии, а тем более такой специфической, как якобинская, можно подтвердить также его собственными печатными работами. С этой точки зрения любопытно отметить, что как революционный публицист, Лебедев впоследствии, вернувшись из ссылки после своего ареста, ничем себя не проявил, кроме своего прежнего сотрудничества в «Народной Воле». Из ссылки Лебедев возвратился в 1889—90 гг. (см. «Алфавит сотрудников»), когда только что начала зарождаться партия «Народного Права», в которую вошли многие старые революционеры во главе с Натансоном. Но у нас нет никаких сведений, чтобы Лебедев хотя бы к ней имел какое-нибудь отношение и дал бы хоть одну печатную строку для ее изданий. Так же он держал себя и впоследствии, вплоть до самой революции 1917 года. За все это время он ни разу не выступил также как мемуарист: его не соблазнил на это даже шумный успех первого (легального) «Былого», для читателей которого он мог сообщить много инте-

ресного о прошлом. Ссылка эпохи Лебедева, в 80-х гг., во многих, не думавших совсем, что они литераторы, пробудила недюжинные литературные силы. А в Лебедеве, несомненно обладавшем литературными дарованиями, она их заглушила! Это не значит, впрочем, что после ссылки он ничего собственно не писал по общественным вопросам и ничего не печатал. Напротив! Его друзьями составлен теперь целый список его печатных работ за время первой революции, с 1903 по 1913 гг., и эти работы имеют близкое касание к вопросам социальной жизни [1]. Но все эти работы по своему характеру были академичными, и в этом смысле они, быть может, особенно типичны для Лебедева, так как такой же академический характер носят и его статьи в «Нар. Воле».

Читая народовольческую публицистику Лебедева, нельзя не отдать должного ее литературности, ясности и точности его формулировок, эрудиции, с которой она написана, но вместе с тем в ней, как общее правило, чувствовалась, вплоть до его «якобинской» передовицы в № 8-9 «Нар. Воли», холодность тона и несколько абстрактная ученость. Как бы это ни воспринималось раньше, но теперь, охватывая мысленно всю жизнь Лебедева, поскольку она нам, конечно, известна, мы не можем не признать, что Лебедев революционным публицистом являлся по своему официальному положению и еще больше, если не целиком, по обстоятельствам, сложившимся как бы независимо от его воли, а не по своему темпераменту, не по тому, чтобы он обладал вообще яркой политической физиономией [2].

Есть еще одна любопытная особенность позднейшей деятельности Лебедева, на которую нельзя не обратить здесь внимания. Когда Лебедев вернулся из ссылки и окончательно легализировался, он выбрал своей профессией должность санитарного земского врача и санитарного фабричного врача, то-есть та-

---

[1] Список этих работ Лебедева см. в вышеуказанной статье П. И. Куркина (П. К.) в № 4 „Санит. Хроники Московского Земства". Все это статистические работы, касающиеся „условий доступности врачебной помощи для населения Московской губ." Их большая общая ценность и их глубокая демократичность — несомненны. Но по своему характеру все эти работы ни в чем не напоминают в Лебедеве старого „якобинца".

[2] Елпатьевский так характеризует Лебедева: „Человек большого ума, широкой и разносторонней эрудиции, строгой логики, он обладал еще тем, что редко встречается у людей даже большого ума,—чувством меры, каким-то особым пониманием всей сложности житейских явлений, — и тем, что труднее всего дается,—уменьем выбирать из многих путей, которые открывает жизнь, именно тот путь, какой в данной сложности событий и общественных явлений является наиболее достижимым, вернее всего ведущим к цели. Он был государственный ум" (см. „Кр. Новь", 1928, кн. 2-я, стр. 150, очерк „В Сибири"). Отсюда и проистекал „академизм" Лебедева.

кие формы общественной работы, которые ближе всего ставили его в непосредственное соприкосновение с народными низами и с рабочими массами. Для Лебедева это было несомненно характерно, так как тут нельзя не видеть очень яркого отзвука его былых народнических стремлений. Этот общенароднический, а отнюдь не якобинский, характер, выражаемый Елпатьевским формулой перехода от «Земли и Воли» к «Народной Воле», действительно носят его статьи в народовольческой журналистике. Отмечая в них, что активное проявление народного недовольства «растет за последние два десятилетия в геометрической прогрессии», Лебедев пишет там: «Стихийное настроение народа встречается на этот раз с серьезным сознательным движением революционной интеллигенции. Приближение кризиса чувствуется всеми, всякий по-своему готовится к нему». Но ни из чего не видно, что сам автор этих слов готовился к нему «по-якобински».

3. М. Н. Ошанина о народниках и якобинцах в Исполнительном Комитете.

Другая часть тех трудностей, которые вызываются передовой статьей в № 8-9 «Народной Воли», идет уже не по линии библиографической, связанной с определением автора этой статьи, а по линии редакционно-политической. Мы видели уже, что в состав Исполнительного Комитета Лебедев был введен по рекомендации М. Н. Ошаниной, игравшей в те годы в Москве чрезвычайно большую роль. Для нас это обстоятельство имеет очень крупное значение в том отношении, что как-раз Ошанина дала однажды совсем иное истолкование передовой статье в № 8-9 «Народной Воли», чем то, которое сделано нами. Именно, по ее свидетельству, это было не индивидуальное выступление с чьей бы то ни было стороны, а заключительное звено целой эволюции политических взглядов в недрах самого Исполнительного Комитета за годы 1879—1882.

Ошанина «никогда ничего не писала», как сказала о ней однажды В. Н. Фигнер, в книге об А. Д. Михайлове (прим. на стр. 26).

Этот отзыв об Ошаниной тоже не совсем точен, как и некоторые из отзывов В. Н. Фигнер, напр., о Лебедеве, отмеченные нами выше. Конечно, Ошанина не была писательницей в том смысле слова, какой применим хотя бы к самой В. Н. Фигнер. Но сказать, чтобы она никогда ничего не писала, значит выразиться слишком категорически. Теперь этот вопрос уже достаточно выяснен (как и с Лебедевым), и для утверждения столь категорического данных нет.

Ошанина прежде всего имела самое близкое отношение к литературной работе как редактор, как руководитель двух крупнейших народовольческих органов печати: газеты «Народная Воля» за ее московский период и «Вестника Народной Воли», издававшегося за границей. В «Вестнике» она играла более чем заметную роль в качестве члена редакционной коллегии (хотя и не официального) и занимала там фактически такое же положение, как и два другие редактора — П. Л. Лавров и Тихомиров. С ее голосом в редакционной коллегии очень считались, и без совета с нею не предпринималось решения ни по большим, ни по малым редакционно-литературным делам. Но Ошанина не только прочитывала еще в рукописи и редактировала чужие статьи, а точно так же писала и печатала кое-что и сама. «Ошанина, — говорит об этом Русанов, — толково и добросовестно вела хронику борьбы и была не официальным, но очень деятельным членом редакции, точнее сказать — советчицей, мнению которой все мы, и тот же Петр Лаврович (Лавров), придавали большое значение» [1].

Приблизительно такое же положение занимала Ошанина и в редакции «Народной Воли» в конце 1881 и начале 1882 гг., когда «Народная Воля» была перенесена в Москву, центр деятельности самой Ошаниной. Как член редакции она имела здесь дело частью с теми же людьми, с какими впоследствии издавала «Вестник Нар. Воли», напр., с Тихомировым, частью с новыми, ею же введенными и в состав Исп. Комитета и в состав редакции, как тот же Лебедев. Так же, как и в «Вестнике», к ее мнению здесь внимательно прислушивались и с нею очень считались. Можно даже сказать, что в «Народной Воле» ее удельный вес был значительно большим, чем за границей, так как Тихомиров часто отлучался из Москвы и заметно охладел к редакционным делам, предоставляя их Лебедеву, а кроме Тихомирова, равных ему по авторитету членов редакции почти не оказывалось.

Затем опять-таки в «Народной Воле», как и в «Вестнике», Ошаниной приходилось иногда брать на себя ту же «хронику борьбы» и составлять на основе ее нечто в роде обзоров револю-

[1] См. „В эмиграции“, стр. 163. К сожалению, Н. С. Русанов не указывает точнее, какие именно „Хроники революционной борьбы“ в „Вестн. Нар. В.“ принадлежат Ошаниной. С несомненностью можно сказать, во всяком случае, что безусловно Ошаниной принадлежит, напр., „Хроника“ в IV кн. (стр. 221—245), так как она подписана ее обычными инициалами „М. Н.“. Но с такой же несомненностью следует „Хронику“ в кн. I отнести не ей, а Тихомирову, так как она подписана не ее, а его инициалами: „Л. Т.“. Под остальными „Хрониками“ стоят каждый раз новые подписи: „Гр. Ал.“—в № 2 и „Х“—в № 3, а „Хроника“ в № 5—совсем без подписи. Весьма, впрочем, возможно, что „Хроника“ в №№ 3 и 5—тоже Ошаниной, а в № 2—возможно, что Тихомирова.

ционного движения, об одном из каковых случаев мы скажем ниже подробнее.

Все это дает достаточно материала для довольно серьезных оговорок к слишком уж категорическому, как мы видим, мнению В. Н. Фигнер об Ошаниной. Мало, однако, и этого. В жизни Ошаниной был и такой момент, когда ей пришлось выступить не с «хроникой борьбы», а с гораздо более ответственной статьей. Случилось это в половине 90-х гг. прошлого столетия, когда группа старых народовольцев, к которой принадлежала также и М. Н. Ошанина, начала издавать «Материалы для истории соц.-рев. движения в России». Правда, Ошанина и в этом случае не взялась написать ни статьи общего характера, ни мемуарной, хотя этого естественнее всего было бы ожидать от нее, как от человека, принимавшего близкое участие в революционном движении времен «Земли и Воли» и «Народной Воли». Но если Ошанина не выступала тогда в качестве мемуаристки, то все же ей пришлось дать письменные ответы на ряд вопросов о «Народной Воле», поставленных ей по поручению группы старых народовольцев Э. А. Серебряковым для предположенной им статьи о народовольческом периоде революционного движения. Ответы Ошаниной представляют собою целую программу для народовольческих мемуаров, далеко не лишенную серьезного политического значения. Говоря там об Исп. Комитете и об отношении его к якобинцам, М. Н. Ошанина коснулась между прочим и вопроса о «захвате власти», и вот какое показание, притом как раз в связи со статьей в № 8-9 «Народной Воли», она дала в этом случае.

«Единственная перемена, которую можно было констатировать в течение всего периода деятельности во взглядах отдельных членов Комитета, заключалась в постепенном ослаблении народнического элемента и в усилении того, что называлось «политиканством». Это обозначало собственно то, что люди все меньше и меньше начинали верить в способность народа добиться чего-нибудь собственными силами и все больше и больше придавали значения инициативе революционеров. Отсюда и изменение взглядов на захват власти. Под конец деятельности Комитета я не припомню ни одного человека, кто относился бы к захвату власти отрицательно, и в № 9 «Народной Воли» должна быть статья, где на этот счет высказались совсем недвусмысленно. Влияние в этом направлении отдельных личностей было незначительно; влияла больше сама жизнь, успех, развивавший веру в свою силу, с одной стороны, и пассивное сочувствие общества — с другой. Надо помнить одно, что при своем образовании все

члены Комитета (за исключением меня) были народниками, под конец все стали более или менее якобинцами, сохраняя, разумеется, веру в народ» [1].

Схема, развитая в этой тираде Ошаниной, особенно интересна потому, что в наше время она получила совершенно специфическое значение. Это и понятно. Вопрос об якобинских тенденциях «Народной Воли» — один из наиболее актуальных вопросов современной исторической литературы. Для нашего времени он даже просто злободневен, по причинам, которые вполне понятны. Раньше, когда говорилось (в эпоху 90-х и даже 900-х гг.) об якобинизме «Народной Воли» и о стремлении ее к захвату власти, этот вопрос ставился частью чисто полемически, частью — просто академически или, по меньшей мере, только теоретически. До 1917 года, а тем более до 1905, не говоря уже о конце 80-х и начале 90-х гг., когда собственно и развертывалась главная критика «Народной Воли», окрасившая собою, в трудах Плеханова, всю последующую эпоху, — никто не верил в реальную возможность захвата власти русскими революционерами, и если тогда говорили о стремлении к этому «Народной Воли», то больше для того, чтобы подчеркнуть ее утопизм и оторванность от реальной жизни. Так поступали все критики, одинаково расценивавшие якобинизм «Народной Воли», как черту сугубо отрицательную. Но с тех пор прошло слишком много времени, и в нашем отношении к прошлому образовалось слишком много перемен, чтобы старая точка зрения на якобинизм народовольцев могла остаться неизменной. Она и меняется, самым радикальным образом, прямо на наших глазах, причем показание Ошаниной играет роль твердого опорного пункта для такой переоценки старых ценностей. При этом остается как-то невыясненным вопрос, можно ли на нем основываться, как на чем-то прочном и объективном [1].

Присматриваясь ближе к приведенной выше цитате, мы заметим без труда, что слова Ошаниной были бы очень убедительны и авторитетны, если бы прежде всего в них не закралось серьезного внутреннего противоречия, нарушающего всю

[1] См. статью Э. А. Серебрякова о показаниях М. Н. Ошаниной в «Былом» за 1907 г., № 6, стр. 5—6, пункт 12. Ту же цитату приводит также С. И. Мицкевич в статье „Русские якобинцы“, в № 6-7 „Пролет. Рев“. за 1923 г. См. еще примеч. С. Н. Валка „К истории процесса 21“ в XXXVI кн. „Кр. Арх.“, стр. 179, слова: „Передовая „Нар. В.“ № 8-9 была одним из самых ярких якобинских заявлений народовольческой литературы и постоянно служила и служит иллюстрацией бланкистских тенденций народовольчества. На нее же ссылалась, напр., и М. Н. Полонская“, и пр.

их убедительность, и если бы они не вызывали некоторых сомнений со стороны чисто фактической.

Народовольцы, по утверждению Ошаниной, тем больше становились якобинцами, чем «меньше и меньше начинали верить в способность народа добиться чего-нибудь своими собственными силами и все больше и больше придавали значения инициативе революционеров». Но когда они под конец почти все стали более или менее якобинцами, они вместе с тем сохранили, разумется, веру в народ. Ошанина сама, конечно, понимала, что, сохраняя веру в народ, или полагая, как писал Лебедев, что стихийное настроение народа встречается на этот раз с серьезным сознательным движением революционной интеллигенции, — не было нужды становиться якобинцами. Так же как и наоборот, становясь якобинцами, не было возможности сохранить прежнюю веру в народ. И если старые члены Исполнит. Комитета, о которых говорит Ошанина, действительно сохранили веру в народ, в чем едва ли может быть сомнение, то права ли была Ошанина, говоря, что они сделались почти все более или менее якобинцами?!

То сомнение, которое тут вызывает показание Ошаниной в силу своих противоречий, слишком очевидных, чтоб их можно было затушевать, находит еще большее подкрепление в недостатках чисто фактических всех ее рассуждений. Мы не станем лишний раз доказывать, что, например, в печатных статьях «Народной Воли» нет никаких следов той эволюции, о которой говорит Ошанина, от народничества к якобинству. Этот факт нами достаточно прочно установлен, и, основываясь на нем, мы могли бы даже спросить: как же могло случиться, чтобы официальный печатный орган «Народной Воли» за все время своего существования совершенно не отразил той эволюции взглядов Исполнит. Комитета на захват власти и «политиканство», которая в это время, по словам Ошаниной, в нем происходила?! Это тем более было бы странно, что, по свидетельству той же Ошаниной, хотя «редакция выбиралась Комитетом и действовала самостоятельно, но по большей части руководящие статьи читались жившими в Петербурге членами Комитета и часто ими же намечались». При таких условиях отсутствие в них каких бы то ни было отголосков происходившей в Исполнительном Комитете смены взглядов на захват власти было бы совершенно немыслимым, если бы такая смена взглядов действительно имела место.

Одновременно и в непосредственной связи с этим вызывает большие сомнения и основной факт, указываемый Ошаниной в словах, впрочем, сказанных без указания на имена, на опреде-

ленных, конкретных лиц: «под конец деятельности Комитета я не помню ни одного человека, который бы относился к захвату власти отрицательно», как говорит М. Н. Ошанина. Но личный состав Исполнит. Комитета и под конец и в начале его деятельности хорошо известен, и слова эти можно проверить самым детальным образом. Из старых народовольцев под конец 1881 года в состав Комитета входили: Грачевский, Юрий Богданович, Теллалов, Савелий Златопольский, Анна Павловна Корба и В. Н. Фигнер. Из новых к ним можно прибавить: Якова Стефановича, Мартынова, Влад. Жебунева, В. С. Лебедева. Вот почти весь состав Комитета под конец его деятельности. Но кто же из всех этих лиц был в то время якобинцем и сторонником захвата власти?! И кого в таком случае имеет в виду в своих словах М. Н. Ошанина?

Этот вопрос тем интереснее, что некоторые из тогдашних деятелей Исполнительного Комитета, притом наиболее крупные, печатно засвидетельствовали, как они относились к идее захвата власти, и игнорировать это их свидетельство мы здесь, разумеется, не можем, как не можем игнорировать, конечно, и показание Ошаниной. Вот, напр., что говорит по этому поводу В. Н. Фигнер в ч. 1-й «Запечатленного Труда», в главе, которая так и озаглавлена: «Захват власти» [1].

«Надо заметить, — по словам В. Н. Фигнер, — что в программе «Народной Воли» не говорится о захвате власти партией, а лишь о временном правительстве... «Захват власти» появляется в записке «Подготовительная работа партии», документе позднейшего происхождения. Не могу с уверенностью сказать, этот документ или аналогичное место о захвате власти в одном из наших изданий вызвало нарекания на Желябова, как автора, допустившего выражения в духе якобинизма, и я присутствовала на квартире Желябова в Измайловском полку при горячих нападках на него Перовской и Ланганса. Да и все мы были недовольны, так как не признавали себя якобинцами. Никогда у нас не было речи о навязывании большинству воли меньшинства, о декретировании революционных, социалистических и политических преобразований, что составляет ядро якобинской теории. Причем иначе была бы «Народная Воля», взятая нами как девиз и знамя партии? Самый вопрос о временном правительстве при наличном составе партии был у нас вопросом скорее академическим, без мысли, что мы увидим его, а тем более войдем в него. Как далеки мы были от якобинизма, по-

[1] См. „Запечатл. Труд“, ч. 1, изд. „Задруга“, стр. 143—144.

казывает «Письмо Исполнит. Комитета к Александру III» после 1 марта 1881 года», и пр.

Итак, вот как В. Н. Фигнер определяет свое отношение к захвату власти. И нет никакого сомнения, что на такой же позиции стояли до самого последнего времени и такие деятели Комитета, как хотя бы перечисленные выше — Корба, Грачевский, Богданович, Златопольский и Теллалов. Но вместе с тем вывод, сделанный В. Н. Фигнер, должен быть даже еще более усилен, так как и в ее словах есть серьезные неточности, чему, говоря вообще, удивляться не приходится, так как разного рода неточности — всегдашний спутник всяких мемуаров. Такой неточностью нам представляется, напр., указание, что захват власти, отсутствуя в программе «Народной Воли», появляется, однако, позже в записке «Подготовительная работа партии». На самом же деле это не вполне так: в записке «Подготовительная работа партии» нет никакого упоминания о захвате власти, по крайней мере в той ее части, которая до сих пор опубликована. Что тот разговор на квартире Желябова, о котором говорит В. Н. Фигнер, имел место, — это несомненно: неправдоподобно психологически, чтобы здесь изменила ей память, но повод для этого разговора был, очевидно, какой-то другой, а не тот, на который В. Н. Фигнер указывает.

На Измайловский проспект Желябов переехал в конце 1880 года — это теперь можно установить вполне точно. К этому моменту или даже в тот самый момент, когда он поселился там, им были написаны два документа: «Программа рабочих членов партии «Народная Воля» (совместно с В. Коковским) и передовая статья в № 1 «Рабочей Газеты». Если в программе рабочих членов и есть уклоны в сторону от основной линии партии «Народная Воля», то во всяком случае не якобинского характера [1], что же касается статьи в № 1 «Рабочей Газ.», то она целиком стоит на почве «Письма Исполнит. Комитета к Александру III». Так что непонятно, о каких документах или даже статьях говорит В. Н. Фигнер, как о выражавших

[1] См. по этому поводу ук. ст. И. А. Теодоровича в „Кат. и Ссылке“, особенно стр. 17—19 и сл., где говорится о передовой в № 8-9 „Нар. В.“ Отстаивая в „Правде“ в ст. „Побольше исторической объективности“ правильность своей точки зрения, И. А. Теодорович между прочим пишет: „Я действительно привел огромное количество цитат, доказывающих, что народовольцы думали так“. Но если эти цитаты проверить по нашему „Справочнику“ и „Алфавиту“, то окажется, что почти все они принадлежат одному Тихомирову! На 50 страницах своего текста Теодорович приводит 23 цитаты („огромное количество“) из статей Тихомирова, который и оказывается в итоге его предшественником. Уже одно это заставляет отнестись с большой осторожностью к построениям нашего автора.

идею захвата власти. Повторим еще раз: ни в народовольческой журналистике, ни в других печатных выступлениях «Народной Воли» нет того выражения, о котором говорит В. Н. Фигнер. Таков факт, из которого мы принуждены тут исходить. И если из этого правила есть сколько-нибудь серьезное исключение, то это только статья в № 8-9 «Нар. Воли», на которую далеко не случайно и ссылается в своем показании М. Н. Ошанина. Почему-то она эту статью ярко запомнила и почему-то из всех возможных конкретных ссылок сделала ссылку только на нее.

4. Статья в № 8-9 «Нар. Воли» и М. Н. Ошанина.

Обращаясь теперь снова к этой статье и к упоминанию о ней в показаниях Ошаниной, мы не можем не отметить в них еще одной характерной черты: ссылаясь на статью в № 8-9 «Нар. Воли», М. Н. Ошанина тут же считает почему-то нужным подчеркнуть, хотя бы даже ценой противоречий с своим общим исходным пунктом, что влияние отдельных личностей в этом направлении, при переходе от народничества к якобинству было незначительным, влияла больше сама жизнь. Ошанина, спеша с такой оговоркой, как будто опасается, что в статье в № 8-9 «Народной Воли» могут, напротив, заметить или заподозрить чье-то влияние со стороны, и вот она заранее торопится отвести такое подозрение. Но эта оговорка и особенно поспешность, с которой она сделана, как-раз и заставляют читателя невольно насторожиться и толкают его именно на то предположение, которое сама Ошанина так старательно отводит в сторону. Не могла ли в самом деле эта статья быть написанной под ее личным влиянием как якобинки? И не потому ли она запомнила так ясно, что ей самой пришлось принять то или иное участие в составлении этой программной статьи, несмотря даже на то, что вообще она ничего и никогда не писала? Обладала ли, наконец, вообще М. Н. Ошанина такими качествами, которые обеспечивали ей, особенно при благоприятных условиях, достаточное влияние на тогдашних редакторов «Народной Воли»?

Достаточно поставить все эти вопросы, чтобы при наличности всех остальных условий, нами уже достаточно выясненных, ответить на них положительно. Ошанина была человеком чрезвычайно крупного калибра, властная по натуре, очень умная, очень образованная, с большим революционным опытом и обаятельная в личном обращении. Это одна из самых крупных женщин русской революции.

Лавров, Лопатин и Желябов относились к ней с одинаковым уважением, как к человеку одного с ними ка-

либра. Якобинка по своим воззрениям, вышедшая из школы Зайчневского, который, впрочем, резко порицал ее вступление в «Народную Волю», так как сам он народовольческую тактику считал противоречащей тактике якобинской, — она со времен «Земли и Воли» вплоть до самого отъезда за границу, в начале 1882 года, находилась бессменно на самых опасных постах, пользуясь все время огромным уважением старших своих товарищей по революционой борьбе и властно импонируя тем младшим членам Комитета, которые после 1 марта 1881 года вошли в Москве в его состав.

«Мария Николаевна, — пишет В. Н. Фигнер об Ошаниной, — была женщина тонкого ума, ловкая, настойчивая и энергичная, и это обеспечивало ей влияние, — но центром ее деятельности был не Петербург, а Москва, где она поселилась уже в самом начале «Народной Воли», и ее якобинские взгляды если могли проявиться, так именно там. Однако, — оговаривается В. Н. Фигнер, — на той революционной молодежи, центром которой на ряду с Теллаловым она была, влияние этих взглядов совершенно ничем не выразилось и не сказалось ни в чем» [1].

Последнее едва ли верно. Во второй половине 1881 года сама В. Н. Фигнер не жила уже в Москве, и вообще вблизи она не наблюдала тех отношений Ошаниной с окружающей ее революционной молодежью, которые тогда составляли самый яркий факт московской жизни народовольцев. В таком же положении, как Фигнер, находились тогда и другие члены Исполнит. Комитета: почти все они в тот период находились в разъездах, включительно до самого редактора «Народной Воли» Тихомирова, и Ошанина оставалась в Москве лицом к лицу с молодыми членами центральной организации, которым, можно сказать, нечего было противопоставить авторитету ее имени. Это и действительно могло создать такое положение, что впоследствии та же Ошанина не могла припомнить ни одного человека, кто бы относился к ее идеям отрицательно и умел бы ее влиянию противопоставить свое. Не составлял исключения из этого общего правила и В. С. Лебедев, тогдашний фактический редактор и в этот момент (конец 1881 и начало 1882 гг.) главный и почти единственный сотрудник «Народной Воли».

---

[1] См. „Запечатл. Труд“ (первое изд.), стр. 145. Ср. также слова Н. С. Русанова об „этой замечательной женщине (Ошаниной) и особенно о поразительном даре психологического внушения, которое она распространяла вокруг себя“ („В эмиграции“, стр. 82).

«Лебедева знал мало, — говорит по этому поводу один из тогдашних молодых московских народовольцев, Иван Иванович Майнов, — но в это время в Москве главную роль играла Ошанина и, следовательно, будучи якобинкой, могла оказывать влияние, в том числе и на него» (неизданное письмо от 21 декабря 1928 г.). «Лебедева в тот период, помнится, не встречала,— пишет точно так же П. С. Ивановская, — но знала очень хорошо и давно его и д-ра П. П. Викторова, двух Аяксов. Их несомненно выдвинула Ошанина в Исполнит. Комитет». И дальше идет фраза, уже цитированная нами выше: «У Лебедева своей собственной склонности не заметно было ни к чему, но Мария Николаевна, как человек властный, подбирала такой элемент» (неизд. письмо от 28 дек. 1928 г.). «С Ошаниной Лебедев встречался и, насколько я помню, был высокого мнения о ней», — сообщает Елпатьевский [1] (письмо от 31 янв. 1929 г.).

Все эти отзывы заставляют нас не только подвергать сомнению слова В. Н. Фигнер, что влияние М. Н. Ошаниной в Москве ни в чем не выразилось, но даже прямо утверждать, что, напр., статья в № 8-9 «Народной Воли» есть прежде всего «о ш а н и н с к а я». Впрочем, для этого у нас имеются и прямые данные. Так, П. С. Ивановская в письме, том же самом, которое нами только что цитировалось, прямо говорит: «Вообще о передовой статье (в № 8-9 «Нар. Воли») тогда же в Москве говорили, что в ней сказалось выпукло Ошаниной настроение или, вернее, направление. Якобинка она была чистой воды. Раз в типографии прямо заявила: «Если народ окажет противодействие, — из пушек без всякого раздумья в него палить».

Кроме П. С. Ивановской, еще более конкретные сведения, и уж по одному этому еще более ценные, сообщает Анна Павловна Корба. Суть их состоит в следующем:

Во второй половине 1881 года А. П. Корба была командирована Исполнит. Комитетом для революционной работы на Кавказ. С Кавказа обратно в Москву Анна Павловна приехала в октябре или ноябре того же 1881 года и прожила там с месяц. За время этого пребывания в Москве у нее был однажды приблизительно следующий разговор с М. Н. Ошаниной. «А знаешь, я в литературу попала, — сказала ей как-то Ошанина, — начала писать для хроники, вышло довольно много, прочитала на заседании Комитета, и комитетчикам так понравилось, что

---

[1] Ср. слова А. В. Якимовой: „Лебедев—из московского кружка молодежи, который развивался под влиянием Марии Ник. (Ошаниной), которая все почти время прожила в Москве. Статья в № 8-9 могла быть доставлена через нее“ (письмо от 6 декабря 1928 г.).

они решили поместить в качестве передовой статьи». До этого, по словам А. П. Корба, Мария Ник. не писала для «Народной Воли»: то ли вообще не считала себя способной к литературной работе, то ли были люди, которые могли лучше справиться с этим делом. Самого номера А. П. Корба тогда не видала, так что содержания статьи не знала, но разговор этот с Ошаниной она прекрасно помнит [1].

Если мы теперь пересмотрим все номера «Народной Воли» за московский период, то найдем в них только одну статью, о которой тут могла говорить Ошанина. Передовые статьи № 6 тут не могли итти в счет, так как они вышли в свет еще до отъезда А. П. Корба на Кавказ. Передовая в № 7 только одна, и автор ее хорошо и давно известен — писал ее Тихомиров. Больше в № 7 вообще нет статей, которые могли бы быть приписаны Ошаниной, так как там в остальном почти сплошь информационный материал (ср. по «Справочнику»). Остается, следовательно, № 8-9, в котором две передовых статьи, но вторая из них принадлежит Лебедеву, и авторство его в данном случае бесспорно. Не может она принадлежать Ошаниной и потому, что в ней ни в чем не отразилось ее якобинство. Остается, следовательно, первая передовая статья, то-есть та самая, о которой у нас идет все время речь. В Москву А. П. Корба приехала как-раз тогда, когда номер составлялся. Тот факт, несколько странный сам по себе, что она статьи этой в печати не видала, может объясняться вполне тем, что номер «Народной Воли», в котором она предназначалась для помещения, еще не вышел тогда в свет, иначе он не мог бы пройти мимо ее рук. Так что и с этой стороны все нити сводятся все к одной и той же точке и завязываются в один и тот же узел.

Правда, нельзя совершенно игнорировать и того факта, что статья эта из № 8-9 «Народной Воли» значится также в списке работ Лебедева, составленном, казалось бы, по весьма солидным источникам, но мы знаем точно так же, что по своим якобинским выводам она не соответствует его взглядам, и уже тогда приписывалась влиянию Ошаниной. Кто из них двух —

---

[1] Все изложенное в последнем абзаце в тексте записано со слов самой Анны Павловны Корба-Прибылевой. Ср. еще о том же письмо А. В. Прибылева, от 6 дек. 1928 г.: „О статье Ошаниной Анна Павловна хорошо помнит, что она сама говорила ей, что написала заметку, а ее как передовую поместили. Вот, говорит, и я попала в авторы. Такого диалога нельзя, ведь, выдумать, а она, повторяю, хорошо его помнит. А между тем Вера Николаевна (Фигнер) утверждает, что Мария Ник. (Ошанина) никогда не писала ничего. Да, ведь, Веры Ник. в это время не было в Москве, и она ничего не могла об этом знать, тем более что и сама-то Мария Ник. говорит, что единственный раз в роде как бы рискнула написать".

Лебедев или Ошанина — являлся в большей мере непосредственным автором этой статьи, для нас, быть может, так и останется до конца не вполне выясненным. Но кто бы ее ни писал, вдохновлялась она прежде всего Ошаниной — это обстоятельство не может подлежать никакому сомнению. И мы нисколько не преувеличим, если скажем, что политически ответственным за статью «Положение партии в данный момент» в № 8-9 «Народной Воли» является не столько сам В. С. Лебедев, — если даже он был в большей мере непосредственным автором ее, чем кто другой, — сколько М. Н. Ошанина.

Обстоятельства, при которых составлялся и редактировался этот номер «Народной Воли», когда в Москве из старых членов Исполнит. Комитета оставалась, можно сказать, одна М. Н. Ошанина, были слишком для нее благоприятны, чтобы человек, столь властный, как она, и так долго принужденный таить в себе самые интимные свои убеждения, мог ими не воспользоваться и не совершить своего рода «захват власти» в самой редакции, при невольном согласии остальных. Возможно, что это далось той же Ошаниной (хотя статья ее и всем понравилась) не без борьбы, вследствие чего статья эта оказалась написанной не с одним, а с д в у м я уклонами (старо-землевольческим и якобинским); тем не менее идеи, характерные для самой Ошаниной, нашли здесь себе достаточно яркое выражение. В силу всего этого статью о «Положении партии» мы вполне можем считать о ш а н и н с к о й — настолько выпукло она выражает ее точку зрения на задачи общественно-политической борьбы. Но если это верно, то вместе с тем тот же факт показывает, что статья эта имеет индивидуальное значение и в общем развитии народовольческой журналистики занимает изолированное и исключительное положение. Ни до того, ни после того народовольческая журналистика к этим о ш а н и н с к и м идеям не обращалась, а если и обращалась, то не с целью развивать и пропагандировать их, а с целью опровержения и для того, чтобы отделить себя от якобинских традиций, в чем бы они ни состояли. Всем этим определяется и политическое значение статьи «Положение партии в данный момент» в № 8-9 «Народной Воли».

ГЛАВА VII

ПАРАЛЛЕЛИ И КОНТРАСТЫ

1. Еще раз о показаниях современников как библиографическом материале.

На № 8-9 «Народной Воли» закончился основной период народовольческой журналистики. После этого начались черные дни для всей партии, а не только для ее литературного органа. Это период так называемой дегаевщины, останавливаться на котором здесь мы не можем, так как рассказ о нем входит в общую историю «Народной Воли» и лишь частично касается ее журналистики. Отметим лишь самые необходимые факты, чтобы не терять общей линии нашего изложения.

В феврале и марте, а потом летом 1882 года произошел ряд арестов по делам народовольческого центра как в Москве, так и в Петербурге. Московская типография при этом не пострадала, но ее все-таки пришлось ликвидировать, и было решено перенести типографское дело на юг, в Одессу. Часть технических работников осталась там прежней (напр., Суровцев), но хозяином типографии сделались теперь Дегаев и его жена, к партийным делам, впрочем, не имевшая никакого отношения.

В декабре 1882 года вся одесская типография со всем составом своих работников, в том числе и Дегаев с женой, были арестованы, и с этого момента начинается фактическая ликвидация «Народной Воли».

Вскоре после ареста Дегаев завел сношения с Департаментом полиции, и для окончательных переговоров с ним приехал Судейкин. В январе 1883 года Судейкин организовал «побег» Дегаева [1], и Дегаев снова вернулся в ряды революционеров, но

---

[1] Новейшие данные об аресте и побеге Дегаева см. у С. Н. Валка; в XXXI кн. „Кр. Арх".

уже как формальный агент Судейкина, о чем, конечно, никто ничего не подозревал.

«Народная Воля» за все это время совсем не выходила. Этот перерыв в ее издании превратился вскоре в настоящий п р о в а л, так как он длился с февраля 1882 года по сентябрь 1884, два с половиной года. Целых тридцать месяцев партия оставалась без центрального органа! Попытку встряхнуть этот паралич представлял собою № 10 «Нар. Воли», вышедший в сентябре-октябре 1884 г. при ближайшем участии Г. А. Лопатина, А. Н. Баха, Льва Тихомирова (из-за границы), Н. К. Михайловского, П. Ф. Якубовича, С. А. Иванова (будущего шлиссельбуржца), С. Н. Кривенко и др. Выход в свет № 10 «Нар. Воли» совпал, однако, с полным разгромом лопатинской организации и наступлением нового перерыва в издании народовольческой журналистики.

Следующий, на этот раз двойной и последний номер «Нар. Воли», по счету 11-12-й, появился в свет лишь через новых полтора года, в декабре 1885 года. Печатали его в Таганроге и Новочеркасске, но таганрогская типография не надолго пережила выпущенный при ее участии очередной номер «Нар. Воли». Сама газета больше совсем не выходила, в январе 1886 года вышел только напечатанный на этот раз в Туле «Листок» № 3. Это были уже последние литературные всплески когда-то высоко поднимавшейся народовольческой волны. Разбор всех этих заключительных номеров «Нар. Воли», т.-е. 10-го и 11-12-го, и составляет задачу настоящей главы. Но так как, говоря о них, мы подходим уже к самому концу нашей темы, то параллельно с характеристикой (библиографической, конечно) этих номеров мы сделаем также несколько общих замечаний о всей вообще газете «Нар. Воля» и личном составе ее сотрудников.

Литературный коллектив № 11-12 составляли трое лиц: Лев Як. Штернберг, В. Г. Богораз-Тан и Б. Д. Оржих, который, впрочем, являлся в этом случае почти исключительно на ролях организатора [1]. Штернбергом в этом номере тоже написаны всего две статьи: передовая, с датой «1 октября. Петербург», и корреспонденция из Одессы, от 5 декабря 1885 года. Весь же остальной материал принадлежит почти исключительно

---

[1] Ср. слова А. Н. Шехтер об Оржихе: „Оржих не был поофессиональным литератором, но в составлении последнего номера „Нар. Воли“ он принял большое участие: он собирал хронику, хлопотал о передовицах, корреспонденциях и т. д. Его же усилиями был подготовлен и главный материал к съезду“ (см. сб. „Народовольцы после 1 марта“, стр. 134, ср. там же стр. 136). Сам Оржих в воспоминаниях (неизд.) пишет: „Материал для номера притекал с разных мест—корреспонденции, хроника арестов и т. д.“

третьему лицу из только что названного коллектива — В. Г. Богоразу. Богораз был во всяком случае главной литературной силой № 11-12 «Народной Воли». Богораз выступал в нем и как передовик, и как поэт, и как обозреватель внутренней жизни, и как корреспондент, и как хроникер, и—в заключение—как редактор и даже как наборщик и печатник. Столь типичная впоследствии для Богораза замечательная работоспособность ярко проявилась уже в то время. Его «Внутреннее обозрение» и теперь поражает своими размерами: в нем 75 тыс. букв, оно рекордное во всей «Народной Воле», между тем Богораз быстро справился с ним, да параллельно написал еще программную брошюру «Борьба общественных сил в России» в 150 страниц! Благодаря этому обилию статей Богораза-Тана, — даже стихотворения были написаны тоже им, — № 11-12 «Нар. Воли» имел характер однообразный и способен утомить читателя своею монотонностью. В этом отношении № 11-12 напоминает № 8-9 «Народной Воли», тоже почти единолично составлявшийся, как мы знаем, В. С. Лебедевым. Оба эти выпуска—двойные, оба поражают своими размерами, оба весьма однообразны по содержанию и оба составлены трудами почти одного сотрудника, и в этом смысле оба не представляют большого интереса с точки зрения библиографической, или, вернее, литературной.

Значительно иной была судьба № 10 «Нар. Воли». Обилие сотрудников в нем, на которое мы уже указывали, естественным образом вызывало разнообразие тем, индивидуальные отличия и богатство содержания. Центральную, но не литературную в собственном смысле такого слова, а литературно-организационную роль играл в нем Герман Александрович Лопатин, человек совсем иного калибра, характера и таланта, чем Богораз. Кроме Лопатина, в составлении № 10 принимали участие как заграничные, так и внутрироссийские силы, как старые, так и молодые народовольцы, как профессиональные литераторы, так и новички в литературе. Это различие естественным образом вызывало и разницу в библиографической судьбе обоих этих выпусков народовольческой журналистики. Если мы, напр., точно знаем теперь все произведения Богораза (с его главным образом слов) в том номере «Нар. Воли», который он составлял и редактировал, а отчасти и печатал, то сказать то же самое про 10-й номер, в частности про статьи там наиболее крупного человека, Г. А. Лопатина, который был в то же время и его редактором, — никак нельзя. В этом случае мы снова встречаем чрезвычайно яркий пример, каким ненадежным библиографическим

материалом зачастую являются показания современников, так как роль Лопатина в № 10 как-раз именно современниками — и притом ближайшими сотрудниками его самого — освещена чрезвычайно противоречиво и неправильно.

Так, Н. М. Салова в своей автобиографии (в Словаре Граната) пишет о 10-м номере, что туда вошли следующие произведения: передовая «В мире мерзости и запустения» — Тихомирова, статья Лопатина «Ошибки революционера и преступления предателя», статья Н. К. Михайловского по поводу закрытия «Отеч. Записок» [1].

Напротив, И. И. Попов приписывает Лопатину статью «Вместо внутреннего обозрения», о которой Н. М. Салова не говорит ничего. Однако, когда сам Попов, полемизируя притом с Лопатиным, цитирует его «Обозрение», то на самом деле, как это ни странно, он берет цитаты не из этого произведения, а из второй передовой, так что и она оказывается лопатинской! [2].

Наконец, третий из современников, А. Н. Бах, вопреки Саловой, утверждает, что первая передовая в № 10 (по его словам, «плохо написанная») принадлежит действительно Лопатину, а не Тихомирову. Тихомирову же принадлежит вторая передовая, т.-е. та самая, которую И. И. Попов цитирует как лопатинскую! Что касается статьи «Вместо внутреннего обозрения», которую И. И. Попов приписывает Лопатину, то, по словам А. Н. Баха, она написана С. Н. Кривенко [3].

Трудно найти еще один пример большей библиографической путаницы! Между тем все три цитируемые автора были людьми одинаково близкими по роду своей деятельности Г. А. Лопа-

---

[1] См. том XL Словаря Граната, стр. 405. То же самое утверждает Макар Попов в „Заметке о Лопатине“ в кн. XII „Кат. и С.“, стр. 123. О роли Лопатина в № 10 у него есть такая фраза: „В этом номере была помещена его статья о прогремевшей тогда дегаевской истории под заглавием „Ошибки революционера и преступления предателя“. Не лишне, может быть, прибавить, что Салова и Макар Попов писали об этом совершенно независимо друг от друга и в разное время.

[2] См. статью И. И. Попова в сб. „Народовольцы после 1 марта“, стр. 73, слова: „В том же № 10 „Нар. В.“, где было помещено заявление „Молодой Партии Нар. В.“, была напечатана статья (вторая передовая) „Вместо внутреннего обозрения“. В статье говорилось о фабричном и аграрном терроре и об отношении к нему партии“, и пр. Во всем этом смешано две статьи: вторая передовая, которая ныне напечатана на стр. 332—339 сб. „Лит. Нар. В.“, и „Вместо внутреннего обозрения“ (там же, стр. 341—347). Первая из этих статей принадлежит Тихомирову, вторая—Лопатину. Цитаты, которые приведены у И. И. Попова, находятся на стр. 335 первой статьи, а не второй. Словом, из двух авторов И. И. Попов сделал одного — Г. А. Лопатина.

[3] Подробнее см. в „Алфавите сотрудников“, о Бахе.

тину и все трое одинаково уверенно высказываются, но по-разному, об одних и тех же произведениях.

Эта путаница увеличивается еще тем, что никакой статьи «В среде мерзости и запустения» в № 10, как это упоминает Н. М. Салова, там нет, хотя вообще в литературе такая статья имеется, но она напечатана в № 2 «Вестника Нар. Воли» за границей, а не в № 10 «Народной Воли», который вышел внутри России.

Словом, читатель сам видит, что № 10 «Нар. Воли» с точки зрения библиографической действительно не имеет ничего общего с № 11-12, и судьба Богораза, даже в этом отношении, в корне отлична от судьбы Лопатина. Распутать всю эту путаницу с помощью тех лиц, которые ее же создали, очевидно, совершенно немыслимо. Но так как пройти молча мимо нее, раз она уже попала в печать, тоже не представляется рациональным, то нам надо, следовательно, искать выхода отсюда своими средствами.

2. Литературная судьба Г. А. Лопатина.

Лопатин, сколько мы его знаем, был менее всего литератором. Больше того: среди некоторых странностей, которые были вообще свойственны этому замечательному человеку, находилась одна, которая приводила всегда в тупик как его самого, так и всех окружающих, — настолько она была непонятна и парадоксальна, — он был органически неспособен писать для печати! Эта черта очень характерно сказалась в сборнике его писем, статей и показаний, которые были изданы еще в 1922 году под редакцией А. А. Шилова. Если читатель там просмотрит отдел, озаглавленный «Произведения Г. А. Лопатина», то он должен будет сам обратить внимание, что такого рода произведений (то-есть литературных) у Лопатина сравнительно очень немного, гораздо меньше, чем это можно было бы ожидать, а во-вторых, и главное, даже те его литературные произведения, которые имеются и которые были напечатаны, все сплошь носят характер эпистолярный, а не собственно литературный. Вот в этом и состоит черта, чрезвычайно для Лопатина характерная.

Вообще говоря, он мог и умел писать, он обладал даже крупным талантом на ряду с другими талантами, которыми он был так щедро осыпан. Умея писать, он точно так же любил писательское дело, но проявлять этот талант Лопатин по какой-то странной игре или капризу природы мог только в произведениях, не предназначавшихся для печати, то-есть в личных письмах. Если же, принимаясь за какую-нибудь работу, он знал за-

ранее, что пишет для печати, то его литературные способности сразу глохли, и перо застывало в его руках. Напротив, когда он писал не для печати, а предназначал то, что пишет, для кого-нибудь персонально, словом, если он вел такую письменную беседу с заочным, но вполне определенно, конкретно существующим собеседником, тогда его литературный, как и разговорный талант, которым он обладал, как редко кто другой, и которым он владел в совершенстве, мог поражать читателя и яркостью, и силой, и глубиной. Эта способность или, вернее, эта органическая неспособность к литературной работе для печати не раз отмечалась уже и биографами Лопатина и мемуаристами. Чем и как она вызывалась, — другое дело, но она у него была и представляла собою одну из психологических загадок, свойственных вообще этому замечательному человеку.

Отсюда—тот характер, который имеет его литературное наследство. Он выражается прежде всего в огромной личной переписке, которую Лопатин вел всегда и на которой он давал выход дремавшим в нем большим литературным силам. Он выражается также в ничтожном количестве его печатных литературных произведений, ни в каком отношении не соответствующих тому, что он мог бы дать. Да и те произведения, которые Лопатин отдавал в печать (не всегда, впрочем, по своей инициативе), как общее правило представляют собою не статьи или заметки, в строгом смысле такого слова, а либо прямые, либо замаскированные п и с ь м а, по большей части спешно и по специальным поводам набросанные, притом в м е с т о каких-либо статей, писать которые он тем самым отказывался. Во всех этих случаях даже такие произведения Лопатина, которые можно бы назвать «статьями», не выдерживают характера статей и сбиваются все время на разговорно-эпистолярный тип. В этом состоит с т и л ь Лопатина, и по такому стилю всегда можно узнать его и как писателя, и как человека.

Если мы теперь применим все эти психологические предпосылки, повторяем, органически присущие Лопатину, ко всем статьям в № 10 «Народной Воли», то найдем, что там есть только одно произведение чисто лопатинское с этой точки зрения, — именно это статья «Вместо внутреннего обозрения», лопатинская даже по заглавию.

Герман Ал. сам рассказывал, как он усиленно искал кого-либо из литераторов, для того чтобы поручить ему внутреннее обозрение, зная, что сам он для такой работы не способен. С этой целью он вел между прочим настойчивые разговоры с Н. К. Михайловским, убеждая его взять на себя такую работу, и, чтобы убедить его, специально приезжал в Любань, где тогда

Михайловский находился в ссылке. Михайловский согласился дать статью о закрытии «Отеч. Записок», но от внутреннего обозрения категорически отказался, что, впрочем, и понятно, так как это был тоже не его литературный жанр. Поставленный в безвыходное положение, Лопатин принужден был самостоятельно написать хоть что-нибудь, заменяющее внутреннее обозрение, и дал тогда статью под вышеуказанным заглавием. Если читатель просмотрит теперь ее внимательнее, то увидит, что это действительно вовсе не внутреннее обозрение, а причудливый ряд рассуждений по текущему моменту: мыслей, парадоксов, сопоставлений, всякого рода отступлений pro domo sua набросанных умелой и привычной рукой, но спешно, в порядке разговорной беседы с воображаемым слушателем, порой ярких и глубоких, порой остроумных, но скользящих по поверхности, то резких и категоричных, то, наоборот, условных, в целом же представляющих каскад мыслей и фраз, само собою, неожиданно вырывающихся у автора и столь же неожиданно оборванных. Словом, это типичная лопатинская «статья», который даже и в этом случае не мог отрешиться от некоторых, органически присущих ему черт характера. Напротив, те остальные статьи, которые приписывают Лопатину, на каждом шагу друг другу противореча, то Салова, то Попов, то Бах, написаны в совершенно другом роде и никаких следов эпистолярного искусства в себе не заключают. Это обычного типа передовые статьи, написанные не только не «плохо», как почему-то кажется Баху, а с большим искусством, в которых внимание резко сосредоточено на одной главной мысли и по содержанию которых видно, что они принадлежат человеку, связанному давними литературными нитями с «Народной Волей». Автора их не трудно отгадать, тем более, что и Лопатин сумел дать в своем «внутреннем обозрении», в одном из столь типичных для него отклонений в сторону, достаточно ясный намек, кто их писал.

«Устарелость большинства даваемых нами статей, — пишет там Лопатин, — несомненна. Так, заявление Исполнительного Комитета о Дегаеве было подписано еще 21 декабря прошлого года (т.-е. 1883, а номер вышел в сентябре 1884). Первая передовая статья была вручена редакции в конце того же декабря. Вторая передовая была написана в начале нынешнего марта... помещаемое вместо иностранного обозрения «Письмо из Парижа» писано тоже в прошлом году».

В декабре 1883 года Лопатин был в Париже, после побега из Вологды, и получил там от Тихомирова первую передовую. Кроме первой передовой, он там же заручился от Тихомирова обязательством написать и вторую передовую, и затем из России

и он, и Салова неоднократно напоминали ему об этом обязательстве. Исполнил его Тихомиров в апреле 1884 года. Теперь все эти детали их сношений мы можем в точности восстановить по «Дневникам» Тихомирова, которые он вел тогда в Париже и в которых то и дело встречаются упоминания о переписке по поводу статей с русским центром. 26 апреля 1884 года Тихомиров, напр., пишет: «Получил письмо от А. И. (Саловой). Отчаянное, напоминающее о статье. Писал весь день». И на другой день: «Выслана просимая статья». И в примечании к этому месту говорится: «то-есть статья для № 10 «Нар. Воли», а в скобках совершенно правильно поясняется: «в данном случае идет речь, очевидно, о второй передовой» [1]. Иначе говоря, той самой, которую Ив. Ив. Попов приписал Лопатину, смешав ее со статьей «Вместо внутреннего обозрения».

Что касается первой передовой статьи, то, кроме всего сказанного, принадлежность ее Тихомирову определяется всем ее содержанием. Салова не случайно совершает характерную ошибку, озаглавливая эту статью «В мире мерзости и запустения». Как-раз в эти же самые дни, когда была дана Лопатину первая передовая (декабрь 1883 года), Тихомиров писал статью тоже о Дегаеве для № 2 «Вестника Народной Воли» под этим самым заглавием, и то, что им написано для № 10 «Нар. Воли», представляет в сущности проспект для статьи для «Вестника». Психологически вполне понятно, что Салова смешала в своей памяти эти две статьи, так что ее ошибка таит в самой себе данные для ее же исправления. Так одна за другой распутываются постепенно и все те библиографические трудности, которые на первый взгляд, казалось бы, сплетаются в неразрешимый клубок противоречий.

3. Публицист эпохи революционного упадка.

Чрезвычайная литературная плодовитость Богораза-Тана и органическая неспособность Лопатина писать для печати представляют не единственный контраст между ними. Этот контраст проистекал из особенностей их индивидуальной организации, но Лопатин и Богораз выступали на революционном поприще в столь различные по существу эпохи, хотя и близкие хронологически, что параллель между ними не может ограничиться констатированием только таких индивидуальных различий. Контраст между Лопатиным и Богоразом, как между общественными типами, является даже еще большим, чем контраст

---

[1] Ср. также у С. Н. Валка, стр. 168, прим. 22, в кн. XXXVI „Красн. Арх."

индивидуальный. Последнее вполне понятно: Лопатин являлся человеком эпохи 60—70-х гг., «периода бури и натиска» нашего общественного развития, а Богораз выступил на революционное поприще фактически уже в эпоху 80-х гг., в период революционного упадка и разгрома, и все это ярко сказалось и на его психологии, и на его общественной индивидуальности.

Замечательна в этом отношении характеристика, которую дал сам Богораз своей деятельности, подводя в своей «Автобиографии» итоги своей жизни. Богораз касается там свойственного ему типа восприятия жизненных явлений и определяет его как «художественный репортаж». «Художественный репортаж — это огромный граммофон, — говорит он. — Душа его вся из чувствительных пластинок, и прежде чем запеть для других, он воспринимает для себя» [1].

«Художественный репортаж» с этой точки зрения обозначает способность или даже талант легко возбуждаться от самых разнообразных впечатлений и в самом разнообразном направлении. Богораз-Тан такой способностью или даже таким талантом, действительно обладал в самой широкой степени, что сказалось уже на его статьях в № 11-12 «Народной Воли». Мы знаем, как он выступал там в самых разнообразных видах, создавая тем самым впечатление большой разносторонности своей натуры. Но если не тогда, то впоследствии стало вполне ясно, что эта разносторонность являлась лишь обратной стороной того же «художественного репортажа», того особого типа восприятия жизненных впечатлений, который выражается в быстрой способности реагировать в любом направлении, не достигая при этом ни серьезности и глубины мысли, ни оригинальности. Такой именно характер и носит та поразительная литературная работоспособность, которую Богораз проявляет в своих статьях в «Народной Воле». Позже эти же черты, поскольку речь может итти о политической деятельности, сказались у Богораза еще резче, что и естественно: по мере его роста все резче и резче сказывались органически присущие ему особенности его общественной индивидуальности. Происхождение их стало тоже вполне ясным: та общественная среда, в обстановке которой формировался Богораз как политический деятель, не давала ему нужной устойчивости и твердости. Это не была эпоха «натиска и бури», создававшая, как выразился когда-то П. Л. Лавров, «сердца из золота и стали», — это была уже эпоха всяческих шатаний и быстрого перехода от одних программ к другим. Эти черты своего времени Богораз-Тан и впитал в себя, благодаря «чувствительным пластинкам»

---

[1] См. Словарь Граната, стр. 449.

своей души, и сделался, по своему общественному типу, в силу этого, ярким, но и талантливым, представителем эпохи революционного упадка [1].

Напротив, фигура Лопатина рисуется по сравнению со всем этим полярно противоположной. Чтобы охарактеризовать Лопатина со стороны его общественной индивидуальности, как и Богораза, мы возьмем у него тоже одну из записей в его дневнике, имеющую в некотором смысле итоговый характер. По времени она будет далека от той эпохи, когда он редактировал № 10 «Нар. Воли», но на деле проникнута тем же самым настроением. Это именно те записи, в которых Лопатин спешно набрасывает, в весьма характерной для него манере, свои впечатления от февральских дней 1917 года, когда он, старый русский революционер, каким-то чудом переживший Шлиссельбург, мог воистину сказать: «Яко видеста очи мои». Самая запись относится ко вторнику 28 февраля.

«Чтобы описать все виденное, пережитое и перечувствованное мною в этот навеки незабвенный для меня день, самый счастливый день моей жизни, — понадобились бы целые томы. Конечно, я весь день и вечер провел в толпе восставших рабочих и передавшихся на их сторону солдат, присутствуя при их подвигах и поражениях. Ах, что бы я дал, чтобы бродить под руку с какой-нибудь зрячей спутницей! Мои глаза ведь теперь очень плохи. Попадал, конечно, не раз под обстрел из винтовок и пулеметов, оставаясь стоять даже тогда, когда мои случайные товарищи временно разбегались, ибо быть сраженным пулею в такой торжественный день на склоне жизни счел бы за счастье».

Тут весь Лопатин! В каждой строчке этой записи он сказывается со всеми характерными своими чертами. Лопатин не только родился таким, но таким делала его и та среда, то общественное настроение, в атмосфере которых он вращался, и которые

---

[1] Другим таким же ярким представителем эпохи революционного упадка является в 80-х гг., на ряду с Богоразом, А. Н. Бах. „Сразу по приезде (из России за границу в марте 1885 г.) Бах начал ругать меня,—пишет Тихомиров в своих воспоминаниях,—что я им не помогаю, что они в России заброшены и т. д. Я ему объяснил, что это меня не касается, что я давно подал в отставку... Тогда он меня оставил в покое и со своей стороны разъяснил, что приехал в отставку же. Всё ему надоело, все болваны, всё в разгроме, а больше всего „надоело лгать“. „Буду жить, по крайней мере, никого не стану морочить“. Это „надоело лгать“, „хочу жить без радикального вранья“ составляло некоторое время его любимые фразы, как будто неудержимый наболевший крик“ (стр. 312). В своих „Воспомин. народовольца“ и „Автобиогр.“ в словаре Граната Бах тоже говорит об упадке своего настроения в 80-х гг., но смягченными красками и в ином духе. Нужно сказать, что вообще в „Автоб.“ у него нехватает смелости сказать всей правды о самом себе.

создавались всей жизнью тех лет. Неизменность раз принятой позиции, от самых молодых лет до глубокой старости, — в 1917 году Лопатину исполнилось уже 72 года, — уменье отстаивать ее при всяких обстоятельствах и готовность жертвовать собой и даже считать это за счастье, если бы этого потребовали интересы революционной борьбы,—таковы главные особенности этого, лопатинского типа. Есть что-то даже шекспировское в этом образе полуслепого старика, рискующего своей жизнью благодаря только своей слепоте, но не желающего, несмотря ни на какую опасность, уходить с улиц, объятых пламенем революционной борьбы.

Но как-раз всем этим Лопатин и отличался от Богораза, опять-таки как представителя известной культурно-исторической формации. Та способность к особому типу восприятия жизненных явлений, которая характеризовала Богораза, прежде всего и менее всего мирилась с лопатинской неизменностью в служении раз принятой системе воззрений. Здесь между Лопатиным и Богоразом как общественными типами — целая пропасть. Если Лопатин через всю свою жизнь, и даже через такой страшный этап ее, как Шлиссельбург, пронес нетронутыми ни свои воззрения, ни свое настроение, то Богораз, напротив, постоянно менял «пластинки» в своем огромном художественном граммофоне. Та причудливая смена политических направлений, к которым принадлежал за свою жизнь Богораз, и смена которых у него едва ли даже теперь закончилась, способна поразить любого наблюдателя. Как в № 11-12 «Нар. Воли», в своих произведениях и в прозе и стихах Богораз легко переходил от одной темы к другой, без труда овладевая и сливаясь своим существом с теми впечатлениями, которые вырастали перед ним, так и в своей позднейшей деятельности он совершал, так же просто и легко, такие же неожиданные переходы от одного типа воззрений к другим, порой противоположным. Здесь снова, но уже в гораздо более крупном масштабе, отражалась в его деятельности та черта бесконечных шатаний и упадка революционных настроений, которая была так свойственна эпохе 80-х гг.

В той же своей «Автобиографии», из которой мы брали столь яркую самохарактеристику Богораза-Тана, он перечисляет, хотя и с большими пропусками, по каким этапам (или «пластинкам») проходила его политическая карьера. Так, во дни своей молодости, покоряясь еще не остывшему обаянию «Народной Воли», Богораз сам становится народовольцем и даже является главной литературной силой тогдашней народовольческой журналистики, а по возвращении из ссылки, когда народовольчество было уже оттеснено марксизмом, и он становится марксистом. «Я, хотя

бывший народник, примкнул к марксистам, — сообщает Богораз в «Автобиографии», — и вместе с Вересаевым и Туган-Барановским был в редакции «Начала» и «Жизни», как в свое время вместе с Штернбергом и Оржихом входил в редакцию «Нар. Воли».

На этой стадии Богораз-Тан задержался, однако, не надолго. Спустя два-три года он переходит от марксистов к «Союзу Освобождения», затем от «Союза Освобождения» к «Крестьянскому Союзу», от «Крестьянского Союза» к газете «Русская Воля», от «Русской Воли», — которая очень далеко отстояла от «Народной Воли», — снова на левый фланг. Эта политическая неустойчивость и этот талант легко возбуждаться от самых разнообразных впечатлений в самом разнообразном направлении и составляет, как это мы уже указывали, несомненно наследие эпохи 80-х гг., сменившей общественный порыв натиска и бури предшествовавшего периода. Богораз-Тан, с этой точки зрения, хотя он и был формально народовольцем, начинает собою уже новую эпоху — эпоху революционного упадка 80-х гг. так же, как Лопатин завершает старую. Мы можем поэтому сказать, что не 11-12-м номером, а, строго говоря, уже 10-м номером «Народной Воли» замыкается революционная журналистика 70-х гг., а сам Лопатин, больше чем кто другой работавший над этим номером, — является «последним могиканом» старой «Народной Воли».

4. К характеристике личного состава народовольческой журналистики.

Лопатин в качестве «последнего могикана» партии «Народной Воли» представляет для нас интерес еще с одной стороны. Определить его можно такими словами: как ни крупен был Лопатин по своей индивидуальности, как ни ярка вообще его фигура, тем не менее он не единственный человек такого калибра в среде сотрудников «Народной Воли». Чтобы убедиться в этом, достаточно хотя бы бегло просмотреть тот «Алфавит», комментарием к которому являются, как знает читатель, наши замечания.

Знакомясь с «Алфавитом», мы там увидим целый ряд таких же имен, как лопатинское. Таков, напр., Н. И. Кибальчич, характеризовать которого с этой стороны нет даже необходимости, настолько общеизвестны его из ряда выходящие дарования. Человеком такого же типа был несомненно А. Д. Михайлов. К той же категории нужно присоединить Н. К. Михайловского, как бы кто к нему ни относился. Нельзя забыть также имени Н. А. Морозова, столь изумительно развернувшего свои способности даже в тюремной обстановке. Все они напоминают нам, какого исклю-

чительного калибра и каких редких дарований люди входили в личный состав народовольческой журналистики. Правда, далеко не каждый из них имел главным руслом своей работы литературу, но, во-первых, многие из них, — не говоря уже о Н. К. Михайловском, — даже в литературе оставили по себе заметный след, во-вторых, среди них находились люди, сознательно заглушавшие в себе большие литературные дарования. К числу последних нужно отнести прежде всего, конечно, А. Д. Михайлова.

Его деятельность и его призвание — быть организатором — мешали ему развивать свои литературные способности, которыми он тем не менее обладал в большей степени, чем многие общепризнанные профессиональные литераторы. Сам Михайлов брался за перо только в таких случаях, когда это являлось безусловно необходимым и когда ему нельзя было заменить самого себя кем-нибудь другим, более, по его собственной оценке, талантливым, чем он представлялся, к сожалению, самому себе. Затем, взявшись при таких условиях за перо, Михайлов умел быть далеко не дюжинным литературным работником. Так, напр., его показания на следствии, поручить писать которые он, конечно, не мог никому другому, представляют даже в чисто литературном отношении прямо образцовую работу. Они очень просты и естественны, как гениально простым и естественным всегда был сам Михайлов. В них нет ничего лишнего и не упущено ничего существенного. В своих формулировках они чрезвычайно точны и ясны, и это одно показывает, каким литературно одаренным человеком был их автор. Наконец, в них столько литературной сосредоточенности и литературного самообладания, не говоря уже о самообладании политическом, что, читая их, с трудом верится, в какой ужасающей обстановке они писались. Чего же мог бы достичь этот человек, если бы свои литературные способности он не заглушал сознательно, а дал им возможность свободно проявиться, и не в тюремной обстановке, а в нормальных условиях для своего развития. Пример Михайлова показывает, словом, какие большие литературные силы дремали в недрах народовольческой журналистики, не имея возможности, благодаря чисто внешним условиям, проявиться во вне.

Приблизительно к таким же выводам мы придем, если будем брать не отдельные имена, хотя весьма крупные, из нашего «Алфавита», а возьмем сразу всю массу их, попробовав определить их общий средний уровень, помимо всяких исключений. Если бы мы это сделали, мы бы нашли, каким высоким является этот средний уровень для всех сотрудников «Народной Воли». Без всякого преувеличения можно сказать, что сюда собирались наиболее

одаренные и вообще лучшие силы страны, так как среди них не было почти людей ординарного типа. Почти все они сплошь обладали крупными индивидуальностями, оригинальным складом натуры, недюжинным умом и зачастую большими талантами то в той, то в иной — научной ли, литературной ли, или практически-революционной области. Не все из них, правда, впоследствии оставались революционными журналистами или шире даже — революционными практиками. Бывало и так, что иные находили себя порой в какой-нибудь другой области, научной или практической, и если здесь они проявляли себя даже ярче, чем в народовольческой журналистике, то и это не уменьшало общественного значения того факта, что первый порыв к проявлению своих творческих сил у них рождался от соприкосновения с революцией.

Замечательно точно так же, что очень яркую иллюстрацию ко всем этим выводам нам дает не только та основная эпоха народовольческой журналистики, которая так символически замыкается поразительной по своей колоритности фигурой Лопатина, но также и эпилог ее, совпадающий с моментом появления богоразовского 11-12-го номера «Нар. Воли». В эту эпоху личный состав революционного движения уже значительно поредел, и много крупных деятелей пали уже под ударами жестоких правительственных гонений 80-х гг., и тем не менее даже в такой период обезлюдения русского революционного движения нас невольно поражает несомненная одаренность личного состава народовольческой журналистики. Как мы хорошо знаем уже, ближайшее участие в этот период, при составлении № 11-12 «Нар. В.», принимали, кроме Богораза, еще Оржих и Л. Я. Штернберг как редакторы, и Кроль, Тиличеев, Степанов как сотрудники. Из всех этих лиц особенного внимания с только что указанной точки зрения заслуживает несомненно не Богораз даже, общей талантливости которого нельзя, разумеется, отрицать, а Лев Яковлевич Штернберг, бывший студент Петербургского университета, молодой еще автор первой передовой статьи в этом номере и корреспонденции из Одессы от 5 декабря 1885 года.

«Молоды мы были до крайности», пишет тот же Богораз обо всех своих соратниках по № 11-12, в том числе и о Штернберге.

И действительно, эта группа тогдашней народовольческой журналистики отличалась большой молодостью, хотя и вовсе не редкой в истории русского революционного движения. Оржиху в то время (1885 год) было 22 года, самому Богоразу еще меньше — 21 год, Кролю — 23 года, Штернбергу — 24. Моложе этого трудно было бы быть революционеру, да еще на руководящих постах, но все-таки дело тут было не в одной молодости, о которой с таким непонятным сожалением пишет Богораз. Не в

одной молодости, так как молодость тут сочеталась с большим запасом природной одаренности, инстинктивно стремившейся к живому и самому нужному для страны делу. В этом смысле и был типичным для всей данной группы Штернберг.

С тех пор, как он дебютировал 24-летним юношей в народовольческой журналистике, прошло более 40 лет, и за эти 40 лет Штернберг как представитель всей группы обнаружил полностью, с каким редким запасом сил и с какой неиссякаемой нравственной энергией он выступал на революционную дорогу. Брошенный сначала в тюрьмы 80-х годов, на целые 3 года, затем отосланный в самые гиблые места северо-восточного Сахалина, поставленный там в самые тяжелые условия личного существования, принужденный провести в них целые 10 лет жизни, — Штернберг вернулся оттуда в полном смысле слова первоклассным ученым, обогатившим не только русскую, но и европейскую науку замечательными трудами по изучению жизни первобытных народов. По этой же дороге пошли тогда и другие представители народовольческой молодежи 80-х гг., в том числе тот же Богораз или хотя бы М. А. Кроль. Одни из них — в большей степени, другие — в меньшей, но все они сделали достаточно, чтобы поставить их намного выше обычного среднего уровня интеллигентной среды той эпохи. Этот чрезвычайно характерный факт не может не учитывать историк народовольческой журналистики за все время ее существования. Личный состав народовольческой журналистики представляет таким образом показатель того, до каких высших точек доработалась тогда вся страна в своем стремлении к культурному и революционному освобождению от пут рабства.

ГЛАВА VIII

ДЕГАЕВ И СУДЕЙКИН КАК СОТРУДНИКИ ГАЗЕТЫ «НАРОДНАЯ ВОЛЯ»

1. К истории русской социал-демократии.

Как читатель мог убедиться из многих мест нашего изложения, библиографические вопросы постоянно приводили нас к вопросам чисто программного и политического характера. Этот вывод будет правильным, если мы возьмем его и в обратной формулировке, то-есть, если мы признаем, исходя из этого факта, что программно-политическое изучение народовольческой журналистики невозможно без ее предварительного изучения с чисто библиографической точки зрения. Но не только к вопросам программного значения приводит нас в данном случае библиографический анализ.

Говоря выше о судьбах партии «Народная Воля», мы отмечали один из самых ярких фактов ее истории — это именно тот паралич, который «Народная Воля» испытала в эпоху, известную под именем дегаевщины в 1882—1883 годах, когда партия была парализованной, парализованной оказалась также и ее журналистика. Но характеризуя эту эпоху, мы не коснулись там одного важного момента, той роли, которую Дегаев и его руководитель в полицейской сфере, Судейкин, сыграли как сотрудники, если не как редакторы газеты «Народная Воля». Между тем современная мемуарная литература заставляет нас рассмотреть и этот, близко касающийся народовольческой библиографии вопрос, как бы ни казался он нам парадоксальным и даже абсурдным на первый взгляд. История русской провокации приучила нас, впрочем, и не к таким парадоксам, так что к подобным легендам мы должны относиться, как к чему-то обыденному и ординарному.

Ниже мы увидим, что мемуаристом, поставившим для народовольческой библиографии вопрос о Дегаеве и Судейкине как

сотрудниках «Народной Воли», является бывший ее редактор Лев Тихомиров, непосредственный участник тогдашних событий, но писавший о них сорок лет спустя после того как они разыгрались, в 1923 году, будучи уже давним ренегатом. Шесть лет его мемуары находились под спудом, пока, наконец, не были опубликованы под заглавием «Неизданные записки» Льва Тихомирова, в № 29 «Красного Архива», притом без всяких редакционных оговорок и критической проверки, что придавало им характер документальной неоспоримости.

В своих «Неизданных записках» Тихомиров рассказывает, как весной 1883 года («было начало 1883 года. может быть, в марте», пишет он) к нему в Женеву приехал С. П. Дегаев, известный ему как член Исп. Комитета, недавно бежавший из-под ареста, и как он здесь принес ему свою покаянную исповедь. Рассказ Тихомирова об этом очень драматичен, написан с несомненным литературным подъемом, и в нем почти не чувствуется мракобес из «Моск. Ведомостей». Он оставляет тяжелое и гнетущее впечатление, которое еще более усиливается благодаря его сенсационности в той части, где говорится о редактировании Дегаевым и Судейкиным «Народной Воли».

После того, как в феврале 1883 года Дегаев предал В. Н. Фигнер в Харькове Судейкину; тогдашнему властелину полицейского мира, и сделался сам таким же владыкой мира революционного, оба они, ничем не стесняемые, выработали целый план провокаторской деятельности. в состав которого входило и возобновление газеты «Народная Воля» под непосредственным наблюдением их обоих.

«— Так эта газета тоже судейкинская?! — воскликнул Тихомиров, слушая Дегаева.

— Ну, конечно, — отвечал Дегаев. — Я устроил типографию, набрал для нее людей. Шрифт достал у него же (т.-е. у Судейкина), у него брал, конечно, сколько нужно на содержание, да и вообще на все. Говорил, будто это пожертвования.

— Но как же Судейкин допускал писать против правительства?!

— Да ведь без него не печаталась ни одна статья. Я ему носил, а он поправлял, что нужно. Иных совсем не допускал. Мы это делали вместе» [1].

Итак, был такой период в истории «Народной Воли», когда эта газета издавалась под непосредственным редактированием Судейкина, не говоря уже об его агенте Дегаеве?! И, стало-

---

[1] См. „Кр. Арх.“, ук. номер, стр. 171.

быть, их обоих нужно зачислить, на ряду со всеми остальными, в состав ее сотрудников?!

Как обстояло на самом деле с редактированием «Нар. Воли» Судейкиным и Дегаевым, мы это увидим в дальнейшем, на критической проверке рассказа Тихомирова со всеми его провокаторскими легендами о народовольческой журналистике. Но и a priori, даже не делая такой проверки, легко увидеть, насколько он несостоятелен. С исторической точки зрения самой слабой стороной «Записок» Тихомирова, поскольку они касаются данного вопроса, как-раз и является их излишняя сенсационность, то-есть то, что к ним более всего привлекает внимание, особенно современного читателя, весьма искусившегося во всякого рода детективной литературе. Мы так привыкли за последние годы, приблизительно с эпохи разоблачения Азефа, к попыткам историков и публицистов находить непременно козни Департамента полиции даже там, где для них не было места, что было бы странным, если бы чего-нибудь подобного не оказалось и с историей «Народной Воли», да еще в такой период ее, как дегаевщина. «Неизданные записки» Тихомирова с этой точки зрения — только небольшая деталь в том огромном потоке нашей литературы о всевозможных провокаторах, которая давно уже заполонила внимание широких читательских кругов [1]. В некоторое оправдание Тихомирова можно сказать только то, что как ни сенсационны его заявления о редактировании Судейкиным через посредство Дегаева «Нар. Воли», однако не он первый заговорил о таких сенсациях. Приблизительно то же самое уже делали люди, гораздо более крупного калибра, чем он, и во много раз более ответственные за свои слова. На ту же тему, напр., еще в 1903 году, на двадцать лет раньше Тихомирова, высказал несколько чрезвычайно интересных, хотя столь же и рискованных, соображений такой высоко авторитетный человек, как Г. В. Плеханов, в столь популярном и широко распространенном органе большого исторического значения, как заграничная «Искра», в № 54 которой, от 1 декабря 1903 года, Г. В. Плеханов поместил обширный фельетон-статью под заглавием: «Почему и как мы разошлись с «Вестн. Нар. Воли» [2].

---

[1] Последней свежей новинкой в этом отношении является сб. „Провокатор“, изд. „Прибой“, ред. И. Е. Щеголева.

[2] Перепечатан ныне в XIII т. соч., стр. 23 — 24. Фельетон Плеханова вызвал тогда же „Историческую справку“ Л. Э. Шишко, помещенную в № 41 „Револ. России“ от 15 февр. 1904 г. Справка Шишко содержит ряд чрезвычайно важных фактических указаний, и ниже мы пользуемся ею неоднократно. В новейшее время приблизительно те же вопросы были подняты в полемике старых народовольцев с. Л. Г. Дейчем. См. № 25 „Былого“ за

Из рассказа Плеханова, относящегося как-раз к тому же самому моменту, как и рассказ Тихомирова, оказывается, что на судьбах не только «Народной Воли», но и «Вестн. Нар. Воли» второго теоретического органа народовольческой партии, отразилась с неменьшей силой все та же всемогущая рука того же Судейкина. Произошло это при следующих обстоятельствах. Перед тем как Дегаев появился в Женеве с покаянной исповедью перед Тихомировым, у Плеханова и будущей группы «Освобождения Труда», с одной стороны, и у Лаврова, Ошаниной и Тихомирова — с другой, заканчивались уже переговоры о совместном издании, под общей редакцией, нового теоретического органа, «Вестника Нар. Воли». По замыслу Плеханова, «Вестник» должен был издаваться в социал-демократическом духе, так как Плехановым было поставлено на вид Тихомирову, что он, Плеханов, убежденный социал-демократ и поэтому не может, не насилуя себя, работать не в социал-демократическом журнале. Тихомиров пошел в этом случае всецело навстречу Плеханову [1], и редактирование «Вестника Нар. Воли» в социал-демократическом духе было уже вполне налажено, как вдруг случилось одно непредвиденное обстоятельство, благодаря которому все дело приняло совсем иной оборот. «Человек предполагает, а тайная полиция располагает», так формулирует Г. В. Плеханов этот поворот в судьбах тогдашней журналистики. Этим неожиданным обстоятельством и было вмешательство Судейкина и Дегаева в договор, уже заключенный между Плехановым и Тихомировым.

«Однажды летом 1883 года я пошел, — рассказывает Г. В. Плеханов, — проводить г. Тихомирова, заходившего ко мне по редакционным делам, как вдруг мы столкнулись лицом к лицу с Дегаевым. Я знал его в Петербурге, когда он был артиллерийским офицером и учился в Артиллерийской академии. В то время, о котором у меня идет речь, он считался арестованным, и потому г. Тихомиров не меньше меня удивился неожи-

---

1924 г., письма в нем В. Н. Фигнер, А. П. Корба-Прибылевой, А. В. Прибылева, Г. Ф. Бохановской-Чернявской и статьи Л. Г. Дейча в „Пролетарской Револ.“ за 1923 г., № 8, а также в сб. „Группа „Освобождение Труда“, № 3 („Основательно ли нападение“, „Письмо Исп. Комит. к заграничным товарищам“, „Стефанович среди народовольцев“), и статью о воспоминаниях П. В. Аксельрода в № 10 „Пролет. Рев.“ за 1923 г. К той же серии относится статья А. П. Корба-Прибылевой „Мнимое письмо Исполнительного Комитета“, в № 6 „Былого“ за 1925 г. (кн. XXXIV, стр. 75 — 83).

[1] Тихомиров именно сказал, по словам Плеханова, что он против соц.-демократии ничего не имеет, но нужно сначала подготовить русского читателя к незаметному усвоению соц.-демократических идей и потом выставить открыто с.-д. программу. Точно так же Тихомиров согласился на помещение работы Плеханова „Социализм и политическая свобода“, и пр.

данной встрече с ним в Женеве. Дегаев казался смущенным и торопливо заявил, что ему необходимо тотчас переговорить с г. Тихомировым. Я поспешил оставить их вдвоем».

Результаты — понятны. На ближайшем же редакционном собрании Тихомиров без всякого видимого повода вдруг заявил, что «молодые товарищи в России» очень недовольны их сближением с группой Плеханова, так как они опасаются влияния бывших чернопередельцев. И соглашение, уже почти заключенное, распалось!

«Мне остается только прибавить два слова, — говорит Плеханов в заключении своей статьи. — Дегаев был уже тогда в сношениях с Судейкиным, чего не подозревали ни мы, ни Тихомиров. Стало-быть, дегаевская поездка за границу для передачи мнения «молодых товарищей» о сближении его с нами не обошлась без участия Судейкина. Думайте об этом, что хотите, я же повторяю: человек предполагает, а тайная полиция располагает» (разрядка подлинника).

Статья Плеханова, из которой мы берем эти строки, перепечатана теперь в полном собрании его сочинений и тоже без всяких поправок и комментариев. Но комментарии эти собственно едва ли и нужны, так как ими могут служить вполне «Неизданные записки» Льва Тихомирова. Говоря об одном и том же моменте и об одних и тех же лицах, хотя и о разных органах печати, и Плеханов и Тихомиров приходят в сущности к одним и тем же выводам, которые Плеханов так красочно формулирует в заключительных строках, только что нами приведенных. Тайная полиция оказывается действительно всемогущим распорядителем революционых судеб, играя, как пешками, с мефистофельской усмешкой, даже самыми крупными революционными деятелями. Этот, по существу глубоко контрреволюционный вывод, в самом точном смысле такого слова, устанавливается одинаково как Плехановым, так и Тихомировым.

Конечно, если факты, рассказанные Тихомировым (и Г. В. Плехановым), правильны, то и выводы их вполне логичны. Революционные деятели в таком случае действительно только предполагают, располагает же всем тайная полиция! Отворачиваться от этого было бы, при правильности общих предпосылок фактического характера, смешно и недостойно объективных исследователей, да и бесполезно практически. Все равно, если не одни, то другие сделают такие выводы, а так как они достаточно сенсационны, то придадут им возможно широкую, мы сказали бы, бульварную огласку, нисколько не задумываясь, есть

ли здесь хотя крупица правды, и даже чужую неправду обогащая собственными вымыслами и преувеличениями [1].

Все это в порядке вещей, как они у нас сложились, и вполне естественно. Но, несмотря на это, мы не можем вес-таки слишком уж легко капитулировать перед мефистофельским всемогуществом какого-нибудь Судейкина или другого подобного рыцаря русской тайной полиции. Так ли, однако, было на деле с редактированием «Нар. Воли» Дегаевым или Судейкиным, как это рассказывает в «Неизданных записках» тот же Тихомиров, и нет ли в его передаче каких-нибудь несообразностей?

2. Легенды Тихомирова о «Народной Воле».

Отметим прежде всего один любопытный факт: после убийства Судейкина, 16 декабря 1883 года, Тихомиров поместил в № 2 «Вестн. Нар. Воли» упоминавшуюся выше статью «В мире мерзости и запустения», в основу которой были положены как-раз материалы Дегаева. Однако в этой статье, написанной Тихомировым под самым свежим впечатлением дегаевских признаний, нет никаких следов только что приведенного эпизода с редактированием «Нар. Воли» Судейкиным и Дегаевым. Больше того, Тихомиров дает в ней сведения, даже несовместимые с тем, что он рассказывает в «Неизданных записках». По словам Тихомирова, Судейкина больше всего озабочивало — «отрезать приток сил в ненавистную ему «Народную Волю» [2]. С этой целью он устраивал за границей «центры сплочения», в роде газеты Климова «Правда», жалко провалившейся и тогда же разоблаченной в качестве провокаторской затеи. В Петербурге с той же целью Судейкин пробовал организовать в широких размерах «Общество борьбы против террора». На ряду с ним Судейкин основывал и более мелкие кружки и затевал даже издание внутри России якобы революционных органов, впрочем только антинародовольческих. Но если все это было верно, то каким образом, при таком общем направлении своей деятельности, Судейкин мог бы поддерживать и давать средства

---

[1] См., напр., статью И. Б.—„Ренегат о предателе“ в „Веч. Красн. Газ.“, в № 294 от среды 24 октября 1928 года. Это классический образчик бульварного использования непроверенного исторического материала. При этом „Нар. Воля“ заменена здесь „Вестн. Нар. Воли“, то-есть журналом, который выходил (кроме первого номера) уже после смерти Судейкина, и не в России, а за границей.

[2] См. „Вестн. Нар. В.“, № 2, стр. 112. О заграничной „Правде“ см. у Богучарского в книге о „Нар. В.“ („Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг.“, СПБ, 1911) и у Д. О. Заславского — „Редактор Климов“ в серии „Взволнованные лоботрясы“, в кн. XXV „Былого“.

и устраивать типографии для самой «Народной Воли»?! Это несомненно противоречит всему тому, что тот же Тихомиров рассказывает теперь в своих «Неизданных записках».

Еще большее недоумение вызывает в рассказе Тихомирова другая деталь, характерная для той же статьи «В мире мерзости и запустения». Как мы уже знаем, эта статья писалась Тихомировым в декабре 1883 года. Но когда Тихомиров писал ее, он, конечно, знал, точнее — не мог не знать, что за весь 1883 год не вышло ни одного номера «Народной Воли». Осенью 1883 года Тихомиров сам отмечал в одной из своих рецензий в № 1 «Вестн. Нар. Воли»: «С лета 1882 года мы не знаем ни одного номера русской вольной газеты» (стр. 27). Мы видели также и раньше, что в 1882 году, в 1883 и в первой половине 1884 года «Народная Воля» совсем не выходила. И опять-таки: как же в таком случае могли редактировать ее Дегаев и Судейкин?!

Замечательно также, что в своих «Неизданных записках» Тихомиров ни слова не говорит о том поручении, которое Дегаев будто бы получил от Судейкина с целью расстроить от имени «молодых товарищей» почти уже состоявшееся соглашение между группой Плеханова и Тихомировым. Утверждения Плеханова и в этом случае не находят фактического подтверждения в рассказе Тихомирова, так же, как утверждения самого Тихомирова не находят подтверждения в его печатных работах 1883—1884 гг. Мнение «молодых товарищей», если уж ссылаться на него, как это делает Г. В. Плеханов, привезли за границу раньше Дегаева, Г. Ф. Бохановская и Н. М. Салова [1], которых Тихомиров и имел в виду, повидимому, в своем объяснении с Плехановым, так что Судейкин был и тут не при чем. Вообще разрыв Плеханова с группой народовольцев шел не по той линии, предопределенной Департаментом полиции, на которую он указывает в своей статье, что теперь надо считать вполне установленным. Яблоком раздора послужила как-раз статья Г. В. Плеханова «Социализм и политическая свобода», вопреки тому, что сам он говорит об отношении к ней тогдашних народовольцев.

«Плеханов счел нужным выйти из редакции журнала, не согласившись вычеркнуть из своей статьи «Социализм и политическая свобода», предназначенной для первого же номера, резкую и несправедливую, а главное — нетактичную критику «Народной Воли», то-есть той самой партии, официальным органом которой и являлся «Вестник», — так пишет Н. С. Русанов

---

[1] См. об этом в ук. справке Л. Э. Шишко.

в своих воспоминаниях о той эпохе [1], и это его свидетельство подтверждается всеми остальными мемуаристами, включительно до Аксельрода, который причину разрыва с народовольцами видит исключительно в идейных разногласиях [2].

Наконец, совершенно невероятным представляется самое основное из всех утверждений Плеханова, сделанное им в словах: «Дегаев уже тогда был в сношениях с Судейкиным, чего не подозревали ни мы, ни Тихомиров». Напротив, Тихомирову именно в это время Дегаев принужден был сам все рассказать, и теперь чрезвычайно драматическую передачу этого рассказа мы находим в его «Неизданных записках» [3].

Все эти противоречия между Тихомировым и Плехановым и несомненно прямые ошибки памяти каждого из них не должны нас особенно удивлять. Аберрация памяти, да еще на протяжении 40—45 лет, обычное явление у мемуаристов. Обычны также их ошибки, когда они, вспоминая о прошлом, рисуют его не так, как оно было, а так, как им хотелось бы, чтобы тогда складывались события. Последнее относится особенно к Плеханову, вся статья которого написана сквозь призму переживаний не 80-х гг., а 900-х, с их обостренной полемической враждой и ожесточенной критикой народовольческого «наследства». Полемика — плохой помощник в мемуарной работе, и достаточно раз поддаться ее влиянию, чтобы в глазах такого мемуариста факты прошлого приняли не ту окраску, которую они имели, а ту, которую мы готовы им придать. Это — психологический закон, который ни на чем так не оправдывается, как на мемуарной литературе.

---

[1] См. „В эмиграции“, стр. 196. Ср. также в „Истор. справке“ у Шишко рассказ о том, как Ошанина, Оловенникова, а также только что приехавшая ив России Г. Ф. Чернявская-Бохановская и третий редактор „Вестн.“ П. Л. Лавров, и, наконец, Г. А. Лопатин, хотя и не вступивший тогда в организацию, но уже близко интересовавшийся всеми делами „Нар. В.“, нашли статью Плеханова совершенно не подходящей и наложили свое вето на вопрос о ее принятии.

[2] Изложение мнений П. Б. Аксельрода о разрыве с народовольцами см. ниже в „Алфавите сотрудников“. Ср. также письма Л. Тихомирова к Лаврову, в № 3 сб. „Группа „Освоб. Труда“.

[3] Ср. с этим у Шишко: „Гипотеза Плеханова плохо вяжется даже с теми данными, которые он сам приводит в своем рассказе. Так, напр., он говорит, что Тихомиров, столкнувшись неожиданно с Дегаевым на женевской улице, был чрезвычайно удивлен, ибо считал Дегаева сидящим тогда (летом 1883 г.) в тюрьме. Между тем Дегаев, как известно, был на свободе еще с начала января 1883 г., когда жандармы устроили ему в Одессе подложный побег, причем этот „удачный“ побег произвел тогда огромную сенсацию во всем революционном мире. Теперь спрашивается, мог ли Тихомиров не знать летом 1883 г. о побеге Дегаева, случившемся в январе?“ И дальше: „Предательская работа Дегаева, начавшаяся немедленно после его подложного побега

Приблизительно то же, что у Плеханова, мы находим у Тихомирова, хотя психологически его ошибки вырастали, конечно, на другой почве. Дегаев, может быть, и говорил тогда Тихомирову, что они с Судейкиным предполагали обезвредить «Народную Волю», выпуская ее под своей редакцией (хотя и это в большой мере сомнительно), но он никак не мог рассказывать, что это было ими уже сделано, по той простой причине, что «Народная Воля» тогда совсем не выходила. Понятны вместе с этим и те противоречия между «Записками» и печатными статьями Тихомирова. Свою статью для «Вестника» Тихомиров писал (в декабре 1883 года) под свежим еще впечатлением свиданий с Дегаевым и его исповеди, и потому в ней оказалась такая разница по сравнению с его же позднейшими «Записками». К тому же Тихомиров сообщает, что свои «Записки» он составлял, «не прибегая ни к каким литературным справкам». Он лишь фиксировал литературно «то, что сохранилось в памяти, и так, как сохранилось» (стр. 140). Он не проверял рассказа даже по своим собственным печатным статьям, потому и впадал в такие парадоксы.

Все это необходимо иметь в виду при оценке воспоминаний как Тихомирова, так и Плеханова, чтобы не принимать за действительность тех легенд, которые они, вольно или невольно, но создавали о народовольческой журналистике. Необходимо принять во внимание также и еще одно чрезвычайно важное обстоятельство. Дегаевское предательство было гибельным не только само по себе, по непосредственному вреду, нанесенному им всей партии, а еще более по тем последствиям и по той панике, которые оно внесло в общественную среду. В самом деле, если Дегаев находился в центре организации «Народной Воли» и если сам он являлся игрушкой в руках Судейкина, его агентом-провокатором, то где было искать границ его осведомленности и в чем видеть препятствия для дезорганизации им всех функций революционной работы? Почему бы в таком случае не предположить, что он мог захватить даже печатные органы

(10 февраля он уже устроил выдачу В. Н. Фигнер), стала к лету 1883 г. мало-по-малу обнаруживаться для революционеров. Подозрения молодежи росли, кругом все было уничтожено. Петербургская молодежь, наконец, решилась отыскать предателя во что бы то ни стало, некоторые лица прямо указывали на Дегаева. Для выяснения его поступков была назначена сходка, на которой он должен был присутствовать. И вот, чувствуя тогда свою жизнь в опасности, он попросил у Судейкина командировку за границу и явился к Тихомирову, сначала только для того, чтобы пощупать почву, не раскрыт ли он. Но разговор с Тихомировым заставил его сознаться во всем. С этой минуты началась его дальнейшая эпопея. Такова в нескольких словах история этого приезда".

партии, концентрировавшие в себе ее идейную жизнь, и поставить их под контроль и влияние розыскных органов политического сыска?! Сделать такое предположение было в том или другом случае тем соблазнительнее, что оно могло диктоваться либо соображениями полемическими и интересами партийной борьбы, либо, как сказали бы мы теперь, упадочническими настроениями людей, которые во всем разочаровались и прошлое свое стали считать сплошной ошибкой. Психологически все это вполне понятно, но, кроме голоса психологии, в историческом исследовании есть еще голос логики и фактов. Пред лицом же логики и фактов все легенды оказываются бессильными.

3. «Летучий Листок» 1883 года и Дегаев.

Те соображения, которые мы развивали выше, собственно вполне решали бы вопрос о Дегаеве и Судейкине как сотрудниках «Народной Воли», если бы против них нельзя было сделать одного возражения, способного, однако, раз оно, с своей стороны, тоже оправдается, существенно изменить всю картину. Это возражение такого рода: что «Народная Воля» совсем не выходила за весь период судейкинско-дегаевской провокации, когда оба они ее будто бы редактировали, — это действительно так, и самый этот факт, как и все выводы из него, не подлежат никакому сомнению и оспариванию. Так что, поскольку у того же Тихомирова идет речь собственно об этом журнале, разговор его с Дегаевым, выше нами приведенный, лишен всякого основания, чем бы ни объяснялась наличность его в «Неизданных записках», да еще без всяких комментариев и проверки со стороны редакции «Красного Арх.». Но на ряду со всем этим не имело ли места еще и другое: пусть не выходила сама «Народная Воля», но ведь могли, как это бывало раньше в подобных случаях, выходить в свет, вместо самой газеты, ее «Листки», так что, может быть, к ним и относится рассказ Дегаева?!

Формально против такого довода нечего возразить, и он вполне заслуживает того, чтобы его рассмотреть детально и на фактах.

Общая история народовольческой журналистики за дегаевско-судейкинский период состояла в следующем.

После арестов в феврале и марте 1882 года в течение целого года не появлялось в свет ни «Народной Воли», ни «Листков». Стало-быть, если даже предположить, что Дегаев уже в это время имел какие-нибудь сношения с Судейкиным, это еще не давало права считать ни его, ни Судейкина сотрудниками народовольческой журналистики. Но в начале следующего, 1883 г.,

обстановка несколько изменилась. В мае 1883 года предстояла коронация Александра III [1], и было решено выпустить к этому времени «Листок Нар. Воли». Намерение это, однако, не осуществилось. «Листок» не вышел, вышла же отдельной брошюрой передовая статья, написанная для него, — «Чего нам ждать от коронации». Автором этой статьи был С. Н. Кривенко, а одним из главных организаторов типографии, в которой она печаталась, — С. А. Иванов, будущий шлиссельбургжец, недавно скончавшийся в Париже. Дегаев находился тогда, с марта 1883 г., в Петербурге, но никакого отношения к этому предприятию не имел [2].

Проследим теперь дальнейшую историю народовольческой журналистики за тот же период дегаевско-судейкинской провокации.

Итак, до коронации Александра III (май 1883) не выходило в свет ни «Народной Воли», ни «Листков». Газета «Народная Воля» не появлялась и после коронации, но с «Листками» обстояло иначе. Как-раз вскоре после коронации вышел «Листок № 1 за 1883 год и «Приложение» к нему. Было это летом 1883 года.

Здесь мы должны обратить внимание еще на одно существенное обстоятельство.

Тот период, о котором мы все время говорим, характеризуется между прочим большой хронологической неопределенностью. Замечательно, что до сих пор мы не знаем в сущности сколько-нибудь твердо, когда именно и при каких обстоятельствах Дегаев вошел в сношения с Судейкиным. Случилось ли это во время ареста одесской типографии (декабрь 1882 года) или раньше, как это предполагают некоторые современные мемуаристы и историки [3], — этот факт до сих пор в точности не

---

[1] Манифест о коронации был объявлен 24 января 1883 г. Текст его принадлежал Победоносцеву. См. „К. П. Победоносцев и его корреспонденты.— Письма и записки", том I, Гиз, 1923, стр. 301, 322 и прим.

[2] История этой попытки выпустить „Листок" рассказана в письмах (шлиссельбуржских) С. А. Иванова к П. В. Карповичу, напечатанных теперь в сб. „Народовольцы 80-х и 90-х гг." (Москва, 1929 г.). См. там стр. 40—44 и прим. к ним. В частности о Дегаеве—на стр. 41 и 46. О пребывании Дегаева с марта 1883 г. в Петербурге см. в рецензии С. Н. Валка на сб. „Народовольцы после 1 марта", в № 7 „Истор.-Марксиста". Та попытка, о которой рассказывает С. А. Иванов, происходила в апреле 1883 г. и самом начале мая. Самая типография просуществовала весьма короткое время.

[3] См. в „Каторге и Ссылке", за 1926 г., изложение Бор. Николаевским воспоминаний Е. Е. Лазарева и собственные соображения автора по этому поводу. См. также у М. Ю. Ашенбреннера „Военная организация Нар. Воли", изд. политкаторжан, 1924 г., стр. 100—101, указание, что Суханов относился к Дегаеву с большим недоверием, и затем, что с лета 1882 г.,

установлен. Мы можем лишь сказать, что это должно было произойти не позже чем во время одесского провала типографии.

Затем мы не знаем также с достаточной точностью, когда именно имело место «покаяние» Дегаева перед Тихомировым, между тем как эта дата представляет для нас решающее значение. По словам Плеханова, например, еще летом 1883 года никто не подозревал об измене Дегаева, а по показанию Тихомирова в его «Неизданных записках», Дегаев покаялся ему уже в марте этого года, тогда как нам уже известно, что и в марте и в апреле Дегаев находился, напротив, в Петербурге и каяться пока что не думал. Да и психологически невероятно, чтобы Дегаев покаялся перед Тихомировым почти тотчас после того, как он выдал В. Н. Фигнер: для этого не было у него должных стимулов. Очевидно, ему нужен был какой-то более или менее длительный промежуток времени и какие-то новые обстоятельства, чтобы притти к мысли о неизбежности покаяния. Сама В. Н. Фигнер во всяком случае момент дегаевского покаяния отодвигает гораздо дальше. «Но он не выдержал роли, — пишет она, — поехал осенью за границу к Тихомирову и Ошаниной, покаялся им», и пр. Не в марте, стало-быть, и не весной, а осенью.

То же самое мы находим в новейшей работе по истории народовольческих типографий, недавно напечатанной в «Каторге и Ссылке», в которой говорится: «Осенью Дегаев «покаялся» и дал народовольцам слово принять участие в убийстве Судейкина» [1].

Крупное политическое значение всех этих хронологических справок, если бы они оказались правильными, вполне понятно, так как при наличности их вполне можно утверждать, что летние номера «Листков Нар. В.», вышедшие после коронации, и являлись теми, которые редактировались Дегаевым и Судейкиным. Но на пути к этому выводу нас встречает еще одно препятствие, миновать которое мы никак не можем. Летние «Листки» печатались в типографии М. П. Шебалина, который действительно имел сношения с Дегаевым, хотя и организовал свою типографию без всякой помощи с его стороны. Шебалин же,

---

когда Дегаев с женой жил в Тифлисе, все предприятия, где он был главным деятелем, оканчивались полнейшей неудачей. См. еще статью В. Н. Светловой „Провал народовольческих кружков в Тифлисе в 1882 г.“ в сб. Народовольцы после 1 марта“.

[1] См. С. Лифшиц—„Подпольные типографии“ и пр. „Кат. и С.“, № 51, стр. 61. Слова В. Н. Фигнер см. в ее автобиографии, Словарь Граната, стр. 473, а также стр. XXIX предисловия к „Воспомин.“ Л. Тихомирова.

рассказывая о своих сношениях с Дегаевым [1], пишет: «Нужно заметить, что в это время (летом 1883 г.), как потом мне стало известным, он (Дегаев) уже совершил обратную измену и дал слово принять личное участие в убийстве Судейкина». То-есть, иначе говоря, летние «Листки» выходили из типографии Шебалина уже после покаяния Дегаева.

Мы получаем таким образом резкое противоречие между показаниями В. Н. Фигнер и М. П. Шебалина. Очевидно, прежде чем итти дальше, нам нужно распутать эту хронологическую путаницу как мемуаристов, так и исследователей, в роде Лифшица.

Чтобы сделать это, у нас есть только один путь. Нужно собрать все относящиеся сюда наиболее достоверные показания современников, наблюдавших непосредственно приезд Дегаева в Женеву, и затем, критически проверив их, установить искомую дату. По данному вопросу мы имеем показания не менее, чем пятерых лиц: Плеханова, которое мы уже знаем, Сухомлина, Лопатина, Саловой и Чернявской. Показание В. Н. Фигнер не может итти в данном случае в счет, так как она была в то время уже арестована и приезд Дегаева в Женеву датировала не по собственным воспоминаниям и впечатлениям, а по рассказам и воспоминаниям других лиц, стало-быть, не как непосредственная свидетельница. Что же касается показаний перечисленных только что пятерых лиц, которые являются как-раз непосредственными очевидцами, то они, независимо один от другого и по разным поводам, отметили достаточно точно дату заграничного приезда Дегаева и момент его покаяния. Этими материалами мы сейчас и воспользуемся.

Дату, которую устанавливает Г. В. Плеханов, мы уже знаем. Он говорит о встрече с Дегаевым в Женеве «однажды летом 1883 года». Ту же дату устанавливает В. И. Сухомлин: «Летом 1883 года я был вызван в Париж и Женеву, где Ошанина и Тихомиров рассказали мне, что Дегаев явился с покаянием».

«Случилось это летом 1883 года, месяца не помню», читаем мы затем в «Автобиографии» Н. М. Саловой.

То же самое, только несколько подробнее и точнее, рассказывает также Г. Ф. Чернявская-Бохановская.

«В первых числах мая 1883 года я уехала в Париж. В Париже я разыскивала Ошанину. Радостны были для меня эти

---

[1] См. брошюру М. П. Шебалина „Летучая типография „Нар. В." в 1883 году" (Дешевая библиотека „Кат. и С."), стр. 26. Здесь же см. о том, как была устроена типография и как она организовывалась, и играл ли при этом какую-нибудь роль Дегаев (стр. 13 — 14, 16, 21—32). Суть вопроса состоит во всяком случае в том, что сношения Дегаева с типографией Шебалина происходили не до, а после его покаяния.

первые дни пребывания в Париже. Да, радостны, но непродолжительны. Вскоре надвинулись туман и грязь, которые явились из России в образе Дегаева. После его покаяния, когда» и пр.

Наконец, совершенно точно и весьма категорически указывает дату дегаевского приезда за границу Г. А. Лопатин.

«Дегаев увидел себя вынужденным в мае 1883 года покаяться Тихомирову и Ошаниной и предложил им любое искупление за свои грехи» [1].

Итак, все эти пятеро непосредственных очевидцев указывают на лето 1883 года, или, точнее, на май месяц, — так как летом (июнь—июль) Дегаев уже появлялся снова в Петербурге, — как на момент покаяния Дегаева. Тихомиров, стало-быть, несомненно ошибается, когда свое свидание с Дегаевым в Женеве относит к марту месяцу: в марте этого никак не могло быть, что ясно из всех наших справок.

Эта дата имеет для нас большое значение. Ею прежде всего устанавливается окончательно, о чем мог и о чем не мог говорить Дегаев при свидании в Женеве с Тихомировым. Ни для каких легенд после этого не остается никакого места. До мая 1883 года с февраля 1882, по момент свидания Дегаева с Тихомировым, ни «Народная Воля», ни «Листки» действительно не выходили. Строго говоря, этим все сказано — раз они не выходили, значит и редактировать их, конечно, не могли ни Дегаев, ни Судейкин. Нет места также и для тех легенд, которые с таким полемическом упорством, для него, впрочем, очень типичным, создал Плеханов еще в 1903 г., а в наши дни поддерживает Л. Г. Дейч в своих указанных выше статьях. Мистифицировать Тихомирова, по указке Судейкина, мнением «молодых товарищей» Дегаев тоже никак не мог, так как сам же разоблачил все

---

[1] См. Словарь Граната—автобиографии В. И. Сухомлина, Н. М. Саловой и Г. Ф. Чернявской-Бохановской, стр. 431, 402, 600 — 601. Слова Г. А. Лопатина—в сборнике его статей, изд. 1922 г., ред. А. А. Шилова, стр. 13—14. См. также у В. Я. Богучарского в книге о „Нар. Воле“ эту же дату—май 1883 года, а также у С. Н. Валка, „Кр. Арх.“, кн. XXXVI, стр. 164. Что касается даты В. Н. Фигнер и С. Лившица—осень того же года, то и она верна, но только относится ко второму, а не первому приезду Дегаева за границу. В „Историч. справке“ Шишко по этому поводу говорится: „Дегаев уехал в Петербург (после покаяния), но очень долго тянул свои приготовления (к убийству Судейкина). Тогда его опять вызвали за границу, уже в ноябре 1883 года“, Первый приезд Дегаева Шишко относит тоже, как мы видели, „к лету 1883 года“. В книге Н. С. Русанова—„В эмиграции“ в свою очередь упоминается об этом вторичном приезде Дегаева. На стр. 111 там говорится о Тихомирове: „Глубокой осенью 1883 г. он уехал в Лондон на свидание с Дегаевым“, и пр. Всеми этими справками нужные нам даты устанавливаются вполне твердо.

свои мистификации перед заграничными народовольцами. Наконец, та же дата — май 1883 года — имеет, помимо указанного, еще одно специальное значение. Основываясь на ней, мы можем теперь проследить как весь дальнейший, так и предшествовавший путь жизни Дегаева. Хронологически он может быть представлен в таком виде: в январе 1882 года Дегаев совершает «побег» в Одессе; в феврале он появляется в Харькове и предает там В. Н. Фигнер; в марте он едет в Петербург, как делегат от В. Н. Фигнер, и проводит в Петербурге и март и апрель месяцы; в мае 1883 года совершает свое покаяние перед Тихомировым в Женеве.

После этого в июне, июле и августе Дегаев снова живет в Петербурге, а в сентябре (или октябре) отправляется в Лондон на новое свидание с Тихомировым. В промежуток этих двух свиданий, летом 1883 года во время своих сношений с Судейкиным Дегаеву приходится вести двойную игру: чтобы не потерять его доверия, он должен держать своего принципала в курсе революционных дел, не только мистифицируя его, но и кое во что посвящая. Так создается история с так называемым, по терминологии Г. А. Лопатина, соломенным «Исполнит. Комитетом» [1]. Дегаеву в частности были обязаны своим арестом С. Н. Кривенко и С. Е. Усова, которые и сообщили об этом (в начале 1884 года) на волю из Дома предв. заключения. По характеру своих отношений с Судейкиным в этот период, уже после покаяния, Дегаев безусловно мог бы носить ему на просмотр рукописи, но предназначавшиеся не для «Нар. Воли», которая тогда совсем не выходила, а для «Листков» 1883 года, а также брать у него деньги на устройство типографии и пользоваться его помощью при получении печатного станка. Но, во-первых, если бы он это тогда и делал, он не имел возможности рассказывать об этом на два месяца раньше — это ясно само собой. А кроме того, история «Летучего Листка» за 1883 год и организация типографии для него может быть теперь восстановлена во всех деталях, так что и в этом отношении для легенд не остается места. Авторы статей, печатавшихся в то время в «Листках», известны: редактирование их шло на глазах у всех ближайших участников этого дела; организовываться типография начала еще до приезда Дегаева в Петербург, и он в этом деле не принимал участия; типографский станок, действительно доставленный сначала Дегаевым, оказался непригодным и был заменен самодельным, источник поступления денежных средств

---

[1] См. сб. статей Лопатина, ред. Шилова, стр. 158, а также в сб. „Народовольцы после 1 марта“, стр. 43, в ст. М. П. Шебалина.

тоже являлись ясными. Сам Дегаев в это время, кое во что посвящая Судейкина, вместе с тем многое от него скрывал [1], так что брать от него помощь на ту же типографию было скорее не в его интересах.

Что касается второй поездки Дегаева за границу, то после нее положение его в Петербурге стало иным и более определенным. Приблизительно около этого времени происходит встреча Дегаева с Г. А. Лопатиным (они были знакомы и раньше) в Петербурге и их знаменитая беседа в Палкинском трактире, столь характерная для каждого из них, хотя и по разным причинам [2]. Лопатин, как человек, прекрасно изучивший на собственном опыте, не говоря о литературе, технику побегов, и не зная ничего о предательстве Дегаева, стал расспрашивать его, как он бежал в Одессе. Обмануть Лопатина мифическими подробностями побега оказалось не так просто, как это удавалось Дегаеву раньше. Под напором быстрых и неожиданных вопросов со стороны Лопатина Дегаев очень скоро спутался и встал в тупик. Поставленный в ложное положение и чувствуя, что из него нет выхода, Дегаев рассказал Лопатину всю правду и посвятил его в обязательство, данное еще в Женеве, убить Судейкина. С этого момента Дегаев попадает под неусыпный контроль Лопатина и, все энергичнее побуждаемый его настояниями, быстро идет к организации убийства Судейкина, что и происходит 16 декабря 1883 года. Таков был путь дегаевских метаний из стороны в сторону в «этот душный 1883 год», как называет его в своих письмах Якубович [3].

4. Статьи об антиеврейских беспорядках.

На этом мы, однако, не можем еще кончить рассмотрение вопроса о Дегаеве и Судейкине как «сотрудниках» газеты «Нар. Воля». Но делать это дальше нам придется уже независимо от «Записок» Тихомирова, так как той стороны, которую мы имеем в виду в данном случае, он совершенно не касается. Вместо Тихомирова нам нужно здесь обратиться к воспоминаниям М. П. Шебалина «Летучая типография «Народной Воли» в 1883 году», именно к той их части, где как-раз говорится о попытках Дегаева, в видах его двойной игры с Судейкиным, воздействовать как-то на направление «Народной Воли» или, точ-

---

[1] Ср. об этом стр. 45 в статье М. П. Шебалина в сб. „Народовольцы после 1 марта".

[2] См. сб. статей Лопатина, ред. Шилова, стр. 14 и 158.

[3] См. „Кр. Арх.", кн. XXXVI, стр. 159.

нее, ее «Листков». Дегаеву это нужно было, конечно, для того, чтобы сохранить равновесие между той и другой сторонами и обеспечить себе до поры до времени доверие своего бывшего патрона, которому он готовил уже кровавое возмездие.

Рассказав, как была организована типография и какую роль играл тут Дегаев, обрисовам затем, как печатался «Листок» № 1, составленный, кстати сказать, еще до появления Дегаева в Петербурге, и как был сделан небольшой перерыв в работе после выхода его в свет, М. П. Шебалин продолжает:

«Кажется, к этому времени относится довольно печальный эпизод с печатанием прокламации по поводу еврейского погрома, разразившегося на юге».

И дальше у Шебалина идет речь об этом действительно печальном, но тем более характерном для дегаевской игры на оба фронта, эпизоде.

«Однажды пришел к нам Дегаев и сказал, что нужно немедленно напечатать прокламацию, которую он нам тут же прочел. Прокламация так не понравилась мне и Парасковье Федоровне [1], что мы запротестовали. Содержание прокламации точно я не в состоянии теперь передать, но помнится, что в ней причиной погромов выставлялась эксплоатация евреями трудящихся масс; факты были изложены неверно и в ложном освещении, правительство осуждалось за то, что войска стреляли в погромщиков; выставлялось на вид, что правительство в данном случае, как всегда, защищало эксплоататоров».

«Дегаев попробовал сначала воздействовать на нас авторитетом, но когда это не помогло, стал с нами обсуждать, изменять и сокращать текст прокламации. Написанная и раньше скверно, она в урезанном и измененном виде в сущности сделалась не лучше, и мы продолжали протестовать против издания ее. Тогда Дегаев сказал, наконец, что он берет все на себя, что он согласен не выставлять на этой прокламации подписи «Летучей типографии Народной Воли», но что он уполномочен потребовать от нас напечатания этой прокламации от «группы рабочих», хотя в количестве одной сотни экземпляров. Не помню хорошенько, как он назвал эту группу и как еще мотивировал свое требование. Чувство партийной дисциплины и мысль, что у «центра» могут быть какие-либо особые тактические соображения, одержали в конце-концов верх над нашими личными убеждениями и отвращением. Дегаев уговорил все-таки нас, и мы напечатали эту прокламацию без подписи «Летучей типографии Нар. Воли» и в очень ограниченном количестве (чуть ли не меньше сотни).

---

[1] Богораз-Шебалина, см. о ней в „Алфавите“.

Прокла́мация вышла очень коротенькая: десяток или дюжина строк. Она занимала небольшую часть одной стороны почтового листка небольшого формата. Впоследствии на юге я слышал, что эту прокламацию местные группы партии «Нар. Воля» просто уничтожали, считая ее провокаторской»[1].

Этот эпизод с антисемитской прокламацией заслуживает вообще большего внимания, чем может показаться на первый взгляд. Он напоминает нам именно о том зигзаге, который сделала народовольческая журналистика в 1881—1883 гг. в вопросе об отношении к антиеврейским погромам этих лет. В этих погромах готовы были видеть тогда чуть что не начало всенародного движения, но не против евреев, а против богачей, взятых в целом. Вспоминали по этому поводу, притом как-раз в тех «Листках», которые печатались у Шебалина, о том, «что и Великая французская революция начиналась с избиения евреев», цитировали также мнение Карла Маркса, что евреи «воспроизводят в себе все пороки окружающей среды»... так что, когда начинаются антиеврейские движения, то можно быть уверенным, что в них таится протест против целого порядка и начинается движение, гораздо более глубокое[2], и т. д. А еще раньше о том же самом и в том же духе, даже значительно ярче, писал Романенко в № 6 «Народной Воли» во внутреннем обозрении, и В. А. Жебунев в «Письме из деревни», в «Листке» № 1 за 1881 год. Проскальзывали такие ноты, кроме того, в статьях Лебедева за московский период народовольческой журналистики.

Разбирать эти статьи по существу мы опять-таки не станем, но сделаем по поводу их лишь несколько библиографических справок, подобно тому, как мы поступали в аналогичных случаях и раньше.

Русская литература 1881—1882 гг. в двух произведениях особенно ярко отразила свое отношение к антиеврейским беспорядкам того времени: в статье Салтыкова-Щедрина «Июльские веяния», напечатанной в августовской книжке «Отеч. Записок» за 1881 год и впоследствии введенной в серию «Недоконченных бесед» (см. том VI соч., стр. 275—288 по изд. 1906 г.), и в трактате Михайловского «Герои и толпа», появившемся в свет почти одновременно со статьей Щедрина. Из этих двух,

---

[1] См. брошюру М. П. Шебалина, стр. 17—18. Прокламация, о которой говорится в приведенных цитатах, представляет теперь большую редкость. Один экземпляр ее, действительно, на почтовой бумаге малого формата, несколько строк, за подписью „группы рабочих", находился в 1912 году в Париже в архиве В. Л. Бурцева. Сколько нам известно, прокламация эта нигде не была перепечатана в качестве исторического документа.

[2] См. приложение к „Листку" № 1 за 1883 г.

одинаково программных, произведений мы остановимся сначала на втором, а не на первом.

Свою теорию коллективного подражания Михайловский выработал еще в 1876—1878 гг. на критике бакунизма и впервые, хотя очень кратко, сформулировал ее, как об этом мы уже упоминали, в 1879 году в заметке «Сила подражания» и в рецензиях 1878—1879 гг. (см. т. X). Но литературно оформить свои взгляды и привести их в тот вид, какой они имеют теперь, он смог только в 1881—1882 гг.,, причем одним из стимулов к этому послужили для него как-раз антиеврейские беспорядки тех лет, на что он сам указывает в свох сочинениях.

Выше мы видели уже (см. прим. на 73 стр.) одну характерную черту этой теории, состоящую в том, что в ней Михайловский приводит в связь разные формы коллективного, массового движения и сопутствующие им, при известных условиях, формы подражания с формами кооперации. Теперь мы должны отметить и вторую ее черту, не менее важную, чем эта. Приведя в связь разные формы подражания с формами кооперации, Михайловский вместе с тем принципиально отличает подражание при бодрствующем сознании от подражания при сознании помраченном, от мимовольно-бессознательного. Антиеврейское движение 80-х гг. с обеих этих точек зрения — как с точки зрения связи его о определенными формами кооперации, так и с точки зрения разграничения мимовольного от сознательного подражания, — принадлежало, в оценке Михайловского, к реакционным движениям, на которых не могли бы быть основаны никакие попытки социального возрождения страны.

Ход мыслей Михайловского приводил его таким образом совсем не к тому заключению в вопросе об антиеврейском движнии, какое сделал, напр., Романенко, с его смешением социального переворота с национальным погромом. Так как Михайловский отличал две формы подражания — при бодрствующем сознании и при помраченном, — то и в социальном массовом движении он возлагал, в отличие от того же Романенко, свои упования не просто на народ, да еще готовый — из каких побуждений — это все равно — громить евреев, как своих врагов, а на народ, сознавший себя политическою силою, по известной нам формуле из передовой статьи в № 4 «Нар. Воли».

Как истинный интеллигент 70-х гг., прошедший через школу рационализма и просветительства Добролюбова и Чернышевского, Михайловский считал в своей теории «героев и толпы» сознание и волю «высшими пунктами человеческого существования, поднимающими его над всей природой».

«Прочно только то, что на них построено, — говорит он в «Героях и толпе», — стадное же чувство ничего не гарантирует».

На той же точке зрения стоит по существу и статья Щедрина, которая и вообще представляет одно из самых замечательных произведений в русской литературе по еврейскому вопросу.

«История, — говорит Щедрин, — никогда не начертывала на своих страницах вопроса более тяжелого, более чуждого человечности, более мучительного, нежели вопрос еврейский. История человечества вообще есть бесконечный мартиролог, но в то же время она — и бесконечное просветление. В сфере мартиролога еврейское племя занимает первое место, в сфере просветления оно стоит в стороне, как будто лучезарные перспективы истории совсем до него не относятся. Нет более надрывающей сердце повести, как повесть этого бесконечного истязания человека над человеком. Даже история, которая для самых загадочных уклонений от света к тьме находит соответствующую поправку в дальнейшем ходе событий, и та, излагая эту скорбную повесть, останавливается в бессилии и недоумении».

«Когда я думаю о положении, созданном образами и стонами исконной легенды, преследующей еврея из века в век на всяком месте, — право, мне представляется, — продолжает Щедрин, — что я с ума схожу. Кажется, что за этой легендой зияет бездонная пропасть, наполненная кипящей смолой, и в этой пропасти безнадежно агонизирует целая масса людей, у которых отнято все, даже право на смерть».

«Даже в литературу нашу только с недавнего времени начали проникать лучи, освещающие этот агонизирующий мир. Да и теперь едва ли можно указать на что-нибудь подходящее, исключая прелестного рассказа г-жи Оржешко «Могучий Самсон». Поэтому те, которые хотят знать, сколько симпатичного таит в себе замученное еврейство и какая неистовая трагедия тяготеет над его существованием, — пусть обратятся к этому рассказу, каждое слово которого дышит мучительною правдою. Наверное, это чтение пробудит в них добрые, здоровые мысли и заставит их задуматься, в лучшем, человечном значении этого слова».

«Знать — вот что нужно прежде всего, а знание несомненно приведет за собой и чувство человечности. В этом чувстве, как в гармоническом целом, сливаются те качества, благодаря которым отношения между людьми являются прочными и доброкачественными. А именно: справедливость, сознание братства и любовь».

Но кроме статей Щедрина и Михайловского, было в те же годы еще одно произведение, проводившее ту же точку зрения на еврейский вопрос, хотя и в другой совершенно области. Этим

произведением является передовая статья в № 10 «Народной Воли», вышедшем под редакцией Г. А. Лопатина, в значительной степени посвященная формулировке отношения народовольцев к антиеврейским беспорядкам и к решительному отмежеванию от тех взглядов, которые в этом отношении пробовали развивать публицисты в роде Романенко и К°.

Правда, противниками «Народной Воли», начиная еще со времен Богучарского [1], если не раньше, неоднократно делались указания, что у народовольческих теоретиков нехватало мужества открыто признать свои ошибки в еврейском вопросе и в идеализации антиеврейских беспорядков и, признав их, выступить с такою самокритикой [2]. Но это не верно. Антисемитские выступления, хотя бы того же Романенко, встречали уже тогда самый решительный протест и вызывали негодование и возмущение самих революционеров [3]. С таким же протестом народовольцы отнеслись к антиеврейским прокламациям Дегаева, как это видно из рассказа Шебалина, который к тому же в тот момент еще не знал об истинной роли Дегаева (он узнал об этом позже). Но и не говоря обо всем этом, мы должны признать, что чрезвычайно ярким примером такой же самокритики, возведенной на степень чисто программного выступления, и является указанная выше передовая в № 10 «Нар. Воли». В этой статье мы между прочим читаем:

«Революционер должен принимать участие лишь в таком протесте, который по своему сознанию и совести он может рекомендовать как нечто целесообразное, действительно выводящее народ на путь возрождения. Только такой протест есть протест революционный, и только в нем революционер обязан принимать участие как член партии». «Точно такое же положение должен занять революционер в тех случаях, где народ, пытаясь обобщить свой протест, приходит к ошибочной формуле, как это происходит, напр., в антиеврейских беспорядках. У нас в этих случаях нередко замечается полное помутнение собствен-

---

[1] См. его работу о „Нар. В.“, СПБ 1911 г., глава об антиеврейских беспорядках и отношении к ним народовольцев. Из литературы, предшествовавшей Богучарскому, см. статью Г. В. Плеханова „Времена меняются“ в „Искре“ за 1902 г. и в собр. соч.

[2] См. Д. О. Заславского „М. П. Драгоманов“. Критико-биографический очерк, изд. „Сорабкоп“, Киев, 1924, стр. 138, слова: „Попустительство антиеврейским погромам, поощрение их—это была роковая ошибка“. „Не было, однако, мужества открыто в ней признаться и выступить с самокритикой“. Это говорится не об одной „Нар. В.“, но главным образом о ней.

[3] О Романенко см. ук. выше ст. С. Н. Валка в № 11 „Кат. и С.“ за 1928 г. Об отношении к нему народовольцев см. у А. П. Корба-Прибылевой в книге „Народная Воля“, изд. политкаторжан, М. 1926, стр. 196—197.

ного рассуждения. Говорят, что антиеврейское движение вызывается экономическими причинами, что оно имеет серьезную подкладку. Но разве в этом дело? На свете все имеет серьезную подкладку, но не все целесообразно. Вопрос в том, правильный ли путь выбирает народ для улучшения своего положения. Когда крестьяне служат молебен от засух, их поступок тоже обусловлен серьезными и тоже экономическими причинами. Беда только в том, что от молебна не упадет с неба ни одной капли дождя. То же самое происходит при антиеврейском движении».

И дальше:

«Мы желали бы быть понятыми правильно. Протест — дело первой важности, без протеста нет революции. Заглушать протест — для революционера преступно. Но он же обязан и словом и делом действовать для превращения этого протеста в целесообразный, правильно сформулированный и направленный против о б щ и х условий. Лишь такой именно протест мы обязаны вырабатывать из сырого материала народного недовольства». «Мы должны помнить, что протест, неспособный найти себе правильной формулы, не может быть успешен и, кончаясь бесплодным истощением сил, приводит массу к самому страшному виду апатии — к разочарованию в себе и в возможности вообще чего бы то ни было добиться. Вся система полицейского провокаторства основана на этом общественно-психологическом законе».

«Являясь в народ, мы должны быть силой деятельной, революционной, бунтовской даже, но непременно сознательной. Народ всегда и во всем должен видеть, что мы не только на его стороне, не только хотим ему добра, но сверх того знаем, как этого достигнуть. Только таким путем мы можем приобрести действительную популярность, основанную на уважении и на уверенности, что от нас можно узнать кое-что полезное. Лишь таким путем наша деятельность в народе может создать между ним и партией ту нравственную связь, которая так необходима для успеха революции».

Кто бы ни был автор этих строк, столь убедительных по ясности и точности и глубине своих формулировок, но значение и смысл их бесспорны. Оставаясь чисто народовольческими по всему своему характеру и вытекая непосредственно из основ созданной тогда теории массового движения, как она была выражена в вышеприведенных формулировках, о н и р а з н а в с е г д а л и к в и д и р о в а л и в с я к у ю в о з м о ж н о с т ь и д е а л и з а ц и и я в л е н и й с т и х и й н о г о б е с с о з н а т е л ь н о г о п о д р а ж а н и я п р и о т с т а л ы х ф о р м а х к о о п е р а ц и и в р о д е т е х ж е а н т и е в р е й с к и х б е с-

порядков. В этом и состояла действительная народовольческая точка зрения на еврейские погромы.

Несколько позже она была выражена еще раз в статье И. Ильяшевича «Что делать евреям в России», напечатаной в № 5 «Вестн. Нар. Воли» (стр. 83—126). Смешивать национальный, как и всякий другой, погром с социальной революцией народовольцы таким образом отказывались с самого начала самым категорическим образом. Впоследствии, когда в организации еврейских погромов стало принимать прямое участие русское правительство, эта народовольческая точка зрения приняла еще более резкое выражение с ярко политическим оттенком. Но и в начале 80-х годов попытки вмешать в антиеврейские беспорядки революционную среду исходили по существу из тех же правительственных кругов. В них играли инициативную роль либо будущие монархисты (Романенко), либо прямые провокаторы. Отсюда родилась также попытка Дегаева, рассказанная Шебалиным, спровоцировать народовольцев на выпуск погромной антиеврейской прокламации. И если на юге, как передает Шебалин, эту прокламацию местные группы партии «Народная Воля» просто уничтожали, считая ее провокаторской, то такой она и была на деле. В этой гнусной попытке лучше, чем в чем другом, проявилась истинная физиономия чудовищного судейкинско-дегаевского союза.

ГЛАВА IX

МАРТИРОЛОГ И ПОСЛЕДНИЕ ИТОГИ

1. Русское самодержавие и русские революционеры.

Так как собственно библиографическую сторону наших замечаний мы уже закончили, то теперь мы можем подвести общие итоги нашему изложению и наметить вместе с тем те дальнейшие перспективы по изучению народовольческой журналистики, которые из них вытекают. Из этих общих итогов мы отметим прежде всего следующее.

Если мы возьмем «Народную Волю» не в ее статике, а в динамике, то здесь мы встретимся с одной очень показательной чертой — с нарастанием информации по карательной политике русского правительства. Особенно ярким в этом отношении является один из последних номеров «Народной Воли», именно двойной 8 9-й номер, вышедший еще до предательства Дегаева, однако все-таки уже во времена Стефановича. В № 8-9 «Нар. Воли» мы имеем не одну и даже не две, а. если брать с приложениями, целых три статьи на эту тему. В самом центре напечатана обширнейшая хроника арестов, размером более чем в половину печатного листа (22 тыс. б.). Вслед за ней идет статья «Тюрьма и ссылка», связанная непосредственно с хроникой арестов, но имеющая также самостоятельное, специальное назначение. Это обширный тюремный обзор, в два раза больший хроники, целый мартиролог революционной России. Наконец, в приложении напечатаны «Заметки о процессе 22», тоже превышающие размером печатный лист. В общей сложности эти три отчета о карательной политике русского самодержавия составили бы, если бы их издать отдельно обычным форматом, брошюру приблизительно в 50 страниц. Вот как обострилась к этому времени гражданская война при Александре III.

Еще трагичнее другой отдел в последних номерах «Нар. Воли» — это некрологи. «Народная Воля» почти всегда выходила с траурной каемкой на первой же странице: тут помещались имена казненных и погибших. Но чем дальше, тем эта траурная рамка становилась все большей и большей, пока, наконец, в № 11-12 она не заняла чуть не две страницы сразу. Жуткое впечатление, даже и теперь, производит этот перечень революционеров, «погибших на кровавой ниве», говоря словами поэта. Вот несколько имен из него:

Штромберг Александр Павлович, барон, осужденный по процесу 14-ти, казнен в Петербурге 10 октября 1884 г.

Рогачев Николай Михайлович, офицер, осужденный по процессу 14-ти, казнен в Петербурге 10 октября 1884 г.

Минаков, осужденный в Одессе в 1879 г. на каторгу, в 1883 году за попытку бежать переведен был с Кары в Шлиссельбург, где и расстрелян летом 1884 г. за нарушение дисциплины.

Лисянский Саул Абрамович, казнен в Харькове 20 июня 1885 г.

Клейн Лидия Григорьевна, высланная из Петербурга в 1880 году, умерла от чахотки в Енисейске 10 сентября 1883 г.

Колотилова Вера Дмитриевна, швея, отравилась 22 ноября 1883 года в Енисейске. Была выслана сюда из Красноярска за участие в побеге Малавского.

Кузнецов Петр, рабочий, 22 ноября 1883 года после неудачной попытки застрелиться умертвил себя угаром.

Жуков Владимир, осужденный на 15 лет каторги по делу Юрковского, умер от чахотки на Каре 18 июня 1884 г.

Орлов Петр, застрелился в Енисейске осенью 1884 г.

Переляев Владимир Николаевич, студент Дерптского университета, умер в припадке эпилепсии, смерть его повлекла за собой арест типографии, находившейся в его квартире.

Ивашкевич, в ночь с 5 на 6 августа 1885 года отравился в симферопольском тюремном замке.

Попко, умер от чахотки на Каре летом 1885 г.

Сурин Константин Михайлович, крестьянин, высланный в 1881 году в Вост. Сибирь, застрелился в Верхнем Селе Енисейской губ. осенью 1885 г.

Цицианов, по делу 50-ти окончив срок каторги, сошел с ума вскоре умер в 1885 году.

Царевский, административно-ссыльный, застрелился.

Павлов, рабочий, административно-ссыльный, застрелился в припадке сумасшествия.

Попов, административно-ссыльный, застрелился.

Бовбельский, административно-ссыльный, повесился в Якутске.

Дорошенко, административно-ссыльный, утопился в Якутске.

Любовец Елизавета, сосланная на поселение, отравилась в Томске.

Зубрилов Н. П., окончивший срок каторги, умер в Якутске.

И так далее, и так далее.

Этот кошмарный список тянется в № 11-12 «Нар. Воли» прямо без конца.

Но кроме него, у нас есть еще другой такой же страшный список, который мы не можем не привести здесь без всяких сокращений. Это список сотрудников «Нар. Воли», точно так же погибших на своем посту в самый разгар борьбы. Мы возьмем его здесь в простом алфавитном порядке и без всяких комментариев. Всего в нем 22 имени. Едва ли была еще одна газета в России, которая бы имела такой мартиролог из своих сотрудников. Вот их имена:

Баранников, умер 25 лет в Равелине.

Богданович Юрий, умер 38 лет в Шлиссельбурге.

Богораз-Шебалина, умерла в Бутырках.

Грачевский, покончил 38 лет самосожжением в Шлиссельбурге.

Исаев, сошел с ума и умер от туберкулеза в Шлиссельбурге.

Зеге, умер нелегальным от туберкулеза 23 лет.

Златопольский Савелий, умер 27 лет в Шлиссельбурге.

Калюжная, покончила самоубийством 25 лет на Каре.

Калюжный, покончил самоубийством 31 года на Каре.

Квятковский, повешен 28 лет в Петербурге.

Кибальчич, повешен 27 лет в Петербурге.

Ланганс, умер 30 лет в Равелине.

Лубкин, при вооруженном сопротивлении покончил с собой 28 лет в Петербурге.

Михайлов А. Д., умер 28 лет в Равелине.

Оболешев, умер 28 лет в Петропавловской крепости.

Осинская, покончила самоубийством в Доме предварительного заключения 31 окт. 1883 года.

Саблин, застрелился при аресте, 31 года.

Сигида Аким, умер 25 лет в харьковской тюрьме по дороге на Сахалин.

Сигида Надежда, покончила самоубийством 27 лет на Каре.

Терентьева, умерла 22 лет при невыясненных обстоятельствах в Петропавловской крепости.

Тринидатская, сошла с ума на Каре и умерла 40 лет в Иркутске.

Цукерман, покончил с собой 35 лет в Якутской области.

Самая замечательная черта обоих приведенных списков — это молодость тех, кто в них внесен. Средний возраст 26—28 лет, не больше. Эти люди гибли таким образом в самом расцвете своих сил, едва выступив на общественную работу. Карательная политика русского самодержавия заслуживает с этой точки зрения особого внимания. Самодержавие было единственной легально организованной силой в старой России, и именно в этом заключалась самая крупная общественная опасность его существования. По своему характеру оно являлось силой антисоциальной, но оно обладало огромными средствами для борьбы за свои интересы. Это был действительно Чингиз-хан, вооруженный всеми приобретениями современной техники, как определил русское самодержавие Лев Толстой. Как всякая общественная форма, оно стремилось подчинить своему влиянию весь ход жизни и для этого производило грандиозный искусственный подбор сил в стране, руководясь исключительно своими эгоистическими интересами. Этим же искусственным подбором оно руководилось и в борьбе с русскими революционерами. Тех, кто подчинялся такому закону подбора, оно ставило в особо благоприятные условия и нужные для него инстинкты культивировало; тех, кто шел наперекор его желаниям, — уничтожало. Такой человекоубийственный процесс уничтожения и отразился в наших списках. А так как в числе этих непокорных оказывались зачастую, в чем мы могли уже убедиться на характеристике личного состава народовольческой журналистики, наиболее одаренные силы страны, то в результате получалось систематическое обескровливание самого мозга нации, искусственное выращивание рабских инстинктов и жестокое, кровавое подавление всех отпрысков независимости и стремлений к свободному революционному творчеству. Какой же, значит, огромный ущерб стране несла эта гибельнейшая политика, и каким кошмаром должно было бы вестать на всех нас от простого воспоминания (не говоря о возрождении) об этих человекоубийственных порядках!

Это и есть один из итогов наших библиографических изысканий. Но кроме него, тот же наш мартиролог позволяет нам сделать еще несколько не менее серьезных выводов.

2. Об ошибках народовольческой информации.

Когда мы приводили список погибших из № 11-12 «Народной Воли», мы пропустили там одно имя, М. Ю. Ашенбреннера.

Ашенбреннера тогда считали тоже погибшим, и ему в этом списке были посвящены следующие строки:

«Ашенбреннер Михаил Юльевич, подполковник, осужденный в октябре 1884 г. по процессу 14-ти к смертной казни, был помилован царем на вечную каторгу, в ноябре вторично судим военным судом за пощечину, данную им одному из генералов-тюремщиков, и расстрелян».

Такой же некролог был тогда помещен также в «Вестн. Народной Воли» (см. т. IV, стр. 103 и 233). К счастью, все это оказалось неверным [1]. Но в то время, и еще долго спустя, Ашенбреннера действительно считали погибшим, вместе с Рогачевым и Штромбергом. Об этом тогда говорили во всей сибирской ссылке, в этом же были убеждены первое время даже и заключенные в Шлиссельбурге, где находился и сам Ашенбреннер. Известен драматический эпизод, разыгравшийся в Шлиссельбурге между Мартыновым и Ашенбреннером. Сначала Ашенбреннер находился в Шлиссельбурге (в камере № 40) в полной изоляции, но затем у него появился сосед, которым оказался Мартынов-Борисевич. Однако первая попытка их вступить в сношения едва не оборвалась весьма печально. Как только Ашенбреннер простучал своему соседу, кто он, — тот ответил ему очень резко: «Ложь! Ашенбреннер расстрелян». Мартынов решил, что его провоцируют жандармы!

Ошибки, которые допущены в мартирологе № 11-12, и пример с Мартыновым показывают, в каком жутком мраке, скрытыми от всех взоров, жили пленники русского самодержавия. Какая их окружала тьма неведения! И какие слухи должны были рождаться в этой страшной атмосфере! Публицистика «Народной Воли» дает в этом отношении чрезвычайно богатый материал. Мы уже много раз указывали, какой исключительной информацией, особенно о карательной политике, обладала народовольчес-

---

[1] Есть неточности и ошибки и в других местах того же списка. Штромберг и Рогачев повешены не в Петербурге, а в Шлиссельбурге. Минаков расстрелян 21 сент. 1884 г. (а не летом) не за нарушение дисциплины, а за оскорбление действием врача Заркевича. Зубрилов, окончив срок каторги, умер в 1897 г. (следовательно, в 1885 он был еще жив). Дорошенко, по другим сведениям, утонул случайно. Павлов повесился и одновременно застрелился 3 мая 1883 г., оставив записку: „Умер от тоски и ничегонеделания", Бовбельский покончил с собой 30 дек. 1881 г. и т. д. Характерна также заметка о Попко: „осужденный по делу Чубарова", и пр. Попко в 1878 г. убил в Киеве жандармского ротмистра Гейкинга, но это оставалось не обнаруженным и неизвестным даже близким товарищам, что отразилось и на его некрологе в № 11-12 „Нар. В." По поводу смерти Переляева ср. также заметку Р. М. Кантора в „Кат. и Ссылке" о роли провокатора Геккельмана-Ландезена в выдаче или, точнее, в указании на типографию у Переляева.

кая журналистика. Всю эту груду фактов мы можем теперь частью проверить, частью иллюстрировать по новым данным, которыми располагаем, благодаря архивам русского самодержавия, открытым революцией. Несомненно, если бы мы стали делать подобные проверки, мы нашли бы в народовольческой информации и неточности, и прямые ошибки. Людям, которые бродили во тьме, путаясь в целом лабиринте всяких возможностей, людям, вокруг которых суровая, сказочная действительность рождала постоянно столько самых реальных, казалось бы, едва мыслимых ужасов, способных затуманить даже здоровое воображение, — трудно было не ошибаться и мнимые опасности не принимать за действительно существовавшие. Это так понятно и так естественно. Но вместе с тем самая придирчивая архивная проверка показала бы, что таких ошибок в народовольческой журналистике было в сущности не так много, гораздо меньше, чем следовало бы ждать. Обстоятельство это свидетельствует об организованности народовольческой информации, о сплоченности и живой связи между революционными рядами и о глубоком сочувствии их делу со стороны самых разнообразных общественных кругов в царской России. Об этом итоге мы тоже не должны забывать в нашей библиографии.

Но мало того, что в народовольческой информации мы не находим излишнего обилия промахов, — нужно сказать еще, что временами даже от прямых, казалось бы, ошибок в «Народной Воле» веет глубокой исторической правдой. Чтобы пояснить эту мысль, приведем несколько примеров.

Так, в «Листке» за 1883 год читаем о Нечаеве: «Говорят, что его перевезли в Шлиссельбург; там, может быть, удобнее добить недобитого».

В Шлиссельбург Нечаева не переводили, но шлиссельбургский режим начался еще в Равелине, где Нечаев и был к 1883 году уже добит. Но сколько исторической правды тем не менее во всех неточностях этой информации!

Кроме Равелина, у Шлиссельбурга было еще одно преддверие — харьковские централы. В № 1 «Народной Воли» об них помещена корреспонденция, написанная, повидимому, со слов родственников заключенных (матерей Дмоховского и Виташевского), бывавших там на свиданиях. Корреспонденция не потеряла значения и до сих пор, так как в ней зарегистрированы малоизвестные факты. Но вместе с тем там есть такая, правда, незначительная, неточность.

«Весною в Андреевской тюрьме умер один из осужденных по процессу 193-х, говорят, что это Сажин».

Сажин, Мих. Петр., здравствует до сих пор, так что это ошибка. Но опять-таки, какая оторванность заключенных от всего мира сквозит из этой ошибки народовольческого корреспондента [1].

Кроме этих, в «Нар. Воле» встречается еще одна серия ошибок, которые мы здесь не можем не отметить. Это именно сообщения о п ы т к а х над политическими заключенными.

В передовой статье № 3 «Нар. Воли» Тихомиров пишет: «Были и еще будут виселицы. Говорят, есть п ы т к и».

То же самое в «Листке» от 22 июля 1881 года.

«Общая молва говорит о пытках после суда (по делу 1 марта). Не решаемся подтвердить слух, не имея для этого положительных доказательств».

Автором приведенных слов является Лебедев. Как видим, здесь он выражается с некоторой осторожностью. Но в его же статье «Тюрьма и ссылка» есть такое место: «Рысакова пытали. Это факт, не подлежащий сомнению».

Действительно ли факты такого рода не подлежат сомнению, на это современные архивные исследователи и историки вообще не выработали вполне согласного мнения. Вопросы такого рода до сих пор еще достаточно не расследованы. Но даже если этого и не бывало, то имело место нечто, не менее важное: имелись вполне достаточные основания для веры в то, что это все вполне было возможным. Замечательны в этом отношении некоторые из документов, опубликованных в последнее время. Из них прежде всего обращают на себя внимание одно анонимное письмо, адресованное К. П. Победоносцеву (к кому, как не к этому властителю Св. Российской Германдады было обращаться с такими письмами!), и некоторые записи в дневнике известной генеральши Богданович, тоже одной из стаи славной придворной камарильи. Письмо анонима [2], о котором мы тут говорим, датировано маем 1881 года. На нем есть пометка Победоносцева: «Получ(ено) 3 мая». Ближайшим образом оно как-раз и требовало применения п ы т о к к обвинявшимся по политическим делам, в особенности к террористам и цареубийцам. Писалось оно под несомненным впечатлением от только что закончившегося процесса по делу 1 марта.

«Царь убит среди бела дня в своей столице, — говорит победоносцевский аноним, — совершено самое гнусное, самое под-

---

[1] В Андреевской тюрьме умер тогда не Сажин, а Муравский, известный в среде революционеров под именем „отца Митрофана".

[2] Письмо анонима см. в книге „К. П. Победоносцев и его корреспонденты. — Письма и записки", том I, полутом 1. Гиз, 1923, стр. 213—221. О дневнике А. В. Богдановича см. дальше.

лое, самое неслыханное злодеяние руками таких анафем, таких скверных дьяволов, что положительно не веришь тому, что почти видел и осязал. Прошло с тех пор много дней, мы продолжаем ничего не делать, пьем, едим, спорим, ссоримся, миримся, все как будто обстоит благополучно, как будто ничего необыкновенного не произошло. Что сделано для успокоения царя, больной нервами супруги его и дорогой семьи его, которой грозят злодеи тем же? Что сделано для успокоения общества? Ровно ничего: какая-то шаткость во всем, а спокойствие необходимо. Что же это такое? Неужели же люди энергичные, люди дела, а не пустой болтовни, люди умные — все перешли в шайки злодеев, богоотступников, цареубийц; неужели у царя остались слуги лишь честные, деликатные, бояре, считающие, что не следует даже с такими отщепенцами, псами, каковые Перовские и Желябовы, иначе обращаться, как учтиво, и разыгрывать с ними эту юродивую и уродливую комедию, которую с ними ломали на суде, дозволяя им разглагольствования, изъяснения их богоотступной деятельности, хвастовства их злодеяниями и ученые прения. Знаете ли, что я вам доложу: народ — Россия — за все это спасибо не скажет, судьи чуть ли не три часа рассуждали в комнате, какое наказание назначить преступникам, как будто менее повешения можно было что-нибудь сказать; да мы и этой казнью недовольны, измучить их следовало и главное допытаться, чтобы они сказали все, что знают».

Это — начало письма, его первая страница. А вот как оно кончается:

«Последний пункт, самый деликатный, начну с того, что повторю то, что уже сказал выше: нельзя итти на бой, имея в руках хлыстик, с человеком, вооруженным огнестрельными орудиями, динамитом и прочее. Социалисты — не люди, они — звери бешеные, следовательно, они вне закона, а следовательно, я прошу хорошенько подумать о том, о чем я говорить теперь буду: публичные казни совершать не следует, с этим, кажется, согласно и правительство; гласные, хотя не публичные казни, конечно, необходимы, но чем менее их, тем лучше, об этих непубличных казнях все-таки знают, уничтожать же злодеев необходимо, а потому они, попавшись, должны пропадать без вести: пилюли, ради которых человек умирает без страданий, в этих случаях вещь необходимая, перед смертью злодей или злодейка должны высказать во что бы то ни стало все, что знают, для этого можно и следует употреблять в случае надобности пытку,

но не ушаковскую, а самую легкую; легкая пытка заставит говорить истину, жестокая же заставит только лгать» [1].

Едва ли можно сомневаться в том, что Победоносцев с большим нравственным удовлетворением читал это письмо [2]. Разумеется, сам он не был так непредусмотрителен, чтобы доверять прямо бумаге (хотя бы и анонимно!) такие мысли. Но кое-что подобное он писал, однако, и сам в те дни. Таково, напр., его известное верноподданическое моление к Александру III — ни под каким видом не миловать убийц отца своего! «Сегодня пущена в ход мысль, которая приводит меня в ужас, — пишет он царю. — Люди так развратились в мыслях, что иные считают возможным избавление осужденных преступников от смертной казни. Уже распространяется между русскими людьми страх, что могут представить Вашему величеству извращенные мысли и убедить Вас к помилованию преступников. Слух этот дошел до старика гр. Строгонова, который приехал ко мне сегодня в волнении».

Было от чего действительно заволноваться! Царь, однако, успокоил своего верного слугу. «Будьте покойны, — начертал он на его исступленной просьбе о смертной казни, — с подоб-

---

[1] И дальше: „Скажу еще следующее: главные деятели — Драгоманов, Лавров и им подобные злодеи, даже известные иноземные социалисты,—должны погибнуть, это необходимо для спокойствия не только русского царя и русского народа, но необходимо для спокойствия всего мира, избиение же их в Цюрихе, Париже, Лондоне и других местах может быть очень легко произведено деньгами и помощью искусных людей, преданных делу. За деньги в Италии и Лондоне зарежут единовременно много злодеев, убиение же нескольких таких злодеев распространит ужас и деморализацию в их лагере. В глазах же Европы и всего мира это дело должно быть делом частной секретной компании, состоящей из богатых людей, неизвестных правительству, им разыскиваемых, и готовому строго наказать за столь преступное деяние; нанявшийся на это браво, итальянец или англичанин не должен знать, кто его нанял и кто платит деньги, маски и прочее могут служить в этом случае с успехом". См. „К. П. Победоносцев и его корреспонденты" т. I, 221. Можно бы сказать, что все эти цитаты представляют бред душевнобольного, если бы в них не была изложена настоящая ф а ш и с т с к а я программа, полностью реализовавшаяся в наши дни, да еще на государственной основе, о чем наш автор даже не мечтал. Впрочем, и во времена Победоносцева провести ее в жизнь делали попытки „Священные дружины".

[2] Для характеристики Победоносцева и его отношения (такого же, как у анонима!) к процессу 1 марта ср. следующую запись в „Дневнике" государственного секретаря Перетца: „Во время производства, кажется, в первый день его приезжал в суд Баранов. Прямо из суда он поехал к Победоносцеву и пожаловался на слабость председателя, дозволившего подсудимым вдаваться в подробное объяснение их воззрений. Победоносцев поспешил к государю. Его величество немедля послал за Набоковым (министр юстиции) и потребовал от него объяснений. Набоков заступился за Фукса, доложив, что несмотря на

ными предложениями ко мне не посмеют притти, и что все шестеро будут повешены — за это я ручаюсь».

Что эта переписка царя с Победоносцевым мало чем отличается от переписки Победоносцева с анонимом, — в этом не может быть сомнения. «Вся земля требует мщения и громко ропщет, что оно замедляется». «В эту минуту все жаждут возмездия», — вот настроение, которое объединяет всех трех — и царя, и Победоносцева, и анонима. И даже мысли свои они выражают одними и теми же словами и одними эпитетами: злодеи, звери бешеные, псы, «сука Перовская» и пр.—таков язык этих фашистов 80-х гг. Мы можем сказать даже больше, что не только аноним и Победоносцев, но и царь вкупе с ними, — все они трое составляли одно духовное целое и готовы были в каждую минуту на одно и то же дело, с той лишь разницей, что не каждый из них договаривал свои мысли до конца. Как это настроение на верхах преломлялось на низах административной лестницы и как оно воспринималось теми, против которых было направлено своим острием, показывает один рассказ в автобиографии Н. А. Морозова. Речь там идет у Н. А. Морозова о его допросе в 1881 году после ареста при возвращении из-за границы. «Меня вызвали на допрос, прямо назвали по имени (Н. А. Морозов был арестован под чужим именем «Лакиера»), а я отказался давать какие-либо показания. Меня пробовали сначала запугать, намекая на какие-то способы, которыми могут заставить меня все рассказать, а когда и это не помогло, отправили в Петропавловскую крепость в изолированную камеру», и пр.

Какие это были именно способы, которыми можно было заставить все рассказать, Морозов ничего не говорит, но в публицистике «Народной Воли» есть о них опять-таки кое-что более конкретное, чем у Морозова. Указания такого рода мы находим на этот раз снова у Тихомирова, что тоже характерно, в его статье «Кошачий концерт», в № 4 «Нар. Воли».

«А электричество, гальванизм и многое другое, употребляемое русским правительством для пыток и мучений, так называемых, политических «преступников»! — восклицает там Тихомиров. — Мы знаем, до какого ужасного состояния был доведен

мягкость его, никаких неприличий на суде не происходило. Уходя от государя, Набоков предложил Победоносцеву проехать вместе в суд, чтобы убедиться самому в том, как производится дело. Победоносцев поблагодарил, но отказался, сказав, что дал себе слово не ставить ноги в новые судебные учреждения" („Дневник Е. А. Перетца". Гиз, 1927, стр. 55). См. также воспоминания самаго Фукса (предс. суда), напечатанные в № 4 журнала„ Суд идет" за 1926 г., цит. в кн. XXIV „Кат. и Ссыл.", стр. 265.

Каракозов утонченными пытками «по научному способу», мы знаем, как этими же научными пытками измучили Соловьева. Мы знаем, как многие, не выдержав этих гнусных экспериментов, сходят с ума, зарезывают себя осколками стаканов или сжигают себя на медленном огне».

Дело здесь опять-таки не в том даже, бывало ли действительно что-нибудь подобное, — кое-что во всяком случае бывало, это можно считать установленным [1], — но если даже этого совсем не бывало, то достаточно того, что в это тогда имели право верить.

Вот в этом последнем отношении и представляют для нас совершенно исключительный интерес не только вышеприведенные цитаты из переписки трех русских «фашистов» — анонима, Победоносцева и Александра III, — но также и те записи из дневников генеральши Богданович, о которых мы имели уже случай упоминать. Как-раз в те дни, когда кончился суд над первомартовцами и происходило оформление приговора (29 марта Особое присутствие вынесло резолюцию, 30 марта приговор был объявлен в окончательной форме) и когда Победоносцев подавал свое моление о смертной казни, — генеральша Богданович записывала: «Под ужасной тайной я узнала, что Желябова после суда будут стараться заставлять говорить, чтобы от него выведать, кто составляет эту организацию. Это необходимо для общественной безопасности». И на другой день снова такая же запись, даже еще более ясная, чем первая: «Дай бог, чтобы попытали. Я не злая, но это необходимо для общей безопасности, для общего спокойствия» [2].

Генеральша Богданович — это не какой-нибудь аноним из корреспондентов Победоносцева и даже не те жандармы и прокуроры, которые допрашивали Н. А. Морозова. И она, и ее почтенный супруг находились в числе самых видных царедворцев и состояли со всем министерским синклитом в самых тесных отношениях. Генеральше Богданович в силу этого лучше, чем кому иному, было знать, как поступили или как решали поступать с первомартовцами после суда и накануне казни, как-раз в те дни, когда Александр III давал обязательство, доста-

---

[1] Установлено, напр., что Сабурова-Оболешева, когда он отказывался дать себя фотографировать, чем-то усыпляли в Екатерининской куртине и сонного фотографировали. Это могло дать повод и к другим слухам о применении „научных методов“ к пыткам заключенных. О Каракозове см. в исследовании П. Е. Щеголева „Алексеевский равелин“, гл. „Каракозов в равелине“. Изд. „Федерация“. Пытки путем лишения сна (жандармы не давали спать Каракозову) во всяком случае к нему применялись.

[2] Дневник А. В. Богданович „Три последних самодержца“, Изд. Френкель, 1924, стр. 52, 53.

точно зловещее, что «все ш е с т е р о будут повешены». Но если даже этих пыток не было, то народовольческая информация о них имела под собой безусловно реальную почву. То, что знала генеральша Богданович под величайшей тайной, так или иначе просачивалось и в другие общественные круги, в том числе народовольческие. А если в это многие верили, как в реальное, и не могли не верить, хотя и не читали дневников Богданович и писем трех «фашистов», коронованных и не коронованных, то люди, которые шли в революцию, так и должны были з н а т ь, чем они рискуют.

Как же это действовало на их психологию?

Конечно, по-разному. Были такие, которые выносили все пытки и реальные и воображаемые, причем трудно сказать, которые из них были более ужасными, так как пытки воображаемые бывают иногда тяжелее пыток реальных. Но были и такие, которых эта кошмарная обстановка, а еще более неустанно гвоздившая мысль о ней, вечно преследовали, не давали ни минуты покоя и калечили все их нравственное существо. К этой последней категории принадлежал, между прочим, один из наиболее видных авторов народовольческой информации о «научных способах» тюремных пыток — Лев Тихомиров. Таким изувеченным и в силу своей изувеченности морально раздавленным он сделался ренегатом.

История политического падения Тихомирова до сих пор не написана и не изображена с заслуживающей того полнотою. Но материалы для этого уже собраны, а также есть отдельные психологические эскизы большой ценности, представляющие из себя попытки вникнуть в душевную драму этого революционера, ставшего вспоследствии религиозным маньяком и защитником самодержавия. К такого рода эскизам нужно отнести, напр., предисловие В. Н. Фигнер к «Воспоминаниям» Тихомирова (изд. 1927 г.). Знакомясь с ним, мы убеждаемся, что корень психического надлома у Тихомирова восходит еще ко временам его тюремного заключения по делу 193-х, когда он провел в предварительном заключении почти 5 лет, с ноября 1873 года по февраль 1878. Тюрьма несомненно произвела большие бреши в душевном и физическом состоянии Тихомирова, что было тогда же отмечено его современниками.

«Кто-то назвал, — пишет, напр., А. П. Корба в своих воспоминаниях о «Нар. Воле», — Исполнительный Комитет цветом русской интеллигенции конца 70-х гг., и это определение, пожалуй, верно, не только в моральном, но и физическом смысле. Многие из членов Комитета выдавались физической силой, почти все были здоровые, крепкие люди и обладали ничем не

поколебленной и не поврежденной нервной системой. Исключение составлял только Тихомиров, который провел лучшие годы своей юности в Петропавловской крепости и вышел оттуда с надорванным здоровьем. С тех пор он стал походить на пожилого человека и получил от товарищей прозвище «Старика» («Книга о Нар. В.», стр. 51).

Тюремное заключение как бы разделило жизнь Тихомирова на две разные части. До тюрьмы — Тихомиров эпохи чайковцев, характеристику которого дает Синегуб в своих «Записках», значительно отличается от позднейшего Тихомирова, Тихомирова эпохи «Народной Воли». «После 1 марта Тихомиров удивлял нас, — пишет В. Н. Фигнер, — признаками шпиономании, побуждавшими его носить траурную повязку по императору, отправиться в церковь и принести присягу его преемнику, а в Москве кинуться в Троице-Сергиеву лавру, чтобы очиститься от предполагаемого шпионства на квартире», и пр.

«Этому удивлялись, над этим смеялись, но считали не больше, как комедией и болезненной подозрительностью, которая пройдет».

Она, однако, не прошла, а развернулась пышным цветом и привела Тихомирова к грани настоящей душевной болезни.

В автобиографии Н. М. Саловой есть такое место об Ошанине и Тихомирове:

«М. Н. Ошанина — женщина богато одаренная, очень живая, умная, с сильным характером, тогда в Париже она была уже совершенно больная, страдала, между прочим, сильнейшими мучительными мигренями. Л. А. Тихомиров — мягкий до бесхарактерности человек, уже в то время казался нервнобольным, несмотря на все усилия скрывать это. Он, например, мог работать (писать) только ночью, при абсолютной тишине, напившись предварительно крепчайшего кофе, изрядный запас которого он брал к себе на ночь. Он был до смешного, детски непрактичен и равнодушен ко всяким житейским удобствам, блага земные не имели для него ни малейшего значения. Такой человек не мог стать «ренегатом», как его обыкновенно называют; только болезнь, глубокое психическое расстройство, могла привести его в лагерь врагов» [1].

Правильность этого заключения вполне подтверждается изданными в последнее время «Дневниками» Тихомирова. Материал в них — чисто клинический.

---

1 См. Словарь Граната, т. XI, стр. 403. Ср. у В. Н. Фигнер, стр. XXXVII предисловия к „Дневнику“ Тихомирова: „Он положительно болен, психически болен, и его болезнь — наихудшая форма mania religiosa“...

Но кроме этого у Тихомирова была еще вторая особенность, чрезвычайно благоприятствовавшая его позднейшему переходу в лагерь врагов. Это та несамостоятельность политического мышления, которая установлена нами чисто объективным путем, на основании библиографического анализа его печатных произведений. Подтверждается она также и материалом биографическим. «Рассмотрение всей жизни Тихомирова доказывает, что он был человек безвольный и бесхарактерный: он поддавался влияниям, которые могли поднимать его на высоты и спускать в низины. Это такая почва, на которой могли вырасти всевозможные сорные травы [1].

Не даром Тихомиров и сам писал о себе, как это мы видели и раньше: «При ловких людях я мог бы многое сделать, но сам по себе—нуль».

Дело было, конечно, не в ловких людях, а в людях, сильных духом и самостоятельностью мышления. При таких людях Тихомиров действительно мог многое сделать и делал фактически. Но когда он окончательно лишился этой поддержки, когда рухнули всякие надежды на близкую возможность хотя бы частичной победы над самодержавием; когда во весь свой рост поднялся на глазах его в лице Александра III настоящий Чингингиз-хан, вооруженный всеми приобретениями полицейской техники, готовый задушить всякие проблески жизни и на всю Россию накинуть саван мертвеца, — тогда Тихомиров не нашел в себе больше сил, чтобы внутренне противостоять этому бурелому реакции, и пал раздавленный к ногам самодержавного палача когда-то возглавлявшейся им революции.

Таковы наши итоги по отношению к одному из наиболее популярных редакторов «Народной Воли».

3. Проблемы «Народной Воли».

Тихомировым, однако, далеко не исчерпывалась «Народная Воля». Не им она началась, не им наполнялась, не им и кончилась, какое бы высокое место в прошлом ему ни отводили. Несмотря на самую тяжелую внешнюю обстановку, несмотря на огромнейшие потери за все время своего существования, не дававшие никакой возможности спокойно и без перебоев работать, несмотря на кошмар враждебных сил, — публицисты и типографщики «Народной Воли» совместными усилиями делали свое дело, разрабатывали и решали поставленные перед ними самой

---

1 Слова В. Н. Фигнер. См. предисловие к „Дневнику“ Тихомирова, стр. XXXVI.

жизнью и ее величайшим выражением — революцией — проблемы. Соотношение политического и экономического моментов в социальном движении; методы организации общественно-экономического переворота; роль в революции массового движения, т о л п ы, и «роль личности в истории»; стратегия и тактика террористической борьбы; борьба общественных сил за «особые пути развития России», — вот на что они клали свои силы и вот решению каких вопросов была, собственно, посвящена вся народовольческая журналистика. Историческая критика не выработала до сих пор единого взгляда на то, к каким именно итогам пришла в этом случае «Народная Воля». Полемика на эту тему заполняет и сейчас наши журналы и газеты. Как народовольческая журналистика аргументировала свои взгляды, какие дала формулировки всем своим основным положениям, и вообще, что было ею внесено в общий запас идей мирового социализма, что из этого отмерло и что дожило до наших дней, — освещение и изучение таких проблем составляет очередную задачу исторической критики. Этого не было сделано до сих пор в силу целого ряда причин, но в том числе и потому, что оставалось неизвестным, кто, как и что писал на перечисленные выше темы в «Народной Воле». Теперь революционная библиография приходит в этом отношении на помощь исторической критике. Предварительная, подсобная, разведочная работа уже сделана, и, благодаря ей, проблемы «Народной Воли» могут быть поставлены во весь свой объем пред лицом строго научного, объективного революционного познания. Каковы будут результаты его, мы здесь предугадывать не можем, что понятно само собой. Для этого нужны специальные исследовательские работы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

АЛФАВИТ СОТРУДНИКОВ ГАЗЕТЫ «НАРОДНАЯ ВОЛЯ»

Аксельрод Павел Борисович (1850—1927). Ему принадлежит статья-корреспонденция в № 7 «Народной Воли» (декабрь 1881 г.) «Международный конгресс в Хуре. — От нашего корреспондента». Размер статьи 9.000 букв. Напечатана без подписи. В своих воспоминаниях «Из прошлого» (Берлин, 1923) Аксельрод сам пишет о принадлежности ему этой книги: «У меня нет под рукой номера «Нар. Воли», в котором напечатана моя статья, насколько помню, очень короткая, о Хурском конгрессе», и пр. (см. стр. 400—401). Здесь же о принадлежности Тихомирову передовой статьи в том же № 7, содержащей ответ Аксельроду. «В противоположность членам Хурской конференции Лев Тихомиров увидел в моей речи тенденцию умалить значение партии «Нар. Воля» и в 7-м номере ее органа он выступил против меня с резкой критической статьей». Самая речь Аксельрода, действительно, вполне дававшая повод для той критики, с которой выступил Тихомиров, была напечатана в свое время в драгомановском «Вольном Слове» (см. № 113, от 1 ноября 1881), а теперь она воспроизведена по тексту «Вольн. Сл.» во II томе «Историко-рев. сб.» (Ленинград, 1925, ред. В. И. Невского). Об инциденте с речью Аксельрода см. у Стефановича в «Дневнике карийца» (СПБ, 1906, стр. 60). В самое последнее время см. о том же у Л. Г. Дейча в статье о том, как произошел разрыв с народовольцами, в № 8 «Пролет. Револ.» за 1923 г. и в коллективном ответе народовольцев на статью Дейча в № 25 «Былого». В последнем случае см. там особенно письмо А. В. Прибылева. При основании газеты «Народная Воля» Аксельрод намечался в состав ее сотрудников. «При расставании Желябов уговаривал меня, — пишет сам Аксельрод в своих воспоминаниях, — сотрудничать в газете «Народная Воля», которую новая партия собирается издавать. Я ему ответил, что хотя из нашей беседы выношу впечатление, что это для меня

возможно, прежде чем дать категорическое обещание, я желаю услышать другую сторону и вообще несколько больше ориентироваться во взаимоотношениях расколовшихся частей партии» (стр. 321). И в другом месте: «Психологически меня тянуло к народовольцам. В их рядах в то время стояли отборные, закаленные в борьбе революционеры, люди истинно героического склада и большого революционного опыта» (стр. 360). Заслуживает также внимания цитата, которую Аксельрод приводит из своей статьи о «Народной Воле», написанной за полгода до события 1 марта для немецкого социалистического «Ежегодника», издававшегося в Цюрихе под редакцией Бернштейна и Каутского. «Не подлежит сомнению, — говорится в ней, — что повышению тона печати (легальной) и поднятию духа оппозиции вообще в последние годы больше всего способствовал Исполнит. Комитет... В истории борьбы за политическую свободу в России он оставил неизгладимый след. Героическая бесстрашная борьба Исп. Комитета с правительством отнимет у русских либералов навсегда возможность претендовать на заслуги в деле завоевания политической свободы и оспаривать тот факт, что «социалисты своею кровью очистили русскую почву от варварского абсолютизма». Этим он оказывает им ту великую услугу, что впоследствии представление о всяком новом культурном завоевании будет ассоциироваться с социалистической партией. Русским социалистам не придется поэтому тратить столько сил и энергии в борьбе с буржуазными партиями за влияние на народные массы, как во Франции с республиканскими партиями или в Италии с мадзинианцами» (см. стр. 399). После 1 марта, ко времени выхода № 7 «Народной Воли», в котором было напечатано письмо Аксельрода и ответ ему Тихомирова, отношения между ними стали принимать другой оттенок, по мере перехода группы Аксельрода и Плеханова к марксизму. «Но, стоя уже обеими ногами на почве марксизма,—пишет Аксельрод,— мы все еще продолжали поддерживать близкие отношения с народовольцами, причем Дейч и Засулич выполняли некоторые поручения народовольческих организаций, а Плеханов был даже объявлен членом редакции проектируемого журнала «Вестн. Нар. В.». Конечно, мы при этом надеялись, что нам удастся, в конце-концов, настолько повлиять на народовольцев, что они согласятся придать своему органу социал-демократический характер и направление. Впрочем, Плеханов лично питал большие сомнения на этот счет и потому очень неохотно соглашался вступить в редакцию этого органа. Весной 1882 года он писал Лаврову: «Несогласия наши с народовольцами вовсе уж не так незначительны... Если мы не оттеняли, не указывали на свои разногласия... то это объ-

ясняется тем, что мы надеялись и надеемся мирным путем повернуть (народовольцев) на надлежащую дорогу... В случае неудачи нам придется стать снова в оппозицию» (424—425). На этой почве и произошел вскоре разрыв с народовольцами группы Плеханова, одним из первых симптомов которого была статья Аксельрода в № 7 «Народной Воли».

Андреев Н. П. Агент Исполнит. Комитета в 1881—1882 гг. По словам В. Н. Фигнер («Запечатл. труд», ч. I, стр. 283), был отправлен в Саратов для организационной работы. За время своей московской жизни принимал участие в работах типографии «Нар. Воли», находившейся у Г. Ф. Чернявской. В своей автобиографии Г. Ф. Чернявская пишет: «У нас бывали Мария Николаевна (Ошанина) и Н. П. Аадреев, делавший все необходимые технические заказы и покупки» (Словарь Граната, том XI, прилож., стр. 598). В 1882 г. Андреев был арестован, но связь его с Исполн. Комитетом не была установлена, и он ушел в административную ссылку в Сибирь. Впоследствии отошел от революционной работы.

Антонов, П. Л. (1859—1916). С 1880 г. член партии «Нар. В.», с конца 1882 года был зачислен в южно-русскую боевую дружину и вплоть до ареста, в мае 1885 г., «занимался,—по словам В. Н. Фигнер, — почти исключительно делами, сопряженными с опасностью и требовавшими решительности и отваги» («Шлиссельбургские узники», стр. 127). В 1884 году П. Л. Антонов состоял в организации Г. А. Лопатина и работал в ростовской-на-Дону типографии, в которой печатался № 10 «Народной Воли». Общую характеристику П. Л. Антонова см. в указанной книге В. Н. Фигнер, в частности там же о его шлиссельбургской жизни. В 1922 г. в журнале «Голос Минувшего» напечатана его «Автобиография». Ср. также ст. С. Н. Валка «П. Л. Антонов в Петропавловской крепости», «Кр. Арх.», кн. XXXI стр. 103—117.

Баранников А. И. (1858—1883). Участник убийства Мезенцева и ряда покушений на Александра II. Один из крупнейших деятелей эпохи «Земли и Воли» и «Народной Воли». Им было указано свободное помещение на Малой Садовой ул., послужившее для устройства в ней сырной лавки Кобозевых. Зимой 1880/81 г., среди других своих дел, нес службу связи с типографией на Подольской ул. Подробности об этом см. у П. С. Ивановской, в статье «Первые типографии Народной Воли», XXIV кн. «Каторги и Ссылки». Арестованный перед 1 марта, Баранников умер в Алексеевском равелине 6 августа 1883 года.

Бах А. Н., род. в 1857 году. За время своей работы в организации Г. А. Лопатина принимал участие в редактировании не-

которых статей в № 10 «Народной Воли». Автор брошюры «Царь-Голод». В конце 90-х гг. написал «Воспоминания народовольца», которые были использованы Л. Э. Шишко в его примечаниях к Туну (изд. в 1903 г.), а в 1907 году полностью напечатаны в №№ 3,4 и 5 «Былого». В настоящее время есть отдельное издание. В 1926 году А. Н. Бах написал свою «Автобиографию» для Словаря Граната. В декабре 1926 года А. Н. Бах дал, кроме того, в устной беседе ряд указаний на авторов статей в № 10 «Нар. Воли». Вот запись его слов: «Письмо из Парижа было написано,—по словам А. Н.,—по всей вероятности Лопатиным, но в виду того, что оно написано было первоначально очень коряво, то А. Н. (Бах) и С. А. Иванов исправляли его. Ответ либералам написан Кривенко (арестован Кривенко был после, в январе). Первая передовая (плохо написанная) принадлежит перу Лопатина, вторая — Тихомирову. Первое заявление по поводу дегаевской истории писалось Лопатиным и Тихомировым. Заявление партии «Пролетариат» составлено членами Ц. К. «Пролетариата», Мендельсоном и Иодке, при участии Ошаниной, ответ написан Тихомировым. «Вместо внутреннего обозрения», по всей вероятности, Кривенко». Комментарии к этому письму сделаны у нас в своем месте в тексте (см. стр. 122).

Богданович Юрий Николаевич (1850—1888). Участник революционного движения со времен чайковцев, впоследствии шлиссельбуржец. Особенно известен как «Кобозев», хозяин сырной лавки на Малой Садовой. Был вместе с Н. А. Саблиным одним из авторов фельетона «Дневник императора самодержца всея России» в № 3 «Листка Народной Воли» (от 20 сент. 1880 г.). Кроме «Дневника» ему же принадлежат воспоминания о А. К. Соловьеве в № 2 сб. «На родине» (1882 г.), переизданные впоследствии в России. Воспоминания о Соловьеве, как и дневник, напечатаны анонимно. Любопытен отзыв о них В. И. Засулич: «Биография Соловьева не окончена. Она написана прелестно, гораздо лучше всех остальных» (март 1882 г.). В 1876—1877 гг. Богданович принимал участие вместе с Н. Драго и А. И. Иванчиным-Писаревым в выработке народнической программы, как об этом пишет В. Н. Фигнер в «Запечатл. труде» (ч. I, стр. 108). Свои тогдашние взгляды Богданович сформулировал в 1882 г. в автобиографических показаниях, написанных им уже в тюрьме. Теперь они напечатаны в XX кн. «Красного Арх.». В Шлиссельбурге написал также ряд стихотворений, из которых наиболее известно «Завещание Юрия Богдановича». Кроме литературного таланта, Богданович обладал талантом художника. Головина-Юргенсон пишет о нем: «Он был художник и прекрасно рисовал. В Екатеринбурге в какой-нибудь час он набросал портрет моего»

сына» («Кат. и Ссылка», № 8, стр. 108). Фигнер отмечает еще одну черту Богдановича: «Обаянию Юрия Ник. способствовал его голос. Это был густой, мягкий бас, который мы называли бархатным. На свободе он иногда пел отрывки из «Аскольдовой Могилы», «Русалки» и т. п.» («Кат. и Ссылка», кн. XLIV, стр. 171). Общую характеристику Богдановича см. в этой же статье В. Н. Фигнер в XLIV кн. «Кат. и Ссылки». Ср. также у В. Г. Короленко в «Ист. моего современника», ч. III. Умер Ю. Н. Богданович от чахотки в Шлиссельбурге 18 июля 1888 г.

Богораз-Тан В. Г. Родился в апреле 1865 г., в настоящее время профессор геофака ЛГУ по кафедре материальной культуры и этнографии. Автор многочисленных трудов (преимущественно на английском языке) по этнографии. Публицист и беллетрист. В 1910 г. выпустил собрание сочинений в 10 томах. Принимал участие в составлении, редактировании и печатании № 11-12 «Народной Воли». В самом номере принадлежат ему следующие произведения: два стихотворения — одно в начале номера — «Кровавые реки, веревка и плаха», и другое в конце его — «На смерть Судейкина»; вторая передовая статья, начинающаяся словами: «Торжествующие клики реакции слышны повсюду», и пр., напечатана без подписи, размер 20 тыс. б.; «Внутреннее обозрение», без подписи, размер 75 тыс. б.; заметка «Последние дни Самуила Абрамовича Лисянского», без подписи, размер 3.000 б. (написана при некотором участии Б. Д. Оржиха). В воспоминаниях Б. Д. Оржиха (ненапечатанных) об этой полосе деятельности В. Г. Богораза есть такое место: «В Таганроге в этот мой приезд (лето 1885 г.) я впервые встретился с Натаном Богоразом или, как его там называли, «Натаном Мудрым». Его только что выпустили из тюрьмы после двухгодичного заключения за какую-то кружковую пропаганду. При замечательной памяти, природном уме и огромной начитанности, он сразу произвел на меня впечатление умственного клада. Первая наша встреча произошла в поле вечером, где он читал одну из очередных лекций теории Маркса местному кружку. Глядя на эту живую энциклопедию, рвущуюся к делу, у меня впервые явилась дерзкая мысль — об издании очередного номера «Народной Воли», — и вслед за ней еще более дерзкая мысль — о созыве съезда, хотя бы только для юга России». «Богораз засел в Новочеркасске и, посещая каждый день публичную библиотеку, разрабатывал там материал для номера. Он был очень плодовит и писал быстро». Кроме статей в номере, Богоразу принадлежит написанная тогда же брошюра «Борьба общественных сил в России». По словам Оржиха, «это была объемистая книжка страниц в 150». Она была тогда же напечатана, но с тех пор не переиздавалась и является сейчас чрез-

вычайной библиографической редкостью. После ареста таганрогской типографии, в которой печатался № 11-12 «Нар. В.». Богораз принял участие с составлении и редактировании № 3 «Листка Народной Воли», который и был напечатан в тульской типографии. В 1886 г. 5 дек. Богораз был арестован в Москве. Во всеподданнейшем докладе гр. Толстого от 10 декабря 1886 года об этом аресте говорилось: «Имевшиеся за последнее время сведения указывали на Богораза как на одного из главных революционных деятелей, причем он несомненно близко стоял к типографскому делу партии и принимал участие в выпуске последнего «Листка» (см. у Р. М. Кантора—«Ликвидация народовольческих организаций на юге России», по докладам гр. Толстого Александру III, в № 4—7 журнала «Пути Рев.»). За свою революционную деятельность Богораз был приговорен к 10 годам ссылки в Восточную Сибирь и отбывал этот срок в Нижне-Колымске, который он впоследствии описал в своих беллетристических произведениях и в котором он начал новую полосу своей жизни, связанную с этнографической работой. Из ссылки Богораз вернулся в 1899 году и свои произведения печатал первоначально в марксистских изданиях, в «Начале» и «Жизни». Впоследствии он неоднократно менял свою политическую ориентацию. В мае 1926 года В. Г. Богораз написал свою автобиографию, которая была напечатана в приложении к XL тому Словаря Граната.

Богораз-Шебалина Парасковья Федоровна (1868—1885). Была наборщицей в «Летучей типографии Народной Воли», летом 1884 года. Умерла по дороге в Тобольскую губ. в моск. тюремной больнице 11 ноября 1885 г. О ней см. в брошюре М. П. Шебалина «Летучая типография Нар. Воли в 1883 году», в «Былом» за 1906 г. и отдельное издание О-ва политкаторжан, М. 1927 г., а также в сб. «Народовольцы после 1 марта 1881 года». См. также в прим. С. Н. Валка к статье «К процессу 21». «Кр. Арх.», кн. XXXVI, стр. 165, и в «Вестн. Нар. В.», т. V, стр. 169.

Богородский Н. Н. Сын смотрителя арестантских помещений Петропавловской крепости (так называемый «Трубецкой бастион»), полковника Богородского. Через него шли сношения заключенных с волей, и в частности передавался материал для «Народной Воли». По словам самого Богородского (неизд. письмо), переписка шла через книги тюремной библиотеки. В книгах заключенными делались условные отметки и затем на свиданиях сообщали, какую из них нужно взять. Все это передавалось Богородскому, и он получал из библиотеки то, что нужно, и передавал тому, кому следует. Обратно книги возвращались через него же, но уже с ответом с воли. Об этой роли Богородского-сына, но без указанных подробностей, см. у П. А. Крапоткина в «Записк. рево-

люционера» (изд. «Недра», 1925, стр. 272), у О. К. Булановой— в статье «Л. П. Буланов» в «Каторге и Ссылке» кн. LIV и LV, у А. А. Филиппова — в автобиографии в Словаре Граната, у Л. Г. Дейча — в статье о Клеменце в VI кн. «Гол. Мин.» за 1914 г. (есть отд. изд. 1921 г.) и других мемуаристов той эпохи. Отдельной биографии Богородского не существует. В настоящее время Богорский живет в Иркутске.

Буланов Леонид Петрович, землеволец, член «Основного Кружка». Арестован в октябре 1878 г., во время так называемого «разгрома Земли и Воли». О его роли в «Земле и Воле» см. у Аптекмана, во вступительной статье к книге «Черный Передел» (Госиздат 1923), у А. Ф. Михайлова — в автобиографии в словаре Граната, и у др. авторов. Во время заключения в Петропавловской крепости Л. П. Буланов послал в «Нар. Волю» письмо-корреспонденцию: «Из недавнего прошлого. «Бунт» в Петропавловской крепости». Напечатана в № 1 «Нар. Воли», без подписи. Несомненно также, что ему же принадлежит статья-некролог К. Г. Неустроева в № 4 «Вестн. Нар. В.». Повидимому, по тем же материалам написана заметка о Неустроеве в № 10 «Народной Воли». Впоследствии Буланов принимал активное участие в революционном движении конца 90-х гг. и в течение 900-х в рядах ПСР. См. об этом у В. М. Чернова в «Записках соц.-рев.» (Берлин 1924) и у И. И. Ракитниковой —в статье «Революционная работа в крестьянстве в 1900—902 гг.» в XLVII кн. «Кат. и Ссыл.». Общую характеристику см. у О. К. Булановой, в статье в «Кат. и Ссылке».

Бух Николай Константинович, родился в ноябре 1853 года, в революционном движении принимает участие с начала 70-х гг. Был организатором типографий газеты «Начало», «Земли и Воли» и «Народной Воли». Заведывал народовольческой типографией в Саперном переулке и одновременно исполнял там все типографские работы. В типографии в Саперном пер. напечатаны первые три номера «Народной Воли», с октября 1879 года по январь 1880 года. При аресте типографии 17 января 1880 г. Н. К. Бух вместе с другими работниками ее оказал вооруженное сопротивление. Судился по процессу 16-ти террористов, приговорен к 15 годам каторжных работ. Наказание отбывал на Каре. В 1894 году вернулся в Европ. Россию. В 1907 г. — автор брошюры «Закономерность развития и будущность человечества». В 1925 году написал автобиографию для словаря Граната. В 1928 выпустил книгу «Воспоминания», изд. О-ва политкаторжан, стр. 199. В 1929 г. написал воспоминания о своей работе в типографии в Саперном пер. (см. «Кат. и С.», № 8-9 за 1929 г.).

Васильев Захар — наборщик народовольческой типографии в Ростове-на-Дону, в которой печатался № 10 «Народной Воли». Литература о нем и биографические сведения приведены в примечаниях к указ. выше статье Р. М. Кантора в № 4 журнала «Пути Революции». См. также ниже слово «Кранцфельд Раиса».

Грачевский Михаил Федорович (1849—1887), участник в революционном движении со времен чайковцев, в «Народной Воле» — с 1879 года, первомартовец, член Исполнит. Комитета, арестован в 1882 году, покончил с собой самосожжением в Шлиссельбурге в октябре 1887 г. Был хозяином в народовольческой типографии на Подольской ул., в доме № 41, работал там же как печатник и наборщик (1880—1881 гг.). О работе Грачевского в типографии на Подольской ул. см. у П. С. Ивановской в статье «Первые народовольческие типографии», в кн. XXIV «Каторги и Ссылки». Общую характеристику Грачевского см. в книге В. Н. Фигнер «Шлиссельбургские узники» и у А. В. Прибылева, в его воспоминаниях о «Динамитной мастерской». Автобиографию Грачевского см. в «Красн. Арх.», кн. XVIII.

Грязнова Мария Васильевна, род. в 1858 году, крестьянка Тверской губ. Наборщица в типографии в Саперном переулке. По процессу 16-ти приговорена к каторжным работам на 15 лет, замененным ссылкой в места не столь отдаленные. См. о ней в указанных выше воспоминаниях Н. К. Буха, в статье С. А. Ивановой-Борейша в VI кн. «Былого» за 1906 г., в воспоминаниях О. С. Любатович (там же). См. также в «Большой Энциклоп»., ред. Южакова, изд. «Просвещения», том XXI (конфискованный царской цензурой), стр. 223.

Дегаев Сергей Петрович. Был хозяином народовольческой типографии в Одессе в конце 1882 года, в ней и арестован в декабре этого же года (типография просуществовала всего один месяц). С тех пор — агент-провокатор Судейкина. Впрочем, точная дата, с момента которой Дегаев сделался агентом полиции, до сих пор не выяснена. С декабря 1882 по май 1883 Дегаев выдал Судейкину всю народовольческую организацию, в частности указал, как арестовать В. Н. Фигнер. В мае 1883 года Дегаев покаялся перед народовольческим центром в Париже (Тихомиров, Ошанина) в своей измене и обязался во искупление своей вины взять на себя организацию убийства Судейкина. После этого, с июня 1883 г. по сентябрь, он состоял в непосредственных сношениях с «Летучей типографией Народной Воли» М. П. Шебалина, которая издала за этот период №№ 1 и 2 «Летучего Листка» с приложениями к нему. В декабре 1883 года Судейкин был убит, и Дегаев выехал за границу. Литературу о

Дегаеве см. в указателе А. А. Шилова «Что читать по истории революционного движения».

Жебунев Владимир Александрович — один из братьев Жебуневых (Сергей, Николай и Владимир), кружок которых назывался в 70-х гг. «сен-жебунистами». Влад. Жебунев после 1 марта был выбран в состав Исполнит. Комитета. В № 1 «Листка Нар. Воли», от 22 июля 1881 года, ему принадлежит письмо «Из деревни». Размер 17 тыс. б. Напечатано без подписи. 19 июня 1881 г., еще до выхода в свет «Листка» с его статьей, Жебунев был арестован и сослан в Вост. Сибирь. Причастность его к Исполнит. Комитету осталась для полиции неизвестной. Биографическую справку о В. А. Жебуневе см. у М. А. Кротова — «Якутская ссылка», изд. О-ва политкаторжан, М. 1925 г., стр. 182—183.

Зеге фон-Лауренберг Владимир Владимирович, точная дата рождения неизвестна, умер в Москве 23 лет 31 июля 1881 года, под нелегальной фамилией Захара Ивановича Рязанова. После разделения «Земли и Воли», по предложению В. В. Зеге, орган новой партии был назван «Народной Волей». Об этом рассказывает Г. Ф. Чернявская-Бохановская в своей автобиографии в словаре Граната и в «Каторге и Ссылке», кн. XLIII. Впервые Г. Ф. Чернявская услышала о В. В. Зеге от А. Д. Михайлова в Москве в 1879 году. «А. Д. рекомендовал мне его, — пишет Г. Ф. Чернявская о Зеге, — как прекрасного, всецело преданного революционному делу работника». «Впоследствии, — продолжает она, — я слышала от Льва Тихомирова те же самые хвалебные сведения о Зеге. А однажды, в присутствии Марии Николаевны (Ошаниной), П. Л. Лаврова и моем, Тихомиров рассказал, что когда возник вопрос о том, как назвать нарождающийся официальный орган партии, решили, что каждый подаст свое мнение в закрытом конверте. Принято было название «Народная Воля», предложенное В. В. Зеге». Биографических сведений о В. В. Зеге не имеется, даже фамилия его каждым мемуаристом пишется по-разному. Н. А. Морозов называет его «Зейче» (см. в № 1 «Земли и Воли», статья «Разные известия»), А. В. Якимова — «Зеге фон-Ляуренберг», В. Н. Фигнер — «Зеге фон-Лауенберг». По словам А. Ф. Михайлова, к «Земле и Воле» В. В. Зеге не принадлежал, но оказывал ей ценные услуги. По словам А. В. Якимовой, в эту эпоху В. В. входил в группу «Свобода или Смерть» (см. ее заметку в «Каторге и Ссылке», кн. XXIV). О деятельности В. В. Зеге во время «Народной Воли» см. указанные произведения Г. Ф. Чернявской. Умер В. В. Зеге в квартире, предназначавшейся для типографии «Народной Воли».

Златопольский Савелий (1858—1885). Член Исп. Ком., шлиссельбуржец. О нем сообщает А. И. Корба-Прибылева: «Сведениями для хроники преследований интересовался всегда Сав. Златопольский и собирал их, но так как он вообще ничего не писал, то трудно сказать, давал ли он их в готовом виде для печати. Приехал в Петербург с юга, в начале 1880 года и тотчас же был принят в Исп.. К., так как у него было много связей на юге и много рекомендаций. Знал Осинского» (неизд. письмо 3 дек. 1928 г.).

Иванов Сергей Андреевич (1859—1927). Привлекался по делу 21-го, в мае—июне 1887 г., приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Шлиссельбуржец. Будучи членом лопатинской организации, принимал участие вместе с А. Н. Бахом в редактировании и переделке некоторых статей для № 10 «Народной Воли». Из Шлиссельбурга освобожден 28 октября 1905 года. Умер в Париже 20 февраля 1927 года. Статьи его в «Былом» за 1906 г., кн. IV и VI, и в 1907 г., кн. IX. См. также его письма к П. В. Карповичу (тюремные, в Шлиссельбурге) в сб. «Народовольцы 80-х и 90-х гг.», изд. Кружка народовольцев.

Иванова-Борейша София Андреевна (1856—1927)—наборщица в типографии в Саперном переулке и член Исполнительного Комитета. См. ее автобиографию в словаре Граната и статью «Первая типография Народной Воли» в № 9 «Былого» за 1906 г., а также в сб. «Народовольцы после 1 марта».

Ивановская-Волошенко Парасковья Семеновна, род. в 1853 году. В революционном движении— с 1876 года, нелегальная—с 1877—1878 гг., в «Народной Воле»—со дня ее основания до ареста, в 1882 г., и впоследствии, судилась по процессу 17-ти, приговорена к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. Каторгу отбывала на Каре. В 1880—1882 гг. работала в трех народовольческих типографиях: на Подольской ул., в Петербурге, в доме № 11, вместе с Н. И. Кибальчичем, под фамилией «Агаческуловых», и на Подольской ул. в доме № 41 вместе с М. Ф. Грачевским, под фамилией «Пришибиных», и в Москве, в типографии на Солянке, в доме Шильбаха, вместе с Г. Ф. Чернявской. Набирала и печатала в Петербурге «Листки Нар. Воли», №№ 1, 2 и 3 за 1880 г., «Народную Волю», №№ 4 и 5, и «Письмо Исполнит. Комитета к Александру III». В Москве работала в типографии, выпустившей №№ 6, 7 и 8-9 «Народной Воли». Ее статья «Первые типографии Народной Воли» — в XXIV кн. «Каторги и Ссылки» и автобиография в словаре Граната. См. также ее воспоминания о «Деле Плеве» в XXIII кн. «Былого».

Иванчин-Писарев Александр Иванович (1846—1916). В революционном движении участвовал с начала 70-х гг., в «Народной Воле»—со дня ее основания. Автор писем «Из деревни», в №№ 1 и 5 «Народной Воли», и участник в редакционной работе первых трех номеров, вплоть до своего ареста 17 марта 1881 г. Через него же сносился с редакцией «Народная Воля» Н. К. Михайловский, статьи которого для набора переписывались также А. И. Иванчиным-Писаревым. Автор книги «Из воспоминаний о хождении в народ», СПБ. 1914 г., и ряда статей об Успенском, Михайловском и Кропоткине в «Былом», за 1907 г., и в «Заветах», за 1914 г. Скончался в 1916 году. В 1929 г. полный сборник его воспоминаний вышел в издании «Молодой Гвардии» под общим названием «Хождение в народ».

Исаев Григорий Порфирьевич (1856—1886). Член Испол-нит. Комитета, участник ряда террористических покушений на Александра II, сотрудник Кибальчича по динамитной технике. Служил посредником для связи с типографией на Подольской ул., в доме № 41. См. в указ. ст. П. С. Ивановской, кн. XXIV «Каторги и Ссылки». Общую характеристику см. у В. Н. Фигнер в книге «Шлиссельбургские узники». Судился по процессу 20-ти, приговорен к смертной казни, замененной бессрочным заключением, которое отбывал в Шлиссельбурге. Умер в Шлиссельбурге 23 марта 1886 года.

Калюжная М. В. (1864—1889). Наборщица в одесской типографии Дегаева, сестра Ивана Калюжного (см. дальше). О приглашении ее в типографию пишет В. Н. Фигнер в «Запечатл. труде», ч. I, стр. 337. О ее поведении на допросах и дальнейшей истории, приведшей к ее покушению на полк. Катанского, есть большая корреспонденция в № 11-12 «Народной Воли», принадлежащая, повидимому, М. А. Кролю. О том же пишет А. А. Спандони — «Страничка воспоминаний». «Былое», 1906, кн. V. 8 августа 1884 г. Калюжная стреляла в полк. Катанского, приговорена на 20 лет каторжных работ. Отбывала на Каре и там покончила самоубийством 7 ноября 1889 г. в знак протеста против применения телесного наказания к Н. К. Сигиде.

Калюжный Иван Васильевич (1858—1889). Вместе со Смирницкой был хозяином конспиративной квартиры в Москве в 1881—1882 гг. и паспортного бюро. Вместе с тем заведывал сношениями с типографией Г. Ф. Чернявской. Арестован 23 марта 1882 г., судился по процессу 17-ти, приговорен к 16 годам каторжных работ. Как и сестра его, отравился на Каре после применения телесного наказания к Сигиде, умер 15 но-

ября 1889 года. О нем см. в статье А. В. Прибылева «Еще о карийской трагедии», «Каторга и Ссылка», кн. VIII.

Квятковский А. А. (1852—1880). Член дезорганизаторской группы «Земли и Воли» и затем член Исполнительного Комитета. Был уполномочен Исп. Комитетом для сношений с Халтуриным по делу об организации взрыва в Зимнем дворце. Принимал участие в редактировании № 1 «Народной Воли» после отъезда Н. А. Морозова в Москву в октябре 1879 г. В квартире Квятковского, в Лештуковом пер., также бронировалась «Народная Воля» и рассылалась по адресам. Арестован 24 ноября 1879 года. Судился по процессу 16-ти. Приговорен к смертной казни. Казнен на стенах Петропавловской крепости 5 ноября 1880 года.

Кибальчич Николай Иванович (1854—1881). Первомартовец. Техник Исполнит. Комитета. Был хозяином типографии на Подольской ул., дом № 11, в Петербурге, вместе с П. С. Ивановской, под именем супругов «Агаческуловых». Автор статьи «Политическая революция и экономический вопрос» в № 5 «Народной Воли», подписанной псевдонимом «А. Дорошенко». Размер — 14 тыс. б. Судился по процессу 1 марта 1881 г., казнен 3 апреля. О его роли в типографии см. у П. С. Ивановской, ук. ст. в XXIV кн. «Каторги и Ссылки».

Ковалева, «Маруся» — наборщица в московской типографии «Нар. Воли». О ней говорится в автобиографии Г. Ф. Чернявской: «Мария Николаевна (Ошанина) доставила нам кухарку Марусю. Это была не особенно интеллигентная девушка из революционной среды. Разумеется, мы все трое исполняли кухонные обязанности (сама Чернявская, Суровцев и Маруся), так же как все трое работали в типографии. Но для дворника, молочницы и пр. она была кухарка, а я — барыня» (словарь Граната, стр. 597).

Коган Захар Владимирович, род. 1860 г. Наборщик в женевской типографии «Вестн. Нар. Воли», летом 1885 г. переехал в Россию и принял участие в организации новочеркасской типографии, помогая печатать № 11-12 «Народной Воли». Заведывал также тульской типографией и напечатал там № 3 «Листка Н. В.» в январе 1886 года. Привлекался по делу В. Г. Богораза и др., получил 10 лет Вост. Сибири. Наказание отбывал в Ср.-Колымске. См. его воспоминаниз «Тульская типография Нар. Воли», в сб. «Народовольцы 80-х и 90-х гг.», стр. 105—113.

Корба-Прибылева Анна Павловна, род. в ноябре 1849 года. Член Исполнит. Комитета с января 1880 года, участница 1 марта 1881 г., хозяйка трех конспиративных квартир Исп.

Комитета. В «Народной Воле» ей принадлежат две статьи: «Внутреннее обозрение», в «Листке» № 2 от 20 августа 1880 г., и «Признаки голода» — в № 4 «Народной Воли». Обе статьи без подписи. Размером первая в 11 тыс. б., вторая — 15 тыс. б. Кроме того, Анна Павловна принимала участие в редакционной работе, в собирании материала для газеты и подготовке его к печати, и в составлении «хроники». Незадолго до 1 марта 1881 г. А. П. Корба вошла формально в число редакторов «Народной Воли». В «Хронике» ген. Шебеко говорится об А. И. Корба-Прибылевой: «Найденные у ней бумаги показывают, что она также работала в революционной прессе» (стр. 211). Арестована летом 1882 года (в ночь на 5 июня). Судилась по процессу 17-ти, приговорена к 15 годам каторжных работ. Наказание отбывала на Каре. В 1926 году выпустила книгу воспоминаний о «Народной Воле» (изд. О-ва политкаторжан) и написала втобиогрфию для Словаря Граната.

Кранцфельд Раиса. О ней и Зах. Васильеве (см. выше) есть следующие данные в примечании Р. М. Кантора к его статье «Ликвидация народовольческих организаций», в № 4—7 «Путей Рев.»: «Раису Кранцфельд и Захара Васильева оговорил П. Елько. Оба принимали участие в лопатинской организации. Помимо работы в ростовской типографии, Кранцфельд в 1883 году была хозяйкой той конспиративной квартиры в Петербурге, в которой проживал участник убийства инспектора секретной полиции Г. П. Судейкина, народоволец Н. П. Стародворский. Зах. Васильев, по сведениям «Обзора жандармских дознаний» (т. X, стр. 16), — беглый солдат, бывший студент Казанского ун-та. Обоим им, состоявшим в гражданском браке, грозила серьезная кара, но, благодаря счастливой случайности, они избежали ареста и суда и после долгих мытарств обосновались под чужим именем в Тифлисе, где Васильев получил службу в управлении жел. дорог. Жандармские органы их тогда долго и упорно разыскивали, розыски оказались тщетными. О них см. главным образом IX и XI «Обзоры жандармских дознаний» за 1884—1886 гг., и списки А. А. Шилова и М. И. Дрея. О судьбе их см. сообщение А. В. Геденовского в «Кат. и Ссылке», № 3 за 1926 г., стр. 101—102.

Кривенко Сергей Николаевич (1847—1906). Сотрудник журнала «Отеч. Записки». В «Народной Воле» ему принадлежат статьи: о циркуляре от 16 июня министра вн. дел. Макова, в № 1 от 1 окт. 1879 г., напечатана без подписи, размер 10 тыс. б. «Новая эра», в № 1 «Листка Нар. Воли», от 20 июля 1883 г., без подписи, размер 16 тыс. б.; передовая статья в № 2 «Листка», без подписи, размер 11 тыс. б., там же «Хроника вну-

тренней жизни»; о либералах, без заглавия и без подписи, в № 10 «Народной Воли», размер 6,5 тыс. б. (напечатана вслед за сообщением от Ц. К. партии «Пролетар». об убийстве шпиона в Згерже). Был также редактором «Листков Нар. Воли» за 1883 г., в которых печатались его статьи. Возможно точно так же, что в этих номерах есть и еще его произведения, до сих пор не установленные. Связь С. Н. Кривенко с редакцией «Нар. Воли» отмечена в правительственном сообщении о закрытии «Отеч. Записок». Арестованный в январе 1884 г., Кривенко был сослан в Тару, откуда вернулся в Петербург в начале 1890-х гг. В дальнейшем к революционной публицистике больше не возвращался.

Кроль Моисей Аронович, род. в 1862 г. В революционном движении — с начала 1880-х гг. В 1881 г. участвовал в сабуровской истории в СПБ ун-те. Член «Центр. кружка Нар. Воли» в Петербургском ун-те. Позже вместе с Л. Я. Штернбергом участвовал в организации Оржиха на юге России. В № 11-12 «Народной Воли» ему принадлежит корреспонденция из Одессы, напечатанная в «Хронике революционной борьбы» (о покушении Калюжной на полк. Катанского). Арестованный в 1887 году, получил приговор на 10 лет Забайкальской области. В ссылке выдвинулся своими работами по изучению экономического положения бурят Забайкальской области. По окончании ссылки снова принимал участие в революционном движении.

Кулябко Мария Павловна, наборщица в летучей типографии Шебалина 1883 года. Печатала и набирала также прокламацию об убийстве Судейкина. О ней см. в брошюре М. П. Шебалина, ук. ниже.

Лавров Петр Лаврович (1823—1900). Автор «Исторических писем», один из крупнейших теоретиков народничества. В первые годы издания «Нар. Воли» сотрудничал в «Черном Переделе», впоследствии редактировал «Вестн. Нар. Воли». В № 11-12 «Нар. Воли» напечатано его «Письмо товарищам» (ответ на приветствия по поводу 25-летия литературной деятельности). Подлинник письма взят у А. Р. Цейтлина при аресте в сентябре 1885 года в Ростове-на-Дону (см. у Р. М. Кантора — «Пути Рев.», 1926 г., кн. IV, стр. 62). Тогда же Лавров изъявил согласие сотрудничать в «Нар. Воле» и присылать свои письма для каждого номера.

Ланганс Мартын Федорович (1853—1883). Член Исп. Комитета, в революционном движении — со времени чайковцев. Автор статьи «Внутреннее обозрение», в № 3 «Листка Нар. Воли» от 20 сент. 1880 г. Напечатана без подписи, размер — 20 тыс. б. Арестован 21 апр. 1881 г. в Киеве, судился по про-

цессу 20-ти, приговорен к каторжным работам без срока. Умер в Алексеевском равелине 11 сентября 1883 г.

Лапицкий А. Г. Родился в Минской губ. в 1858 г., римско-католического вероисповедания. В феврале 1880 года привлекался к дознанию Московским жанд. упр. по обвинению в хранении № 2 газеты «Нар. Воля». По высоч. повел. от 25/VI 1880 г. дальнейшее производство прекращено, сделан строгий выговор. Принимал участие в студенческих беспорядках 1881 г. Вторично арестован в ночь на 5/VI 1882 г. в Петербурге. Привлекался к дознанию при Петерб. Ж. У. в числе 71 чел. по делу партии «Нар. Воля», вследствие полицейских указаний на знакомство его с привлеченными по этому делу лицами: Орловым, Макаренко, Поповой и Богдановичем. На обыске ничего предосудительного не найдено, от принадлежности к революционной партии отказался, объяснений никаких не дал. 19 дек. 1882 года заключен в Петропавловскую крепость. Дознание подтвердило полностью знакомство Лапицкого с революционерами, а также проживание на одной квартире с Любовью Макаренко. По высочайшему повелению от 2 февр. 1883 г. назначен к высылке в Вост. Сибирь на 5 лет. 3 февр. увезен из Петропавл. крепости в ДПЗ, 22/IV отправлен в Москву, 14/V—из Тюмени. В день отъезда принимал участие в бунте в Тюменской тюрьме по поводу приказа брить головы политическим каторжанам. Был поселен в Енисейской губ. Окончил срок надзора в 1888 году, служил инженером на сибирском тракте, оказывал услуги бывшим ссыльным. Написал совместно с В. С. Лебедевым статью «Тюрьма и ссылка» в № 8-9 «Нар. Воли». Об его аресте см. «Вестн. Нар. Воли», т. I, стр. 126.

Лебедев Василий Степанович (1852—1919). Член Исп. Комитета, редактор и сотрудник «Нар. Воли» в 1881—1882 гг. Родился 15 февр. 1852 г. в семье священника с. Ливенки Павловского у. Воронежской губ. 10-ти лет был отдан в духовное училище в г. Павловске. Учился там 2 года, после чего вернулся домой, заявив, что он больше туда не поедет — там ему не понравилось. Старшие не настаивали. Года 3—4 провел дома. Лет 15-ти поехал в Воронеж и поступил в духовную семинарию, где и провел 4 года. Последние два года семинарии он не проходил, так как решил поступить в университет. Выйдя в 1871 году из семинарии, поселился в Воронеже и стал готовиться к экзаменам в университет. Жил исключительно уроками — семья Вас. Степановича была очень бедной, и он никогда не получал из дома материальной помощи. В 1873 г. отправился в Петербург и, блестяще выдержав экзамены, поступил в Петербургский уни-

верситет на физико-математический факультет. В 1877 г. окончил его и поступил на медицинский факультет Московского ун-та, где пробыл по 1881 г. За участие в происходивших тогда по поводу 1 марта студенческих сходках был удален из университета на год, что фактически сводилось к лишению его права получить в том же году диплом врача. В Москве ему пришлось, между прочим, принять весьма деятельное участие в подготовке и ведении общестуденческих сходок 4—8 апреля 1878 г. по поводу так называемой «Охотнорядской истории», а также в подготовке выступления П. П. Викторова на диспуте проф. Иванюкова 31 марта 1881 г. с народовольческой речью. В апреле 1881 года В. С. Лебедев входит в Исп. Комитет «Нар. Воли». В состав Исп. Комитета В. С. вошел в качестве члена редакции «Нар. Воли», кроме того, через него же проходила всякого рода корреспонденция как русская, так и заграничная, предназначаемая для Исп. Комитета. На этом поприще деятельность В. С. Лебедева продолжалась до дня его ареста. Арестован 6 февраля 1882 г. в квартире А. П. Буланова. За это время под его редакцией и при ближайшем его сотрудничестве вышли в свет 4 выпуска партийного органа: «Листок Нар. Воли» № 1, от 22 июля 1881 г.; «Народная Воля» № 6, от 23 октября 1881 г.; «Народная Воля» № 7, от 23 декабря 1881 г.; «Народная Воля» № 8-9, от 5 февраля 1882 года. Кроме участия в общей редакции этих номеров (совместно с другими членами Исп. Комит., в частности с Тихомировым и М. Н. Ошаниной), В. С. Лебедеву принадлежат в них следующие статьи и заметки: 1) Передовая статья в «Листке» № 1 за 1881 г. от 22 июля, 2) две корреспонденции из Ярославля и из Ялты, в № 6 «Нар. В.», от 23 окт. 1881 г., 3) редакционная заметка «Единение власти с землею», в № 7 «Нар. В.», от 23 дек. 1881 г., напечатана как предисловие к речи Федоровского, 4) две передовые статьи, первая и вторая, в № 8-9 «Нар. Воли», от 5 февр. 1882 г., 5) статья «Тюрьма и ссылка», там же, написанная совместно с А. Лапицким, 6) примечание к предисловию Маркса к «Коммунистическому манифесту», там же, 7) ряд заметок в отделе «Мелкие известия» — «Лига добровольных шпионов», «Реформа Владимира», «Ее Величество — враг женского образования», «Институт сведущих людей», «Турникеты». Арестованный 5 февр. 1882 г., Лебедев оставался в заключении в тюрьмах Москвы и Петербурга более года, после чего в апреле 1883 г., по постановлению особого совещания министров, был выслан в административном порядке в Вост. Сибирь на 5-летний срок, который впоследствии был увеличен еще на 2 года. Участие В. С. Лебедева в Исп. Комитете на следствии обнаружено не

было, чем и объясняется сравнительная легкость постигшей его кары. Годы 1883—1888 Лебедев провел в Минусинске, Енисейске и в Северной Тайге, Енисейской губ. В феврале 1889 г. ему было дано право возвращения в Европейскую Россию. В 1890 г. Лебедев сдал государственный экзамен и получил диплом врача в Казанском ун-те. С 1891 по 1917 гг. состоял фабричным и земским санитарным врачом Московской губ. Оставил ряд больших работ по участковой медицине в Московской губ., список которых см. в № 4 «Сан. Хрон. Моск. Земства», апр. 1917 г. В апреле 1917 г. вышел в отставку вследствие тяжелой сердечной болезни. Последний год жизни — с октября 1918 г. по октябрь 1919—Вас. Ст. провел в Петропавловской лечебнице, близ станции Алабино, Моск.-Брянской жел. дор., где и скончался от мозгового кровоизлияния 11 октября 1919 г. Похоронен на сельском кладбище близ лечебницы. Воспоминаний о свой революционной деятельности не успел составить, оставил только программу их, напечатанную в сб. «Народовольцы после 1 марта», стр. 160—165. О самом Лебедеве см. у В. Н. Фигнер — «Запечатл. труд.», ч. I, по имен. ук., затем статьи П. К. (П. И. Куркина) в № 4 «Сан. Хрон. Моск. земства», апр. 1917, и С. Я. Елпатьевского — «Воспоминания», изд. «Прибой», 1929, а также в № 2 «Кр. Нови» за 1928 г.

Лопатин Герман Александрович (1845—1918). В революционном движении с середины 60-х гг. вплоть до конца жизни. Шлиссельбуржец. С марта 1884 года работал по восстановлению партии «Нар. Воля» и выпуску № 10 ее печатного органа. № 10 «Народной Воли» вышел осенью 1884 года при ближайшем редакционном участии Г. А. Лопатина. Самому Г. А. Лопатину там принадлежит статья «Вместо внутреннего обозрения», напечатанная без подписи, размером 24 т. б. По словам А. Н. Баха, помещенное в том же номере заявление Исп. Комитета о Дегаеве, принадлежащее Тихомирову, написано им совместно с Г. А. Лопатиным. По документам С. Н. Валка в «Кр. «Арх.», кн. XXXVI, Лопатину принадлежит еще примечание к заявлению Исп. Ком. о Дегаеве (см. № 130 по справоч.). Статьи и заметки Лопатина собраны А. А. Шиловым в 1921 г. отдельной книгой: «Г. А. Лопатин. — Автобиография. Показания. Статьи. Стихотворения. Библиография литературы о нем. Редакция А. А. Шилова». Петроград. 1921.

Лубкин Абрам (кличка «Птица»). Состоял наборщиком и корректором в типографии в Саперном пер. Н. К. Бух по этому поводу сообщает (неизд. письмо) такие детали: «Корректуру «Земли и Воли» и «Нар. Воли» взял на себя Абрам. Он придерживался правила, что слова, по возможности, должны пи-

саться так, как они произносятся. Миллион, напр., он исправлял в «мильен». Никто из типографщиков и редакторов, не придавая этому особого значения, в корректурные дела Абрама не вмешивался, тем более что он весьма яро отстаивал правильность своего правописания, ссылаясь на учебник грамматики какого-то преподавателя русского языка в одной из петербургских гимназий». При вооруженном сопротивлении 17 января 1880 г. Лубкин застрелился. О нем см. у С. А. Ивановой — в «Былом», 1906, кн. IX, у Степняка — в «Подпольной России», у Любатовин — в «Былом», VI кн., у Н. К. Буха — в «Воспоминаниях» (М. 1928) и в № 8-9 «Кат. и С.» за 1929 г., ст. «Первая типография Нар. Воли».

Любатович Ольга Спиридоновна (1854—1909). Член Исполнит. Комитета (до отъезда за границу в 1880 г.). Была сотрудницей Н. А. Морозова по составлению им хроники арестов в первых трех номерах «Народной Воли». Оставила воспоминания о 70-х гг., в «Былом», 1906 г., кн. V и VI.

Майнов Иван Иванович, род. в феврале 1861 года. Принадлежал к саратовскому «Центральному кружку», руководившему революционной работой в губернии. Этот кружок вступил в сношения с Исполнит. Комитет. и доставлял материал для газеты «Народная Воля», а в октябре 1880 г. через посредство Вл. Ал. Жебунева формально вступил в партию. Личный состав кружка: М. П. Троицкий, Е. Х. Томилова, штабс-капитан А. Н. Дудинский, И. И. Майнов, П. С. Поливанов (впоследствии шлиссельбуржец), А. П. Ювенальев и др. Корреспонденции в «Нар. Волю» писал М. П. Троицкий (см. ниже). Этим же кружком была доставлена в «Нар. Волю» речь председателя саратовского губ. земск. собрания Федоровского, произнесенная в декабре 1880 г. «Если память мне не изменяет, — сообщает И. И. Майнов, — то, кажется, это я ее передал» (неизд. письмо). Арестованный в 1881 г. и преданный военному суду Майнов получил 15 лет работы в рудниках, затем приговор был смягчен. Отбывал наказание Майнов в Иркутской губ. и затем в Якутской области. О его якутской жизни см. справку по официальным данным у М. А. Кротова — «Якутская ссылка 70-х—80-х гг.» и воспоминания Ф. Я. Кона в «Кат. и С.» за 1929 г. Автобиография Майнова — в словаре Граната, воспоминания — в «Былом», 1906 г., кн. II—«Народовольческая пропаганда среди московских рабочих в 1881 г.» (напечатана под псевдонимом «Н. Волкова»); в «Минувш. Годах», 1908, кн. I, III и IV — «Саратовский семидесятник П. С. Поливанов» (за подписью «Саратовец»), в «Былом», кн. XVIII, XX, XXI, за 1919—1922 гг. — «На закате народовольчества». См. также предисло-

вие И. И. Майнова к книге П. С. Поливанова «Алексеевский равелин», изд. 1925 г.

Маркс и Энгельс. Ими было помещено в «Народной Воле», в № 8-9, предисловие к русскому изданию «Коммунистического манифеста». В письме к П. Л. Лаврову от 23 января 1882 года Маркс пишет: «При сем прилагаю несколько строк к русскому изданию «Коммунистического манифеста». Так как это еще нужно переводить на русский язык, то они написаны не таким слогом, который был бы необходим для опубликования их на немецком языке» («Летописи марксизма», 1928 г., кн. V, стр. 31). В письме к тому же Лаврову от 10 апреля 1882 г. Ф. Энгельс говорит от своего имени и от имени Маркса по поводу помещения «Предисловия» в «Народной Воле»: «Мы гордимся, что состоим ее сотрудниками» (там же, стр. 39). Автограф предисловия был помещен в № 22 журнала «Былое» за 1923 г.

Минский Н. М. Поэт. Автор стихотворного отрывка «Последняя исповедь», напечатанного в № 1 «Народной Воли». В 1907 году этот отрывок перепечатан в полном собрании стихотворений Минского, изд. Пирожкова. См. т. I — «Белые ночи», отдел «Гражданские стихотворения».

Михайлов Александр Дмитриевич (1855—1884). Крупнейший революционер эпохи «Земли и Воли» и «Народной Воли», гениальный политический деятель и организатор. Его характеристика дана в книге А. П. Корба-Прибылевой и В. Н. Фигнер «Народоволец А. Д. Михайлов» (Ленингр. — Москва, 1925). В 1879—1880 гг. Михайлов организовал одну за другой три типографии для газеты «Нар. Воля» — в Саперном переулке, на Подольской, в доме № 11, и на Подольской же, в доме № 41. Лично сам поддерживал сношения всех этих типографий с внешним миром. Принимал также участие в собирании материала для газеты и в общей редакционной работе. Михайлову принадлежит текст извещения Исп. Комитета об агентах III Отд., напечатанный в № 4 «Народной Воли». Привлекался по процессу 20-ти, приговорен к смертной казни, замененной бессрочным заключением, умер 18 марта 1884 г. в Алексеевском равелине.

Михайловский Н. К. (1842—1904). Публицист, социолог, литературный критик, теоретик народничества 70-х—80-х гг. Один из редакторов и ближайших сотрудников журнала «Отеч. Записки». Одновременно состоял сотрудником и редактором газеты «Народная Воля». Наиболее близким газете «Народная Воля» как редактор и сотрудник был в 1879—1881 годах. Редактировал также «Письмо Исполнительного Комитета к Александру III», написанное Тихомировым. Михайловскому принадлежат в «Народной Воле» и в «Листках Нар. Воли» следующие

произведения: в №№ 2 и 3 — «Политические письма социалиста», два письма, первое размером в 12 тыс. б. и второе — в 11 тыс. б., оба за подписью «Гроньяр»; в № 2 «Листка Нар. Воли», от 20 августа 1880 г. — статья «К характеристике Лорис-Меликова», без подписи, размер — 11 тыс. б.; в № 3 «Листка Нар. Воли», от 20 сент. 1880 г.—статья «Еще о лисьем хвосте», без подписи, размер — 6 тыс. б.; в № 10 «Народной Воли» — статья «Закрытие Отеч. Записок», без подписи, размер — 6 тыс. б. Кроме того, Михайловскому принадлежит ряд отдельных заметок в отделе «Мелочи» в №№ 2 и 3 «Народной Воли», установить которые полностью не представляется возможным. Допустимо также, что ему же принадлежит статья «О хищениях», в приложении к № 1 «Листка Нар. Воли», от 20 июля 1883 года. Во всяком случае в это время он продолжал, по свидетельству М. П. Шебалина, сотрудничать в «Народной Воле» или, точнее, в «Листках Нар. Воли», которые тогда (летом и осенью 1883 года) выходили. Точно так же И. И. Попов сообщает, что от Михайловского должна была поступить статья для подготовлявшегося в выходу № 11 «Народной Воли». Умер Михайловский 28 января 1904 года.

Морейнис-Муратова, Ф. А. К ней обращено «Специальное послание к***» Виттенберга, напечатанное в № 1 «Нар. Воли», через нее и через брата ее М. А. Морейнис получено также письмо Виттенберга к товарищам, помещенное в том же номере. См. об этом в «Автобиогр.», Словарь Граната, стр. 301, 288—289; также «Былое», № 6 за 1925 г.

Морозов Николай Александрович, родился в 1856 году. В революционном движении принимает участие со времен чайковцев. В 1878—79 гг. входит в состав редакции «Земли и Воли» и затем «Листков Земли и Воли». С 1879 года — редактор и один из главных сотрудников первых трех номеров «Народной Воли». В «Народной Воле» Н. А. Морозову принадлежат следующие произведения: в № 1, от 1 октября 1879 г., заявление «От редакции» (произведение редакционно-коллективное, но в основу положен текст Н. А. Морозова, и им же дано окончательное литературное оформление этому документу); там же в № 1 — заявление от Исполнительного Комитета о Рачковском (текст Н. А. Морозова); там же в № 1 — «Хроника преследований» (литературная обработка в сотрудничестве с О. С. Любатович). В № 2 «Народной Воли» — статья (без заглавия) по поводу смертных казней весны и лета 1879 г., без подписи, размером 6,5 тыс. б.; извещение от Исполнительного Комитета об агенте Семеко-Максимовском; статья «Биографические заметки о Валериане Осинском» (литературная обработка

Н. А. Морозова по материалу, предоставленному А. А. Осинской); заметка «Два слова о генерал-губернаторстве» (предисловие к документу, текст Н. А. Морозова); «Хроника преследований» (тоже в сотрудничестве с О. С. Любатович). Кроме того, в № 2 «Нар. Воли» Н. А. Морозову принадлежит передовая статья «10 ноября 1879 года», без подписи, размер — 19 тыс. б. В № 3 «Народной Воли» — извещение об агентах III отделения и «Хроника преследований». Общая редакция этих трех номеров «Народной Воли» принадлежит также Н. А. Морозову. Арестованный в январе 1881 года при переходе границы, Н. А. Морозов вышел на свободу, после Шлиссельбурга, лишь в октябре 1905 года, после 25-летнего заключения в Петропавловской крепости (камера № 9), Алексеевском равелине и Шлиссельбурге. Его дальнейшая деятельность общеизвестна, как самого популярного в настоящее время из революционеров 70-х гг.

Оболешев Алексей Дмитриевич, он же «Сабуров» (1854 — 1882). Член «Основного кружка» общества «Земля и Воля», один из наиболее крупных деятелей той эпохи. Будучи арестован в октябре 1878 г. и находясь в заключении в Петропавловской крепости, Оболешев «заведывал там сношениями с волей» по выбору товарищей (сообщение А. Ф. Михайлова) и передавал через Н. Н. Богородского материал для газеты «Народная Воля». Оболешева тот же А. Ф. Михайлов, а также Н. К. Бух считают автором корреспонденции о «бунте» в Петропавловской крепости, в № 1 «Народной Воли» (см. выше имя «Буланов»), написанной на самом деле Булановым. Умер Оболешев в Петропавловской крепости в 1882 г. Об Оболешеве см. у Н. С. Тютчева — «Революционное движение 70-х—80-х гг. и другие воспоминания», изд. О-ва политкаторжан, Ленинград, 1925, статья «Разгром Земли и Воли в 1878 г.», и у О. К. Булановой — «Три поколения», Госиздат, 1928, в гл. «Воспоминания».

Оржих Борис Дмитриевич, родился в ноябре 1864 г. Принимал наиболее деятельное участие в организации на юге России в 1885 г. народовольческих групп, в постановке типографий в Таганроге и Новочеркасске, в издании № 11-12 «Народной Воли» и в собирании для него литературного материала. Арестован в начале 1886 г. в Екатеринославе, при аресте оказал вооруженное сопротивление. Судился осенью 1888 г. в петербургском военно-окружном суде и приговорен к бессрочным каторжным работам. Наказание отбывал в Шлиссельбурге. После подачи прошения о помиловании освобожден в 1898 г. Написал воспоминания о своей деятельности (не напеч.). О нем см. воспомина-

ния А. А. Макаревского «Последние усилия» в «Путях Рев.», кн. II—III за 1926, а также см. воспоминания А. Н. Шехтер, в сб. «Народовольцы после 1 марта».

Осинская Анастасия Андреевна. Доставила в «Народную Волю» материал для биографии своего брата, Валериана Осинского, напечатанный в № 2 в обработке Н. А. Морозова. К ней же относится упоминание о «сестренке» в письме-завещании Вал. Осинского. Была в 1883 г. вместе с Феофаном Крыловым (Воскресенским) хозяйкой народовольческой типографии, организованной в Харькове В. Н. Фигнер. Арестована по предательству Дегаева. Покончила с собой в Петербурге в Доме предварительного заключения 31 октября 1883 г. О ее самоубийстве см. в «Вестн. Нар. Воли», II, 176.

Ошанина Мария Николаевна, ур. Оловенникова. По политическим воззрениям — якобинка из кружка Зайчневского (шутливое прозвище «М-м Якобсон»). Принимала участие в «Земле и Воле» и в «Народной Воле». В последней — член Исполнит. Комитета. В московский период «Народной Воли» принимала участие в редактировании газеты, и при ее ближайшем сотрудничестве написана первая передовая статья в № 8-9 «Народной Воли» с формулировкой идеи о «захвате власти». В 1882 г., во время февральских арестов, успела скрыться и затем выехала за границу. Умерла в Париже в 1898 году.

Плеханов Г. В. (1856—1918). Главный теоретик и создатель русской социал-демократии. В революционном движении — с середины 70-х гг. Член о-ва «Земля и Воля» и «Черный Передел». Объявление об издании газеты «Черный Передел», помещенное в № 1 «Народной Воли», написано Плехановым. О своих отношениях к газете «Народная Воля» Г. В. Плеханов впоследствии сообщал следующее: «Еще в 1881 году я послал в редакцию «Народной Воли» рецензию на брошюру Драгоманова «Les tyrannicides en Russie», вышедшую вскоре после смерти Александра II. Редакция не напечатала этой рецензии, не желая, — как писала она мне, — «поднимать полемику», но благодарила за сочувственное отношение к памяти деятелей 1 марта и приглашала к дальнейшему сотрудничеству» (соч. Плеханова, т. XIII, стр. 28).

Переляев. Студент Дерптского ун-та. В квартире его помещалась в Дерпте типография №10 «Народной Воли».

Романенко Г. Г. (1855—1927). После 1 марта — член Исполнит. Комитета. Автор передовой статьи и «Внутреннего обозрения» в № 6 «Народной Воли» (окт. 1881). Обе статьи напечатаны без подписи, размер обозрения — 41 тыс. б. О Рома-

ненко см. ст. С. Н. Валка в № 11 «Каторги и Ссылки» за 1928 год.

Саблин Н. А. (1850—1881). В революционном движении с начала 70-х годов. Агент Исп. Комитета. Первомартовец. Хозяин конспиративной квартиры на Тележной ул. Поэт. Для «Нар. Воли» им написан (при весьма вероятном сотрудничестве Юр. Н. Богдановича) фельетон —«Дневник императора самодержца всероссийского». Напечатан в № 3 «Листка Нар. Воли» от 20 сент. 1880 г., без подписи, размер — 6 тыс. б. Саблину принадлежит также поэма «Новь», в № 1 сб. «На родине», перепечатана в № 9-10 «Былого» (Париж, апр.—май 1910). «Николай Алексеевич, — говорит о Саблине А. П. Корба, — обладал поэтическим талантом, и его стихотворения печатались в сборниках 70-х гг. Самое большое из них по размерам носит название «Поток». В нем рисуется молодежь времен хождения в народ, расправа с пропагандистами и их муки по тюрьмам» (Воспоминания о «Нар. Воле», изд. 1925, стр. 46). О стихотворениях Саблина и его замечательном версификаторском таланте пишет также Н. А. Морозов в «Повестях моей жизни», том II, в главах о заграничной жизни, в Женеве. Здесь дан яркий портрет Саблина и приведено несколько его талантливых стихотворных импровизаций. См. еще воспоминания М. Эльциной-Зак- в «Кат. и С.», кн. XII, стр. 127—128. Живой и насмешливый ум Саблина, натура, полная заразительного веселья, сказались и в его «Дневнике» в «Листке Нар. Воли». Неразлучным его партнером в этой области бывал обычно Юр. Н. Богданович (поскольку этому не мешали, конечно, конспиративные условия жизни), вместе с которым он нередко, как и в данном случае, создавал свои импровизации. Через Саблина была получена также «Последняя исповедь», напечатанная в № 1 «Народной Воли». Одно сатирическое, очень яркое и остроумное по содержанию стихотворение Саблина приводит также Иванчин-Писарев в своих воспоминаниях о Михайловском, в № 1 «Заветов» за 1914 год (см. в отдельном издании «Мол. Гв.». стр. 282). О его отношениях с Богдановичем говорит А. П. Корба: «Лучшим другом и товарищем его был Ю. Н. Богданович. Их соединяли общие черты характера, общие симпатии и стремления» (ук. соч., 47). Роль Саблина в революционном движении 70-х гг., в частности в террористической борьбе «Н. Воли», обрисована у Б. Н. Фигнер в «Зап. труде», ч. I (по именному указат.). При аресте конспиративной квартиры на Тележной ул., выданной Рысаковым, 3 марта 1881 г. Саблин застрелился.

Сажина-Фигнер Евгения Николаевна. Вместе с А. А. Квятковским занималась распространением и рассылкой «Нар. Воли»,

которую прямо из типографии приносили к ним на квартиру (в Лештуковом пер.). Относительно показаний Квятковского, приведенных у нас в тексте, Е. Н. сообщает в письме от 18 февр. 1929 г.: «Я не видала и не замечала, чтобы Квятковский дома занимался корректурной работой «Народн. Воли». К нам, кроме запаса чистой бумаги для печатания, ничего не приносили, приносили лишь совершенно готовые номера «Нар. Воли», которые мы распространяли и рассылали. В каком количестве был тираж газеты, я тоже не знаю, но думаю, что Квятковский был прав, называя свои цифры». Вообще же корректором, по словам Н. К. Буха, был наборщик Лубкин, впоследствии застрелившийся при аресте. Таким образом в этом случае показания Е. Н. Сажиной и Н. К. Буха противоречат показаниям Н. А. Морозова, приведенным у нас в тексте.

Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович. Сатирик. В комментариях и примечаниях Иванова-Разумника к VI тому сочинений Салтыкова, выпущенному Гизом в 1927 году, указывается на статьи о «Лиге добровольцев-шпионов» в № 8-9 «Нар. Воли». «Почти несомненно, — говорит по этому поводу Иванов-Разумник, — что и приведенное выше сообщение о «Священной Дружине», напечатанное в февральских номерах «Народной Воли» за 1882 г., было информацией, так или иначе исходившей от Салтыкова» (стр. 686—688). Так как в этом предположении нет ничего невероятного, то мы и находим нужным внести в наш список имя великого русского сатирика. Статьи о «Лиге», о которых говорит Иванов-Разумник, принадлежали, как видно из нашего «Справочника», В. С. Лебедеву (см. это имя).

Сигида Аким Степанович (1864—1888). Хозяин, наборщик и печатник таганрогской типографии, в которой печатался № 11-12 «Нар. Воли». Арестован по предательству Остроумова, 23 янв. 1886 г. Подробный доклад о нем гр. Толстого Александру III напечатан у Р. М. Кантора, в № 4—7 «Путей Револ.» О деятельности Сигиды см. также сб. «Народовольцы после 1 марта» (по именному указат.). Приговорен к пожизненной каторге. Умер в харьковской тюрьме в 1888 г.

Сигида-Малаксиано Надежда Константиновна (1863-1889). Хозяйка и наборщица таганрогской типографии. Приговорена к 8 годам каторжных работ. Покончила с собой на Каре. Умерла 7 ноября 1889 г. Имя ее фигурирует во всех воспоминаниях о так называемой карийской трагедии. Список литературы см. у А. А. Шилова в книге «Что читать по истории револ. движ.». Характеристику Сигиды см. у М. Полякова — «Образы минувшего», в кн. XXIV «Кат. и С.», стр. 296—300.

Степанов Е. Д. Киевский народоволец середин ы80-х гг. Автор корреспонденции из Киева в № 11-12 «Нар. Воли». Большая корреспонденция в 20 тыс. б., без подписи. О нем см. у М. П. Шебалина в статье «Киевский процесс 12 народовольцев в 1884 году», в сб. «Народовольцы 80-х и 90-х гг.» (Москва, 1929). Там же в примечании на стр. 73 — об авторстве Степанова. Воспоминания самого Е. Д. Степанова о деле Ландезена в Париже в 1890—91 гг. см. в «Каторге и Ссылке» за 1927 г.

Суровцев Дмитрий Яковлевич (1852—1924). Шлиссельбуржец. Наборщик в московской типографии «Народной Воли» и в одесской типографии Дегаева. Арестован 19 дек. 1882 г. Судился по процессу 14-ти. Приговорен к 15 годам каторжных работ. Отбывал наказание в Шлиссельбурге. Умер в Тотьме в 1924 г. Характеристику его см. у В. Н. Фигнер — «Зап. труд», ч. II. (по именн. ук.).

Терентьева Людмила Дементьевна (1862—1882). Наборщица в двух типографиях «Нар. В.» на Подольской ул. О ней см. в ст. П. С. Ивановской в XXIV кн. «Каторги и Ссылки».

Тиличеев Юрий Дмитриевич. Студ.-филолог, народоволец, впоследствии ректор Харьковского ун-та. Умер в 1915 г. Ему принадлежит корреспонденция из Харькова в № 11-12 «Народной Воли», без подписи, размер — 8 тыс. б. О нем см. в сб. «Народовольцы после 1 марта» (по именн. ук.).

Тихомиров Лев Александрович (1852—1923). Член Исп. Комитета, редактор и сотрудник «Нар. Воли», впоследствии ренегат. «Нар. Волю» редактировал в 1879—1882 гг., с № 1 до отъезда за границу. В «Нар. Воле» ему принадлежат следующие произведения: 1) передовая статья в № 1, за сент. 1879 г., с эпиграфом: «Delenda est Carthago», без подписи, 2) «На чьей стороне нравственность? — Объяснение с литературными и иными охранителями»—в № 22 «Нар. В.», 3) передовая статья и статья «Кошачий концерт» в № 3, без подписи, 4) «К статистике государственных преступлений в России», две статьи в №№ 4 и 5 «Нар. Воли», обе без подписи, 5) передовая статья в № 4 «Нар. Воли», о желательной роли народных масс в революции, 6) передовая статья в № 5 «Народн. Воли» — «Политическая революция и экономический вопрос», 7) передовая статья (вторая) в № 6 «Нар. Воли» — «С чего начать преобразования», 8) передовая статья в № 7 «Нар. Воли», о выступлении на Хурском конгрессе «Русского Гостя» (Аксельрода), без подписи, 9) обе передовые статьи в № 10 «Нар. Воли», первая — о Дегаеве, и вторая — «О задачах деятельности партии в народе». Затем с огромной долей достоверности можно приписать Тихомирову передовые статьи в №№ 1, 2 и 3 «Листков» за 1880 г.

Тринидатская Екатерина Михайловна, род. в 1853 г., девичья фамилия «Станалова». Землеволка, наборщица в таганрогской типографии «Нар. Воли». Приговорена к 12 годам кат. раб., на Каре заболела психически, умерла в Иркутске, год смерти неизвестен. О ней у Н. К. Буха — «Воспомин.», стр. 35, и в сб. «Народовольцы после 1 марта» (по именн. ук.).

Троицкий М. П., член саратовского «Центрального Кружка», автор корреспонденций из Саратова в №№ 6 и 8-9 «Народной Воли». Обе без подписи, и обе размером по 6 тыс. б. См. также имя «Майнов». Биографические сведения о Троицком см. в книге Б. П. Козьмина «Револ. подполье в эпоху белого террора» (изд. О-ва политкаторжан, М. 1924), стр. 125—154, а также в № 4 «Кат. и С.» за 1929г ., стр. 188— 192.

Трусевич. Наборщик в типографии М. П. Шебалина. См. о нем брошюру «Летучая типография «Нар. Воли» в 1883 г.», стр. 18, 29—30.

Федорова Устинья Николаевна. Наборщица в таганрогской типографии «Нар. В.», где печатался № 11-12. Приговорена к смертной казни, замененной 10 годами каторжных работ. С пути на каторгу, в Тюмени бежала и эмигрировала. С тех пор живет в Париже. О ней см. в воспоминаниях Тана-Богораза в «Русск. Бог.» за 1907 г., кн. X, и в воспоминаниях Оржиха (не изд.).

Цукерман Лазарь Иосифович (1852—1887). Наборщик в типографии в Саперном пер., судился по процессу 16-ти, приговорен к 15 годам кат. работ, сокращенных до 8 лет. Отбывал наказание на Каре, поселение в Якутской обл. Покончил там самоубийством: 18 июля 1887 г. утопился в р. Амге. О нем см. у Ивановой-Борейша — «Был.», 1906 г., IX, и в «Кат. и Ссылке», VI кн. 1926 г., стр. 229—232.

Чернявская-Бохановская Г. Ф., род. в апреле 1854 г. В революционной деятельности—с 1875 года, в «Народной Воле»—с июля 1879 г. По убеждениям «якобинка». В 1880—1882 гг.—хозяйка московской типографии «Нар. Воли», в которой печатались №№ 6, 7 и 8-9 этого органа. В 1883 г. выехала за границу. В 1926 году написала автобиографию для Словаря Граната и в расширенном виде — для «Каторги и Ссылки», кн. XVI, XVII и XVIII.

Шебалин Михаил Петрович, род. в 1857 г., корректор, печатник и хозяин летучей типографии «Народной Воли» в 1883 г. Шлиссельбуржец. Судился по процессу 12-ти в киевском окружном суде в ноябре 1884 г., с декабря 1884 г.—в Шлиссельбурге. В 1925 г. написал автобиографию для Словаря Граната. См. так-

же его статьи в «Былом», 1907 г., кн. I (есть отд. изд.), и в сб. «Народовольцы после 1 марта».

Штернберг Лев Яковлевич (1861—1927). В 1881—1882 гг. состоял членом «Центрального Кружка Народной Воли» в Петербургском ун-те. В 1882 г. был арестован и выслан из Петербурга. Приехал в Одессу. В 1884 году написал и опубликовал брошюру «Политический террор в России». В 1885 г. участвовал в съезде южной группы народовольцев в Екатеринославе, в то же время принимал участие в издании и редактировании № 11-12 «Народной Воли». В самом этом номере ему принадлежит: передовая статья «Петербург, 1 октября», без подписи, размер—17 т. б., и корреспонденция из Одессы «5 декабря 1885 г.», без подписи, размер — 14 тыс. б. Арестован в 1886 году. После трех лет заключения получил 10 лет ссылки на Сахалин. На Сахалине его сначала поселили в порте Александровском, но за постоянное заступничество за товарищей-политкаторжан он был выслан на север, на береговой кордон, где ловили беглых каторжников. «Получилась ссылка в квадрате», как говорит его биограф. Но на этом же кордоне начался второй этап биографии Штернберга — его этнографическая работа, которая явилась, по словам Богораза-Тана, «крупной главой в мировой этнографии». Его наблюдения над сахалинскими гиляками «сразу же обратили на себя внимание не только русских, но и западных ученых, в том числе Фр. Энгельса, посвятившего открытиям Штернберга специальную статью в «Neue Zeit» и вступившего с автором в переписку». Умер Л. Я. Штернберг 14 августа 1927 г. профессором ЛГУ.

Якубович П. Ф. (1861—1910). Литературные псевдонимы: «П. Мельшин», «П. Я.», «П. Ф. Гриневич». Автор книги «В мире отверженных», трех томов «Стихотворений» и ряда литературно-критических статей. В революционном движении с конца 1870-х гг., с того же времени начал печатать свои стихи, первоначально в революционных изданиях, а потом в журнале «Отеч. Записки». В «Народной Воле» ему приипсывают стихотворение «Песнь гражданки.—Посвящается женам, не просящим помилования своим мужьям», в № 3 от 1 января 1880 г., и стихотворение «Матери», за подписью «В. Х. К—ов», в № 6 «Народной Воли», от 23 октября 1881 года. В 1883—1884 гг. Якубович принимает ближайшее участие в народовольческом движении, сначала как один из главных организаторов и руководителей «Молодой Народной Воли», а затем как член лопатинской организации по изданию, составлению и редактированию № 10 «Народной Воли». «10 июня (1884) он отправляется, — говорится об этом в обвинительном акте об Якубовиче, — вместе с пред-

ставителями «Нар. В.» в Дерпт и становится там литературным посредником между типографией и редакцией». В числе бумаг, найденных при обыске в дерптской типографии, оказались, между прочим, рукописи: арестная хроника, отчет о суммах, поступивших на дело народного освобождения, и некоторые другие, писанные рукой Якубовича. Кроме того, он вел редакционную корреспонденцию и помогал в просмотре рукописей и корректур и главным образом в приведении в порядок и обработке литературного материала. Биограф Якубовича К. Оберучев (см. его статью в «Голос Мин.», 1914 г., кн. VII—«Год жизни П. Ф. Якубовича») утверждает «на основании слов лица, близко знавшего П. Ф-ча в этот период его жизни», что он был не только «литературным посредником», как говорится в выше цитированном месте из обвинительного акта, а и редактором и автором многих статей в №10 «Нар. В.» и даже наборщиком в типографии Переляева, в которой в Дерпте этот номер печатался. Что Якубович был также и наборщиком, вместе с Переляевым, а также принимал участие в редакционной обработке хроникерского материала, совершенно верно, но статей за отдельными заглавиями в № 10, принадлежащих Якубовичу, не было. Кроме указанного материала, Якубовичу принадлежит в № 10 письмо «Молодой Народной Воли», напечатанное в порядке официального документа, но не статьи. В 1887 г. был приговорен по делу Лопатина к 18 годам каторжных работ. Отбывал наказание на Каре и в Акатуе—«Шелаевский рудник» в его «Мире отверженных». В 1899 г. вернулся в Петербург. См. о нем ст. С. Н. Валка «К истории процесса 21», в кн. XXXVI, «Кр. Арх.».

Фомин — имя, отчество и дата рождения неизвестны. Наборщик в московской типографии «Нар. В.». О нем упоминает Г. Ф. Чернявская в своей автобиографии в Словаре Граната, на стр. 597.

СПРАВОЧНИК К ОГЛАВЛЕНИЮ ГАЗЕТЫ «НАРОДНАЯ ВОЛЯ»

„НАРОДНАЯ ВОЛЯ“ № 1

1—4 октября 1879 г.

1. От Редакции.—Без подписи. Размер—3000 букв. (Составлялось коллективно, литературное оформление принадлежит Н. А. Морозову).

2. От Исполнительного Комитета. — Извещение о Рачковском.—Без подписи. (Текст Н. А. Морозова).

3. Передовая статья.—Петербург, 20 сент. 1879 г.—Без подписи. 18 тыс. б. (Автор—Лев Тихомиров).

4. Письмо Виттенберга.

5. Речь Овчинникова.

6. Из деревни.—Подпись «Кудряшев».—32 тыс. б. (Автор—А. И. Иванчин-Писарев).

7. Последняя исповедь.—Отрывок из драмы в стихах.—Без подписи. 13 тыс. б. (Автор—Н. М. Минский).

8. Из недавнего прошлого.—«Бунт» в Петропавловской крепости.—Без подписи. 18 тыс. б. (Автор—Л. П. Буланов).

9. Циркуляр М. В. Д. от 16 июля.—Без подписи. 9,5 тыс. б. (Автор—С. Н. Кривенко).

10. Корреспонденции: Из Пудожа.—Из Екатеринослава.—Из Полтавы.—Из Вятки.

11. Хроника преследований: Киев.—Одесса.—Харьков.—Петербург.

(Отдел корреспонденций и хроника преследований обрабатывались для печати Н. А. Морозовым совместно с О. С. Любатович).

12. Официальный документ.—Копия с предложения г. Управляющего Мин. нар. просв. от 29 авг. 1879 г.

13. От редакции.
14. Объявление о «Черном Переделе». (Автор—Г. В. Плеханов).

„НАРОДНАЯ ВОЛЯ“ № 2

20 ноября 1879 г.

15. Передовая статья.—10 ноября 1879 г.—Без подписи. Размер—19 тыс. б. (Автор—Н. А. Морозов).
16. По поводу смертных казней весны и лета 1879 г. — Без подписи. 5 тыс. б. (Автор—Н. А. Морозов).
17. Политические письма социалиста.—Письмо 1-е.—Подпись: «Гроньяр». 12 тыс. б. (Автор—Н. К. Михайловский).
18. На чьей стороне нравственность?—Объяснение с литературными и иными охранителями.—Без подписи. 18 тыс. б. (Автор—Лев Тихомиров).
19. От Исполнительного Комитета.—Извещение об агенте Семеко-Максимовиче. (Текст Н. А. Морозова).
20. Биографические заметки о Валериане Осинском.—Без подписи. 32 тыс. б. (По материалам, доставленным А. А. Осинской, подготовил к печати Н. А. Морозов).
21. Корреспонденции: Из Воронежа.—Из Перми.—Из Иркутска.—Из Симферополя.
22. Два слова о генерал-губернаторстве.—Без подписи. 6,2 тыс. б. (Редакционное предисловие Н. А. Морозова).
23. По пути мирного развития.—Без подписи. 7,5 тыс. б.
24. Университетские дела.—Без подписи. 6,3 тыс. б.
25. Хроника преследований.—Без подписи. 22 тыс. б. (Н. А. Морозов и О. С. Любатович).
26. Дело Мирского.—Без подписи. 11 тыс. б.
27. Мелочи.—Без подписи 11 тыс. б. (Материал и часть заметок—Н. К. Михайловского).
28. Ответы и заявления.
29. Объявления.

„НАРОДНАЯ ВОЛЯ“ № 3

1—14 января 1880 г.

30. Передовая статья.—25 декабря 1879 г.—Без подписи. Размер—17 тыс. б. (Автор—Лев Тихомиров).
31. Программа Исполнительного Комитета.—11 тыс. б. (Автор первоначального текста—Лев Тихомиров, вообще же произведение коллективное).

32. От Исполнительного Комитета.—Извещение о покушении 19 ноября 1879 г.

33. От Исполнительного Комитета.—Извещение об агентах III Отд. (Автор—Н. А. Морозов).

34. Политические письма социалиста.—Письмо 2-е.—Подпись: «Гроньяр». 11 тыс. б. (Автор—Н. К. Михайловский).

35. Письмо одного из французских социалистов.—Без подписи. 8 тыс. б.

36. Кошачий концерт.—Без подписи. 20 тыс. б. (Автор—Лев Тихомиров).

37. Песнь гражданки.—Посвящается женам, не просящим помилования своим мужьям.—Без подписи.

38. Корреспонденции: Из Москвы, 1 дек.—Из Москвы, 3 дек.—Из Одессы, 2 дек.—Из Одессы, 1 янв.—Из Харькова.—Из Орла.—Из Минска.

39. Хроника преследований. (Автор—Н. А. Морозов).

40. Мелочи.

41. Ответы и заявления.

„ЛИСТОК НАРОДНОЙ ВОЛИ“ № 1

1 июня 1880 г.

42. От Исполнительного Комитета.

43. Обзор событий.—Без подписи. Размер—31 тыс. б. (Автор—Лев Тихомиров).

44. Отчет о суммах, поступивших на борьбу за народное освобождение.

„ЛИСТОК НАРОДНОЙ ВОЛИ“ № 2

20 августа 1880 г.

45. Передовая статья.—10 августа.—Без подписи.—Размер—10,5 тыс. б. (Автор—Лев Тихомиров).

46. К характеристике Лорис-Меликова.—Без подписи. 11 тыс. б. (Автор—Н. К. Михайловский).

47. От Исполнительного Комитета.—Извещение об агентах III Отделения.

48. Внутреннее обозрение.—Без подписи. 11 тыс. б. (Автор—А. П. Корба).

49. Хроника преследований.

50. Правительственный документ.

„ЛИСТОК НАРОДНОЙ ВОЛИ“ № 3

20 сентября 1880 г.

51. Передовая статья.—12 сентября 1880 г.—Без подписи. Размер—12 тыс. б. (Автор—Лев Тихомиров).

52. Внутреннее обозрение.—Без подписи. 20 тыс. б. (Автор—М. Ф. Ланганс).

53. Еще о лисьем хвосте.—Без подписи. 6 тыс. б. (Автор—Н. К. Михайловский).

54. Дневник императора самодержца всея России.—Фельетон.—Без подписи. 6 тыс. б. (Автор—Н. А. Саблин при возможном сотрудничестве Ю. Н. Богдановича).

„НАРОДНАЯ ВОЛЯ“ № 4

5—14 декабря 1880 г.

55. От Исполнительного Комитета.—О казни Квятковского и Преснякова.

56. От Исполнительного Комитета.—Об агентах III Отд. (Текст А. Д. Михайлова).

57. Передовая статья.—25 ноября 1880 г.—Без подписи. Размер—12 тыс. б. (Автор—Лев Тихомиров).

58. Заявление группы народников.

59. Признаки голода.—Без подписи. 12 тыс. б. (Автор — А. П. Корба).

60. По поводу процесса 16-ти.—Без подписи. 18 тыс. б.

61. Стихотворение «После казни 4 ноября».

62. Памяти А. Квятковского.—Без подписи. 6,5 тыс. б.

63. Резолюция Гаврского конгресса.

64. К статистике государственных преступлений.—Без подписи. 14 тыс. б. (Автор—Лев Тихомиров).

65. Официальный документ о сенаторской ревизии.

66. От Гмины польских социалистов.

67. Примечание Редакции «Нар. Воли» к заявлению Гмины.

„НАРОДНАЯ ВОЛЯ“ № 5

5 февраля 1881 г.

68. От Исполнительного Комитета.—Извещение об агентах III Отделения.

69. Передовая статья.—2 февраля 1881 г.—Без подписи. Размер—9 тыс. б. (Автор—Лев Тихомиров).

70. Политическая революция и экономический вопрос.—Подпись: «А. Дорошенко». 14 тыс. б. (Автор—Н. И. Кибальчич).

71. К статистике государственных преступлений.—Без подписи. 23 тыс. б. (Автор—Лев Тихомиров).

72. Из деревни.—Подпись: «Кудряшев». 13 тыс. б. (Автор—А. И. Иванчин-Писарев).

73. Дмитрий Андреевич Лизогуб.—Биографический очерк.—Без подписи. 23 тыс. б.

74. Последние события в университете.—Без подписи. 8,5 тыс. б.

„ЛИСТОК НАРОДНОЙ ВОЛИ" № 1

22 июля—2 августа 1881 г.

75. От Исполнительного Комитета.

76. От Редакции.

77. Передовая статья.—Петербург, 15 июля.—Без подписи Размер — 17 тыс. б. (Автор—В. С. Лебедев).

78. Из деревни.—Без подписи. 17 тыс. б. (Автор—В. А. Жебунев).

79. Хроника арестов.—Без подписи. 8,5 тыс. б.

80. Отчеты о суммах.

„НАРОДНАЯ ВОЛЯ" № 6

23 октября 1881 г.

81. От Исполнительного Комитета.

82. Передовая статья (первая).—Петербург, 2 октября.—Без подписи. Размер—11 тыс. б. (Автор—Г. Г. Романенко).

83. Передовая статья (вторая).—Без подписи. 21 тыс. б. (Автор—Лев Тихомиров).

84. Внутреннее обозрение.—Без подписи. 41 тыс. б. (Автор—Г. Г. Романенко).

85. Корреспонденция: Из Саратова.—Без подписи. (Автор—М. П. Троицкий).

86. Стихотворение «Матери».—Подпись: «В. Х. К—ов». (Автор—П. Ф. Якубович).

87. Корреспонденция из Воронежа.—Без подписи. 14 тыс. б. (Автор неизвестен).

88. Корреспонденции: Ярославль, 15 августа. (Автор — В. С. Лебедев).—Ялта, 12 сентября. (Автор—В. С. Лебедев).

89. Мелкие известия.
90. Отчет о суммах.

„НАРОДНАЯ ВОЛЯ“ № 7

23 декабря 1881 г.

91. Извещения Исполнительного Комитета.
92. Извещение от Красного Креста партии «Нар. Воля».
93. Передовая статья (о конгрессе в Хуре).—Без подписи. Размер—11 тыс. б. (Автор—Лев Тихомиров).
94. Международный конгресс в Хуре (корреспонденция).—Без подписи. 9 тыс. б. (Автор—П. Б. Аксельрод).
95. Единение власти с землею.—Редакционная заметка к речи Федоровского.—Без подписи. 8 тыс. б. (Автор—В. С. Лебедев).
96. Речь председателя Саратовского Губ. Земского Собрания г. Федоровского.—22 тыс. б. (Доставлена—И. И. Майновым).
97. Письмо саратовского вице-губ. Азанчевского.
98. Письмо осужденного к русскому обществу.—Подписано полным именем.—6 тыс. б. (Автор—Влад. Малавский).
99. Ставрополь-Кавказский (корреспонденция).—Без подписи. 2,3 тыс. б.
100. Отчет о суммах.—Объявление.

„НАРОДНАЯ ВОЛЯ“ № 8—9

5—26 февраля 1882 г.

101. Объявление от Красного Креста.
102. Передовая статья (первая): «Положение партии в данный момент».—Без подписи. Размер—12 тыс. б. (Автор—В. С. Лебедев).
103. Передовая статья (вторая): «Основные задачи революционной деятельности в народе».—Без подписи. 31 тыс. б. (Автор—В. С. Лебедев).
104. Речь Федоровского (окончание).—11 тыс. б. (Доставлена И. И. Майновым).
105. Корреспонденция из Саратова, 14 декабря.—Без подписи. 6 тыс. б. (Автор—М. П. Троицкий).
106. Корреспонденция из Одессы, 1 декабря.—Без подписи. 8,5 тыс. б.
107. Хроника арестов.—Без подписи. 22 тыс. б.

108. Тюрьма и ссылка.—Без подписи. 49 тыс. б. (Написана совместно А. Г. Лапицким и В. С. Лебедевым).

109. Предисловие к русскому изданию Коммунистического Манифеста. (Авторы—К. Маркс и Фр. Энгельс).

110. Примечание к предисловию Маркса и Энгельса. (Автор—В. С. Лебедев).

111. Письмо из Италии.—Без подписи. 5 тыс. б.

112. Мелкие известия.—Без подписи. 8 тыс. б. (Из них 1-е, 4-е, 5-е, 7-е и 9-е принадлежат В. С. Лебедеву).

113. Приговор суда по делу 22-х.—Без подписи.

114. Отчет о суммах.

115. Прибавление к № 8-9 «Нар. Воли».—Заметки о процессе.—Объяснения Александра Михайлова.—Речи защитников. 44 тыс. б. (Отчет составлялся по записям адвокатов и родственников подсудимых).

116. Отчет о суммах.

„ЛИСТОК НАРОДНОЙ ВОЛИ“ № 1

20 июля 1883 г.

117. Новая эра.—Без подписи. Размер—16 тыс. б. (Автор—С. Н. Кривенко).

118. Хроника арестов.—Без подписи. 18 тыс. б.

119. Объявления о «Вестн. Нар. Воли».

Приложение к «Листку».

120. Хроника внутренней жизни.—Без подписи. Размер—24 тыс. б.

121. По поводу еврейских беспорядков.—Без подписи. 9 тыс. б.

122. «О хищениях».—Без подписи. 8 тыс. б.

123. Хроника арестов.

„ЛИСТОК НАРОДНОЙ ВОЛИ“ № 2

26 октября 1883 г.

124. Передовая статья.—Без подписи. Размер—11 тыс. б. (Автор—С. Н. Кривенко).

125. Письмо одного из осужденных.—Без подписи. 2 тыс. б.

126. Из письма одного сосланного.—Без подписи. 7 тыс. б.

127. Хроника арестов.—Без подписи. 6 тыс. б.

128. Хроника внутренней жизни.—Без подписи. 15 тыс. б. (Автор—С. Н. Кривенко).

„НАРОДНАЯ ВОЛЯ“ № 10

Сентябрь 1884 г.

129. От Исполнительного Комитета.—Об убийстве Судейкина.

130. От Исполнительного Комитета. (Примечание к этому документу написано Г. А. Лопатиным).

131. От Красного Креста «Народной Воли».

132. От Исполнительного Комитета.—О Дегаеве. (Автор—Лев Тихомиров совместно с Г. А. Лопатиным).

133. Передовая статья.—Петербург, 1 января 1884 г.—Без подписи. 15 тыс. б. (Автор—Лев Тихомиров).

134. Передовая статья (вторая).—О деятельности в народе.—Без подписи. 22 тыс. б. (Автор—Лев Тихомиров).

135. Письмо «Молодой Нар. Воли». (Автор—П. Ф. Якубович).

136. Заявление партии «Пролетариат».—Подписано Центральным Комитетом. (Автор—Мендельсон).

137. Огвет Исполнительного Комитета.—Подписан им же.

138. Вместо внутреннего обозрения.—Без подписи. 24 тыс. б. (Автор—Г. А. Лопатин).

139. Закрытие «Отечественных Записок».—Без подписи. 6 тыс. б. (Автор—Н. К. Михайловский).

140. Иностранное обозрение.—Письмо из Парижа. (Возможный автор—Г. А. Лопатин, переделано А. Н. Бахом и С. А. Ивановым).

141. Заявление (о П. Л. Лаврове).

142. К. Г. Неустроев. (Редакционная статья по материалам Л. П. Буланова).

143. Предсмертное письмо К. Г. Неустроева.

144. От Южно-русской боевой дружины.—Об убийстве шпиона Шкрябы. (Автор—Елько).

145. От Центр. Комит. «Пролетариата» об убийстве шпиона в Згеже.

146. Статья о либералах.—Без заглавия и без подписи. 6,5 тыс. б. (Автор—С. Н. Кривенко).

147. Арестная хроника.—Без подписи. 18 тыс. б.

148. Заявление (о Петрове) и сообщение о процессе 14-ти.

149. Отчет о суммах.

150. Список погибших.

151. Стихотворение «Кровавые реки, веревка и плаха» и пр. Без подписи. (Автор—В. Г. Богораз-Тан).

152. Передовая статья.—Петербург, 1 октября.—Без подписи. 17 тыс. б. (Автор—Л. Я. Штейнберг).

153. Вторая передовая статья.—Без подписи. 20 тыс. б. (Автор—В. Г. Богораз-Тан).

154. Внутреннее обозрение.—Без подписи. 75 тыс. б. (Автор—В. Г. Богораз-Тан).

155. Корреспонденции:

Киев.—Без подписи. 20 тыс. б. (Автор—Е. Д. Степанов).

Киев, 30 августа.—Без подписи. 4 тыс. б. (Автор неизвест.).

Одесса, 5 дек. 1885 г.—Без подписи. 14 тыс. б. (Автор — Л. Я. Штернберг).

Харьков.—Без подписи. 8 тыс. б. (Автор—Ю. Д. Тиличеев).

156. 2 июня 1885 года.—Адрес П. Л. Лаврову и ответ его.

157. На смерть Судейкина.—Стихотворение.—Без подписи. (Автор—В. Г. Богораз-Тан).

158. Последние дни Самуила Абрамовича Лисянского.—Без подписи. 3 тыс. б. (Автор—В. Г. Богораз-Тан при участии Б. Д. Оржиха).

159. Хроника революционной борьбы.—Без подписи. 34 тыс. б.

160. Воззвание Армянского революционного кружка.

161. Отчет о суммах.—Объявления.

СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ, АВТОРЫ КОТОРЫХ НЕ УСТАНОВЛЕНЫ

1. Корреспонденции из Пудожа, Екатеринослава, Полтавы и Вятки—в № 1 «Народной Воли».

2. Корреспонденции из Воронежа, Перми, Иркутска и Симферополя—в № 2 «Народной Воли».

3. По пути мирного развития.—Заметка там же.

4. Университетские дела.—Там же.

5. Дело Мирского.—Там же [1].

6. Корреспонденции из Москвы (две), Одессы (тоже две), Харькова, Орла и Минска—в № 3 «Народной Воли».

7. Хроника преследований.—В «Листке Нар. В.», № 2, от 20 авг. 1880 г.

8. По поводу процесса 16-ти.—В № 4 «Народной Воли» [2].

9. Стихотворение «После казни 4 ноября».—Там же.

10. Памяти А. А. Квятковского.—Там же.

11. Дмитрий Александрович Лизогуб. — Биографический очерк.—В № 5 «Народной Воли».

12. Хроника арестов. — В «Листке Нар. В.», № 1, от 22 июля 1881 г.

13. Корреспонденция из Воронежа—в № 6 «Нар. Воли».

14. Мелкие известия.—Там же.

15. Корреспонденция из Одессы—в № 8-9 «Народной Воли».

16. Хроника арестов.—Там же.

17. Письмо из Италии.—Там же.

---

[1] Возможные авторы: Н. А. Морозов или Л. Тихомиров.

[2] Возможный автор — Л. Тихомиров.

18. Хроника арестов.—В «Листке Нар. Воли», № 1, июль 1883 г.

19. Хроника внутренней жизни.—«Приложение» к «Листку» № 1.

20. По поводу еврейских беспорядков.—Там же.

21. О «хищениях».—Там же.

22. Хроника арестов.—Там же.

23. Хроника арестов.—В «Листке», № 2, 26 октября 1883 г.

24. Корреспонденция из Киева—в № 11-12 «Народной Воли».

ЗЕМЛЕВОЛЬЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Землевольческая журналистика до сих пор (как и народовольческая) не разрабатывалась с чисто библиографической точки зрения, между тем материалов библиографического характера о ней накопилось вполне достаточно, и требуется лишь общая сводка их, в которой несомненно чувствуется большая потребность. Основными писателями «Земли и Воли» являлись главным образом ее редакторы—Кравчинский, Клеменц, Плеханов, Тихомиров и Морозов. Из них Кравчинский принимал участие в составлении и редактировании одного только первого номера «Земли и Воли», в котором ему принадлежит передовая статья [1]. Кравчинский написал, в 70-х гг. два очень ярких программных произведения для обоснования взглядов северных народников — брошюру «Смерть за смерть» и передовую статью в № 1 «Земли и Воли». Оба эти произведения вышли анонимно, оба они широко цитировались в русской исторической литературе, оба до сих пор еще недостаточно оценены и оба вышли из-под пера будущего автора «Подпольной России». Авторство Кравчинского в этом случае никогда и никем не оспаривалось. Приблизительно в таком же положении находятся в настоящее время и два других наиболее энергичных редактора «Земли и Воли» — Д. А. Клеменц и Г. В. Плеханов.

О Клеменце мы имеем теперь новую, недавно вышедшую брошюру Ш. М. Левина: «Дмитрий Александрович Клеменц. Очерк революционной деятельности» (Москва, 1929 г., стр. 128, ц. 60 коп., изд. О-ва Политкаторжан). Работа Левина о Клеменце входит в состав научно-популярной серии изд-ва политкаторжан и в полной мере оправдывает такое свое назначение. В числе других ее достоинств нужно особо отметить еще и

---

[1] См. сб. „Революционная журналистика семидесятых годов“, под ред. Б. Базилевского (В. Я. Богучарского). Париж, 1905 г.—Статья Кравчинского напечатана на стр. 114—130.

тот факт, что автор сделал попытку точно и исчерпывающе определить роль Клеменца в «Земле и Воле», т. е. в органе, который Клеменц долгое время редактировал и в котором он являлся одним из самых деятельных сотрудников. Благодаря Ш. М. Левину мы можем теперь сказать, что знаем почти все статьи и заметки Клеменца в «Земле и Воле», а их, как увидит читатель, было немало. Это — большое приобретение русской революционной библиографии, несмотря даже на то, что основные работы его, как землевольческого публициста, были известны и раньше.

За время революции общеизвестными сделались также статьи Г. В. Плеханова в «Земле и Воле», которые введены теперь в собрание его сочинений как первые его работы литературного характера. Правда, в последнее время появились новые материалы, заставляющие думать, что начало литературной деятельности Плеханова может быть отнесено еще к более раннему времени, именно к эпохе Казанской демонстрации 1876 года [1], но во всяком случае первые печатные работы Плеханова в области программной революционной публицистики относятся как раз к эпохе «Земли и Воли».

Несколько труднее обстоит дело с остальными двумя редакторами «З. и В.»—Н. А. Морозовым и Львом Тихомировым, будущими народовольцами. Но статьи Н. А. Морозова в тогдашней революционной журналистике были установлены еще в 1920—1921 гг. Л. Круковской, которая пользовалась притом личной помощью самого Ник. Ал. [2] Работа эта была произведена Л. Круковской, однако, не исчерпывающе и требовала дальнейшей разработки и некоторых дополнений. К счастью, мы можем список, составленный Л. Круковской, теперь значительно расширить, так как располагаем отметками покойного Н. С. Тютчева на его экземпляре «Революционной журналистики», в котором статьи Н. А. Морозова размечены, можно сказать, почти все, опять-таки по указаниям самого их автора.

Что касается Льва Тихомирова, то ему принадлежит в № 5 «Земли и Воли» передовая статья с заголовком: «Петербург, 4 апреля»—такого рода заголовки Тихомиров сохранил и впоследствии для своих передовых в «Народной Воле». Принад-

---

[1] См. об этом в статье: „Казанская демонстрация 6 декабря 1876 г. и Г. В. Плеханов“, в № 42 „Каторги и Ссылки“ за 1928 г. Речь идет там о Плеханове как возможном авторе рукописи: „По поводу собрания русской народной партии в дек. 1876 г.“, недавно найденной в архивах.

[2] Л. Круковская — „Н. А. Морозов. Очерки жизни и деятельности“. Гос. Издат. 1920 г. См. на стр. 72—73 список статей Н. А. Морозова в революционных изданиях.

лежность Тихомирову передовой статьи в № 5 «З. и В.» не вызывает никаких сомнений. На ряду с другими об этом говорит, напр., О. В. Аптекман, входивший тогда в состав редакции «Земли и Воли». «Нам остается еще познакомиться с передовой статьей № 5 «Земли и Воли», — пишет он в предисловии к сборнику «Черный Передел». — Написал статью Л. Тихомиров. Предварительно статья была прочитана в редакторской коллегии и в присутствии А. Д. Михайлова как представителя «центра». Статья была одобрена», и пр.

Аптекман рассказывает, между прочим, что статья Тихомирова появилась «вне очереди». Перед этим в №№ 3 и 4 «Земли и Воли» были напечатаны две программных статьи Плеханова под одним и тем же заглавием: «Закон экономического развития общества и задачи социалистов в России», ныне введенные в том I его сочинений. Плеханов передавал даже Аптекману, что на одном из редакционных совещаний было решено продолжать дальнейшее теоретическое развитие землевольческой программы со всеми необходимыми дополнениями, уже внесенными в нее практикой. Статью поручено было написать Плеханову, что он и исполнил. По словам Аптекмана, она была даже одобрена редакцией, причем особенно сочувственно отнесся к ней А. Д. Михайлов. Но вышло как-то так, что в № 5 «Земли и Воли» появилась все-таки передовая Тихомирова, а не Плеханова [1].

Любопытно отметить, что в оглавлении № 5 «Земли и Воли» действительно значится не передовая с пометкой: «Петербург, 4 апреля», а статья: «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», то-есть, следовательно, третья статья из той серии, которая тогда была поручена Плеханову [2]. Эта ошибка в оглавлении косвенным образом подтверждает рассказ Аптекмана и заставляет даже думать, что статья Плеханова, повидимому, не только была написана и одобрена редакцией, но и внесена в оглавление, иначе трудно предположить, как могло попасть заглавие ее в перечень содержания номера. Передовая Тихомирова в № 5 во всяком случае ни в каком отношении не соответствует такому заглавию, какое имела серия статей Плеханова. Куда же девалась плехановская передовица для № 5, — этот вопрос в литературе до сих пор остается открытым.

---

[1] См. „Черный Передел", орган социалистов-федералистов, 1880—1881 гг. В серии „Памятники агитационной литературы", т. I, предисловие В. Невского, вступительная статья О. В. Аптекмана. Гос. Изд. 1923 г. Стр. 59—62 и прим. на 62 стр.

[2] См. сб. „Револ. журнал. 70-х гг.", стр. 467.

Таким образом, редакторские статьи, если не прямо редакционные, определяются в «Земле и В.» сравнительно очень просто и с большой полнотой. Но кроме редакторских или редакционных, в «Земле и Воле» были еще статьи тоже весьма ответственного содержания, мимо которых никак нельзя пройти и авторы которых определяются, к счастью, тоже без особого труда. Так, в том же № 5, тотчас вслед за передовой статьей Тихомирова и даже в некоторой внутренней связи с нею, напечатан фельетон «Протестующие типы народа», который представляет собою начало целой серии статей. В № 5 напечатана из этой серии собственно только первая глава: «Сектант-мыслитель», остальные же главы должны были, очевидно, появиться впоследствии. Внешним признаком этого фельетона является то, что он подписан [1], хотя вообще все статьи в «Земле и Воле» помещались без всякой подписи. Автором этого фельетона является Л. Г. Дейч, о чем Л. Г. Дейч сам упоминает в своей книге «16 лет в Сибири» (стр. 274 по изд. 1924 г.).

Затем, в № 3 «Земли и Воли» есть большая статья-корреспонденция о слухах и толках в народе, озаглавленная: «Народная молва». К этой статье автором сделано примечание такого рода: «Слышано все или мною, или товарищами, которым я безусловно доверяю». Самая статья напечатана без подписи, но примечание, которые нами только-что приведено, — подписано буквой: «Ю».

«Ю» — это «Юрист», Г. А. Преображенский, известный землеволец, впоследствии черноперелец. Статья его, в которой он резюмирует свои наблюдения за время «хождения в народ», представляет крупный интерес для характеристики общественных настроений середины 70-х гг.

Из статей, принадлежащих не членам редакции, обращают на себя внимание еще «Заметка по поводу государственной росписи на 1879 г.», в № 4 «Земли и Воли», и другая такая же «Заметка» в № 5. Авторы обеих этих статей и обстоятельства, при которых они написаны, установлены теперь Н. К. Бухом в его «Воспоминаниях» [2]. Заметку в № 4 о государственной росписи дал

---

[1] Статья эта имеет такую подпись: „Л***".

[2] См. Н. К. Бух. „Воспоминания". Издат-во политкаторжан. Москва 1928 г., стр. 182, на которой Н. К. Бух пишет о своем брате: „Для „Земли и Воли" он успел написать только одну статью: „Заметка по поводу государственной росписи на 1879 г.". Статья была помещена в № 4, вышедшем на другой день после ареста брата (Л. К. Бух был арестован в ночь на 27 февраля 1879 г.)". Продолжение этой статьи, помещенное в № 5 „Земли и Воли", было написано Головачевым. Передавая свою статью в редакцию, Головачев сказал: „Я написал эту статью главным образом с целью замаскировать участие Льва Константиновича в вашей газете".

в «Землю и Волю» брат Н. К. Буха, Лев Константинович Бух, занимавший видное место в министерстве финансов и не скрывавший там своих убеждений. Что касается заметки в № 5, то ее написал известный публицист того времени А. Головачев, который никогда не был революционером, но согласился выступить в революционной печати с отчетом о росписи министерства финансов, чтобы затушевать сотрудничество там Л. К. Буха, человека, лично ему близкого и к тому времени арестованного как-раз по подозрению в сотрудничестве в «Земле и Воле».

Кроме всех этих работ, заслуживает быть упомянутым еще одно стихотворное произведение, именно большая поэма «У гроба», написанная на смерть Мезенцева и напечатанная в первом же номере «Земли и Воли». Автором его является адвокат А. А. Ольхин, человек, очень близкий тогдашнему революционному движению [1]. Его произведение в течение нескольких десятков лет играло роль настоящей народнической марсельезы и пользовалось совершенно исключительной популярностью. Отдельные строфы поэмы Ольхина вошли в «Дубинушку» (напр., «Там, где Плевна дымится, огромный курган, в нем останки еще не догнили: чтоб уважить царя, в именины его много тысяч «своих» положили»; или дальнейшие слова: «Именинный пирог из начинки людской брат подносит державному брату, а на родине ветер холодный шумит и разносит солдатскую хату», и др.) и распевались буквально на всех революционных вечеринках всей необъятной России, вплоть до самой революции 1917 года, когда начал создаваться уже иной революционный эпос.

Если теперь все эти данные мы сведем вместе, то получим почти полную библиографию «Земли и Воли», от ее первого до последнего номера, включая сюда и «Листки». Мы думаем, что сделать это будет не лишним уже потому, что при наличности таких сводок современные исследователи будут предохранены от возможных ошибок при определении авторов разных статей в «Земле и Воле», да и вообще вся литературная часть этой газеты предстанет тогда во всем своем настоящем виде. Не нужно будет бродить впотьмах при оценке и изучении ее, и не придется даже серьезным специалистам, как это случается даже теперь, приписывать то одному, то другому автору произведения, которых они не писали. От аналогичных ошибок не уберегся, между

---

[1] Адвокат А. А. Ольхин был в 1879 г. арестован по делу Мирского и выслан на север, в Петербург он вернулся только в 1895 году и вскоре после этого умер. В 70-х гг. он принадлежал к сочувствующим революционному движению и находился в личных дружественных отношениях со многими революционерами, и квартира его служила для них убежищем.

прочим, даже такой осторожный и осведомленный исследователь, как автор вышеупомянутой брошюры о Клеменце, Ш. М. Левин, притом ошибок далеко не маловажных, что уже само по себе характерно. Так, в прим. на стр. 78—79 Ш. М. Левин цитирует статью «Наши домашние дела» из № 3 «Земли и Воли» как принадлежащую Клеменцу, авторство которого он принимает в этом случае, впрочем, с некоторыми колебаниями, если не прямой оговоркой. Но статья «Наши домашние дела» в № 3 «Земли и Воли» принадлежит не Клеменцу, а Н. А. Морозову [1] и в частности как раз те цитаты с защитой «дезорганизаторской» тактики, которые приводит Ш. М. Левин, чисто морозовские по своему характеру. Нет никаких оснований приписывать их Д. А. Клеменцу, человеку и политическому деятелю несколько другого уклада. И если такие люди, как Ш. М. Левин, делают в своих библиографических справках столь значительные промахи, хотя, правда, и весьма немногочисленные, то что остается сказать об исследователях и о читателях менее вооруженных?! Конечно, эти ошибки были бы невозможны, если бы мы имели критически проверенные сводки хотя бы только тех сведений, которые уже опубликованы. Такую сводку библиографических сведений по «Земле и Воле» мы и хотим представить читателю, полагая, что она не только не будет лишней вообще, но представит для нас еще и специальное значение, так как ее можно будет рассматривать как попытку к изучению редакционного генезиса «Народной Воли».

Семидесятые годы знали три периодических нелегальных органа, которые естественным образом вырастали один из другого: «Начало», «Земля и Воля» и «Народная Воля». Они были объединены прежде всего своей материально-технической базой, одной и той же типографией. Та самая типография, которая печатала «Начало», перешла затем к «Земле и Воле», а от «Земли и Воли» ее наследовала «Народная Воля». Эти же три органа были отчасти объединены и личным составом своих сотрудников; правда, это относится не столько к «Началу» и «Земле и Воле», — так как «Начало» являлось совершенно самостоятельным литературным предприятием, — сколько к «Земле и Воле» и «Народной Воле». «Народная Воля» потому и могла так быстро и так блестяще развить свою периодическую печать, что

---

[1] Статья эта значится в списке статей Н. А. Морозова, составленном Л. Круковской. Тому же Н. А. Морозову принадлежит „Хроника арестов“ в № 2 „Земли и В“. В прим. на стр. 79 Ш. М. Левин говорит о статье „Наши домашние дела“ как составленной, „если не ошибаемся, целиком Клеменцом“. Следы литературной манеры Клеменца на этой статье действительно есть, но это могло быть при редакционной правке, вообще же нет оснований оспаривать здесь авторство Морозова.

ее литературные кадры были подготовлены еще в недрах «Земли и Воли», то-есть самой газеты, а не только организации. Фактически редакция «Народной Воли» сложилась уже во время «Земли и Воли» — вот факт, из которого мы в данном случае вполне можем исходить. Факт этот давно уже установлен в русской исторической литературе, но теперь особенно рельефно вырисовывается из библиографических сводок по «Земле и Воле». Читатель в этом сам убедится, если просмотрит нижеприводимые списки и затем те комментарии, которые мы делаем к ним в заключительных строках.

„ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ“ № 1

25 октября 1878 г.

1. Передовая статья: От редакции. — Земля и Воля!—Без подписи. Размер — 35 тыс. б. (Автор — С. М. Кравчинский).

2. Фельетон: Письмо чистосердечного россиянина. — Без подписи. 17 тыс. б. (Автор — Д. А. Клеменц).

3. У гроба. — Стихотворение. — Посвящается поразившему Мезенцева. — Без подписи. (Автор — А. А. Ольхин).

4. По поводу подвигов прессы. — Без подписи. 37 тыс. б. (Автор — Д. А. Клеменц).

5. Корреспонденция из Варшавы. — Без подписи. 10 тыс. б.

6. Разные известия. — Хроника арестов и другие сообщения. — Без подписи. 6 тыс. б. (Автор — Н. А. Морозов).

„ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ“ № 2

15 декабря 1878 г.

7. Передовая статья: Признаки времени. — Образцы державного красноречия. — Фальсификация литературы и новые революционеры. — Без подписи. Размер — 35 тыс. б. (Автор — Д. А. Клеменц).

8. На смерть И. М. Ковальского. — Стихотворение.

9. Фельетон: Письмо чистосердечного россиянина. — Без подписи. 15 тыс. б. (Автор — Д. А. Клеменц).

10. Одесса во время суда над Ковальским. — Статья первая. — Без подписи. 11 тыс. б.

11. Корреспонденции. — Каменская станица. — От собственного корреспондента. — Без подписи. 9 тыс. б. (Автор — Г. В. Плеханов).

Харьков, 9 ноября 1878 г. — От собственного корреспондента. — Без подписи. 2 тыс. б.

12. Наши домашние дела. — Правительственные документы. — Без подписи. 33 тыс. б.

а) Два документа — о представлении адресов на высочайшее имя и извлечение из отчета харьковского губернатора.

б) Заметка «Придворное известие».

в) Заметка «Отголоски истории Цитовича». (Автор — Д. А. Клеменц).

г) Заметка «Волнения в учащейся молодежи». (Автор — Д. А. Клеменц).

13. Хроника арестов. — Без подписи. 6 тыс. б. (Автор — Н. А. Морозов).

14. Известия:

а) С Новой Бумагопрядильни. 2 тыс. б. (Автор—Г. В. Плеханов).

б) Сведения о положении ссыльных.

в) Из Киева, о студенческих волнениях.

15. Из-за границы. — Без подписи. 2 тыс. б.

16. На свежую воду. — 7 тыс. б.

а) Из закулисных проделок цензуры. (Автор — Д. А. Клеменц).

б) Варфоломеевская ночь.

в) Отголоски правительственного сообщения.

г) Урядники и гласность.

д) Ходят слухи.

е) Беда за бедой.

17. Объявления и извещения.

„ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ“ № 3

15 января 1878 г.

18. Передовая статья: Закон экономического развития общества и задачи социализма в России. — Без подписи. Размер — 27 тыс. б. (Автор — Г. В. Плеханов).

19. Фельетон: Народная молва. — Без подписи. 24 тыс. б. (Автор — Г. Преображенский-«Юрист»).

20. Письмо С. П. Бобохова.

21. Новый оппонент. — Без подписи. 41 тыс. б. (Автор — Д. А. Клеменц).

22. Корреспонденции. — С бумагопрядильной фабрики Кенига. — Без подписи. 11 тыс. б. (Автор — Г. В. Плеханов).

23. Наши домашние дела. — Аресты и обыски. — Студенческие волнения. — Земство и администрация. — Татарские вол-

нения. — Чума. — Без подписи. 35 тыс. б. (Автор — Н. А. Морозов).

24. Из-за границы. — Без подписи. 9 тыс. б.

25. На свежую воду (известия, заметки, слухи, курьезы).— Без подписи. 6 тыс. б.

„ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ“ № 4

20 февраля 1879 г.

26. Передовая статья: Закон экономического развития общества и задачи социализма в России. Гл. II. — Без подписи. Размер — 20 тыс. б. (Автор — Г. В. Плеханов).

27. Вторая передовая: По поводу «Северного союза русских рабочих. — Без подписи. 9 тыс. б. (Автор — Д. А. Клеменц).

28. Фельетон: Попытка освобождения Войнаральского. — Без подписи. 15 тыс. б. (Автор — Н. А. Морозов).

29. Волнения в среде рабочего населения. — Без подписи. 29 тыс. б. (Автор — Г. В. Плеханов).

30. Заметка по поводу государственной росписи. — Без подписи. 31 тыс. б. (Автор — Л. К. Бух).

31. Корреспонденция. — Каменская станица (письмо второе). — Без подписи. 8 тыс. б. (Автор — Г. В. Плеханов).

32. К обществу. — Письмо социалиста-революционера, взявшего на себя казнь Кропоткина. — Без подписи. 8 тыс. б. (Автор — Гр. Гольденберг).

33. Документы. — Протокол заседания совета Харьковского ун-та. — Письмо Мезенцева.

34. Наши домашние дела. — Хроника арестов. — Без подписи. 7 тыс. б.

35. Известия. — Объявления.

„ЛИСТОК ЗЕМЛИ и ВОЛИ“ № 1

12 марта 1879 г.

36. Несколько слов от издателей. — Без подписи. 900 б. (Автор — Н. А. Морозов).

37. Заявление от Исп. Комитета. (Текст Н. А. Морозова).

38. Убийство шпиона Н. В. Рейнштейна. — Без подписи. 2 тыс. б. (Автор — Н. А. Морозов).

39. Фомин. — Без подписи. 2500 б. (Автор — Н. А. Морозов).

40. Февральские аресты в Петербурге. — Без подписи. 6 тыс. б. (Автор — Н. А. Морозов).

„ЛИСТОК ЗЕМЛИ и ВОЛИ“ № 2 и 3

22 марта 1879 г.

41. От Исполнительного Комитета. (Текст Н. А. Морозова).

42. Значение политических убийств. — Без подписи. 4 тыс. б. (Автор — Н. А. Морозов).

43. Новый тип революционеров. — Без подписи. 1 тыс. б. (Автор — Н. А. Морозов).

44. Покушение на жизнь Дрентельна.

45. Суд над Бобоховым. — Без подписи. 4 тыс. б. (Автор — Н. А. Морозов).

46. Фомин (окончание). — Без подписи. 4500 б. (Автор — Н. А. Морозов).

47. Хроника арестов. — Без подписи. 8 тыс. б. (Автор — Н. А. Морозов).

„ЛИСТОК ЗЕМЛИ и ВОЛИ“ № 4

6 апреля 1879 г.

48. От Исполнительного Комитета. (Текст Н. А. Морозова).

49. Покушение 2 апреля. — Без подписи. 8 тыс. б.

50. После 2 апреля. — Без подписи. 2 тыс. б.

„ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ“ № 5

8 апреля 1879 г.

51. Передовая статья. — Без подписи. 20 тыс. б. (Автор — Лев Тихомиров).

52. Фельетон: Протестующие типы народа. — Подпись: «Л***». 14 тыс. б. (Автор — Л. Г. Дейч).

53. Стихотворение «Смолкли честные, доблестно павшие». (Автор — Н. А. Некрасов).

54. Одесса во время суда над Ковальским (статья вторая). — Без подписи. 4.500 б.

55. Колыбельная песня. — Голуби.

56. Правительственные документы.

57. По поводу газетных статей. — 18 марта. — Без подписи. 6 тыс. б.

58. Из-за границы. — Без подписи. 6 тыс. б.

59. Биографические сведения об Оливе И'Монкуси. — Без подписи. 4 тыс. б.

60. Письмо в редакцию от рабочих «Северного Союза». — Без подписи. 13 тыс. б.

61. Заметка по поводу государственной росписи на 1879 г.— Без подписи. 15 тыс. б. (Автор — А. Головачев).

62. Отголоски 2 апреля. — Без подписи. 10 тыс. б.

63. Наши домашние дела. — Без подписи. 29 тыс. б.

„ЛИСТОК ЗЕМЛИ и ВОЛИ" № 5

8 июня 1879 г.

64. От Исполнительного Комитета. (Текст Н. А. Морозова).

65. Передовая статья: Петербург, 29 мая. — Без подписи. 4 тыс. б.

66. Суд над Дубровиным. — Без подписи. 9 тыс. б. (Автор — Н. А. Морозов).

67. Киевские события. — Без подписи. 10 тыс. б. (Автор — Н. А. Морозов).

68. Правительственное тайное сообщение.

69. Некролог Сентянина и Васильева.

70. Извещения.

„ЛИСТОК ЗЕМЛИ и ВОЛИ" № 6

14 июня 1879 г.

71. От Исполнительного Комитета. (Текст Н. А. Морозова).

72. Передовая статья: Петербург, 9 июня. — Без подписи.

73. Письмо Валериана Осинского.

74. По поводу последнего циркуляра ген.-губерн. Казнакова. (Голос нескольких ссыльных). — Без подписи. 4 тыс. б.

75. Дело братьев Избицких в Киеве. — Без подписи. 10 тыс. б. (Автор — Н. А. Морозов).

76. Урюпинское дело. — Без подписи. 5 тыс. б. (Автор — Н. А. Морозов).

77. Хроника военного положения. — Без подписи. 9 тыс. б. (Автор — Н. А. Морозов).

Если мы теперь подведем некоторые итоги этому списку аналогично тому, как мы подводили итоги народовольческой журналистике, то получим такую картину. По сравнению с «Народной Волей» ее предшественница, «Земля и Воля», выходила в го-

раздо меньшем размере и гораздо более короткое время, но значительно регулярнее и правильнее. Если перевести все номера «Земли и Воли» на печатные знаки и на печатные страницы обычного формата (как и «Нар. Волю»), то мы получим такую таблицу:

№ 1	содержал	45	стр.
№ 2	„	57	„
№ 3	„	60	„
№ 4	„	55	„
№ 5	„	55	„

Итого, следовательно, из всех этих номеров составилась бы книга в 272 стр. обычного формата. Между тем основные номера «Нар. Воли» составляли, без «Листков», том в 659 стр.

То же самое с «Листками» как «Нар. Воли», так и «Земли и Воли». Средний размер «Листков» Народной Воли» был в 20—22 стр. Средний размер землевольческих «Листков» в 8—9 стр., в два с половиной раза меньше. Настолько, следовательно, усилилась журналистика ко временам «Народной Воли».

Значительно более кратким был также общий период существования землевольческой журналистики по сравнению с народовольческой. Первый номер «Земли и Воли» вышел в октябре 1878 года, а последний номер «Листка» — в июне 1879 года. Иначе говоря, газета вместе с «Листками» выходила всего 9 месяцев, тогда как «Народная Воля» целых шесть лет боролась за свободный печатный станок. Но в то же время «Земля и Воля», как и первые 3 номера «Народной Воли», прямо поражала правильностью своего выхода. Это был в полном смысле слова ежемесячный орган.

№ 1	„Земли и Воли“	вышел	25 октября
№ 2	„	„	15 декабря
№ 3	„	„	15 января
№ 4	„	„	20 февраля
№ 1	„Листка“ „З. и В“	„	12 марта
№ 2 и 3	„	„	22 марта
№ 4	„	„	6 апреля
№ 5	„Земли и Воли“	„	8 апреля
№ 5	„Листка“	„	8 июня
№ 6	„	„	14 июня

Из этой таблицы видно, что были месяцы, когда по два раза появлялись либо «Листки» (напр., в марте — 12-го и 22-го), либо «Листок» и газета, как в апреле, когда 6-го вышел «Листок», а через два дня, 8 апреля, № 5 «Земли и Воли», причем в этом номере было 55 стр. обычного формата, стало быть, из него могла бы составиться целая брошюра.

На пятом номере «Земля и Воля» приостановилась. «Следующий номер «Земли и Воли» будет выпущен в конце лета», заявлялось «От издателей» в том же пятом номере (см. «Револ. журнал.», стр. 467). Осенью, однако, после Липецкого и Воронежского съездов вышла уже не «Земля и Воля», а «Народная Воля», но и в ней, в первых же редакционных строках, напоминалось снова, что перерыв в выходе газеты объясняется, «вовсе не разгромом партии, который существует больше в воображении правительства, а сознательным прекращением издания на летнее время, как мало благоприятное для всякого рода литературной деятельности». В последнем номере «Земли и Воли» заранее заявлялось, что «на летнее время издание будет прекращено и возобновится лишь к осени».

Оно и возобновилось, хотя совсем в другом виде, и снова газета начала выходить, на этот раз под именем «Народной Воли», с той же правильностью, как настоящий ежемесячный орган, и опять почти в той же самой типографии. Правительство еще не могло собраться с силами, еще ни один фунт революционного шрифта не попал в его руки, и оно до такой степени терялось при мысли, где могла печататься та же «Земля и Воля», а позже «Народная Воля», что в поисках свободного печатного станка бросилась на типографию известного в то время книгоиздателя М. О. Вольфа и произвела там настоящий разгром, уверившись с большим только трудом в своей ошибке [1], да и позже народовольческую типографию в Саперном пер. оно открыло благодаря простой только случайности.

Не менее интересные результаты мы получим, рассмотрев подробнее также и то, кто именно и в какой мере принимал литературное участие в «Земле и Воле». При этом получится своеобразное цифровое выражение относительной доли участия и сотрудничества каждого из постоянных литераторов и редакторов этого органа. Именно, цифры будут следующие:

На долю	Клеменца	падает	всего	196	тыс. б.
„	Морозова	„	„	120	„ „
„	Плеханова	„	„	90	„ „
„	Кравчинского	„	„	35	„ „
„	Тихомирова	„	„	30	„ „

Таблица эта требует, однако, некоторых пояснений. Относительно небольшая доля участия Кравчинского объясняется исключительно тем, что вскоре после выхода № 1 «Земли и Воли»

---

[1] Об обыске в типографии Вольфа см. в № 5 „Земли и Воли“ (по „Рев. журнал.“ стр. 466). О похищении шрифта из типографии Вольфа см. у Н. К. Буха — „Воспоминания“, стр. 147. О самом обыске чрезвычайно интересные подробности сообщает С. Ф. Либрович в сб. „На книжном

он должен был выехать за границу, по настоянию товарищей, не желавших, чтобы он попался в руки правительства как участник убийства Мезенцева. До своего выезда за границу Кравчинский принимал в «Земле и Воле» самое деятельное участие, быть может, более даже, чем кто другой, да и потом, будучи уже за рубежом, он сделал революционную публицистику, в ее разных видах, главным предметом своих занятий.

Такую же крупную роль, как Кравчинский, играли после его отъезда два других редактора «Земли и Воли» — Клеменц и Плеханов, особенно первый из них, что видно и по нашей таблице. Правда, Морозов превосходил своей долей участия Плеханова, но из списков наших видно также, что сотрудничество Морозова почти на две трети, если не более, приходилось на «Листки», а не на основной орган «Земли и Воли», в основном же органе он писал только информационные статьи, тогда как Плеханову там принадлежат две большие программные передовые статьи, очень рельефно выражавшие землевольческую точку зрения. Клеменц и Плеханов — это два главные программные публициста основного органа «Земли и Воли». Из них двоих на Клеменце, можно сказать, почти целиком держалась вся «Земля и Воля». Клеменц появляется во всех отделах газеты, он пишет и большие и малые статьи, и программные и информационные, и общие и хроникерские, свою работу он ведет с большим увлечением. Это несомненно типичный землевольческий публицист, очень талантливый, боевой, с большой склонностью к памфлетной литературе.

По сравнению с Клеменцом, Плеханов, напротив, сосредоточивается на более узких темах, свое отношение к которым он выразил (под очевидным влиянием А. Д. Михайлова) еще в 1876 году в найденной ныне рукописи о Казанской демонстрации. Здесь же, в «Земле и Воле», Плеханов развивает буквально те же идеи (при редакционном сотрудничестве того же А. Д. Михайлова), и не только те же по существу и по содержанию, но те же и в смысле внешней формулировки. Как литератор, будущий Плеханов складывается уже в эти годы (1876—1878), а некоторые его идеи, напр., о взаимных отношениях пропаганды и агитации, так и останутся[1], в той же самой формулировке, при-

---

ности", изд. М. О. Вольфа, Петербург и Москва, 1916 г., стр. 345 и след., глава „К истории „Земли и Воли". О том, как была открыта типография в Саперном, см. у В. Иохельсона—„Первые шаги" „Нар. Воли", об обыске у Мартыновского и у Н. К. Буха — в № 8—9 „Кат. и С." за 1929 г.

[1] Ср. ст. П. Д. „Первое произведение Г. В. Плеханова", в № 12 „Кат., и С." за 1928 г., особенно стр. 45—46.

сущими ему в течение всей его жизни, от эпохи Казанской демонстрации вплоть до 1918 года!

Цифрой в 90 тыс. букв литературное наследие Плеханова в эпоху «Земли и Воли» не вполне исчерпывается, так как мы знаем уже, что им была написана еще передовая статья для № 5 «Земли и Воли». Кроме того, идейное значение его статей далеко превосходит их относительно небольшое (90 тыс. против 196 у того же Клеменца) количественное выражение. Статьи Плеханова почти все очень сконцентрированы, а для оценки их общего политического значения достаточно сказать, что они были посвящены целиком рабочему вопросу.

Переходим теперь к двум остальным редакторам «Земли и Воли» — Морозову и Тихомирову. То, что здесь обращает на себя особенное внимание, это чрезвычайно незначительная доля участия в «Земле и Воле» Тихомирова по сравнению с Морозовым (30 тыс. против 120 тыс.). Чтобы правильно учесть значение этого факта, нам нужно принять во внимание следующее.

Тихомиров появился в «Земле и Воле» к тому моменту, когда из нее выбыл Клеменц, составлявший, как мы видели, настоящую живую душу газеты. Но как только Тихомиров появился в «Земле и Воле», он сразу же дебютировал чисто программной статьей в № 5, в которой уже слышались будущие народовольческие нотки. Таким образом его удельный вес сделался с первого же номера не меньшим, чем у Морозова, который, как это он сам говорит (см. «Повести моей жизни»), не поместил в «Земле и Воле» ни одной программной статьи. Приблизительно то же самое произошло впоследствии и в «Народной Воле»: программная статья в ее первом номере, о которой в своем месте подробно сказано, как она создавалась, принадлежала тоже не Морозову, а Тихомирову, статьи же Морозова там были опять-таки чисто информационные, и только во втором номере он дал статью программную. Насколько значительной сделалась сразу роль Тихомирова еще в «Земле и Воле», видно также из того, что он даже оттеснил при своем вступлении занимавшего там столь видное место Плеханова, так как в № 5 статьей Тихомирова была заменена статья Плеханова, уже принятая редакцией. Все это нужно принимать во внимание при столь скромном учете малой количественно доли участия Тихомирова в «Земле и Воле» и при определении его позднейшей роли в народовольческой журналистике.

Параллельно с этим нужно принять во внимание, что как-раз именно Тихомиров, как сотрудник «Земли и Воли», менее, чем кто другой, исследован библиографически. Статьи остальных редакторов мы знаем почти полностью, из статей же Тихоми-

рова нам в сущности известна только одна передовая в № 5. Между тем в передовой статье в № 1 «Нар. Воли» Тихомиров цитирует, как свою собственную, одну из статей в «Земле и Воле», причем приводит оттуда такие строки:

«Правительство, говорили мы, — пишет он, — объявляет войну уже не одним революционерам, а всей России. Пусть будет так... Мы знаем, много отдельных личностей из нашей среды погибнет, но гибель единиц не страшна для партии, когда весь ход истории ведет к революции, когда само правительство берет на себя труд уяснить России, что такое наше современное государство. Мы принимаем брошенную перчатку».

Эти строки взяты Тихомировым из статьи «Отголоски 2 апреля» в том же № 5 «Земли и Воли», где помещена и его передовая. Но если эти «Отголоски» принадлежат ему, как на это он сам указывает и как это ясно из всего содержания и стиля этой статьи, то весьма возможно, что и следующий за ними обзор — «Наши домашние дела» — тоже тихомировский, так как между ним и «Отголосками» много общего. Отметим также, что такого рода литературные обозрения Тихомиров помещал и впоследствии в «Народной Воле», так, напр., «На чьей стороне нравственность», в № 1, или «Кошачий концерт», в № 4, — начав, следовательно, писать в этом жанре еще в «Земле и Воле». Не невозможно также, что заметка «По поводу газетных статей» (о 18 марта, покушении Мирского на Дрентельна) в том же № 5 «Земли и Воли»—тоже тихомировская. Читатель видит из этого, что статей либо прямо тихомировских, либо возможно что тихомировских в одном только № 5 «З. и В.» набирается далеко больше, чем на 30 т. б. Но главное не только в этом, главное в том, что здесь мы видим, как Тихомиров уже в «З. и В.» пробует себя на тех темах и на тех проблемах и в той манере письма, каким он станет посвящать все свое время в «Народной Воле»: не даром же он цитирует там свои землевольческие статьи, как выражение новых, народовольческих, мнений и настроений. Таким образом, мы можем сказать, что редакция «Народной Воли» по существу создавалась уже в недрах редакции «Земли и Воли» и затем, с осени, перешла механически в новый орган как его естественный руководитель.

Мы убедимся в этом еще более, если от статей Тихомирова обратимся теперь к статьям Н. А. Морозова в «Земле и Воле». Та же картина при этом вырисуется перед нами с большей еще рельефностью. Здесь мы имеем уже прямое зарождение нового печатного органа в виде тех «Листков», в которых Морозов собственно и принимал главное участие, как это видно из наших списков. В «Листках» Морозов пишет почти один и в очень

настойчивой форме проводит свои ярко политические взгляды. И если бы мы сказали, что в этих «Листках» уже зарождается будущая «Народная Воля», мы не сделали бы никакого насилия над фактами и не совершили бы никакого преувеличения. Что касается самого Морозова, то из «Листков» он переходит прямо в «Народную Волю», сохраняя в ней то же самое положение, как и раньше, и играя почти столь же крупную роль, как и в землевольческий период. Но правда, в «Народной Воле» вместе с тем появляются и новые черты и особенности в положении Морозова, каких у него не было, в такой по крайней мере степени, в «Земле и Воле». Здесь, в «Народной Воле», рядом с Н. А. Морозовым оказываются слишком крупные политические деятели, чтобы в этом органе он мог чувствовать себя столь же самостоятельным, как в «Листках», а с другой стороны — между ним и другими сотрудниками начинают намечаться слишком серьезные политические отличия в понимании задач политической борьбы и террористической тактики, чтобы их можно было игнорировать. И когда все это выяснилось, Морозов отошел от редакционной работы, и та «Народная Воля», которую мы знаем, как по ее практической деятельности, приковавшей к ней внимание всего мира, так и по ее журналистике, развивалась уже без него.

В. Н. Фигнер.

ПО ПОВОДУ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ Д. КУЗЬМИНА: «НАРОДОВОЛЬЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА».

Исследовательская работа Кузьмина о журналистике партии «Народная Воля», выпускаемая в свет издательством О-ва политкаторжан, появляется 50 лет спустя после того, как действовала эта партия, и автор ее не только не был действующим лицом того периода революционного движения, но не был и современником его. Обыкновенно считается, что беспристрастное отношение к событиям, людям и тем или другим общественным и политическим явлениям свойственно именно таким позднейшим взглядам на далекое прошлое. С этой стороны судить книгу Кузьмина будут читатели.

Но так как я принадлежу к числу еще здравствующих членов Исполнительного Комитета «Народной Воли», живых свидетелей деяний и отношений этого центра партии, а в воспоминаниях народовольцев сведения о журналистике партии крайне скудны, то редакция издательства предложила мне сообщить то, что я знаю о данной стороне деятельности нашей партии, и сделать по поводу вопросов, затронутых автором книги, замечания, которые найду нужными.

В общем работа Кузьмина производит на меня тяжелое впечатление. Характер ее двойственный: многие главы написаны тоном панегирика; быть может, этот повышенный тон и естествен у человека, стоящего в стороне, но он несколько царапает щепетильную честность члена партии. Об этой части я говорю, что она написана «во здравие» «Народной Воли». Другие главы, в которых речь идет о Тихомирове или о Михайловском, я считаю написанными « за упокой» Исполнительного Комитета и «Народной Воли». Читая в первый раз рукопись Кузьмина, на каждой странице я делала для себя отметку: «нет!» или для краткости употребляла одно резкое выражение. Я чувствовала себя при этом — не в обиду автору будь сказано — так, как чувствовала при чтении дневника Тихомирова, чтобы написать

статью к его книге. Там, местами, мелькнет тень правды, призрак ее, но правды, искаженной натяжками, неправдой, следами его попятной психологии. Невозможно, нельзя возражать ему, опровергать его, как нельзя исправлять неправильное отражение человеческого лица в вогнутом или в выпуклом зеркале. Так и тут — легче бы сделать вместо этой заупокойной новую работу на ту же тему. Здесь, что ни шаг, серьезнейшим тоном говорятся вещи, совершенно не соответствующие действительности и изложение которых надо бы сделать в другой форме. Я не привожу сейчас примеров — читатель найдет их в дальнейшем изложении, и далеко не все, которые можно бы привести.

Я буду говорить лишь о том периоде Исполнительного Комитета (основанного осенью 1879 г. и кончившего свое существование весной 1882 г.), когда после московских арестов уже все члены этого Комитета были в руках правительства, Ошанина и Тихомиров эмигрировали, а на свободе в пределах России оставались: в Петербурге—Грачевский и Корба (арестованные в июне того года), и в Харькове — я (арестованная 10 февраля 1883 г.).

Этот период мне лично известен, да им главным образом занимается и автор предлагаемой книги, хотя его исследование охватывает и дальнейшие после исчезновения Комитета годы, когда действовали различные группы народовольцев: сначала так называемый «соломенный»[1] комитет, издавший в 1883 г. под редакцией Кривенко «Листок Народной Воли» № 1 (20 июня), прибавление к «Листку Н. В.» № 1 и «Листок Н. В.» № 2 (октябрь 1883 г.); затем группа, известная под названием «Делегация», с Г. Лопатиным во главе, выпустившая № 10 «Народной Воли» в сентябре 1884 г., и, наконец, группа Богораза и Штернберга, под редакцией которых с участием Оржиха был издан № 11-12 «Народной Воли» 12 октября 1885 г.

В той части работы Кузьмина, которая относится к означенному мной периоду 1879—1882 гг. и на которой, без сомнения, остановится внимание всякого, интересующегося историей партии «Народная Воля», я отмечу главы:

4-я. Редакторы:

1) Лев Тихомиров. 2) Н. А. Морозов.
3) В. С. Лебедев. 4) Н. К. Михайловский.

---

[1] Этот Комитет состоял из Кривенко, С. Усовой и В. А. Караулова (шлиссельбуржца).

5-я. Кто был ответственным редактором?

1) А. Д. Михайлов — Лев Тихомиров—Н. К. Михайловский.

2) Источники тихомировской публицистики.

3) Михайловский и Тихомиров в их взаимных отношениях.

4) Роль Михайловского в литературной деятельности Тихомирова.

5) Н. С. Русанов о Тихомирове.

Мои общие замечания по поводу этих глав можно формулировать так:

1. Неправилен подход автора к «Народной Воле» (и к журналистике ее как отражению идей партии) как к отдельному, изолированному эпизоду революционного движения, без связи с ее антецедентами.

2. Неправилен подход его к писателям «Народной Воли»— членам партии и Исполнительного Комитета — как к обыкновенным писателям, принадлежащим к свободной профессии литераторов.

3. Неправильно обсуждение литературной деятельности Л. Тихомирова одновременно как писателя и редактора «Народной Воли» и как сотрудника легальных журналов «Дела» и «Слова», как неправильно подобное же обсуждение Н. Михайловского — как писателя и редактора толстого легального журнала «Отечественные Записки» и, на ряду с этим, как писателя и редактора «Народной Воли».

4. Неправильно использование воспоминаний Иванчина-Писарева: изложение говорит больше, чем говорит текст воспоминаний.

5. Наконец, коренным недостатком исследовательской работы Кузьмина, во многих отношениях интересной и полезной, является откровенная тенденция всеми правдами и неправдами, путем натяжек и явных извращений внушить читателю представление, совершенно не соответствующее истине, что вдохновителем и руководителем «Народной Воли» был Н. К. Михайловский, а Тихомиров — в противность мнению партийных современников его и самого Исполнительного Комитета — был не выразителем идей «Народной Воли», а рупором Михайловского.

Остановимся прежде всего на перечне лиц, бывших редакторами «Народной Воли», поименованных Кузьминым.

В нем удивляет отсутствие А. И. Иванчина-Писарева и произвольное введение А. Д. Михайлова, который ни по избранию, ни фактически не был редактором «Народной Воли». Вот сведения по этому предмету.

Раскол О-ва «Земля и Воля» произошел, как известно, в августе 1879 года, и А. Михайлов, арестованный в ноябре 1880 г., в своих показаниях[1] пишет: «В сентябре месяце отправился я в Москву, чтобы принять участие в тамошнем предприятии, которое нуждалось в работниках и в людях, которым бы жизнь вне места действия позволяла вести сношения с организацией и другими полезными для этого дела людьми. Некоторые из этих сношений и работу по подкопу я взял на себя». Далее идет рассказ о том, как велась работа подкопа под рельсы железной дороги, неподалеку от Курского вокзала, со всеми ее трудностями — описание на четырех страницах и по интересу единственное в своем роде. Затем, на стр. 142-й, идет описание взрыва царского поезда 19 ноября, и на той же странице, ниже: «28 ноября прямо, 1879 г., как я уже объяснил, уехал из Москвы и прибыл оттуда в С.-Петербург, где и оставался безвыездно до начала июня 1880 г.».

За время его отсутствия в Петербурге вышли два первые номера «Народной Воли», самые важные в принципиальном отношении, как выявляющие лицо новообразовавшейся партии: № 1—1 октября 1879 г., № 2—20 ноября того же года. Очевидно, в эти три месяца существования «Н. В.» Михайлов в редакции участвовать не мог.

1 января 1880 г. вышел № 3 «Народной Воли», и в том же месяце на нас обрушилось несчастье: 17 января, после вооруженного сопротивления, была взята типография в Саперном переулке со всем персоналом ее:: хозяевами — С. А. Ивановой и Н. Бухом, и работавшими как наборщики: Цукерманом, Грязновой и застрелившимся Лубкиным. Дней через 10 после ареста типографии, в конце января, уехал за границу товарищ Тихомирова по редакции, член Исполнительного Комитета Н. Морозов, уехал по причине,—как он писал мне в 1880 г. из-за границы,—расхождения во взглядах с программой Исполнительного Комитета в том виде, как она напечатана в № 3 «Народной Воли», и с Тихомировым, как ответственным редактором партийного органа.

---

[1] См. книгу Корба и Фигнер — „Народоволец Александр Михайлов". Госиздат, 1925 г., стр. 137. Подчеркнуто в этой цитате мной.

Итак, в январе Исполнительный Комитет лишился типографии, и в течение 5 месяцев вольное слово не раздавалось в России. Это как раз в то время, когда, по словам А. Михайлова, он безвыездно находился в Петербурге.

К июлю была готова временная типография на Подольской № 11, с персоналом: П. С. Ивановская, Н. Кибальчич и Л. Терентьева.

Она выпустила 1 июля 1880 г. «Листок Народной Воли» № 1; 20 августа — «Листок Народной Воли» № 2 и 20 сентября — «Листок Народной Воли» № 3.

П. С. Ивановская в своих воспоминаниях отмечает, что «временная» типография была мало законспирирована — туда ходили многие, и вовсе не по делам типографии. Заходила туда и я, видела там Окладского... Надо полагать, будь в этот период (с июля по сентябрь) А. Михайлов в Петербурге, он не допустил бы такой распущенности [1].

В эти месяцы Михайлов был в разъездах: он ездил на юг, был в Одессе, позднее ездил в Воронеж, по словам А. Корба, за паспортами для хозяев магазина сыров на Малой Садовой в Петербурге.

Таким образом, какого-либо серьезного участия в издании трех «Листков Народной Воли» А. Михайлов принимать не мог. 5 декабря 1880 г. вышел № 4 газеты «Народная Воля», а 28 ноября Михайлов был арестован.

По собственному выбору сделав А. Михайлова редактором «Народной Воли», Кузьмин называет его и сотрудником этого органа: он составлял, дескать, по записям Клеточникова, объявления о шпионах. Не говоря уже о том, что подобное сотрудничество так ничтожно, что не может ничего прибавить к славе такого большого человека, как Михайлов, надо бы указать, когда и сколько раз он сдавал в редакцию такие объявления. В первый период, во время редакторства Н. Морозова, до его отъезда за границу (а Михайлов отсутствовал), эти объявления приносил вместе с другим материалом Морозов. Когда, после 5-месячного вынужденного молчания, с июля один за другим появились три «Листка Народной Воли»—трудно при разъездах Михайлова установить, кто передавал в редакцию эти объявления в 1-м и во 2-м «Листке». Трудно предположить, что Михай-

---

[1] Как курьез, расскажу о Кибальчиче: раз, когда я зашла к ним, в разговоре Кибальчич (над которым мы, дамы, обыкновенно подтрунивали) с деланным пафосом заявил: „Была у меня жена Вера (т. е. я); была—Надежда (т. е. Ивановская); когда же будет Любовь?“ Мы так и покатились со смеху...

лов; быть может, А. П. Корба, которая в это время принимала в качестве сотрудницы деятельное участие в работах редакции: в № 2 «Листка» ей принадлежит «Внутренее обозрение»; в № 4 «Народной Воли» (5 дек. 1880 г.) — статья «Признаки голода», а в своей автобиографии (в Энциклопедическом словаре Граната) она между прочим пишет, что собирала литературный материал и подготовляла его для редакции, писала хронику и т. д.

Но Кузьмин так увлекается идеей сотрудничества Михайлова, что, не смущаясь, пишет, что в № 5 «Народной Воли» от 5 февраля 1881 г. текст о шпионах сделан Михайловым, а между тем в то время он находился уже более двух месяцев в Петропавловской крепости, так как был арестован 28 ноября 1880 г.

Составляя в 1924 г. книгу «Народоволец Александр Михайлов», я и Анна Павловна Корба с любовью подбирали все крупицы о его деятельности и его личности. Это та книга, о которой автор выразился, что она рисует образ Михайлова во всю его величину. Но сведений о том, что во времена «Народной Воли» он принимал живое участие в редакционных работах партийного органа, в ней нет — мы не нашли их. Наконец, теперь, прочитав в первый раз произведение Кузьмина в рукописи, для того, чтобы проверить себя, я обратилась к Анне Павловне с рядом наводящих вопросов: о редакции «Народной Воли», о сотрудниках и лицах, которые так или иначе содействовали доставлением статей, заметок и вообще наиболее интересовались этим делом и посещали заседания редакторов. Я думала, не назовет ли она Александра Дмитриевича. Нет! она не назвала его [1].

В противоположность этому, в предшествующий период, период тайного общества «Земля и Воля», Михайлов принимал самое горячее участие в редакционных делах органа общества, носившего то же название. Об этом есть яркое, красочное воспоминание Г. В. Плеханова. Оно так живо рисует Александра Дмитриевича, что я решаюсь привести соответствующую цитату, хотя воспоминание Георгия Валентиновича, впервые напечатанное за границей, приведено в вышеупомянутой книге (с моими примечаниями) и находится также в полном собрании его сочинений.

---

[1] В том же письме, которое редакция журнала „Каторга и Ссылка“ найдет, быть может, полезным опубликовать, она пишет: „О редакции „Н. В.“ я могу сказать, что во время своего пребывания в Петербурге, т. е. во весь почти 1880 г., Н. Н. Колодкевич входил в состав редакции“.

Об этом я не знала и не слыхала.

«Не будучи никогда литератором ни по случаю, ни по призванию, — пишет Плеханов, — он не пропускал ни одного собрания редакции издававшейся тогда «Земли и Воли»[1]: он не мог быть спокоен, пока не знал состава приготовляемого номера и содержания каждой его статьи. Редакция до такой степени привыкла к присутствию Михайлова на ее собраниях, что часто отсрочивала их, если он был чем-нибудь занят. «Я очень люблю читать Михайлову свои статьи, — говорил мне один из членов редакции, — замечания его так удачны, так метки, что с ними почти всегда приходится согласиться, и часто я переменяю весь план статьи, прочитавши ему черновую рукопись»[2]. Критические приемы Михайлова не лишены были некоторой своеобразности. Кроме согласия с программой, доказательности и хорошего слога, он очень ценил в статьях краткость изложения. Как только на собрании редакции приступали к чтению имеющихся в ее распоряжении рукописей, А. Д. вынимал часы[3]... и замечал, во сколько времени может быть прочитана та или другая статья. «Не торопитесь, потише, — останавливал он читающего, — публика читает обыкновенно медленнее... 25 минут, несколько длинно... Вы бы как-нибудь покороче; а кроме того, я хотел вам заметить»... — следовали замечания по существу дела.

Выход каждого номера «Земли и Воли» ознаменовывался некоторым торжеством в квартире Михайлова. Тогда бывало «разрешение вина и елея». В маленькой комнатке наш «Катон-цензор», как называли мы его тогда, — приготовлял скромное угощение. Часов в девять вечера появлялись виновники торжества — члены редакции «Земли и Воли», и начиналось «празднество». Михайлов откупоривал бутылку коньяку, наливал из нее каждому по рюмке и тотчас же запирал в шкаф. Затем выступали на сцену какая-то «рыбка» и чай со сладким печеньем. Спустивши штору и установивши «знак» для кого-нибудь из запоздавших, Михайлов оживленно и весело беседовал с гостями, отдыхая от тревог и волнений истекшего месяца»[4].

Это живое участие А. Михайлова в редакционных делах «Земли и Воли» не было ли поводом к мысли, что «Катон-цензор» продолжал играть ту же роль и в «Народной Воле»? Но то были одни времена, а потом начались другие. Петербургская

---

[1] Редакторами „З. и В.“ в то время были Тихомиров, Морозов и Плеханов.

[2] В I томе полного собрания соч. Плеханова в сноске он поясняет, что это был Тихомиров. См. мое примечание в книге „Народоволец А. Михайлов“. Цитата стр. 70—71 взята из той же книги.

[3] Пропускаю о качестве часов.

[4] „Народоволец Александр Михайлов“ Корба и Фигнер, стр. 204.

руппа землевольцев, служившая центром О-ва, состояла из немногих лиц (периодически от 3 до 6); теперь в Исполнительный Комитет входило 20—23 человека; масштаб деятельности «Земли и Воли» был несоизмеримо мал в сравнении с деятельностью Исполнит. Комитета и партии, принявшей характер всероссийской; установилось, хотя не всегда выдержанное, разделение труда и специализация; иные дела задумывались и осуществлялись теперь: дела великой важности и величайшей ответственности. Как член Исп. Комитета, А. Михайлов заведывал всеми денежными делами организации, а как члену «Распорядительной Комиссии», ему вместе с Фроленко и Тихомировым принадлежал общий надзор над всей деятельностью как групп, так и отдельных членов «Народной Воли». Редакция органа была в надежных руках — ему нечего было беспокоиться.

Обращаясь к тому, что в начале статьи я назвала неправильным подходом Кузьмина к «Народной Воле» как к изолированному эпизоду революционного движения, без связи с ее прошлым, я отмечу, что это игнорирование антецендентов партии народовольцев ведет его к ложному заключению, что взгляды, проводимые в газете «Народная Воля» о значении и роли народа в революции, представляют «прорывы» землевольчества и обязаны своим происхождением влиянию Михайловского.

Загляни он в прошлое и внимательно отнесись к нему, он не должен бы искать источника землевольческих идей где-то на стороне и приписывать их влиянию Михайловского — он увидал бы естественный источник их в самих народовольцах — в том, что «Народная Воля» вышла из недр общества «Земля и Воля». Он увидел бы, что при разделении этого общества в Исполнительный Комитет вошли 12 членов [1] этого общества и 6 других лиц из периода «движения в народ»: Желябов, Колодкевич, Ширяев, С. Иванова, Якимова и Грачевский.

Он заметил бы, что Исполнительный Комитет, этот основоположник и центр будущей партии, не отказывался от родства с «Землей и Волей», при разделении общества настаивал на сохранении за новой партией прежнего названия и лишь после споров с чернопередельцами пошел на соглашение, что ни та, ни другая часть прежней организации не будет пользоваться ее девизом.

И на учредительных заседаниях в Лештуковом переулке, на квартире, где хозяевами были я и Квятковский, лишь только

---

[1] Морозов, Михайлов, Квятковский, Тихомиров, Фроленко, Перовская, Зунделевич, Баранников, Ошанина, Бух, Сергеева.

было приступлено к выработке программы, в первых же строках ее было провозглашено: «По основным своим убеждениям мы — социалисты и народники» [1], и в прениях по этому поводу указывалось на необходимость этого термина, как подчеркивающего, что, изменяя фронт борьбы, мы не порываем с прошлым, в котором землевольцы тоже называли себя «народниками». И какие, в самом деле, были бы мы «народники», если б отрицали значение и роль народа в революции во имя сознанных им потребностей и идеалов!

Передовые «Народной Воли», которые Кузьмин по изложенным в них взглядам именует «прорывами», на самом деле написаны в духе первого отдела программы Исполнительного Комитета, напечатанной в № 3 «Народной Воли» (1 янв. 1880 г.) [2]. В том же духе написан документ того же 1880 г. — «Подготовительная работа партии» и «Программа рабочих членов партии «Народная Воля».

Каждый, желающий ознакомиться с этими документами, может убедиться в этом.

Идея революции без народа принадлежала Морозову, крайнему террористу, находившему, что партия «Народная Воля», как она сложилась осенью 1879 г. и выразилась в программе Исполнительного Комитета, опубликованной в № 3 органа, отклоняется от программы Липецкого съезда. Террористические взгляды Морозова нашли свое полное выражение в брошюре «Террористическая борьба», написанной и изданной им за границей в 1880 г., а в 1879 г., во время редактирования им «Народной Воли» совместно с Тихомировым, его взгляды послужили причиной, почему Тихомиров отклонял статьи его. Каковы бы ни были взгляды самого Тихомирова (а Русанов считает его якобинцем, и Кузьмин ссылается на него) [3], ни свои личные взгляды, ни личные взгляды Морозова

---

[1] Везде, где разрядка не будет оговорена, она будет принадлежать мне.

[2] См., напр., ст. „Желательная роль народных масс в революции", в № 4 „Народной Воли" (5 декабря 1880 г.). Неужели это только „прорыв"?

[3] По этому поводу я обратилась к Морозову с вопросом: считает ли он, что Тихомиров был якобинцем? Он ответил: „Относительно якобинства Тихомирова—не возражаю. Он часто говорил о захвате власти" (в письме от 26 июля 1929 г.). Вероятно, Морозов не вдумался в свои слова; если я понимаю верно термин „якобинизм", то под ним подразумевается не захват власти, а метод последующего употребления ее. А самое употребление ее зависит от многих наличных условий и обстоятельств. Скажем, напр.: в некоем царстве, в некотором государстве совершилось падение монархии, образовалось временное правительство, но оно не объявляет республики... Что же мы, революционеры, хвалить будем? вот настоящие широко-общественные деятели — не какие-нибудь якобинцы! Или, несмотря

он, как член строго организованного революционного коллектива, не мог допускать в органе партии, доверившей ему охрану и проведение ее собственной программы. И он не допускал их.

Вследствие этого Морозов, считая, что пером своим он не может быть полезен организации, взял на год отпуск за границу, как он писал мне оттуда в 1880 г. По непредвиденному счастливому стечению обстоятельств это письмо, чрезвычайно характерное и для некоторых утверждений Кузьмина сокрушительное, находится в моих руках. Но прежде, чем привести его целиком, я сделаю две небольшие выписки из второй главы работы Кузьмина («Сотрудники», раздел 1-й) и главы четвертой («Редакторы», раздел 2-й). В первом случае, передовую статью в № 2 «Народной Воли», которую до сих пор совершенно правильно все считали принадлежащей Тихомирову, Кузьмин, сославшись на самого Морозова, признает написанной Морозовым. Статья эта, говорит Кузьмин, многокртно цитировалась в русской литературе как «типично народовольческая». «Это та самая статья, из которой еще в дореволюционное время приводилась критиками «Народной Воли» в доказательство ее преувеличенного представления о своих силах (или силах «критически мыслящих личностей») следующая цитата:

«Предположим в самом деле, что наше правительство, от каких бы то ни было причин (вследствие повсеместной революции, вследствие собственного истощения, в связи с нравственным давлением всех слоев населения и проч.), принуждено ликвидировать свои дела. Составляется самостоятельно или по приглашению правительства Учредительное Собрание, снабженное приговорами своих избирателей (в роде cahiers в Assemblée constituante). В этом собрании 90% депутатов от крестьян и — если предположить, что наша партия действует с достаточной ловкостью — от партии» (подчеркнуто Кузьминым).

на народный вековой взгляд, что земля ничья, божья, и должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает, несмотря на полувековой стон народа: „земли, земли!“, в разгар революции, когда фактически он уже овладел землей, — временное правительство, из боязни узурпировать права будущего народного представительства, не решается и не декретирует, что частная собственность на землю упраздняется... Что? это неякобинство тоже наиболее соответствует истинно-революционному сознанию?

Если голос народа ясно и определенно говорит, то революционное временное правительство своим декретом только санкционирует Народную Волю.

«Подчеркнутые нами слова казались всегда ярким свидетельством народовольческого «утопизма». Но замечательно, что выборы в Учредительное Собрание 1917 года показали, насколько правым по существу оказался в этом случае Н. А. Морозов: буржуазные партии имели действительно не более 10% голосов» [1].

А в главе четвертой Кузьмин пишет, что «в первых трех номерах «Народной Воли» роль Тихомирова отступает на второй план по сравнению с ролью Морозова. Если не фактическим редактором (а он как-раз был таковым! *Ф. В.*), то во всяком случае тем, что мы назвали секретарем редакции, является в то время не Тихомиров, а Морозов. Между тем это был самый ответственный период в истории народовольческой журналистики».

После этой выписки обратимся к вышеупомянутому письму Морозова ко мне. Я привожу его текст полностью, так как оно в высшей степени интересно и важно не только для опровержения взглядов Кузьмина на роль Тихомирова и Морозова в период, который он называет самым ответственным в истории народовольческой журналистики. Оно важно для обрисовки взглядов Морозова в тот период и взаимоотношений его, с одной стороны, и представителей партии «Народная Воля» — с другой.

Это письмо также покажет автору разбираемой исследовательской работы, как Морозов относился к роли секретаря редакции, которую так подчеркивает Кузьмин. Конечно, Морозов метил и, по своим способностям, имел полное право метить, гораздо выше, чем собирание и упорядочение хроники арестов и т. п.

Вот это письмо:

«Дорогой друг.

Сейчас получил твое письмо и, по правде сказать, был очень удивлен и огорчен им. Ты упрекаешь меня в том, что мы поехали сюда, когда были нужны для дела. Но дело в том, что это не так, и у меня были все данные для противоположного заключения. Чем я мог бы быть вам полезен? Первое — литературой. Но я писал к каждому номеру «Народной Воли» целые вороха статей, и из них с грехом пополам кое-как прошла только одна— «По поводу казней» (№ 2); все остальные были признаны

---

[1] Автору следовало бы вспомнить, что 1917-й год не 1879—1880-й, и крестьянство за 50 лет, особенно за время войн японской и империалистической, шагнуло неизмеримо далеко вперед. Роль революционных партий во всей стране в то время была громадная.

Львом [1] негодными, а я никогда не позволял себе настаивать на своем; это была бы безобразная конкуренция. Так как здесь Сергей [2] и некоторые другие эти статьи очень хвалят (я уже написал кое-что в том же духе, как в России), а ваши ругали, то я не имею данных сказать утвердительно, были ли мои статьи забракованы по их плохости или по чему другому. Уезжая я думал, что они забракованы по их бесталантливости, теперь думаю, что единственно потому, что все они стояли на точке зрения партии и не задавались целью соединять воедино несоединимые и никуда негодные протест[ующие] элемент[ы] общ[ества]. Одним словом, в вашу литературу я оказался не годен; Дворник [3] предлагал мне бросить писать принципиальные статьи и употребить себя на хронику и тому подобное. Но это может делать и первый попавшийся встречный. Написать, что такими арестован такой-то, такой-то и такой-то, или поправить корреспонденцию— нет большой хитрости, и содержать при редакции для этого лишнего человека даже убыточно.

Разойдясь с редакционной организацией, я не думал выходить из общества, и мы с Ольгой предлагали отправить нас на юг для занятий с молодежью. Дворник и Андрей [4] нам на это ответили, что мы не м о ж е м быть отправлены для этого, потому что представителями партии мы быть не можем, ибо расходимся с ней во взглядах и стали бы вредно влиять на молодежь, воспитывая ее в духе своих личных мнений. Затем, когда отношения уже были близки к разрыву, Мих[айло] [5] явился и предложил решение Комитета—Ольге ехать на юг, а мне как крайнему террористу остаться и взять специальностью р е з а н и е п е ч а т е й (говорят, на случай моего отказа мне позволено было ехать на юг, но так как я в тот день не дал решительного ответа, то Мих[айло] и не передал мне этого, вероятно, оставляя его, по поручению товарищей, в запасе на крайний случай моего отказа). Печатей я много нарезать не мог бы, потому что от них у меня страшно болят глаза. О позволении ехать на юг я не мог и мечтать, слышав о вредном моем влиянии на молодежь. Выйти из компании и одному испробовать (?) какой-нибудь факт —

---

[1] Тихомиров. Далее зачеркнуто: „(я написал штук шесть больших статей т.-е. по 2 к каждому номеру), потому что стоял на точке зрения нашей партии (как эта точка зрения выразилась на Липецком конгрессе), а не на точке зрения Учредительного Собрания“.

[2] Кравчинский.

[3] Ал. Михайлов.

[4] Желябов.

[5] Фроленко.

глупо, ибо, по моему мнению, нужен не факт, а система фактов. Итак, мне оставалось ехать сюда, где у меня есть друг Сергей, и вместе с ним попробовать предпринять что-нибудь в своем духе. В Сергее я не ошибся, предпр[иятия], кот[орые] я хотел сделать для того, чтобы ворот. (возвратиться? *В. Ф.*) от Учредительного Собрания к соц. истор. 74 г., встретили сочувствие Чайковского. Сергей и пр. оказали помощь, будет скоро даже возможность издавать журнал и перевод (перевоз — *В. Ф.*) его.

Одним словом, дело не в «усталости», как ты думаешь, а в том, что таким образом я думаю принести больше пользы делу, чем вырезывание печатей в Петербурге.

Затем, ты говоришь «товарищ», то товарищ[ество] с центр[ализмом] не уживается; я сам когда-то увлекался идеей централизма, но, увидя грустные последствия, прямо заявил свою ошибку. Централизм — это чиновничество, а не товарищество. Если бы еще у меня были одни взгляды с центром, то как-нибудь дело сошло бы; но раз взгляды разошлись — то ничего и не осталось, что связывало бы с компанией, ни идеи, ни товарищества — и нитка порвалась.

И представь себе, чуть только я стал свободным человеком, как мои бывшие сочинов[ники] стали мне ужасно дороги, вся прежняя горячая привязанность, которую я питал к Льву, Дворнику и другим, вернулась, и вместе с возвращением энергии исчезло все» [1].

---

[1] Это письмо косвенно указывает, что редакторами первых трех №№ „Н. В“. были только Морозов и Тихомиров — никакого третьего не было.

По поводу этого письма Морозова я обратилась к нему с просьбой разъяснить непонятное место в конце второго абзаца этого документа, а именно: „В Сергее я не ошибся; предприятия, которые я хотел сделать для того, чтобы ворот. (возвратиться?—спрашивала я. *В. Ф.*) от Учредительного Собрания к соц. истор. 74 г., встретили сочувствие Чайковского“.

Он ответил: „Я сам теперь не понимаю, но думаю, что дело идет о следующем. Я тогда надумал издать историю хождения в народ в 1874 г. по рассказам самих участников, приводя их дословно и лишь цементировав своими общими соображениями в виде введения и заключения, а также вставленными рассказами по материалам, имеющимся в „Земле и Воле“, „Черном Переделе“, „Вперед'е“, „Общине“, „Набате“, „Начале“ и в протоколах судебных процессов, напечатанных в газетах, и держась объективно даже в изложении случайных фракционных полемик друг с другом и в своих соображениях связующего характера, введя туда и свой рассказ, приблизительно в том виде, как вышло потом в „Повестях моей жизни“.

В том же ответном письме по поводу резания печатей Морозов пишет:

„Теперь я этой мелочи, конечно, не помню, но раз она написана, то ясно, что этим предложением Фроленко меня тогда сильно обидел, и впредь

Ошибка по поводу автора передовой в № 2 «Народной Воли» лежит на Морозове; но, помимо того, что с той поры (1880 г.) прошло 50 лет, надо иметь в виду, что он уже в течение 5 лет так поглощен своим трудом о Христе, что вырвать его из мыслей, в которые он постоянно погружен, почти невозможно [1]. При свиданиях с ним в 1929 г. я каждый раз испытавала это на себе, когда старалась возбудить его внимание к некоторым вопросам, интересовавшим меня по прочтении рукописи Кузьмина... Но и у погруженного в себя, в мысли, которые его занимают, у него иногда вырывались те меткие, свойственные ему, краткие афоризмы, цена которым — золото. Так, на многократно повторявшийся вопрос: «в чем же была суть твоих разногласий с Тихомировым?» — он сказал: « Я хотел создавать настроение, а он — выражал существовавшее настроение». Морозов, являвшийся в революционной прессе, в «Листках Земли и Воли» (с марта 1879 г.)выразителем того боевого настроения, которое так ярко, стихийно и еще не объединенно охватило революционные группы крупнейших городов России в 1878 г., этот создатель, вместе с Квятковским и Михайловым, Липецкого съезда и тайной боевой группы «Свобода или Смерть» в недрах общества «Земля и Воля», — Морозов отщепился от Исполнительного Комитета, вокруг которого должна была образоваться партия. Он отщепился от него, когда этот Комитет, вместе с влившимися в него членами группы «Свобода или Смерть», выработал программу, более широкую. чем его программа действия по образу «Вильгельма Телля», формулированная им в Липецке. Письмо его ко мне из-за границы как нельзя лучше свидетельствует об этом и как-раз соответствует словам его: «Я хотел создавать настроение, а Тихомиров выражал существующее настроение».

Если бы Кузьмин не рассматривал наших писателей и редакторов-народовольцев как обыкновенных профессиональных писателей легальных изданий, — он должен был бы видеть в

до разъяснений я не знал, как мне отнестись к переводу на подобную механическую роль. Очевидно, это было личное мнение Фроленко, а я подумал, что так думают и другие.

Да и обиды тут не было: Фроленко не придавал никакого значения нашей литературе, но очень ценил мои гравировальные способности: один я мог вырезывать печати разных правительственных учреждений перочинным ножом из грифельной доски, так что оттиски их нельзя было отличить от настоящих на наших командировочных удостоверениях, и это казалось ему много важнее, чем писание каких-то программных статей".

[1] Я боюсь, что Морозов теперь даже не перечитал всей статьи, автором которой ошибочно признал себя.

Тихомирове выразителя идей того революционного коллектива (Исп. Комитета), к которому он принадлежал и который доверил ему руководство партийным органом и охрану верности его той программе, которая была выработана этим коллективом. И Тихомиров все время был верен ей. Кроме борьбы с Морозовым, который сам свидетельствует о ней в приведенном письме, я имею еще доказательство тому, что Тихомиров был выразителем идей партии «Народная Воля», как они выявлены в программе Исп. Комитета, не вдохновляясь никем со стороны. Его дает чрезвычайно интересная и важная статья С. Н. Валка в № 11/48 «Каторги и Ссылки» 1929 г.[1]. Она заключает переписку Морозова из-за границы с Тихомировым, как представителем Исполнительного Комитета. Сойдясь за границей с Ткачевым и Турским, Морозов пытался устроить союз якобинцев-набатчиков с «Народной Волей». Предлагались разные комбинации, как показывает следующая цитата из статьи С. Н. Валка[2]. Последний пишет: «Уже в апреле, либо в начале мая Морозов обратился к Исполнительному Комитету со следующим предложением от имени набатовцев, которое нам известно в черновике: «Общество Народного Освобождения» предлагает вам доставить всю типографию[3] и деньги на печатание и разъезды по распространению, одного хорошего наборщика и двух удовлетворительных [зачеркнуто: с тем, что][4], если вы [зачеркнуто: «Набат» говорит, что у него много денег... и предлагает] вступить [так!] с ним в федеративные отношения [зачеркнуто: Испол. Комит.] на следующих условиях: 1) Каждая группа совершенно самостоятельна, но орган общий. В нем печатаются распоряжения и того и другого общества или ни того, ни другого. В редакцию должен быть принят (при составе ее из трех человек) Ткачев. Орган [зачеркнуто: отрицает...] не [зачеркнуто: будет говорить о конституции и Земском Соборе] должен требовать[5]. «Набат» заявит, что он прекратил свое существование и присоединился к «Народной Воле». 2) Если на это вы не согласны, то «Общество Народного Освобождения» предлагает оказывать друг другу взаимную помощь, причем оно немедленно может [зачеркнуто: ссуд.

---

[1] „Г. Г. Романенко".

[2] См. стр. 40, 41. Для облегчения чтения я приведу цитату без тех сокращений слов, какие находятся на этих страницах в журнале.

[3] Дело происходило после ареста народовольческой типографии в Саперном пер.

[4] Разрядки в цитате не мои. *В. Ф.*

[5] Повидимому, не должен требовать конституции и Земского Собора.

дать денежную ссуду, помощь денежную] дать некоторые денежные средства без всяких формальных обязательств друг другу, кроме того, что «Набат» и «Народная Воля» заявят при удобном случае, то-есть напишут, напр., рецензию на ту или другую статью друг друга, что они ничего друг против друга не имеют. Я со своей стороны [зачеркнуто: должен] как простой посредник, совершенно объективно относящийся к делу, должен заметить, что у набатчиков деньги есть».

Валк продолжает: «Как видим, Турский, который вел эти переговоры с Морозовым, сознавал, что даже на федеративные отношения народовольцы не пойдут, и предлагал в виде формулы взаимоотношений хотя бы только словесное заявление с таким малоопределенным содержанием, как то, что «они ничего друг против друга не имеют». Но и на это народовольцы не пошли. Ответ Исполнительного Комитета получился в письме Тихомирова от 13(25) мая. Тихомиров писал:

«Анабаптистам передай—весьма благодарны за предложение, но в настоящее время в деньгах особенной надобности не имеем, заведение наше почти готово («не забудем, — прибавляет Валк,— что это было после ареста типографии в Саперном переулке, когда новая типография, на Подольской ул., № 11, еще не начала работать»); совместную редакцию во всяком случае считаем неудобной, принципиальных уступок никаких сделать не можем. Что касается временных отношений с ними, то мы просим анабаптистов, прежде всего, познакомить с их программой: что они думают сделать и как сделать, какими средствами. Мы с этим совершенно незнакомы. Просим выслать нам их орган и издания. Тогда и потолкуем об отношениях».

Из этой переписки видно, как Тихомиров выполнял волю того коллектива, к которому принадлежал. И, в противность мнению Русанова, на которого ссылается в своей работе Кузьмин, будто Тихомиров был якобинцем, другими словами, носил только личину народовольца, я считала и считаю, что воля Исполнительного Комитета в этом случае, как и в других, была волею и убеждением самого Льва Александровича. Но к этому после я еще возвращусь. А теперь приведу новое неопровержимое доказательство, что передовая № 2 «Народной Воли» не могла быть написана Морозовым, а написана Тихомировым, как в свое время считали его современники. 25 мая ст. ст. (1880 г.) Морозов передал Ткачеву ответ от Тихомирова и от себя писал [1], что его «очень огорчил этот ответ», так как он

[1] Стр. 41 и 42 статьи Валка.

«ожидал более удовлетворительного», что он сам довольно значительно расходится с программой «Народной Воли» и не видит, напр., пользы в требовании Земского Собора или Учредительного Собрания, так как это «при теперешних условиях народной жизни» приведет только к санкционированию самодержавия «новым плебисцитом». Морозов объяснял отказ народовольцев «старыми предрассудками» и выражал надежду на то, что «мало-по-малу установятся надлежащие отношения между вами и «Н. В.». «О дальнейших отношениях между «Обществом Народного Освобождения» и Исполнительным Комитетом,—говорит Валк,—нам ничего не известно. Однако, в том же письме Морозова Ткачеву была заложена основа для дальнейших переговоров уже между самим Морозовым и набатовцами. Мы видели только-что отношение Морозова к отказу Исполнительного Комитета, который он считает результатом «старых предрассудков». В конце же своего письма Морозов заявляет: «Во всяком случае, мои личные отношения останутся попрежнему самые хорошие, и я всегда окажу вам содействие во всяком террористическом или вообще полезном предприятии».

По прочтении вышеприведенных документов читатель может судить, не было ли скороспелым утверждение Кузьмина, что в первых трех номерах роль Тихомирова отходит на второй план перед ролью Морозова. Кроме собственного признания Морозова, что из его статей была помещена только одна: «По поводу казней» [1] и, стало быть, не он автор передовой в № 2 «Народной Воли»,—содержание этой передовой совершенно несовместимо с тем отрицательным отношением Морозова к Учредительному Собранию или Земскому Собору, легкий абрис которого имеется в письме ко мне и уж совершенно определенно выявлено в письме его к Ткачеву за границей в том же 1880 году, как это явствует из отрывка, приведенного мной из статьи Валка. И, увы, прозорливость о «90% депутатов от крестьян (в Учредительном Собрании), а если предположить, что наша партия действует с достаточной ловкостью,—от пар-

---

[1] В № 2 „Народной Воли“, ноябрь 1879 г. В заграничном издании, которым пользуюсь я, статья эта в оглавлении названа: „Наши мученики“, а передовая — „Задачи партии“. Явное дело, что о задачах партии, взгляды которой Морозов не разделял, — писать он не мог.

тии», относится не к Н. Морозову, как пишет Кузьмин, введенный в заблуждение, а к Л. Тихомирову [1].

---

[1] Чтобы покончить с литературной работой Морозова в „Народной Воле“, не лишне указать, что о статье „Памяти Квятковского“ (в № 4 „Народной Воли“) он сообщал Кузьмину, что возможно, что ее автором является он. Быть может, мои сведения по этому поводу будут не бесполезны для установления, кто писал ее.

Во время процесса 16-ти, происходившего в октябре 1880 г. (Квятковский казнен 4 ноября), я жила на общей квартире Исп. Комитета, хозяевами которой были: Ланганс и Анна Павл. Корба. Все заседания Комитета происходили тут, и сюда сносили наши товарищи (так как посторонние на эту квартиру не допускались) письма подсудимых, которые доставлялись через защитников родственниками судившихся — вероятно, сестрой Квятковского Юлией, медичкой, и моей сестрой Ольгой, бестужевкой. Они жили в квартире моей матери, и Юлия ходила на свидания к Ал. Квятковскому, а Ольга—к нашей сестре Евгении. Письма эти я переписала в особую тетрадочку, которая цела у меня и до сих пор. Это были: 1 письмо С. Ширяева; 2 письма М. Зунделевича; 1 письмо А. Преснякова; 1 письмо Квятковского к сестре; 2 письма С. Ивановой и 1 письмо сестры моей Евгении ко мне.

Письмо Квятковского заканчивается так:

«Тебе же на прощанье я скажу эти прекрасные стихи:

Милый друг, я умираю,
Но спокоен я душой,
И тебя благословляю —
Шествуй тою же стезей“.

А во втором письме Зунделевича, за подписью «Аркадий» (псевдоним, который он носил), он говорит:

«Если меня повесят, то пусть печатают мой процесс под следующим эпиграфом:

Великих жертв и чистых дел
Следы не пропадают:
Не смывают их волны морей,
И ветры не сметают.
Свой путь, когда-нибудь, другой
По тем следам проложит,
И не робеть перед грозой
Ваш дух ему поможет! (Из Лонгфелло.)

Я очень люблю эти стихи, часто их повторяю и не хочу с ними расстаться и по смерти.

Простите великодушно за слабость.

Аркадий».

Как-раз эти два стихотворения находятся в статье «Памяти Квятковского» и несомненно взяты из письма Квятковского и письма Зунделевича. Третью строку автор письма, видимо, не помнил точно.

Но, помимо этого: Квятковский казнен 4 ноября, статья напечатана в № 4 «Народной Воли», датированном 5 декабря. Морозов в это время находился за границей. Мыслимо ли, чтобы письма подсудимых были после 4 ноября посланы Морозову и успели во-время вернуться, чтоб попасть в номер от 5 декабря? Конечно, нет! И Морозов, погруженный в своего «Христа», просто не сверил даты. Да и у него, наверное, нет под рукой

На предыдущих страницах по поводу списка редакторов, приведенного Кузьминым, я сделала отвод А. Михайлова, как не бывшего в «Народной Воле» ни избранным, ни фактическим редактором. Из двух писем Морозова (ко мне и к Ткачеву) 1880 г. выяснена роль Морозова, редактора и писателя трех первых номеров «Народной Воли».

Теперь следует сказать о Н. К. Михайловском, находящемся в списке Кузьмина, о роли его в первый период издательской деятельности Исполнительного Комитета. Относительно этого у меня есть документ, совершенно категорического характера — письмо (от 26 июля 1929 г.) Морозова ко мне. В нем находится и рассказ о первом опыте Михайловского дать статью в «Народную Волю». Так как письмо начинается рассказом об этом опыте, то, чтоб не изменять порядка изложения его, начну с этого же и я.

В главе первой, в конце 3-го раздела, Кузьмин говорит, что Н. К. Михайловский сразу занял первое место среди легальных сотрудников «Народной Воли». А Иванчин-Писарев в своих воспоминаниях рассказывает [1], что «для Н. К. Михайловского участие в революционном органе не представляло ни малейшей трудности. Для «Народной Воли» он писал статьи так же легко, как для «Отечественных Записок», не изменяя ни своего слога, ни обычной манеры убеждать читателя».

А несколькими страницами раньше Писарев указывает: «К началу сентября Н. К. Михайловский еще не вернулся из Кисловодска, куда ездил отдыхать почти каждый год, и не успел приготовить статью для первого номера, так как наборщики тайной типографии требовали срочной доставки материала».

В этом случае и Кузьмин, и Писарев ошибаются: Николай Константинович не уловил сразу ни тона, каким надо писать в революционном органе, ни темы, на которую в нем надо писать. В этом отношении он испытал ту же участь, которую испытали его товарищи по легальной прессе Скабичевский и Кривенко, как об этом очень хорошо рассказывает Иванчин-Писарев.

книги «Литература Народной Воли». Сверх того, к чему было бы усложнять пересылками за границу такое простое дело, как написание маленькой статейки «Памяти Квятковского».

Наиболее правдоподобным является предположение, что она написана Лангансом, который имел под рукой на общей квартире весь нужный материал для этого.

[1] Стр. 283 и стр. 277 восп. Писарева „Хождение в народ". Изд. „Молодая Гвардия".

У Михайловского, как и у них, первый блин вышел комом. Вот что по этому поводу пишет Н. Морозов в письме ко мне от 26 июля 1929 г.:

«С Михайловским я познакомился через Анну Павловну (Корба; она пишет наоборот, что он дал ей рекомендательное письмо к Михайловскому) или вскоре после Липецкого съезда, или очень незадолго до него. Я ему дал последние №№ наших изданий. (Это были «Листки Земли и Воли», которые редактировал и составлял Морозов в духе нового политического направления, чем вызывал резкую оппозицию Плеханова[1]. Зашел еще раз через несколько дней и, узнав, что он относится сочувственно, посоветовался с товарищами и предложил ему написать что-нибудь для нас. Затем приехал Иванчин-Писарев, тоже (помимо меня) познакомился с Михайловским и принес от него статью программного характера (подчеркнуто мною. *В. Ф*)., сущность которой заключалась в том, что земля, как произведение самой природы, не может быть в чьем-либо владении, а должна быть выделяема всякому, кто заявит о желании ее обрабатывать. Она заканчивалась словами: «Садись на землю—и земля твоя». Когда Иванчин-Писарев в присутствии меня и Тихомирова прочел ее вслух, то, после окончания чтения, я шутливо воскликнул: «Ложись на землю—и земля твоя!» Тихомиров рассмеялся, а Иванчин-Писарев сохранил, повидимому, дипломатически, серьезный вид.

Я сказал затем, что эта статья, где автор подделывается под народный говор (подчеркнуто мной. *В. Ф.*), не подходит для журнала, имеющего читателем исключительно интеллигенцию, и надо просить Михайловского написать что-нибудь обычным литературным языком, и не по программным вопросам, так как при конспиративном характере нашей организации человеку, целиком не вошедшему в ее деятельность и не участвующему в наших интимных совещаниях, особенно в момент, когда у нас идет невидимая ни для кого постороннего борьба двух течений (народовольческого и чернопередельческого), взять нужный при этих условиях тон очень трудно, и статья эта более подошла бы для органа Плеханова и Попова... Тихомиров (а мы только двое и были редакторами в то время) согласился со мною, и мы просили Иванчина-Писарева высказать это в деликатной форме Михайловскому и просить на-

---

[1] Эти „Листки З. и В.“, №№ 1, 2, 3, 4 и 5, так возмущали Плеханова, что на Воронежском съезде, когда состоялось постановление: „Программу „З. и В.“ сохранить, но, на ряду с главным органом, продолжать издание листков агитационного характера“, — Плеханов встал и со словами: „здесь больше мне нечего делать“, покинул съезд.

писать на обычном интеллигентном языке статью, не относящуюся к земельному вопросу.

Мне лично в это время почему-то недели три не было возможности видеться с Михайловским, и потому свидания с ним невольно перешли к Иванчину-Писареву (и почему-то происходили не на квартире Михайловского, а в ресторанах, куда я принципиально не ходил). Потом Иванчин-Писарев познакомил с Михайловским и Тихомирова.

Не прошло и двух недель, как Иванчин-Писарев принес мне (кажется, придя уже вместе с Тихомировым) другую статью Михайловского, кажется, под названием «Письма из-за границы», оканчивающуюся восклицанием: «Vogue la galère!» якобы от эмигранта, которая мне понравилась и была помещена в ближайшем номере. Затем, кажется, было еще «Письмо из-за границы», относительно которого у меня не сохранилось ясного воспоминания [1], а потом типография «Народной Воли» была арестована, журнал прекратился, и я на год уехал за границу по причинам, о которых тебе уже писал месяц тому назад [2].

Каковы были отношения Михайловского с «Народной Волей», возобновившейся после моего отъезда за границу и издававшейся после моего ареста на возвратном пути оттуда [3], я, конечно, не знаю. Но вплоть до взрыва в Зимнем Дворце [4] портфель редакции был у меня одного, все статьи передавались мне, сношения с типографией производились исключительно через меня. Ни одной статьи я не помещал без соглашения с Тихомировым, так как ответственными редакторами были только мы двое, а Иванчин-Писарев приглашался с совещательным голосом, только когда приносил какую-нибудь статью, причем желал, чтоб мы обсудили ее при нем (так мы делали и с другими авторами, хотя и не всегда).

В это время никакого руководящего влияния Михайловского абсолютно не было, и он ни разу не присутствовал в редакционных собраниях первоначальной «Народной Воли», окончившейся с арестом типографии» [5].

---

[1] Было помещено еще при Морозове в № 3 „Народной Воли“, от 1 янв. 1880 г.

[2] Это письмо будет использовано в надлежащем месте.

[3] В январе 1881 г.

[4] 5 февраля 1880 г.

[5] Замечу, что речь идет о первых трех номерах „Народной Воли“, самых важных в принципиальном отношении, как полагавших основы нового направления в революционном движении. Типография в Саперном, печатавшая 1-й, 2-й и 3-й номера, была арестована 17 января 1880 г.

В дальнейшей части письма, вероятно, отвечая на мой вопрос, Морозов пишет: «Я думаю, что в № 1 «Народной Воли» не было статьи Михайловского, потому что туда он дал уже упомянутую статью: «Садись на землю—и земля твоя».

После всего вышеизложенного неправильность утверждений Кузьмина и Иванчина-Писарева дальнейших доказательств не требует. Оно показывает также, что в первое, самое ответственное время народившейся партии единственными редакторами «Народной Воли» были два члена Исполнительного Комитета—Тихомиров и Морозов, и Н. К. Михайловский тут не при чем.

Итак, если из ранее приведенного письма Морозова (от 1880 г.) мы видели, что Морозов, как крайний террорист, не имел, можно сказать, ходу в народовольческой литературе первого периода издания партийного органа, а из только-что приведенного письма от 26 июля 1929 г. явствует, что и Михайловский в этот период никакой роли и значения не имел, то кто же, как не Тихомиров, играл в издании первых номеров «Народной Воли» главную, руководящую роль? И прав ли был Кузьмин, объявляя свое открытие, что, в противность издавна утвердившемуся мнению, репутация Л. Тихомирова, как главного писателя «Народной Воли» и выразителя идей партии, есть «не что иное, как миф»?

Здесь, кстати, надо сказать, что невероятно показание Иванчина-Писарева относительно передовой статьи Тихомирова в № 1 «Народной Воли». Вот что он пишет: «Передовая статья Л. А. Тихомирова являлась особенно важной для определения направления, в каком будет развиваться деятельность партии «Народная Воля» и вестись газета: Николай Константинович уделил ей исключительное внимание при обсуждении ее вместе с автором». И дальше: «По поводу этого первого выступления Тихомирова в «Народной Воле» Николай Константинович сказал мне: «Ни один из легальных литераторов не сумеет писать на эти темы так ясно и убедительно, как Лев Александрович: он—революционный публицист большого таланта» [1].

На странице перед тем Писарев писал: «К началу сентября Н. К. Михайловский еще не вернулся из Кисловодска, куда ездил отдыхать почти каждый год, и не успел приготовить статью для первого номера» [2].

---

[1] „Встречи с Н. К. Михайловским". Иванчин-Писарев — „Хождение в народ", стр. 278.

[2] Мы видели, что статья была.

Статья Тихомирова, о которой идет речь, датирована 20-м сентября. Каким образом Михайловский, не возвратившийся к началу сентября из Кисловодска, мог уделить статье Тихомирова исключительное внимание при обсуждении ее вместе с автором?

И отзыв Михайловского о первом выступлении Тихомирова звучит для меня скорее, как отзыв по прочтении статьи его уже в напечатанном виде (№ 1 «Н. В.» вышел 1 октября).

Интересно, как Кузьмин манипулирует со словами Иванчина, подчеркнутыми мной. Он говорит: «При составлении Тихомировым передовой статьи для № 1 «Народной Воли» повторилась та же картина, как при разработке писем «Из деревни» Иванчина-Писарева».

А картина эта, по описанию Кузьмина, такова: «Под непосредственным руководством и по его упорным настояниям писал он (т.-е. Писарев) статьи для «Народной Воли». Михайловский не только просматривал их в рукописи после того, как они были закончены, но даже руководил работой Иванчина-Писарева еще в самом процессе ее, настолько большое значение он придавал его деревенским наблюдениям и вообще всему уроку его пропагандистской практики».

Вот во что разрослись слова Писарева!

Замечательно, что сам Писарев по поводу своих деревенских очерков пишет только следующее: «Естественно, я очень интересовался, что скажет Николай Константинович относительно моих очерков «Из деревни». Он ответил: «Вы отличаетесь редким даром писать так, как рассказываете». И только! А у Кузьмина—не только просматривал в рукописи, «но даже и руководил работой Иванчина-Писарева в самом процессе ее».

Так в исследовательской работе описываются факты... Ловко!

И таких перелицовок действительности можно найти в труде Кузьмина множество. Чтобы отметить их, нужно бы исписать целые вороха бумаги. Но и того, что сказано и по необходимости будет еще сказано, вполне достаточно для характеристики исследования народовольческой журналистики Кузьминым.

Отрицательное отношение к Тихомирову, проводимое систематически в труде Кузьмина, не представляет ли примера того порядка явлений, что, если человек пал политически или морально, то для него нет справедливости, и надо отнять у него

все его прежние заслуги? И по отношению к Тихомирову это делается в полной мере.

Так, Н. Русанов в своей книге «В эмиграции» [1], говоря о недостатке физического мужества у Тихомирова, повествует: «Александр Михайлов быстро разглядел эту печальную особенность Тихомирова и первое время пытался воздействовать на своего товарища, которого в общем очень любил, а затем просто принял в расчет его психологию и всячески старался не ставить его в положения, где прежде всего нужны были крепкие нервы.

«Подтянись, Лев, подтянись, старичок! Видишь, какими орлами наша молодежь ходит» — дружески увещевал Михайлов Тихомирова, давая ему в провожатые юношей из рабочей дружины, которые шли с револьверами наготове недалеко от Тихомирова, когда ему во время страшных петербургских арестов приходилось итти куда-нибудь на опасное конспиративное свидание».

Тут, что ни слово, то легковерие и легкомыслие.

Никогда ни Михайлов и никто из нас не говорил таким сюсюкающим языком. Никогда, никому не давали провожатых рабочих с револьверами на готове. В те времена не было революции, когда некоторым, как рассказывает Русанов о самом себе, были нужны провожатые, чтоб пройти все заставы и преграды на улицах. В наше время это могло бы только компрометировать провожаемого и было бы недопустимо с точки зрения конспирации, так как давало бы свите сведения об улицах и квартирах, адреса которых хранились в строжайшей тайне. Право, стыдно читать такие анекдоты.

К той же категории принижения человека, который пал, относится и сопоставление Кузьминым литературной деятельности в легальной прессе Тихомирова и Михайловского. Автор разбираемой книги дал ей заглавие: «Народовольческая журналистика», и на протяжении своей работы говорит о газете «Народная Воля», о ее действительных и предполагаемых им редакторах, о сотрудниках, об организации типографии «Народной Воли», о работавших в ней, их отношениях и т. д.

Тема самая определенная. Возможно, что было бы весьма интересно серьезное исследование статей Тихомирова в «Деле» и в «Слове» с точки зрения самостоятельности его идей и тех заимствований, которые он мог делать из произведений Михайловского, да и не одного его, а и у других писателей, под влиянием которых он развивался. Но это—совершенно другая тема;

---

[1] Изд. политкаторжан. М. 1929 г.

втискивать ее в рамки исследовательской работы по журналистике революционного органа партии «Народная Воля» было совершенно излишне: теперешний средний читатель не пойдет за проверкой утверждений Кузьмина в книгохранилища, чтоб обратиться к журналам, выходившим 50 лет тому назад. Быть может—заимствовал идеи, быть может—заимствовал факты... Но что ж из этого? Никто не провозглашал Тихомирова первоклассным писателем легальной прессы. Все в свое время заметили его публицистические статьи—и только [1].

Всякий знает, что в области легальной прессы Михайловский и Тихомиров—величины несоизмеримые. И как их соизмерять?!

Михайловский начал писать еще в 60-х годах; к концу 70-х он был уже первоклассным литератором в общей прессе. В то время он был отлично обеспечен: кроме литературного заработка, он, как один из трех редакторов лучшего передового журнала «Отечественные Записки», получал, как я слышала тогда, 6 тыс. руб. (если не больше) в год. И немудрено: «Отечественные Записки» имели 12 тысяч подписчиков! Он имел прекрасную квартиру, где в его кабинет не доходил ни крик детей, ни чад кухни. В этом обширном кабинете стены с пола до потолка были уставлены книгами литературных произведений всех европейских стран; к услугам хозяина были под рукой последние достижения науки и литературы по всем областям, которые интересовали его и были нужны для его собственных литературных работ. И он отдавался им в спокойной, легальной, материально обеспеченной жизни... А Тихомиров?! Совлеченный со студенческой скамейки в 1874 г., он попадает в Петропавловскую крепость и остается в ней три года, пользуясь скудной тюремной библиотекой. Освобожденный в январе 1878 г. после процесса 193-х, он едет на Кавказ повидаться с родными; к осени возвращается в Петербург нелегальным (чтоб не быть, подобно другим, сосланным административно) и вступает в члены О-ва «Земля и Воля». Здесь, с плеядой блестящих сотрудников (не менее блестящих, чем редакторы и сотрудники «Народной Воли», уважаемый автор!): Кравчинским, Клеменцом, Морозовым и Плехановым, при постоянном участии А. Михайлова, в редакционном коллективе «Земли и Воли», который так ярко обрисовал Плеханов, был выкован тот тип революционной газеты, о котором с такой хвалой пишет

---

[1] Я сама недавно с увлечением прочла его статью по поводу 1 марта, в которой он с блеском обрушивается на „Московские Ведомости", измышляющие формы борьбы с революционерами.

автор, говоря о «Народной Воле», но, не заглядывая в прошлое, конечно, все относит к Михайловскому, редактору толстого ежемесячного журнала. «Весь этот редакционный опыт он мог использовать в «Народной Воле»,—говорит он,—и при своей поразительной работоспособности, при умеьи руководить другими, не насилуя их индивидуальности и не давая им чувствовать извне, он достигал своих целей легко и свободно и незаметно для других». Удивительное дело! Как это землевольцы без участия опытного редактора толстого журнала сумели и смогли с октября 1878 г. по 14 июня 1879-го выпустить 5 номеров газеты «Земля и Воля» и 6 номеров «Листка Земли и Воли»...

Итак, с редакционным опытом и литературным навыком, Тихомиров и Морозов при разделении О-ва «Земля и Воля» перешли в «Народную Волю», и на учредительных заседаниях в Лештуковом переулке, при постановлении о том, что орган новой партии будет носить название «Народная Воля», оба они были назначены редакторами его, чем они, и только они и были до января 1880 г., когда после выпуска 1-го, 2-го и 3-го №№ «Нар. В.» и ареста типографии в Саперном Морозов уехал за границу, и Тихомиров остался в единственном числе вплоть до организации новой типографии на Подольской, № 11, к июню месяцу. Тогда, в июне, при явившейся возможности продолжать издание, — в помощь Тихомирову были одновременно в редакторы приглашены: Иванчин-Писарев, член партии, и Михайловский, не состоявший им. Но как жил Тихомиров—редактор «Народной Воли» и сотрудник легальных журналов «Дела» и «Слова»?

Я бывала у него. В маленькой, невзрачной квартире из двух комнат и кухни помещался он с женой и ребенком. Жили они без прислуги: Екатерина Дмитриевна сама кормила ребенка и стряпала. Были ли там при скудной обстановке книги? Разве 2-3, взятые у знакомых или из библиотеки! Нелегальный, без определенных средств к жизни втроем, без всякого домашнего уюта и хотя бы тишины и покоя... отвлекаемый заседаниями в «распорядительной комиссии», заседаниями общего собрания членов Исполнительного Комитета и собраниями редакции,— мог ли Тихомиров углубиться в себя, пополнить пробелы образования,—смешно сказать накоплять знания!—следить за выходящими журналами, газетами и писать, писать на два фронта!.. Нет! тут уж нечего делать сопоставления и отыскивать каких-нибудь ботокудов из ученого арсенала известного писателя и редактора толстого журнала.

Я уже не раз упоминала о заседаниях в Лештуковом переулке, о выработке на этих заседаниях основ программы новой партии, о постановлении сейчас же издавать печатный орган под названием «Народная Воля» и о выборе двух первых наших редакторов.

Не смешны ли после этого повествования Кузьмина (гл. IV— «Редакторы». Раздел 4-й —«Михайловский»): «После Липецкого съезда [1] и разделения «Земли и Воли» на две части [2] Михайловский считал необходимым прежде всего основать новый печатный орган и сосредоточить в нем все литературные силы партии на пропаганде и защите идеи политической борьбы». Помилуйте, многоуважаемый автор, почему бы вам не сказать, что «Исполнительный Комитет считал необходимым прежде всего...» и так далее, заменяя имя Михайловского названием: «Исполнительный Комитет». Тогда это была бы правда. А далее вы могли бы продолжать: и в то время, как в Лештуковом переулке с необычайной быстротой это постановлялось и осуществлялось, Михайловский, сидя в своем кабинете с Иванчиным-Писаревым, говорили о той же необходимости и т. д... Вот что соответствовало бы действительности.

Надо сказать, что предусмотрительность и энергия родоначальников политического направления революционного движения (Морозов, Квятковский, А, Михайлов) была поистине изумительна: кроме того, что в их группе «Свобода или Смерть» в собственной мастерской был приготовлен весь динамит, нужный для покушений в трех местах, у них была наготове и своя типография. Моментально, после раздела, одновременно с наймом и устройством квартиры для заседаний в Лештуковом, была нанята квартира в Саперном. Чернопередельцам, к неудовольствию Попова, был отдан новый типографский шрифт [3], купленный Зунделевичем за границей, а нам достался тот, которым печаталась «Земля и Воля». Хозяевами в Саперном явились опытные в типографском деле: Софья Андреевна Иванова, работавшая в типографии Мышкина, и Н. Бух, работавший в первой подпольной газете, предшествовавшей «Земле и Воле»—«Начало», основанной поляком-революционером Венцковским и братьями Львом и Николаем Бух (с некоторыми другими). К ним же присоединились Лубкин и Грязнова из типографии «Земли и Воли». Четыре опытных наборщика! Немудрено, что через полтора месяца после раздела, 1 октября мог

---

[1] Он происходил 17 июня 1879 г.
[2] Разделение произошло около 15 августа 1879 г.
[3] Новым шрифтом труднее работать.

уже выйти № 1 «Народной Воли». Это, можно сказать, скорее скорого, и когда же, спрошу вас, Михайловский, по словам Писарева, не успевший к сентябрю вернуться из Кисловодска, мог многократно спрашивать последнего, «когда же выйдет газета»?!

Теперь, пожалуй, будет всего более кстати сказать об Александре Ивановиче Писареве, из воспоминаний которого Кузьмин черпает свои сведения о Михайловском, о работе последнего в «Народной Воле», об отношении его к этому органу и к Тихомирову, соредактором которого он был одно время.

В списке редакторов «Народной Воли» Кузьмин опустил, как я уже указывала, имя Александра Ивановича Иванчина-Писарева.

Быть может, в литературе «Народной Воли» нет указаний на это, и сам Писарев, в своих воспоминаниях о Н. К. Михайловском, ни одним словом не обмолвился об этом. Во всяком случае в редакторы «Н. В.» он был приглашен Исп. Комитетом одновременно с Михайловским в 1880 году, когда явилась возможность печатать «Листки Народной Воли» во временной типографии на Подольской ул., д. 11. Но и до этого с самого начала издания «Народной Воли» в 1879 г. Писарев был деятельным сотрудником Тихомирова и Морозова, как видно из письма последнего, а также из воспоминаний самого Писарева, где он описывает свои сношения со Скабичевским и с Кривенко при их попытках написать статьи для нашей газеты.

По той функции, которую он себе избрал, он как нельзя более подходил к привлечению легальных писателей к участию в партийном органе и к собиранию тех сведений из разных сфер: документов, анекдотов и политических сплетен для отдела «Мелочи», умелое составление которых так хвалит Кузьмин. Как человек умный и с литературным вкусом, он и как редактор, и как сотрудник был очень полезен «Народной Воле». Статей он написал немного—всего две: «Из деревни»—плод его жизни и наблюдений в качестве волостного писаря в Самарской и Саратовской губ. Его литературный жанр—фельетон, в какой форме и написаны его личные деревенские впечатления. Конечно, это была хорошая иллюстрация для подтверждения невозможности какой бы то ни было, хотя бы только культурной деятельности в народе при тогдашнем режиме полицейского строя России. Но не этим фельетонам было приостановить движение в народ, с бродячей ли, с оседлой ли пропагандой каких-нибудь идей. Движение остановилось раньше. В моей книге «Запечатленный труд», т. I, в главе «В народ не идут» показано, что приток людей к работе среди крестьянства прекратился еще в

период «Земли и Воли». Его убила безрезультатность или несоразмерность усилий и траты энергии с результатами общения с народом и пребывания в деревне за весь предшествующий период семидесятых годов. Ряд процессов 1877—1878 гг. показал воочию, что никаких группировок в деревне не удалось создать. В больших процессах: «50-ти», «193-х» среди подсудимых крестьян-земледельцев не было. Были рабочие, крестьяне по происхождению, но не по роду занятий,—фабричные, не порвавшие с деревней, но все же ушедшие из нее в города и промышленные центры [1]. Они и оказались более доступными для воздействия революционеров. За исключением этих бытовых фельетонов, Писарев не создал ничего сколько-нибудь значительного, хотя по возвращении из ссылки в 1892 г. имел неограниченные к тому возможности в «Русском Богатстве», за организацию которого, по его словам, он принялся тогда вместе с Михайловским.

Александр Иванович Иванчин-Писарев был молодец на свой образец.

Хорошего роста и телосложения, с белокурой шевелюрой, серыми выразительными глазами с влажным блеском, которые часто смотрели насмешливо и могли смотреть дерзко, он мог нарядиться волостным писарем и жить в соответственной этому званию обстановке, но в городе, в черной паре, имел солидный барский вид и сообразные тому манеры. Недаром, шутя, я называла его «предводителем дворянства»: он годился для приема депутаций, застольных и официальных речей и т. п. В то время, как мы все, профессиональные революционеры, чувствовали себя стесненными в буржуазно-либеральном обществе, он был там, как рыба в воде: не тяготился званными обедами, не прочь бы кутнуть в приятной компании и, как умелый рассказчик и ловкий собеседник, легко завоевывал симпатии и входил в приятельские отношения. Человек нелегальный и революционный пропагандист с 1873/74 гг., он принял программу «Народной Воли» и стал членом партии, взяв на себя под псевдонимом Зыбина работу «заводить и поддерживать связи в обществе», — как мы тогда говорили о создании вокруг организации сочувственного окружения. Когда Исп. Комитет предложил и мне такую же функцию, я почувствовала себя оскорбленной и огорченной и... ударилась в слезы. Так морально невозможным казалось мне не быть на рискованном посту, не разделять с другими членами Комитета опасности и ответственность, которым под-

---

[1] Организация Стефановича, как основанная на фикции, на обаянии царского имени, в счет итти не может.

вергались они. И мне уступили... Но никому бы и в голову не пришло предлагать и брать Александра Ивановича на какие-нибудь террористические акты или гибельную работу: его знали все, но никому не приходила мысль предложить его в члены Исп. Комитета. Среди революционеров у него была избранная группа: он был в хороших, но не близких отношениях с Клеменцом, с Кравчинским, позднее—в товарищеских отношениях с Юрием Богдановичем и, через него, с Соловьевым, со мной и моей сестрой Евгенией; я не говорю уже о Марье Павловне Лешерн, которая была предана ему всей душой. Саблин и Морозов, жившие у него еще в Потапове, имении его в Ярославской губ., где он вел пропаганду среди крестьян, находились с ним тоже в дружеских отношениях. Но он был нелюбим и землевольцами, и народовольцами. Какая-то невидимая и не формулированная преграда стояла всегда между ним и ими. Когда я стараюсь найти причину этому, я думаю, это зависело от инстинктивного сознания, что он не весь наш, не весь принадлежит революционному делу. В тех, кто не входил в ту избранную, как я ее назвала, группу, он недостаточно ценил моральные качества (я говорю о людях средних), и к ним у него было, как говорится, легкое отношение—насмешливое, насколько позволяло приличие, и, внутренно, несколько свысока.

Его положение по отношению к Исп. Комитету было далекое: он не знал ни состава его, ни имен, под которыми жили наши нелегальные, ни общих наших квартир; нечего и говорить, что он не бывал на наших совещаниях и общих собраниях, не был посвящен ни в какие конкретные замыслы и планы; не знал ничего о военной организации и провинциальных группах. Ему было известно только то, о чем можно было безопасно говорить среди «сочувствующих», в положении которых, за исключением дел редакционных, находился и Михайловский. Вот этим-то положением где-то на окраине, вне интимной жизни и деятельности Исп. Комитета, и объясняются его собеседования с Михайловским; другие неточности в его воспоминаниях зависели от того, что, живя в деревне, в Самарской, в Саратовской губ., он не мог следить за деятельностью и журналистикой землевольцев (в Петербурге) и их литературной предшественницы—газеты «Начало».

Должна отметить необыкновенную тактичность Писарева: никогда никому из нас он не задавал нескромных вопросов из области конспиративной деятельности Исполнит. Комитета.

Нельзя не спросить, почему Писарев в «Воспоминаниях о Н. К. Михайловском» в 1914 г. (в «Заветах») не упоминает, что он был одним из редакторов «Народной Воли»?

Наиболее правдоподобным объяснением того, что А. И. Писарев в своих воспоминаниях умалчивает о том, что он был одним из редакторов «Нар. Воли», мне кажется следующее.

После своего ареста 17 марта 1881 г., повидимому, он дал показания, которые его не очень компрометировали, и это было не трудно сделать, так как он не имел дела ни с одним предателем. На него, должно быть, донес хозяин квартиры, в которой он нанимал комнату: этого хозяина он однажды застал роющимся в его письменном столе. Свои воспоминания Писарев писал в 1914 г., при царизме, и возможно, что он хотел содержание их более или менее согласовать с тем, что в показаниях своих заявлял официально.

Уже в самом начале его текста я нахожу крупную ошибку: «Мой «провал» в конце марта 1879 года», говорит он, и в другом месте сообщает, что о выстреле Соловьева 2 апреля он услыхал в Финляндии.

Между тем, дело происходило так: должно быть, в феврале А. Соловьев, служивший волостным писарем в Вольском уезде, приехал в Вязьмино, где я жила с сестрой Евгенией, и объявил нам свое решение бросить деревню и ехать в Петербург, чтобы произвести покушение на Александра II [1]. Наши товарищи в Вольском узде—Ю. Богданович и Иванчин-Писарев—были, конечно, осведомлены об этом еще раньше. Из Вязьмина Соловьев увез Евгению Николаевну к ним в гости, что впоследствии стало известно.

Когда грянул неудачный выстрел Соловьева, все мы оставались до поры до времени на своих местах. Но следствие по делу Соловьева, постепенно развертываясь, докатилось до Вольского уезда. Друзья из Петербурга прислали к нам в Саратов нарочного, что оттуда отправляется комиссия для расследования на месте обстоятельств жизни, деятельности и связей Соловьева, и чтоб мы немедленно снимались с мест.

Первыми оставили свои места Богданович, Писарев и Лешерн. Марья Павловна из Саратова приехала в Вязьмино предупредить нас. После ее отъезда выехала в Саратов Евгения, а я, не желая придать своему уезду вид бегства, получила от земской управы отпуск, потребовала фельдшера и сдала ему медикаменты, книгу записей больных и пр., и уж после этого явилась к товарищам в Саратов. Все пятеро мы были в сборе и имели совещание: как быть дальше? Я предложила считать нашу землевольческую группу распущенной и предоставить каждому

---

[1] Подробности его посещения, как и всего последовавшего за этим, находятся в I томе собрания моих сочинений („Запечатленный труд").

свободу действия. О себе же сказала, что присоединюсь к обществу «Земля и Воля».

После этого Писарев и Лешерн уехали на север, а я с сестрой—в Тамбов, куда потом приехал и Богданович.

Все это не могло происходить ранее конца второй половины апреля.

Писареву как-то удалось отстранить от себя близкую связь с Соловьевым и осведомленность о его намерениях относительно царя.

В 1914 году Н. К. Михайловский уже умер, и о нем Писарев мог писать свободно, а в 1881 г. он, вероятно, молчал об участии в «Нар. Воле» как Михайловского, так и себя, и в воспоминаниях относительно своего личного участия в редакции предпочел умалчивать. Никакого другого объяснения неправильности д а т ы его отъезда из Саратовской губ. и молчания о том, что он был редактором нашего партийного органа с лета 1880 г. по день своего ареста в 1881 году, я не могу найти.

Кстати замечу, что меня удивляет у Писарева перечень лиц, участвовавших в обряде венчания Тихомирова с Екатериной Дм. Сергеевой. Он называет: Михайловского, Желябова, Ланганса, меня и себя.

Между тем, после венчания Тихомировы устроили небольшой завтрак у Палкина (а не ужин, как ошибочно вспоминает Михайловский). На этот завтрак была приглашена и я: ко мне зашел с этим приглашением Писарев [1], и мы отправились вместе. У Палкина, куда я попала в первый и, последний раз в жизни, мы застали, кроме «молодых», Ал. Михайлова и Баранникова, а о Михайловском нам сказали, что он приедет из дому. Присутствие Михайлова и Баранникова с Тихомировыми я поняла так, что все они приехали прямо из церкви. Все подробности сохранились у меня хорошо в памяти, потому что произошел инцидент, смешной, но не мало смутивший меня. На завтрак нам подали отбивные котлеты и бутылку какого-то вина, после чего Михайловский потребовал кофе и кюрасо, причем я наивно спросила, что это такое? Я выпила и мне понравилось... Потом я танцовала с хорошим танцором Писаревым, а Ек. Дм. заставили танцовать кадриль с Баранниковым, и много смеялись, потому что она еле ходила, до родов ей оставалось каких-нибудь две недели [2]. Когда подали счет, оказалось, мы напировали на 50 р. (!). У меня так и вытянулось лицо: кроме того, что мне

---

[1] Тогда я жила не на общей квартире, и Писарев бывал у меня.

[2] Я и на родах ее присутствовала, чтоб ей не было неприятно одной у акушерки, которую мне указал Н. Ф. Анненский, как свою знакомую.

казалось это неслыханным мотовством, я думала, что ни у кого из нас такой суммы в кармане нет... Михайловский вынул было портмоне и хотел платить, что, конечно, было бы неприятно, но Тихомиров поднялся со словами: «Нет, нет! Плачу—я!» и отдал деньги. У меня отлегло от сердца.

Тем дело и кончилось.

Кузьмин называет Михайловского вдохновителем «Народной Воли».

Мог ли быть вдохновителем партии действия, партии активной борьбы с самодержавием самыми жестокими средствами, — человек, стоявший вне революционной организации и чуждый всей ее внутренней конспиративной жизни?

Если под этим Кузьмин подразумевает вдохновительство литературное, то мы видели, что в п е р в ы й самый острый и важный период он оставался вне редакции, а затем: в чем же проявлялся воодушевляющий дух Михайловского? Неужели в волчьей пасти и лисьем хвосте Лорис-Меликова?

Не в том ли истина, что «Народная Воля» и народовольцы одушевляли Михайловского, а не Михайловский народовольцев?

Впервые он переступил порог легальности после выстрела Засулич и ее оправдания судом присяжных. Общий подъем, можно сказать, энтузиазм, охвативший тогда интеллигенцию всей России, захватил, одушевил и Михайловского. Через поляка-революционера Венцковского, одного из основателей первой подпольной газеты «Начало», в а п р е л е 1878 он передал в тогдашнюю тайную типографию этого издания «Листок № 1», помещенный впоследствии в полном собрании его сочинений. В нем он говорил, что все общественные дела д о л ж н ы перейти в общественные руки.

Д о л ж н ы! Но почему же должны, когда эти руки лежат, скрестившись на груди, бездействуют, не борются за этот переход общественных дел к ним?! Даром, без энергичных усилий, без обнаружения перед врагом своей с и л ы, без опоры в массах, нигде и никогда в с е общественные дела не переходили в общественные руки.

А далее Михайловский угрожает и как бы пророчествует, говоря, что иначе образуется Комитет народной безопасности, и тогда горе безумцам! и т. д. Это можно бы принять за счастливое предвидение, но — увы! — тогда на юге Осинский со своими товарищами у ж е п р о в о з г л а с и л с у щ е с т в о в а н и е т а к о г о к о м и т е т а: в Киеве, о т 23 ф е в р а л я,

после покушения на Котляревского, прокламация, расклеенная по этому поводу, была подписана: «Исполнительный Комитет», а внизу стояла эмблема — скрещенные револьвер и кинжал. В № 2-3 «Листка Земли и Воли» от 16 марта помещено объявление «И. К.» о шпионе Баталине, а в № 4 «Листка» от 3 апреля — объявление «И. К.» о шпионе Агафонове. Итак, никакого пророчества не было.

Во второй раз Михайловский сошел с легального пути, за который держался со времени письма Лаврову в 1873 г.: после целого ряда террористических актов и вооруженных сопротивлений в Харькове, Киеве, Одессе, Москве и Петербурге, волновавших Россию весь 1878 и начало 1879 г., он снова был настолько захвачен революционным подъемом, что народившаяся партия «Народная Воля» могла вовлечь его в свою орбиту. «Я любовался вами», писал он в первом политическом письме социалиста Гроньяра. Это выражение: «я любовался»— выражение зрителя, стоящего в стороне, и это вполне соответствует положению Михайловского. Он стоял вдали и любовался. Но тот, кто стоит в стороне и любуется— разве может быть вдохновителем? Не революционеры любовались им, а он любовался ими. Не он вдохновлял их, а они вдохновляли его. Как в первый, так и во второй раз Михайловский был увлечен революционерами, людьми, взявшимися за оружие, чтоб бороться не на живот, а на смерть с самодержавием, во имя политической свободы.

И не показательны ли факты: вовлеченный в подпольную народовольческую журналистику, Михайловский продолжает свое участие в ней только до тех пор, пока деятельность Исп. Комитета идет по восходящей... 24 февраля 1881 г. выходит № 5 «Народной Воли». Происходит 1-е марта. Одного за другим арестуют членов Исп. Комитета... Нет ни Михайлова, ни Баранникова, ни Желябова и Перовской, нет Тригони, Кибальчича, Фроленко, Колодкевича, Исаева; 17 марта арестуют Иванчина-Писарева[1]... Блеск организации померк... После 1 марта и, как видно, после ареста Иванчина-Писарева, в вечер заседания редакции «Народной Воли», пишет мне (1/X 1929 г.) А. П. Корба, «присутствовали только трое нас, редакторов: Ник. Конст,, Тихомиров и я. Против ожидания заседание вышло совершенно бесцветное и вялое. Я и сама не знаю причины таких отрицательных качеств нашего собрания; м[ожет] быть, она лежала в тяжких потерях, которые только что перенесла партия и от которых еще не оправилась. Все время прошло в чтении

[1] Который, по правде сказать, один был близок с Михайловским.

имевшегося материала, принесенного с собой Тихомировым. Высказывались мнения о прочитанном, вносили изменения или поправки и проч., и когда чтение кончилось, то собрание тотчас кончилось, все встали с своих мест, распрощались и разошлись».

И с тех пор — увы! — уж не собирались. В апреле Тихомиров был уже в Москве, куда с этого времени был перенесен центр. С этим перенесением все сношения с Михайловским прекращаются, и почему-то никто об этом ничего не говорил [1]; теперь меня это даже удивляет — как будто отсутствия Михайловского не заметили! А ведь из Москвы в Петербург рукой подать; да в Петербурге постоянно жил кто-нибудь из Комитета. Не говоря уже о Златопольском и Корба, туда был послан Теллалов. Там периодически жили: доктор Мартынов, Стефанович, А. Буланов, Грачевский. И, конечно, если не редактировать, то сотрудничать в «Народной Воле» Михайловский мог. Но в Москве вышел № 6, вышел № 7, вышел № 8-9 и почти целиком составленное Лебедевым «Прибавление к № 8-9»... Но Михайловский молчал. Он замолчал, когда то окружение, которое было раньше, которое привлекало его к подпольной журналистике и все время стимулировало не столько своими редакционными заседаниями, сколько громкими блестящими д е л а м и, потрясавшими общественное мнение всех стран, исчезло... Еслиб он отдавался революции в е с ь, то в катастрофический момент напряг бы свои силы, чтоб помочь, поддержать... но он не сделал этого. Что же говорить о вдохновляющем и руководящем влиянии? Революционное дело пошатнулось, неудачи шли за неудачами... реакция правительственная, реакция в обществе, всеми тогда отмеченная... движение шло по нисходящей. И Михайловский стушевался, отошел: ему некем было любоваться, не стало людей и актов, которые раньше одушевляли его.

Будем благодарны и за то, что он сделал, когда пути наши, хотя бы на момент, скрестились...

Кузьмин называет Михайловского руководителем «Народной Воли». Был ли Михайловский руководителем? Мог ли быть им? Шел ли он впереди, шел ли шаг в шаг или отставал от нее?

В области экономики, по самому главному тогда вопросу о земле, Михайловский, как явствует из письма 2-го Гроньяра, удовлетворялся американским законом Homestead law, по которому, как известно, каждый гражданин имеет право получить на известных условиях участок земли. Этими условиями были: уплата небольшой сумы денег, обработка участка в определенный срок и — если не ошибаюсь — обнесение участка изгородью. По

---

[1] Я была в Москве в апреле, а потом в ноябре 1881 г.

исполнении всех этих условий участок переходил в полную собственность взявшего его; он мог распоряжаться участком, как всякий частный собственник: продавать, закладывать, передавать по наследству и пр. Никогда «Народная Воля» не пошла бы на это. Она считала необходимой полную отмену частной собственности и провозглашала в своей программе принадлежность всей земли всему народу на трудовом начале и принципе социализации. В области политической он разделял взгляды «Народной Воли», признавал, как и она, необходимость низвержения самодержавия и борьбы за политическую свободу. Вместе с ней он стремился к замене самодержавного строя народным представительством. Но в своих двух политических письмах он обращался с полемикой не к «Народной Воле», а к отсталым элементам революционной среды. Это им он говорил, что они боятся слов, боятся собственной мысли и, совершая политические убийства агентов самодержавной власти, говорят, что это лишь акты «самозащиты», боясь назвать их актами политической борьбы, какими они являются по существу. «Лично мне политическая борьба представляется совсем в иных формах», говорит он по поводу террористических выступлений; однако, какие это средства — не указывает. Приглашая в первом своем письме бить по обеим головам хищной птицы, т.-е. как по самодержавию, так и по буржуазии, он опять-таки не указывает каких-нибудь новых средств борьбы с последней. В этом отношении он следует основной концепции «Народной Воли», что государственная власть является главным фактором экономической эксплоатации народа, как непосредственно, путем всей налоговой системы, так и посредственно, предоставляя культурным хищникам и некультурным «чумазым», под прикрытием «изъеденной молью» порфиры самодержца, выкачивать из населения не только все возможное, но и сверхвозможное. Сорвать с головы орла корону и вместе с ней и порфиру, укрывающую экономических паразитов, — вот к чему призывала «Народная Воля». И этому вторил Михайловский, говоря о двух железных клювах хищной птицы. Да, он предлагал нечто: он звал «Народную Волю» к союзу с либералами и сожалел о том, что партия оставила девиз «Земля и Воля». «Одной половиной его — «Волей» — вы примыкаете ко всем уважающим себя людям, которым ненавистно самовластие, — говорил он,—другая половина — «Земля» — выделяет вас из общего либерального хора. Глубокий политический смысл заключается в этой двойственной формуле: воля — всем, земля — земледельцу». «Избирая себе девиз «Земля и Воля», вы повинуетесь не только народным идеалам и голосу высшей спра-

ведливости, но и практическим требованиям истинного, непризрачного осуществления самой воли». В документе «Подготовительная работа партии» «Народная Воля», говоря о заговоре, указывала на необходимость поддержки со стороны городских рабочих и войска, а в программе—о приобретении себе сознательных сторонников в наиболее выдающейся части крестьянства. Михайловский в народное восстание не верит [1]. О поддержке указных элементов не говорит. Он призывает к союзу с либералами. Под ними он, видимо, подразумевает ту тонкую прослойку интеллигенции, которая состоит из литераторов, адвокатов, некоторого количества передовых земцев. Он говорит: «не вы к ним придете, но они к вам». Ну, и пришли... Вот иллюстрация из письма Н. Буха ко мне от 25 августа 1929 г.

«В конце мая 1879 г., когда члены и типографские работники газеты «Начало» уже почти все рассеялись по разным концам России, а в Петербурге оставались только я и брат Лев [2], я встретил Эртеля, сделавшего мне странное предложение. Он сказал, что в Петербурге организовался кружок литераторов, рассчитывающий издавать подпольно либеральную газету, и, обещая большие денежные средства, предлагает печатать эту газету в П. В. Т. [3]. Я, конечно, отказался от этого предложения, но сказал, что если этот кружок даст средства и своих печатников, то мы поможем им устроить свою типографию. На это Эртель мне ответил: «Кто же будет у них работать в типографии? Князь Васильчиков? Средства он может дать, писать будет, но согласитесь, что работать в типографии он не может». На этом и закончился наш разговор».

Нужны были целые 20 лет, чтобы либералы сколько-нибудь сплотились, нашли бы себе редактора в лице П. Струве, дали бы 30 тыс. р. [4] и, в пределах недосягаемости, за границей стали издавать свой орган «Освобождение», распространяя его по большим городам через своих сочувствующих. Только тогда, перед революцией 1905 г., революционные партии имели в Париже совещание с ними по вопросу «борьбы с самодержавием» [5].

«Освобожденцы» вылупились в конституционно-демократическую партию, в кадетов, и история показала, как они охотно отдавали или готовы были отдать «землицу»... по формуле «Земля и Воля». По условиям экономического состояния России

---

[1] Письмо первое.
[2] Занимавший довольно видное место в министерстве финансов.
[3] Петербургской Вольной Типографии.
[4] Эту цифру называл мне прис. пов. С. А. Балавинский (в 1916 г.).
[5] Присутствовал и Азеф.

и согласно господствующим понятиям того времени Михайловский, как и «Народная Воля», не стоял на классовой точке зрения. Но теоретически, на Воронежском съезде, на вопрос Желябова, на кого мы думаем опереться: на либеральную буржуазию или на массу? присутствующие без колебания отвечали: на массы. А практически, поскольку хватало сил, мы искали эти массы в городских рабочих и в командующем слое войска, которое в то время одно обладало организованной материальной силой. А по отношению либералов мы были проницательнее и практичнее Михайловского, в обоих своих письмах говорившего о союзе с ними. И это естественно и понятно. По своим конспиративным делам, часто нуждаясь в разного рода услугах со стороны лиц, имеющих какое-нибудь общественное положение, нелегальные члены организации на практике знали, до какого предела эти лица идут или могут итти на рискованное дело, бывшее для нас самих обычным порядком дня. И их опыт был скорее отрицательным. Таким образом, Михайловский не играл роли ни «вдохновителя» «Народной Воли», ни «руководителя» ее. Боевое движение 1878 г. и выступление «Народной Воли» на борьбу с самодержавием, выступление, сконцентрировавшее и ясно сформулировавшее революционные стремления той эпохи, вдохновило его, и он шел рядом с ней, но на более умеренной почве (Homestead law либералы), можно сказать даже отставая от нее, но никак уж не впереди и не в качестве «руководителя» движения.

В своих «Воспоминаниях о Н. К. Михайловском», уже цитированных мной, на стр. 166-й Писарев пишет:

«Содействие Николая Константиновича развитию идей политической свободы сказалось и в его плане пользоваться систематически легальными журналами. В «Отечественных Записках» он брал на себя эту роль; в «Дело» вошел Л. А. Тихомиров и писал там под псевдонимом «И. Кольцов», а я попал с Кибальчичем в артельный журнал «Русское Богатство» и в «Слово», где работал вместе с Тихомировым до 17 марта 1881 года, когда был арестован».

Кузьмин излагает этот отрывок в форме гораздо более значительной [1]:

«Установлению тесной связи между легальными и нелегальными писателями Ми-

---

[1] Гл. I, раздел 4-й.

хайловский придавал очень крупное значение (такой фразы у Писарева нет) и он даже выработал тогда целый план (Писарев опять-таки не говорит таких веских слов, как выработал и притом целый план), как говорит Писарев, систематического использования с революционными целями (опять-таки прибавочка) легальных журналов. Это должно было достигаться путем введения во все тогдашние крупные печатные органы своих людей». Всей этой фразы у Писарева нет.

Пусть читатель сравнит эти две цитаты: из воспоминаний Писарева и из работы Кузьмина. Простые слова Писарева раздуваются Кузьминым в нечто очень большое... Между тем «план», по Писареву, всего-на-всего сводился на то, что Михайловский брался способствовать развитию идей политической свободы в «Отечественных Записках»; в «Дело» вошел Л. А. Тихомиров и писал под псевдонимом «И. Кольцов», «а я,— говорит Писарев, — попал с Кибальчичем в артельный журнал «Русское Богатство» и в «Слово», где работал вместе с Тихомировым» и т. д.

Очень хорошо, что Михайловский брал на себя задачу «развивать идеи политической свободы» — значит, раньше он этого не делал. Кибальчич и Писарев в журнале «Русское Богатство» если и брались за это же, то этого никто не заметил: ни тот, ни другой ни в «Русском Богатстве», ни в «Слове» не написали ничего сколько-нибудь значительного. «Русское Богатство» того времени был захудалым журналом, в котором главенствовали хорошие люди, но неталантливые писатели — муж и жена Бажины, и журнал публика насмешливо звала «Русская Бедность, а не «Русское Богатство».

Один только Тихомиров проявил себя в названных двух толстых журналах блестящим публицистом: о нем говорили, его статьи отмечали.

Привлечение Кибальчича в легальные журналы Михайловским уже само по себе, по словам Кузьмина, имело большое значение... Но беда-то в том, что Кузьмин не заглянул в прошлое: Михайловский и не думал привлекать Кибальчича в легальную литературную работу — он сам вошел в нее еще весной 1879 г. Н. Бух в своих воспоминаниях [1] рассказывает, что в период издания нелегального «Начала», на квартире Головина (одного из основателей этой газеты), Кибальчич сидел, заваленный «целой кипой французских, немецких, английских газет,

---

[1] Н. К. Бух. Воспоминания. Изд. политкаторжан. М. 1928 стр. 189.

служивших ему сырым материалом при составлении иностранного отдела для той же газеты, в которой служил сторожем рабочий». Название газеты Н. Бух забыл.

Кстати сказать, взаимодействие легальных и нелегальных писателей и участие первых в подпольной прессе, не обращаясь к далекому прошлому, существовало уже в период «Начала» и «Земли и Воли». В «Начало» в число редакторов был привлечен Засодимский, давший в № 2 статью «Бойня 31-го марта» — рассказ об уличной демонстрации после оправдания Засулич, а в апреле сам Николай Константинович дал в типографию «Начала» свой «Листок № 1». В газету «Земля и Воля», № 5, вторую статью — «Заметка по поводу государственной росписи на 1879 г». — дал Головачев, автор известной ходовой книги «Десять лет реформ» [1]. А материал для иностранной хроники доставлял Протопопов-Морозов [2]. А из нелегальных лиц в периодической печати в тот период, кроме Кибальчича, участвовал Клеменц (по словам Н. Буха), обозначая газету, в которой сотрудничал, нелестным словом. Каблиц под псевдонимом «Юзов» писал очень много в «Неделе» на революционные темы. Раньше Клеменц и Кравчинский сотрудничали в журнале «Знание» при редакторах Карапчевском и Гольсмите и т. д.

Другой пример перелицовки текста Писарева мной приведен по поводу собственных работ Писарева и передовой статьи Тихомирова в № 1 «Народной Воли».

Кузьмин обижается, что «по общему представлению, получившему право гражданства, Тихомиров является едва ли не единственным постоянным редактором «Народной Воли», ответственным политически за все ведение этой газеты». С своей стороны, он приписывает эту роль Н. К. Михайловскому. Из предыдущих глав видно, что Кузьмин, в противность свидетельству Морозова, утверждает, что «вся программная часть первых трех номеров «Народной Воли» была фактически проредактирована Михайловским, так что он является едва ли не более, чем другие, ответственным за нее не только литературно, но и политически».

«Человек такого масштаба и таких дарований, как Михайловский, не мог не оказывать на них того или другого влияния, перелагая тем самым на самого себя бремя (не славу

---

[1] Первая статья того же названия была написана Л. Бух (в № 4 „Земли и Воли“).

[2] „Восп.“ Н. Буха, стр. 190.

ли? . *ВФ.*) политической и литературной ответственности за их совместную работу». Наконец: «Замечательная особенность Михайловского, как сотрудника, если не как редактора «Народной Воли», состояла еще в том, что в отличие от других руководителей он оставался почти до самого конца в тесном общении с нею» [1]. «Установилась как бы традиция у русских революционеров народовольческого толка [2],—говорит он, — все они, как только основывали свободный печатный орган или даже только приступали к его основанию, обязательно обращались к Михайловскому за содействием, сотрудничеством или по меньшей мере за советом. После «Народной Воли» так было с «Самоуправлением». После «Самоуправления» — с группой народовольцев начала 90-х годов. После них — с «Народным Правом». После «Народного Права» в 96 г. — с народовольцами по Лахтинской типографии». Да! все эти организации обращались к Михайловскому и он обещал им сотрудничество. Но ни одной из них не дал ни одной статьи, кроме «Самоуправления», которому он дал в №№ 3-м и 4-м, которые печатались за границей, статьи. Одна — о крушении царского поезда в Борках, другая — о ренегатстве Л. Тихомирова.

С какой же поры «обещать и не исполнять» ставится в кредит человеку? До сих пор это не считалось заслугой...

Любопытно посмотреть, что показывают факты, и выдерживает ли Михайловский, как редактор и как сотрудник «Народной Воли», сравнение с Тихомировым в том и в другом отношении.

Редактором «Н. В.» Михайловский сделался к лету 1880 г., когда временная типография на Подольской, № 11, могла приступить к работе.

Продолжалась его редакторская деятельность до перенесения партийного центра из Петербурга в Москву в апреле 1881 г. Таким образом, она охватывает период несколько менее одного года, и при нем вышли: №№ 1, 2 и 3 «Листка Народной Воли» и №№ 4 и 5 «Народной Воли».

Как продолжительна была редакторская работа Тихомирова?

В редакторы он был избран Исполнительным Комитетом, тотчас же после того как он конституировался — в августе—сентябре 1879 г., и редакторская деятельность его продолжалась в Петербурге до апреля 1881 г. и далее в Москве до декабря того же года включительно, т.-е. два с половиною года. Другими словами, все время существования Исп. Комитета, так как первые месяцы 1882 г., когда вышел

---

[1] Гл. IV, раздел 4-й.

[2] Гл. IV, разд. 4-й.

№8-9 и прибавление к нему, были месяцами полного разгрома Москвы и бегства из нее всех, кто только мог.

При Тихомирове, как редакторе, вышли: №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7 «Народной Воли», №№ 1, 2, 3 «Листка Народной Воли» (1880 г.) и «Листок Народной Воли» июля 1881 г.

Посмотрим теперь сотрудничество Михайловского и сотрудничество в «Народной Воле» Тихомирова.

Михайловский дал «Народной Воле» первое и второе политическое письмо: в № 2 (1879 г.) и в № 3 «Народной Воли» (1880 г.) и две статьи о Лорис-Меликове в №№ 2 и 3 «Листка Н. В.» (1880 г.).

Вот все. Во весь 1881-й год он не дал ничего.

Во весь 1882-й год — ничего.

В 1883 г., когда выходили: «Листок Народной Воли» № 1, Приложение к № 1 «Листка Н. В.» и «Листок Народной Воли» № 2, изданные Кривенко (20 июля — октябрь 1883 г.), Михайловский писал, как сообщает Кузьмину (и мне предположительно) Шебалин; но, если при таком знании слога и манеры писать, каким обладает Кузьмин относительно Михайловского, он не решается совершенно определенно указать, что именно в этих «Листках» вышло из-под пера Николая Константиновича, то вопрос о его авторстве в них можно считать открытым.

После № 8-9 «Народной Воли», вышедшего 5 февраля 1882 г., газета не выходила ни в течение этого года, ни в 1883, ни в 1884 году до сентября месяца, когда под главенством Г. Лопатина вышел № 10.

В этом номере появилась статья Михайловского о закрытии «Отечественных Записок», этого действительного, а не мнимого «детища» его» [1].

Признавая, что сотрудничество Михайловского количественно было незначительно, Кузьмин находит объяснение этому в том, что Николай Константинович хотел дать простор молодым силам. Напрасно он делал это: молодые силы были бы очень рады статьям блестящего публициста легальной прессы, и у них оставалось бы больше времени для другой революционной работы, и А. П. Корба не сказала бы тогда (в своей автобиографии в Энциклоп. словаре Граната), что Михайловский писал в «Народной Воле» скорее как «любитель»...

Обратимся к сотрудничеству Тихомирова: посмотрим, много ли, мало ли он писал в «Народной Воле».

---

[1] Кузьмин в своем труде говорит, что Михайловский относился к „Народной Воле“, как к „детищу“ своему.

Его передовые статьи известны; они помещены: в № 1, № 2 (1879 г.); в №№ 3, 4 (в 1880 г.); в №№ 5, 6, 7 (1881 г.), т.-е. во в с е х номерах с основания органа и до февраля 1882 г., причем в некоторых номерах помещено по две статьи (во 2-м, в 3-м, в 5-м и в 6-м).

Наконец, когда выходит № 10 «Народной Воли», на ряду со статьей Михайловского о закрытии «Отечественных Записок», есть и статья Тихомирова, присланная из-за границы.

Кузьмин ставит Михайловскому в заслугу, что к нему обращались после «Народной Воли» все организации вплоть до Лахтинской типографии, прося о сотрудничестве или поддержке, и он обещал, хотя, кроме одной, для других ничего не сделал, а когда речь идет об участии Тихомирова в заграничной революционной прессе, он заявлет: «это статья особая», и на этом умолкает. А между тем, этот человек, принужденный оставить родину и потерявший решительно всех друзей и близких, с которыми делил одну участь со времени выхода из крепости в 1878 году и до 1882 г., человек без средств, среди тяжелой обстановки эмиграции, человек с обнаженными нервами и разоренной душой, издавал революционный «Вестник Народной Воли» (в 1884 г.), издал «Календарь Народной Воли», редактировал или сотрудничал в небольшом издании «На родине», в котором напечатал автобиографическую записку Александра Михайлова (с примеч.), подобную же записку Андрея Желябова и т. д. [1].

Нет, не одной мерой меряются те, о которых пишет автор исследовательской работы, предлагаемой русской читающей публике!..

Считая доказанным, что Тихомиров и литературно, и политически был несамостоятелен, Кузьмин говорит [2]: «Тот, кто не был вполне самостоятелен литературно и политически, не может быть и о т в е т с т в е н н ы м за свои произведения и за свои поступки: о т в е т с т в е н н о с т ь политическую или литературную должны, очевидно, в этом случае нести другие. Это применимо даже к таким случаям, где авторская самостоятельность Тихомирова казалась бы полной и неоспоримой, как, напр., к тому «Письму к Александру III», о котором не раз упоминалось нами

---

[1] Я не имею полных сведений о всех его литературных работах в революционной прессе за границей и упоминаю лишь о том, что мне попадалось.

[2] Глава V, раздел 3-й.

выше. В разговоре с Бурцевым (в 1906 году) Тихомиров сказал, что все это письмо написал он, а что Михайловский только прослушал его и внес в него несколько отдельных замечаний [1], но в общем был вполне доволен письмом.

Но даже это сообщение самого Тихомирова означало, что редакционную ответственность в данном случае нес за это письмо не он, а тот, кто его прослушал и вносил пусть даже незначительные изменения». (Здесь: замечания Кузьмин уже заменяет словом изменения — кажется, это не одно и то же! — *В. Ф.*).

Далее Кузьмин продолжает: «Для Тихомирова все это во всяком случае очень показательно: он был, как видно из его же слов (но из каких слов! из слов, написанных в период полного распада его духовной личности!.. — *В. Ф.*), хорошим литературным рупором своей эпохи и своей организации. и очень полно и в очень удачной форме выражал ее идеи и стремления. Литературный талант сам по себе в том и заключается, чтоб уметь печатно или письменно говорить за других [2]. И в этом сысле Тихомиров был несомненно крупным литературным представителем «Народной Воли». Но не он является в глазах истории (не в глазах ли Кузьмина? *В. Ф.* Разрядка, как эта, так и дальнейшая — моя) ответственным за свою политическую и литературную деятельность, так как рядом с ним и закрывая его собой стояли две крупнейшие фигуры той эпохи: А. Д. Михайлов [3] и Н. К. Михайловский, руководившие всей его деятельностью и снабжавшие его идеями и фактами. На них и ложится главная тяжесть политической и редакционной ответственности за работу «Народной Воли», как газеты и как партии». (Договорился! *Ф. В.*). Отнимая у Тихомирова ответственность, как политическую, так и литературную, Кузьмин грабит не только Тихомирова, но и Исполнительный Комитет. Это уже действительное «за упокой!» А мы-то, неразумные и наивные, считали до сих пор ответственными себя и литературно, и политически, и морально и с этой ответственностью (не по закону статей таких-то: 279 и пр.) одни шли на эшафот, другие в Алексеевский равелин и в Шлиссельбург... Да в том же заблуждении находилось не только самодержавное правительство, но и все знакомые с историей «Народной Воли».

---

[1] Странно: я всегда слышала, да не я одна, что дело шло о 2—3 стилистических поправках.

[2] Три разрядки Кузьмина.

[3] А. Д. Михайлов тут, должно-быть, уж из приличия поставлен. *В. Ф.*

Жаль, что работа Кузьмина появляется так поздно. Появись она 50 лет тому назад — Михайловский, быть может, был бы в равелине, а мы все в Л ю б а н и... [1].

Нет! Если бы Николай Константинович был жив, он с досадой и негодованием отклонил бы руку, подносящую ему цветы с могилы «Народной Воли».

---

[1] Станция прежней Николаевской жел. дороги, куда Михайловский был выслан из Петербурга в 1883 г.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Агафонов—264.
Агаческулов—см. Кибальчич Н. И.
Азанчевский—208.
Азеф Е.—136, 267.
Аксельрод П. Б.—32, 64, 102, 137, 141, 175, 176, 177, 199, 208.
Александр II—46, 66, 71, 96, 177, 185, 196.
Александр III—53, 54, 57, 60, 61, 86, 90, 91, 93, 97, 113, 144, 157, 165, 167, 170, 171, 184, 193, 198, 273.
Александровский А. Н.—7, 10.
Андреев Н. П.—177.
Анненский Н. Ф.—262.
Антонов П. Л.—48, 177.
Аптекман О. В.—73, 181, 216.
Ашенбреннер М. Ю.—92, 144, 160, 161.

Бажины (муж и жена)—269.
Базилевский — см. Богучарский В. Я.
Бакунин М. А.—73.
Балавинский С. А.—267.
Баранников А. И.—11, 54, 159, 177, 238, 262, 264.
Баранов—165.
Баталин—264.
Бах А. Н.—32, 77, 120, 122, 125, 128, 177, 178, 184, 191, 210.
Белинский Максим—см. Ясинский И. И.
Беранже—35.
Береснев Г.—32.
Бернштейн Эд.—176.
Бобохов С. П.—221, 222.
Бовбельский—159, 161.
Богданович А. В. (жена генерала) — 163, 167, 168.
Богданович Ю. Н.—90, 91, 104, 112, 113, 159, 178, 179, 189, 197, 206. 260, 261, 262.
Богораз (Тан) В. Г.—5, 17, 22, 32, 47, 49, 50, 51, 68, 120, 121, 123, 126, 127, 128, 129, 130, 132, 133, 179, 180, 186, 200, 201, 211, 232.
Богораз-Шебалина П. Ф.—150, 159.
Богородский, смотритель тюрьмы Петропавл. креп.—37, 38.
Богородский Н. Н.—37, 180, 181, 195.
Богучарский В. Я.—5, 39, 42, 44, 63, 65, 100, 139, 147, 154, 214.
Бохановская-Чернявская Г. Ф. — см. Чернявская Г. Ф.
Брокгауз и Эфрон—72.
Буланов А. П.—190, 265.
Буланов Л. П.—21, 36—39, 181, 195, 203, 210.
Буланова-Трубникова О. К.—33, 37—39, 181, 195.
Бурцев В. Л.—89, 90, 97, 151, 274.
Бух Л. К.—217, 218, 222, 257, 267, 270.
Бух Н. К.—9, 10, 11, 20, 27, 33, 34, 36, 37, 46, 51, 72, 181, 182, 191, 192, 195, 198, 200, 217, 218, 226, 234, 238, 257, 267, 269, 270.

В. Я. Б.—см. Богучарский В. Я.
Валк С. Н.—10, 32, 48, 61, 63, 110, 119, 126, 144, 147, 154, 177, 180, 191, 197, 202, 245, 246, 247.
Васильев—224.
Васильев Захар—182, 187.
Васильчиков, князь—267.
Венгеров С. А.—72.
Венцковский—257, 263.
Вересаев—130.
Викторов П. П.—33, 116, 190.
Виташевский—162,
Виттенберг—194, 203.
Волков Н.—см. Майнов И. И.
Вольф М. О.—10, 226, 227.

Гедеоновский А. В.—187.
Гейкинг, барон—161.
Геккельман-Ландезен—161, 199,

Головин—269.
Головина-Юргенсон—178.
Головачев А.—217, 218, 224, 270.
Гольденберг Г.—222.
Гольсмит—270.
Гранат—44, 50, 66, 91, 122, 127, 128, 145, 147, 169, 177, 178, 180, 181, 183, 184, 186, 187, 192, 194, 200, 202, 236, 272.
Грачевский М. Ф.—6, 11, 53, 60, 112, 113, 159, 182, 184, 232, 238, 265.
Гриневич П. Ф.—см. Якубович П. Ф.
Гроньяр—см. Михайловский Н. К.
Грязнова М. В.—186, 234, 257.

Дегаев С. П.—29, 52, 119, 125, 126, 134—150, 154, 156, 157, 182, 185, 191, 196, 199, 210.
Дейч Л. Г.—136, 137, 147, 175, 176, 181, 217.
Дмоховский—162.
Добролюбов Н. А.—15, 26, 85, 152.
Долгорукая, княгиня—45.
Дорошенко А.—см. Кибальчич Н. И.
Достоевский Ф. М.—72.
Драго Н.—178.
Драгоманов—52, 154, 165, 196.
Дрентельн—223, 229.
Дрей М. И.—187.
Дубровин—224.
Дудинский А. Н.—192.
Дюринг—43, 53.

Елисеев Г. З.—14, 15.
Елпатьевский С. Я.—30, 31, 33, 63, 103, 104, 106, 107, 116, 121.
Елько П.—187, 210.

Жебунев В. А.—17, 22, 63, 64, 112, 151, 183, 192, 207, 262.
Жебунев Н. А.—183.
Жебунев С. А.—183.
Желябов А. И.—6, 63, 70, 71, 76, 92, 112—114, 164, 167, 175, 238, 242, 264, 268, 273.
Жуков В.—158.

Заркевич, врач—161.
Заславский Д. О.—139, 154.
Засулич В. И.—72, 176, 178, 270.
Зайчневский—115, 196.
Зеге-фон-Лауренберг В. В.—159, 183.
Зейче—см. Зеге.
Златопольский Савелий—112, 113, 159, 184, 265.
Зубрилов Н. П.—159, 161.
Зунделевич М. („Аркадий“)—10, 238, 248, 257.

И. Б.—139.
И. К.—см. Тихомиров Л. А.
Иванова-Борейша С. А.—182, 184, 192, 200, 234, 238, 248, 257.
Иванов С. А.—120, 144, 178, 184, 210.
Ивановская (Волошенко) П. С.—6, 11, 33, 43, 53, 105, 116, 177, 182, 184—186, 199, 235.
Иванчин-Писарев А. И.—14, 17—20, 23—25, 28, 35, 36, 51, 52, 60, 65—67, 91, 92, 94, 95, 178, 185, 197, 203, 207, 233, 234, 249—253, 256—262, 264, 266, 269, 270.
Иванов-Разумник—198.
Иванюков—190.
Ивашкевич—158.
Избицкие, братья—224.
Ильяшевич И.—156.
Иодке—178.
Иохельсон В.—227.
Исаев Гр. П.—11, 53, 54, 159, 185, 264.

Каблиц (Юзов)—270.
Казнаков—224.
Калюжная М. В.—159, 185, 188.
Калюжный И. В.—159, 185.
Кантор Р. М.—161, 180, 182, 187, 188, 198.
Каракозов Д.—167.
Карапчевский—270.
Караулов В. А.—232.
Каратаев Ив. Гр. (см. Тихомиров),
Карпович П. В.—144, 184.
Катанский—185, 188.
Каутский К.—63, 176.
Квятковская Юлия—248.
Квятковский А. А.—10, 11, 26, 34, 36

44—46, 48, 54, 58, 159, 186, 197, 198, 206, 212, 238, 244, 248, 249, 257.
Кибальчич Н. И.—14, 17, 19, 20, 23, 41—44, 47, 50, 53, 54, 60, 70, 71, 95, 102, 104, 130, 159, 161, 184—186, 207, 235, 264, 268—270.
Клеменц Д. А. — 181, 214, 215, 219, 220, 221, 222, 226—228, 255, 260, 270.
Клейн Л. Г.—158.
Клеточников Н. В.—21, 26, 235.
Климов—139.
Кобозевы (Богданович и Якимова)—46, 177.
Ковалева—186.
Ковальский И. М. —220, 223.
Коган-Бернштейн Л. М.—22.
Коган З. В.—5, 11, 12, 50, 186.
Козьмин Б. П.—200.
Коковский В.—113.
Колодкевич Н. Н. - 236, 238, 264.
Колотилова В. Д.—158.
Кольцов И.—см. Тихомиров Л. А.
Кон Ф. Я.—192.
Корба (Прибылева) А. П.—17, 21, 22, 32, 33, 35, 56, 57, 60, 65, 66, 76, 91, 112, 113, 116, 117, 137, 154, 168, 184, 186, 187, 193, 197, 205, 206, 232, 234 — 237, 248, 250, 264, 265, 272, 273.
Короленко В. Г.—53, 179.
Корш—39.
Костомаров Всевол.—52.
Котляревский—264.
К—ов В. Х—см. Якубович.
Кравчинский С. М.—37, 52, 192, 214, 220, 226, 227, 242, 243, 255, 260, 270.
Кранцфельд Раиса—182, 187.
Крживицкий—73.
Кривенко С. Н.—15, 17, 22, 29, 52, 67, 68, 120, 122, 144, 148, 178, 187, 188, 203, 209, 210, 232, 249, 258, 272.
Кроль М. А.—22, 132, 133, 185, 188.
Кропоткин, губернатор—222.
Кропоткин П. А.—180, 185.
Кротов М. А.—183, 192.
Крылов (Воскресенский) Феофан — 196.
Круковская Л.—26, 215, 219.
Кудряшев—см. Иванчин-Писарев А. И.
Кузнецов П.—158.
Куэьмин Д.—231, 233, 235, 236, 238—241, 244, 246—249, 252—255, 257, 258, 262, 263, 265, 268—270, 272—275.
Кулаков—12.
Кулябко М. П.—188.
Куркин П. И.—30, 31, 33, 101, 106, 191.
Курочкин В. С.—35
Курочкин Н. С.—35.
Лавров П. Л.—73, 108, 114, 127, 137, 141, 165, 176, 183, 188, 193, 210, 211, 264.
Лазарев Е. Е.—144.
Лакиер—см. Морозов Н. А.
Ланганс М. Р.—17, 60, 72, 112, 159, 188, 206, 248, 249, 262.
Ландезен—см. Геккельман.
Лапицкий А. А.—22, 31, 189, 190, 209.
Лебедев В. С.—17, 22, 29, 30, 31, 32, 61—64, 68, 79, 80, 101, 103 — 107, 112, 115—118, 121, 163, 189—191, 198, 207—209, 232, 265.
Левин Ш. М.—214, 215, 219.
Левицкий В. (Цедербаум)—27, 100.
Ленин В. И.—15, 82.
Лешерн М. П.—260—262.
Либрович С. Ф.—10, 226.
Лизогуб Д. А.—207, 212.
Лисянский С. А.—158, 179, 211.
Лифшиц С.—145—147.
Лонгфелло—248.
Лопатин Г. А.—17, 29, 32, 49, 55, 68, 114, 120—130, 132, 141, 146 — 149, 154, 177, 178, 191, 202, 210, 232, 272.
Лорис-Меликов—53, 60, 194, 263, 272.
Лубкин (Абрам, „Птица“) — 36, 159, 191, 192, 198, 234, 257.
Любатович О. С.—21, 45, 46, 59, 182, 192, 194, 195, 203, 204, 242.
Любовец Ел.—159.
Маков—17, 28, 67, 187.
Макаревский А. А.—196.
Макаренко Л.—189.
Малавский—158, 208.
Маркс Карл — 61, 151, 179, 190, 193, 209.
Мартов Л.—15, 63, 73.
Мартынов—104, 112, 265.

Мартынов-Борисевич—161.
Мартыновский С.—227.
Майнов И. И.—22, 116, 192, 193, 200, 208.
Мезенцев—177, 218, 222, 227.
Мельшин Л.—см. Якубович П. Ф.
Мендельсон—178, 210.
Минаков Е. И.—158, 161.
Минский Н. М.—35, 36, 193, 203.
Мирский—26, 204, 212, 229.
Михайлов А. Д. („Дворник")—21, 22, 26, 53, 60, 70, 71, 75—79, 86, 89, 98, 99, 107, 116, 130, 131, 159, 183, 193, 206, 209, 216, 227, 233—238, 242—244, 249, 254, 255, 257, 262, 264, 274.
Михайлов А. Ф.—33, 36, 37, 181, 183, 195.
Михайловский Н. К.—14, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 25, 42, 43, 51—53, 59—61, 65—75, 77—79, 81—98, 102, 120, 122, 124, 125, 130, 131, 151—153, 185, 193, 194, 197, 204—206, 210, 231—233, 238, 249—260, 262—275.
Мицкевич С. И.—63, 100, 110.
Мозговой—39.
Монкуси Оливе—223.
Морейнис М. А.—194.
Морейнис-Муратова Ф. А.—194.
Морозов Н. А.—17, 21, 22, 25—28, 33—36, 41, 43—48, 56, 59—61, 64, 68, 70, 77, 86, 130, 166, 167, 183, 186, 192, 194—198, 203—205, 212, 214, 215, 219—230, 232—235, 237—241, 243—252, 255, 257, 260, 270.
Муравский (Отец Митрофан)—163.
Мышкин И. Н.—257.

Набоков, мин. юст.—165.
Натансон М. А.—105.
Невский В. И.—65, 175, 216.
Некрасов Н. А.—223.
Неустроев К. Г.—181, 210.
Нечаев С. Г.—162.
Николаевский Борис—144.
Новорусский М. В.—92.

Оберучев К.—202.
Оболешев-Сабуров А. Д.—21, 36—39, 159, 167, 195.
Овчинников М.—203.
Окладский Т.—235.
Оловенникова М. Н.—см. Ошанина М. Н.
Ольхин А. А.—218, 220.
Оржешко Э.—153.
Оржих Б. Д.—12, 120, 130, 132, 179, 188, 195, 200, 211, 232.
Орлов—189.
Орлов П.—158.
Осинская А.А.—22, 59, 159, 195, 196, 204.
Осинский В. А.—12, 22, 59, 184, 194, 196, 204, 224, 263.
Остроумов—198.
Ошанина М. Н.—64, 104, 105, 107—112, 114—118, 137, 141, 145—147, 169, 177, 178, 182, 183, 186, 190, 196, 232, 238.

П. В. Т.—267.
„П. К."—см. Куркин.
„П. Я."—см. Якубович П. Ф.
Павлов—158, 161.
Переляев—48, 49, 158, 161, 196, 202.
Перетц Е. А., сенатор—165, 166.
Перовская С. Л.—70, 71, 112, 164, 166, 238, 264.
Петров—210.
Плеханов Г. В.—22, 25, 42, 44, 100, 110, 136—138, 140—142, 145—147, 154, 176, 177, 196, 204, 214—216, 220—222, 226—228, 236, 237, 250, 255.
Плеханова Р. М.—33.
Пирожков, издатель—36, 193.
Писарев А. И.—см. Иванчин-Писарев.
Писарев Д. И.—85.
Плеве В. К.—52, 184.
Победоносцев К. П.—144, 163, 165, 167.
Подбельский П. П.—22.
Поливанов П. С.—192, 193.
Полонская М. Н.—см. Ошанина.
Поляков М.—198.
Попко Г.—158, 161.
Поплавский А. П., типограф—5.
Попов—158.
Попов И. И.—68, 122, 125, 126, 194.
Попов Макар—122.
Попов М. Р.—92, 250, 257.
Попова—189.

Преображенский Г. А. („Юрист“, „Ю“) —217, 221.
Пресняков А.—248.
Прибылев А. В. — 33, 117, 137, 175, 182, 186.
Пришибины—см. Грачевский, Ивановская.
Протопопов-Морозов—270.

„Р“—см. Романенко Г. Г.
Ракитникова И. И.—181.
Рачковский П. И.—27, 194, 203.
Рейнштейн Н. В.—222.
Рогачев Н. М.—158, 161.
Романенко Г. Г.—17, 32, 61, 63, 64, 151, 152, 154, 156, 196, 207, 245.
Русанов Н. С.—19, 77, 83, 85, 95, 96, 108, 115, 140, 147, 233, 239, 246, 254.
Рындин—50.
Рысаков Н. И.—163, 197.
Рязанов З. И.—см. Зеге.

Саблин Н. А. — 34, 35, 159, 178, 197, 206, 260.
Сабуров—см. Оболешев А. Д.
Сажин М. П.—162, 163.
Сажина-Фигнер Е. Н. — 33, 197, 198, 248, 260, 261.
Салова Н. М.—33, 49, 122, 123, 125, 126, 140, 146, 147.
Салтыков-Щедрин М.—151, 153, 198.
Самарские-Быховец (муж и жена)—20.
Самойлов—см. Кибальчич Н. И.
Саратовец—см. Майнов И. И.
Светлова В. Н.—145.
Семеко- Максимович—59, 194, 204.
„Семен“—см. Баранников.
Сентятин—224.
Сергеева Е. Д. (жена Тихомирова) — 92, 238, 256, 262.
Серебряков Э. А.—109, 110.
Сигида Аким Ст.—159, 198.
Сигида Н. К.—159, 185, 198.
Синегуб С. С.—169.
Скабичевский—249, 258.
Смирницкая—185.
Соколов („Ирод“)—39.
Соловьев А. К. — 66, 167, 178, 260, 261, 262.
Спандони А. А.—185.
„Старик“—см. Тихомиров Л. А.
Стародворский Н. П.—187.
Степанов Е. Д.—22, 182, 199, 211.
Степняк—см. Кравчинский С. М.
Стефанович Я. В.—112, 137, 157, 175, 259, 265.
Строгонов, гр.—165.
Струве П. Б.—267.
Судейкин—29, 119, 120, 134—149, 179, 182, 183, 187, 210, 211.
Сурин К. М.—158.
Суровцев Д. Я.—119, 186, 199.
Суханов Н. Е.—144.
Сухомлин В. И.—146, 147.

„Т.“—см. Тихомиров Л. А.
Тан—см. Богораз В. Г.
Теллалов—104, 112, 113, 115, 265.
Теодорович И. А.—7, 27, 43, 44, 59, 63, 113.
Терентьева Л. Д.—11, 159, 199, 235.
Тиличеев Ю. Д.—22, 132, 199, 211.
Тихомиров Л. А.—9, 17, 19, 24, 25, 27, 32, 44, 51, 53, 55—64, 67, 68, 70, 71, 74—97, 100, 102, 105, 108, 113, 115, 117, 120, 122, 125, 126, 128, 135—143, 145 — 149, 163, 166, 168 — 170, 175, 176, 178, 182, 183, 190, 191, 193, 199, 203 — 208, 210, 212, 214 — 217, 223, 226, 228, 229, 231—234, 237, 238, 240—248, 250—256, 258, 262—265, 268—274.
Ткачев—245, 246, 247, 249.
Толстой Дм., граф—180, 198.
Толстой Л. Н.—160.
Томилова Е. Х.—192.
Тринидатская (Станилоза) Е. М.—160, 200.
Тригони М. Н.—264.
Троицкий М. П.—22, 192, 200, 207.
Трусевич—200.
Туган-Барановский М. И.—130.
Тун—178.
Турский—245, 246.
Тютчев Н. С.—195, 215.

Ульянов—см. Ленин В. И.
Усова С. Е.—29, 148, 232.
Успенский Г. И.—185.

Федорова У. Н.—200.
Федоровский—12, 22, 130, 192, 208.
Фигнер В. Н.—33, 52, 76, 90—92, 104, 105, 107, 109, 112, 117, 135, 137, 142, 145—148, 168—170, 177—179, 182, 183, 185, 191, 193, 196, 198, 199, 234, 237.
Фигнер-Флоровская О. Н.—248.
Филиппов А. А.—181.
Фомин—202, 222, 223.
Фроленко М. Ф.— 56, 75—77, 85, 92, 238, 242—244, 264.
Фукс, предс. суда—165, 166.

Халтурин Ст. Н.—47, 186.
Хитрово—см. Морозов Н. А. и Любатович О.

Царевский—158.
Цейтлин А. Р.—188.
Цитович—221.
Цицианов—158.
Цукерман Л. И.—160, 200, 234.

Чайковский Н. В.—243.
Чернов В. М.—181.
Чернышев—см. Квятковский А. А.
Чернышевский Н. Г.—15, 52, 53, 152.
Чернявская-Бохановская Г. Ф. — 33, 137, 140, 141, 146, 147, 177, 183 — 186, 200, 202.
Чингиз-Хан—160, 170.
Чубаров—161.

Шебалин М. П.—33, 92, 145, 146, 148—151, 156, 180, 182, 194, 199, 200, 272.
Шебеко, генерал—9, 10, 44, 49, 52, 56, 187.
Шехтер А. Н.—11, 120, 196.
Шилов А. А.—123, 147—149, 183, 187, 191, 198.
Шильбах, домовладелец—184.
Ширяев Ст. Г.—238, 248.
Шишко Л. Э.—136, 140, 141, 147, 178.
Шкряба—210.
Штернберг Л. Я.—17, 22, 32, 68, 120, 130, 132, 133, 188, 201, 211, 232.
Штромберг А. П.—158, 161.

Щеголев П. Е.—136, 167.

Эльцина-Зак М.—35, 197.
Энгельс Фр.—61, 193, 201, 209.
Эртель—267.

Ювеналъев А. П.—192
Южаков С. Н.—182.
Юрковский Ф. Н.—158.

„Я“—см. Ясинский И. И.
Якимова-Диковская А. В. — 33, 116, 183, 238.
Якубович (Мельшии) П. Ф. — 22, 29, 34, 47—51, 120, 149, 201, 202, 207, 210.
Ясинский И. И.—19, 20, 34, 35.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От автора 5

Глава I

Народовольческая журналистика и ее изучение.

1. Газета „Народная Воля“ в цифрах 7
2. Цифровой учет литературного материала 12
3. Анонимность народовольческой журналистики 14
4. Роль сотрудников „Народной Воли“ в легальной журналистике . . 18
5. Авторы информационных сообщений 21

Глава II

Сотрудники.

1. Основные методы работы 24
2. Статьи и пометки В. С. Лебедева 29
3. Показания современников как библиографический материал . . . 33
4. Выводы 40

Глава III

По каким принципам составлялся „Алфавит сотрудников“.

1. Статья Н. И. Кибальчича и „Хроника“ Н. А. Морозова 41
2. П. Ф. Якубович и В. Г. Богораз в роли типографских работников 47
3. За совместной работой 51

Глава IV

Редакторы.

1. Лев Тихомиров 55
2. Н. А. Морозов 58
3. В. С. Лебедев 61
4. Н. К. Михайловский 65

Глава V

Кто был ответственным редактором?

1. А. Д. Михайлов—Лев Тихомиров—Н. К. Михайловский 70
2. Источники Тихомировской публицистики 79
3. Тихомиров *и* Михайловский в их взаимных отношениях 89
4. Роль Михайловского в литературной деятельности Тихомирова . . 92
5. Н. С. Русанов о Льве Тихомирове 95

Глава VI

Якобинские тенденции в народовольческой журналистике

1. Народовольческая журналистика в московский период 99
2. Передовая статья в № 8-9 „Народной Воли“ 101
3. М. Н. Ошанина о народниках и якобинцах в Исполнительном Комитете. 107
4. Статья в № 8-9 и М. Н. Ошанина 114

Глава VII

Параллели и контрасты.

1. Еще раз о показаниях современников как библиографическом материале 119
2. Литературная судьба Г. А. Лопатина 123
3. Публицист эпохи революционного упадка 126
4. К характеристике личного состава народовольческой журналистики . 130

Глава VIII

Дегаев и Судейкин как „сотрудники“ газеты „Народная Воля“.

1. К истории русской социал-демократии 134
2. Легенды Тихомирова о „Народной Воле“ 139
3. „Летучий листок“ 1883 г. и Дегаевв“ 143
4. Статьи об антиеврейских беспорядках 149

Глава IX

Мартиролог и последние итоги.

1. Русское самодержавие и русские революционеры 157
2. Об ошибках народовольческой информации 160
3. Проблемы „Народной Воли“ 170

ПРИЛОЖЕНИЯ

Алфавит сотрудников „Народной Воли“ 175
Справочник к оглавлению газеты „Народная Воля“ 203
Список произведений, авторы которых не установлены 212
Землевольческая библиография 214
Послесловие В. Н. Фигнер: По поводу исследовательской работы Д. Кузьмина „Народовольческая журналистика“ 231
Именной указатель. 277

Цена 2 р. 70 к.

К 30 5/18

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

1) Правлению Издательства политкаторжан — Москва, ГСП, 10, Лопухинский пер., 5; тел. 3-64-73.
2) Магазину Издательства политкаторжан „Маяк" — Москва - центр, Петровка, 7; тел. 4-18-12 и 3-63-20.